

**ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
ИМ. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ РАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
ИМ. А.Х. ХАЛИКОВА АН РТ**

Э.Д. ЗИЛИВИНСКАЯ

АРХИТЕКТУРА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

ЧАСТЬ II

ГРАЖДАНСКОЕ ЗОДЧЕСТВО

МОСКВА-КАЗАНЬ 2018

**N. N. MIKLUKHO-MAKLAI INSTITUTE
OF ETHNOLOGY AND ANTHROPOLOGY, RAS
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
NAMED AFTER A. KH. KHALIKOV
TATARSTAN ACADEMY OF SCIENCES**

E.D. ZILIVINSKAYA

**THE GOLDEN HORDE
ARCHITECTURE**

PART II

CIVIL MONUMENTS

MOSCOW-KAZAN 2018

УДК 902 (094), 726

Рецензенты

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Отдела Востока Государственного Эрмитажа

М.Г. Крамаровский

доктор исторических наук, профессор, член корр. АН РТ

Ф.Ш. Хузин

доктор исторических наук профессор,
ректор Пензенского института развития образования

Г.Н. Белорыбкин

кандидат исторических наук, зав. Сектором истории материальной
культуры

и древнего искусства народов Центральной Азии ГМИНВ

С.Б. Болелов

Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Часть II. Гражданское зодчество: Монография. Казань: Отечество, 2018. 353 с.

ISBN

Монография посвящена анализу архитектурных памятников золотоордынской эпохи. На примере объектов монументальной архитектуры прослеживается взаимодействие различных традиций в сложении полиэтничной культуры Золотой Орды. В книге рассматриваются такие категории зданий как караван-сарай, рынки, общественные бани, усадебные и дворцовые здания на огромной территории от Поднепровья и Крыма до Поволжья, Приуралья и Средней Азии.

Представляет интерес для историков, археологов, этнографов, студентов и всех, кто интересуется историей.

Подписано в печать 20.12.2018 г.
Форм. бум. 60×84 ¹/₁₆. Печ. л. 20,0. Тираж 500 экз. Заказ №

Издательство «Отечество»
420111, г. Казань, ул. Лево-Булачная, 24

ISBN

© Зиливинская Э.Д., 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
Глава 1. Караван-сарай.....	11
Происхождение, основные линии развития.....	11
Классификация средневековых караван-сараяев.....	24
Караван-сарай в Золотой Орде.....	31
Глава 2. Рынки.....	53
Происхождение, основные линии развития.....	53
Рынки на территории Золотой Орды.....	58
Глава 3. Бани.....	63
Происхождение восточных бань, их устройство и основные линии развития.....	63
Обзор по регионам Золотой Орды.....	70
Техническое устройство золотоордынских бань, их классификация и генезис.....	89
Глава 4. Усадебные дома и дворцовые здания.....	110
Принципы планировки золотоордынских городов.....	110
Обзор усадебных зданий.....	113
Классификация планировки усадебных зданий и их генезис.....	139
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	168
ЛИТЕРАТУРА.....	171
АВСТРАКТ.....	189
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	192
ИЛЛЮСТРАЦИИ.....	193

*Посвящается Поволжской археологической
экспедиции, определившей мою жизнь*

ВВЕДЕНИЕ

Государство Золотая Орда, простиравшееся на огромной территории от Западной Сибири до Приднестровья и от Южного Казахстана и левобережного Хорезма до южных границ Русских княжеств, представляло собой своеобразный исторический феномен. Большая часть населения его жила в степных и лесостепных районах и вела кочевой или полукочевой образ жизни. Тем не менее, в Золотой Орде, особенно в XIV в., было множество городов, яркая самобытная культура которых определяла «лицо» государства.

В традиционно оседлых районах, таких как Южный Казахстан, левобережный Хорезм, Крым и Волжская Болгария, города с развитой инфраструктурой существовали задолго до прихода монголов. На Северном Кавказе существовало множество крупных аланских поселений, которые еще не превратились в настоящие города. В мордовских землях и Пруто-Днестровском междуречье оседлое население проживало в сельской местности, и городов в домонгольский период там не было. Как показали исследования последних десятилетий, в дельте Волги находился крупный городской центр, город Саксин, окруженный небольшими поселениями (Васильев, 1915). Степные и лесостепные пространства Западной Сибири, Западного Казахстана, Волго-Уральского междуречья, Поволжья, Подонья, Приднепровья были заселены кочевниками – кипчаками и половцами.

Традиционно считалось, что монгольское нашествие, в результате которого многие города были сожжены и разграблены, а их население было частично уничтожено, частично угнано в рабство, привело к запустению и упадку городских центров в оседлых районах чуть ли не на столетия. Эта точка зрения основывается на данных исторических источников, многие из которых рисуют поистине апокалиптические картины. Тем не менее, археологические исследования во многом опровергают эти устоявшиеся представления. Так, например, столица Волжской Болгарии, город Биляр, приходит в упадок, зато возвышается и становится столичным центром Болгар. В золотоордынский период Болгар достигает такого расцвета, который был невозможен ранее. В Нижнем Поволжье, на Самосдельском городище (предположительно город Саксин) в слоях XIII в. присутствуют следы мощного пожара, который можно связать с монгольским завоеванием (Васильев, 2011). Однако через очень краткий период город восстанавливается, и продолжает существовать вплоть до затопления в результате трансгрессии Каспийского моря. На развитие городов Крыма монгольское завоевание вообще не оказало существенного влияния.

Довольно устойчивым является основанное на письменных источниках мнение о катастрофических последствиях вторжения монголов в Среднюю Азию и о том, что в результате его большинство городов пришло в длитель-

ный упадок (Абусейтова, 1975). Однако широкомасштабные археологические исследования в ряде городов Южного Казахстана, таких как Отрар, Тараз, Сауран и др. не выявили следов тотальных пожарищ и разрушений. Кроме того, они показали, что в золотоордынское время города быстро возрождаются и продолжают развиваться (Смагулов, 2011. С. 72-79). Войска Джучи захватили столицу Хорезма Ургенч, затопив ее водами Амударьи (Рашид ад-Дин, 1952. С. 214-217). И, хотя большая часть населения была перебитая и угнана в плен, но памятники архитектуры существенно не пострадали (Якубовский, 1930. С. 12-18). В золотоордынское время Хорезм становится одной из самых богатых и процветающих областей Золотой Орды.

Кроме того, в степной зоне уже в 40-е гг. XIII в. по указу хана Бату начинают строиться новые города. Причины этого строительства неоднократно являлись предметом исследования (Егоров, 1973; 1985. С. 75-78; 2000; Федоров-Давыдов, 1994. С. 7-16). Наиболее существенными среди них была необходимость создания административных центров для управления завоеванными территориями, заселенными как оседлым населением, так и кочевниками. Первоначально такими центрами были старые города, такие как Болгар и Ургенч. В них находились чиновники и откупщики, ведающие сбором налогов, большая часть которых шла в Каракорум. Местная кочевая аристократия была оторвана от управления городскими центрами и сельскими поселениями, систематическая эксплуатация перешла в руки Чингисидов.

В XIII в. города в Золотой Орде еще немногочисленны, но в первой половине XIV в. города и более мелкие поселения возникают во всех ее частях, а пустынное в домонгольский период Нижнее Поволжье становится зоной сплошной оседлости. Это связано с градостроительной политикой хана Узбека, а затем, и его сына Джанибека, а также с тем, что во время правления этих ханов Золотая Орда достигла наибольшего могущества. В этот период экономическое и политическое положение государства характеризуется стабильностью, почти не ведутся войны, зато процветают ремесла, торговля и культурная жизнь. Несомненно, рост городов связан и с принятием мусульманства в качестве государственной религии. Этот шаг, во многом инициированный влиятельными слоями хорезмийского купечества (Васильев, 2007. С. 20-23), способствовал дальнейшему притоку в Золотую Орду городского населения из различных мусульманских стран Востока.

Первоначально новые «ханские» города строятся руками рабов-ремесленников, насильственно согнанных из различных стран. Об этом весьма красочно писал Плано Карпини: «Они забирают всех лучших ремесленников и приставляют их ко всем своим делам. Другие же ремесленники платят им дань со своего занятия. Все посеяны они убирают в житницы своих господ; однако те отпускают им семян, а также столько хлеба, сколько им вполне достаточно для продовольствия; другим же каждому они дают на день хлеба на вес, но очень немного, а также не уделяют им ничего другого как

небольшую порцию мяса трижды в неделю. И они делают это только для тех ремесленников, которые пребывают в городах... И говоря кратко, они мало что едят, мало пьют и очень скверно одеваются, если только они не могут что-нибудь заработать в качестве золотых дел мастера и других хороших ремесленников. Но некоторые имеют таких плохих господ, что те им ничего не отпускают и у них нет времени от множества господских дел, чтобы заработать себе что-нибудь, если они не украдут для себя времени, когда, может быть, должны были бы отдыхать или спать, но это могут делать те, кому дозволено иметь жен или собственную ставку. Другие же, которых держат дома в качестве рабов, достойны всяческой жалости» (Путешествия..., 1957. С. 58). В первой половине XIV века при Узбеке и Джанибеке, когда Золотая Орда достигла расцвета и благополучия, строители и ремесленники сопредельных стран могли сами переселяться в золотоордынские города, где всегда была работа, и существовал спрос на их продукцию.

В настоящее время известно более 110 городов и поселений (Егоров, 1985), но разведочные работы последних десятилетий продолжают выявлять все новые и новые поселенческие памятники. Таким образом, государство, основанное кочевниками, основу населения, которого составляли также кочевники, в считанные десятилетия становится «страной городов».

Города Золотой Орды были заселены различными народами, как издревле проживавшими на данной территории, так и пришлыми, переместившимися в результате завоеваний. Империя, созданная монголами-кочевниками, как губка впитывала в себя культурные традиции, технические и научные достижения всех народов, вовлеченных в орбиту экспансии. В результате стала складываться своеобразная и очень яркая культура, основанная на синтезе различных традиций

Полиэтничность и соответственно мультикультурность населения Золотой Орды особенно ярко прослеживается именно в городах, которые были населены строителями, ремесленниками и торговцами из различных стран, в то время как население степей было гораздо более однородным.

Наиболее выразительным воплощением городской культуры являются монументальные постройки, определяющие внешний вид городов. Кроме того, именно объекты архитектуры лучше всего поддаются археологическому изучению. Поэтому исследование монументального зодчества позволяет достаточно полно и достоверно проследить взаимодействие различных традиций в сложении городской культуры Золотой Орды.

В средневековых городах, как Востока, так и Запада наиболее значимыми и репрезентативными были культовые постройки. Это вполне естественно, так как важнейшей чертой сознания средневекового человека был теоцентризм, и вся жизнь его так или иначе была связана с религией. Именно поэтому в городах Востока, к которым, несомненно относятся и золотоордынские города, главными общественными зданиями были мечети с минаретами, учреждения, связанные с мусульманской религией, такие как

медресе и ханака, и мавзолеи. Существовали в золотоордынских городах и христианские церкви. Культовые постройки городов Золотой Орды были рассмотрены в первой части монографии «Архитектура Золотой Орды» (Зиливинская, 2014).

Настоящая работа посвящена анализу гражданского зодчества. Гражданских построек, относящихся к эпохе средневековья, на Востоке известно меньше, нежели культовых памятников. К широко распространенным гражданским памятникам относятся здания, связанные с торговлей. Это, прежде всего, гостиницы для купцов – караван-сарай и рынки или базары. Эти здания не только выполняли утилитарные функции, но и служили важнейшими общественными учреждениями. В средние века торговля служила не только для обмена товарами, но и способствовала тесным взаимным культурным контактам между народами, обмену различными идеологическими представлениями и технологиями, взаимопроникновению обычаев, нравов и традиций. Именно поэтому Великий Шелковый путь воспринимается как культурный «мост» между Востоком и Западом.

Важное значение для общественной жизни на Востоке играли и бани-хаммам. Они служили не только гигиеническим целям, но и являлись своеобразными клубами, в которых люди не только отдыхали, общались, обменивались информацией, но и решали различные проблемы: заключали торговые сделки, договаривались о женитьбе детей и даже устраивали заговоры.

Основу застройки золотоордынских городов, как и любых других, составляли жилые дома. Однако, далеко не все из них представляли собой монументальные постройки. Кроме того, в рамках данной работы невозможно рассмотреть домостроительство всех регионов Золотой Орды в полном объеме. Одной из особенностей золотоордынских городов является усадебно-уличная планировка. В книге приводятся данные о жилых зданиях, которые являются центрами крупных усадеб. Это могут быть довольно скромные однокомнатные дома и настоящие дворцовые здания, состоящие из нескольких десятков помещений различного назначения от залов для торжественных приемов до кухонь и ванных комнат.

Представленный материал позволяет создать достаточно исчерпывающую типологию отдельных категорий построек и проследить их распространение.

Золотоордынские гражданские постройки рассматриваются в контексте архитектуры Среднего Востока, Закавказья, Малой Азии, что позволяет выделить различные культурные традиции в сложении архитектуры Золотой Орды.

Хронологические рамки исследования определены с возникновения Улуса Джучи, т. е. с 40-х гг. XIII в. до окончательного распада государства в середине XV в. Как и у остальных кочевых империй, период существования Золотой Орды был небольшим (чуть больше 200 лет). Однако временной интервал, к которому относятся рассматриваемые в работе памятники еще

уже, так как большинство известных нам монументальных сооружений в Золотой Орде возникают не ранее конца XIII-начала XIV вв. Таким образом, данная работа охватывает период с конца XIII до середины XV вв.

Источники и историография по данной теме охарактеризованы во введении к I части.

Также еще раз хочу поблагодарить моих коллег из Москвы, Санкт Петербурга, Казани, Астрахани, Симферополя, Алматы и Уральска за оказанную помощь и поддержку. И конечно, большое спасибо моим друзьям, близким и членам семьи за их терпеливое и теплое отношение не только ко мне, но и к моей работе.

Монография подготовлена в рамках НИР по теме «Эволюционный континуум рода Ното».

ГЛАВА 1. КАРАВАН-САРАИ

Происхождение, основные линии развития

Торговля являлась важнейшей составляющей жизни человеческого общества с древнейших времен. Известно, что некоторый обмен материальными продуктами у многих народов осуществлялся уже в каменном веке. Однако, торговля в современном понимании этого термина, то есть обмен с целью получения выгоды, стала развиваться только тогда, когда стали появляться излишки производимых продуктов и товаров. Внутренняя, а затем и внешняя торговля становятся существенным фактором исторического развития стран, относящихся к древнейшим цивилизационным центрам, таким как Китай, Индия, Древний Египет, Месопотамия, Греция. Осуществление торговых связей требовало длительных экспедиций в отдаленные районы страны и за ее рубежи. Постепенно складывались постоянные торговые маршруты, на которых строятся станции или постоялые дворы для отдыха усталых путников и торговых караванов. В Индии, в Мохенджо-Даро, городе ремесленников и торговцев, раскопками обнаружены общественные здания, такие как харчевни, бани, склады, крытые рынки и постоялые дворы (ВИА, 1970. С. 385-386). Таким образом, самая древняя гостиница относится к III-II тыс. до н. э. На Крите, напротив Кносского дворца, исследовано здание, также считающееся гостиницей XV в. до н. э. Длина его 50 м, в состав помещений входили парадный павильон с расписанным фризом, подземный источник, бассейн для омовения ног, ванная и помещения для ночлега (ВИА, 1970. С. 182).

Во II в. до н. э. на Востоке сложился Великий караванный путь, соединявший Средиземноморье и Восточный Туркестан. Он проходил через Кавказ, Месопотамию, Иран, Среднюю Азию и Семиречье и был оборудован колодцами и постоялыми дворами, которые известны на территории Парфии (Гульмурадов, 1978. С. 149). К парфянскому времени относится городской постоялый двор в Дура-Европос – торгово-перевалочном пункте на пути караванов. Планировка его напоминает более поздние караван-сарай, так как в основе плана лежит большой двор, по периметру которого находятся различные помещения (ВИА, 1970. С. 318, рис. 29). Для путешественников составлялись «дорожники», в которых указывалось расположение стоянок и расстояние между ними. К ним относится известное произведение Исидора Харакского, в котором дается описание двух «царских дорог», связывающих различные районы Парфии с указанием мест для постоя (Антология..., 2000. С. 378).

В средние века в Центральной Азии до прихода арабов на торговых путях существовали постоялые дворы как необходимый элемент международной торговли. В Иране в сасанидское время строились «торговые крепости», служившие для обороны, но приспособленные для приема и содержания купеческих караванов (Хмельницкий, 1992. С. 179). В Средней Азии, кото-

рая в отличие от Ирана, где была сильная центральная власть, состояла из небольших разрозненных владений, в доисламский период таких учреждений известно не много. В Ташкентском оазисе исследовано каменное здание с большим внутренним двором, которое предположительно считается караван-сараям середины I тыс. н.э. (Буряков, 1978. С. 56-57). Есть данные, что в VII-VIII вв. в Согде существовали постоянные дворы, причем, судя по письменным источникам, владельцем двух из них, расположенных в верховьях Зеравшана, был согдийский правитель Дивашчич (Смирнова, 1970. С. 138-139).

Только после арабских завоеваний на Востоке складывается достаточно стандартный и хорошо узнаваемый тип постоянного двора, предназначенного для купеческих караванов. В арабских странах такие постройки назывались *караван-сарай*, то есть дворец для караванов, а в областях, где преобладали тюркские языки к ним применялось название *хан*. Также известен такой термин как *фундук*, но он чаще применяется к городским постоянным дворам (Hillenbrand, 1994. Р. 331-332). В первые века Хиджры, во время арабских завоеваний, на Востоке возводились крепости для борцов за веру *газиев*, которые назывались *рибаты*. Впоследствии, в более спокойные времена, они превращаются в придорожные гостиницы, часто сохраняя название *рибат* или *рабат* (Немцева, 1983. С. 139-141; Хмельницкий, 1992. С. 180; Hillenbrand, 1994. Р. 331-332). В XI-XII вв. в постоянные дворы были перестроены и некоторые замки (кешки) (Пугаченкова, 1958а. С. 166-167).

Караван-сарайи возводились вдоль караванных путей на расстояниях, которые равнялись дневному переходу (около 35-45 км.). Эти постройки сохранили вид хорошо укрепленных крепостей с мощными стенами и единственными воротами. Углы могут быть фланкированы круглыми башнями, а к стенам пристроены полубашни. Прямоугольник стен окружает обширный двор, внутри которого вдоль стен тянутся галереи помещений различного назначения: стойла для вьючных животных, складские помещения для товаров, комнаты для гостей. В хорошо благоустроенных караван-сараях были сделаны банные помещения, и почти всегда находилась мечеть. Некоторые крупные караван-сарайи, такие как, например, Рабат-и Малик (особенно во втором периоде), действительно напоминали загородные дворцы и, вполне возможно, в составе помещений имели покои, в которых останавливались правители и другие важные гости во время путешествий. Для защиты караванов от разбойников в придорожных гостиницах мог быть небольшой военный гарнизон. Рядом обязательно находились источники воды – колодцы или сардоба.

Караван-сарайи играли важную роль не только для торговли, но и для всей системы коммуникаций в средние века. Часто с караванами купцов пускались в странствие дипломаты, паломники, просто путешественники. Например, Ибн Фадлан в своих записках упоминает постоянные дворы на границе

Хорезма, у чинка Устюрта: рибат Замджан, который «и есть Врата тюрок» и остановку Джит (Ковалевский, 1956. С. 122, 125).

Строительство караван-сараев вдоль крупных торговых путей осуществлялось государственной властью. «Добрая слава султана, хана или эмира была прямо пропорциональна количеству и великолепию воздвигнутых по его приказу караван-сараев: путник, въезжающий после утомительного пути в тенистый и нарядный, окруженный аркадами двор караван-сарая, должен был чувствовать личным гостем благочестивого правителя, заботящегося о его безопасности и комфорте» (Хмельницкий, 1992. С. 179). Известно, что Омейядский халиф Омар II (717-720 г.) вменил в число главных обязанностей для своих наместников постройку подворий (ханов) (Бартольд, 1963. С. 245). Источники отмечают строительство ханов в пустынных местностях омейядским наместником Хорасана Асадом ибн Абдаллахом в VIII в.: «Приходит туда странник с востока, приходит другой с запада, и не находят они там недостатка» (Бартольд, 1963. С. 250). Особого размаха возведение придорожных гостиниц достигло в X-XII вв. По сведениям Ал Истахри и Ибн Хаукаля в Мавераннахре в X в. было более 10 тысяч постоянных дворов. В них предоставляли корм животным, еду и постель людям. Истахри рассказывает, что он видел одно подворье в Согде, ворота которого были накрепко прибиты и ему говорили, что ворота этого подворья не закрывались вот уже более 100 лет, и что путнику никто не отказывал здесь в приюте. Подворье вмещало 200 человек вместе с челядью, лошадьми и вьючным скотом (Смирнова, 1970. С. 138-139). Более скромные караван-сарай строились и содержались товариществами купцов и сельскими общинами.

Кроме придорожных гостиниц были караван-сарай при въезде в города и внутри городских стен. Известно, что караван-сарай находились у ворот крупного торгового города Пайкенда. Об этом писал Мухаммед Наршахи: «До 854-855 гг. у ворот Пайкенда по числу селений в Бухаре было более тысячи рабатов. В зимнее время здесь собирались отряды газиев для противодействия отрядам тюрок (Наршахи, 1897. С. 24). Как это принято у восточных авторов, конкретная цифра эта сильно завышена, но это сообщение свидетельствует о том, что рабатов было много. Археологические исследования восточной части пригорода выявили остатки 20 сооружений, которые по планировке более всего напоминают караван-сарай (Мухамеджанов и др., 1988. С. 113-115). Некоторые из этих были раскопаны (Мухамеджанов и др., 1988. С. 116-147; Семенов, 2008. С. 122-124; Собиров, 2015. С. 267-278). Городские караван-сарай были не только гостиницами, но в них также могли находиться мастерские ремесленников и лавки торговцев. Путешественник, поэт и проповедник XI в. Насир Хосров упоминает караван-сарай в Мисре (Каире), где жили торговцы тканями, причем в нижнем этаже находились лавки портных, а в верхнем – штопальщиков. В Исфахане он насчитал 50 караван-сараев только на одной улице (Хмельницкий, 1996. С. 288). Правитель Самарканда Ибрагим Тамгач-хан (XI в.) построил медресе и госпи-

таль и передал им в вакф пять городских караван-сараев, две бани и две лавки (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973. С. 137). В качестве вакфных заведений городские караван-сарай приносили владельцам (чаще всего правителям) значительный доход (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973. С. 138-139). Средневековые городские караван-сарай изучены слабо, так как они почти не сохранились, зато придорожные постоялые дворы известны во множестве во всех восточных странах.

Средняя Азия и Иран

Как уже упоминалось, в основе плана большинства караван-сараев на Востоке лежит обширный двор, окруженный мощными стенами, к которым изнутри пристроены различные помещения. При этом существуют различные варианты этого планировочного принципа. Классификация караван-сараев Средней Азии была предложена Н.Б. Немцевой (Немцева, 1977. С. 163-165; 1983. С. 136-142). Исследовательница выделяет три типологических группы построек: однодворовые, двухдворовые и круглые в плане.

Караван-сарай первой группы, по мнению Н.Б. Немцевой, являются прямыми наследниками Омейядских и Аббасидских укрепленных крепостей (рибатов) и замков. А те, в свою очередь, были построены по образцу римских пограничных фортов, которые были квадратными в плане с круглыми башнями по углам и полукруглыми в середине стен. Помещения в рибатах располагались вокруг внутреннего открытого двора (рис. 1). При общем сохранении этого планировочного принципа, архитектура караван-сараев может быть весьма разнообразна.

Относительно простую планировку имеет караван-сарай IX в., построенный из сырцового кирпича на восточной дороге, ведущей в Пайкенд (Мухамеджанов и др., с. 1988. С. 116-147; Хмельницкий, 1992. С. 180-182). Он представлял собой почти квадратное (75 x 72 м) в плане здание с двумя входами – с южной и северной сторон (рис. 2.1). Главный южный вход оформлен выступающим порталом-пештаком. По углам пристроены небольшие декоративные круглые башни. Большую часть караван-сарая занимал обширный (47-56 м) двор, в котором располагались платформы для разгрузки и погрузки товаров. Вдоль южной, восточной и западной стен находились жилые и хозяйственные помещения. Комнаты для гостей были сгруппированы в секции, которые состояли из айвана и соединенных с ним двух спален с суфами. Между секциями находились хозяйственные (складские) помещения, соединенные с двором широкими сводчатыми проходами. Справа от южного входа было устроено двухкомнатное жилище привратника, а слева – большое помещение, в котором могла находиться мечеть (Хмельницкий, 1992. С. 181). К северной стене пристроена сложно устроенная группа помещений, расположенных в несколько рядов. С левой стороны от входа выделяется большой зал для собраний с суфой-эстрадой. Его пол и поверхность суфы были вымощены жженым кирпичом, а стены покрыты ганчевым раствором. В этой же части оборудована купальня. В северо-западном углу находилось

парадно украшенное помещение с фигурной суфой, в котором исследователи видят «языческую капеллу», которой могли пользоваться гости еще не принявшие ислам (Хмельницкий, 1992. С. 182).

Более простую планировку имеет караван-сарай Суран (Оде-Мергень) XI-XII вв., расположенный в пустынной местности на дороге из Мерва в Хорезм (Пугаченкова 1963. С. 234-238; Хмельницкий, 1996. С. 295-297). Стены его, сложенные из сырца, ограничивают пространство 41 x 41,5 м (рис. 2.2). Юго-восточный угол фланкирован небольшой, вероятно, сторожевой башней. С восточной и западной сторон находятся два входа, оформленные порталами. Внутри к входным айванам примыкают небольшие, почти квадратные комнаты для гостей и обширные складские помещения вытянутой, прямоугольной формы. Вдоль широтных стен расположено по пять помещений. Средние – это открытые во двор сводчатые айваны, по бокам которых находятся худжры для постояльцев. То есть здесь мы имеем двор с четырьмя айванами – планировочный принцип, применяемый на Востоке в зданиях различного назначения: жилых постройках, мечетях и медресе. Стены Сурана лишены какого-либо декора. Он представляет собой не «дворец для караванов», а рядовую придорожную гостиницу, каких было множество вдоль всех торговых путей. Караван-сарай у Пайкенда и Суран не похожи на крепости: у них по два входа, а башни сильно редуцированы и носят, скорее, декоративный характер.

Пример сильно укрепленного караван-сарая являет собой известный памятник Дая-Хатын, расположенный в Туркменистане, на караванной дороге, ведущей из Мерва и Амуля в Хорезм (рис. 3, 4). Изучением его занимались выдающиеся исследователи среднеазиатской архитектуры (Прибыткова, 1953. С. 92-106; Пугаченкова, 1958а. С. 230-241; Хмельницкий, 1992. С. 182-187). Здание имеет два обвода стен (рис. 3.1). Внешние стены, сложенные из сырцового кирпича, охватывают прямоугольник размерами 112 x 125 м. По углам они укреплены круглыми башнями, а к сторонам пристроены прямоугольные контрфорсы. Почти посередине расположен караван-сарай квадратной в плане формы (53 x 53 м) с углами, фланкированными круглыми башнями и полукруглыми башнями посередине юго-восточного и северо-западного фасадов (рис. 3.2-3). Стены сложены из сырца, а облицовки стен и кладки арок сводов и куполов выполнены из жженого кирпича. В центре северо-восточного фасада находится высокий пештак со стрельчатым сводом. Фасад декорирован выступающими лопатками и фигурной кладкой из резных кирпичей. Стрельчатая арка входа ведет в квадратный двор, обведенный по периметру сводчатой галереей и группой разнообразных помещений. На осях двора лежат четыре айвана с высокими стрельчатыми сводами. По обе стороны от них имеются по три арки, расчлененные на два яруса, причем в нижнем находятся арочные проходы, ведущие к галерее. Галерея и продолговатые комнаты караван-сарая перекрыты сводами, квадратные комнаты, лежащие на осях здания – куполами. Особо выделяют-

ся западный зал, расположенный за внутренним айваном и комната в северо-западном углу. Квадрат помещений здесь расчленен стенами на крестообразное помещение с четырьмя угловыми отсеками квадратной формы. Октагональный центр креста перекрыт куполом, а нишеобразные ветви его – сводами. Угловые камеры, расположенные в два яруса, также перекрыты сводами. Внешние укрепления Дая-Хатын были возведены в IX-X вв. Сам караван-сарай исследователи датируют по-разному: А.М. Прибыткова – X-XI вв., Г.А. Пугаченкова – XII в. С.Г. Хмельницкий считает, что здание построено одновременно с внешними укреплениями, а в XI-XII вв. оно было отремонтировано (Хмельницкий, 1992. С. 186-187).

Интересную планировку имеет караван-сарай в Туркменистане на городище Ал-Аскер, которое датируется X-XIII вв. (Пугаченкова, 1958а. С. 223-225; Хмельницкий, 1996. С. 293). Прямоугольное в плане здание (33 x 38 м), выстроенное из сырцового кирпича, имело один вход, выделенный выступающим объемом пештака (рис. 5.6). Небольшой двор с трех сторон обведен по периметру анфиладой купольных галерей, обращенных во двор арочными нишками. Здесь, скорее всего, размещались товары и вьючные животные. В юго-западной части располагалась группа помещений, предназначенных для жилья. Два квадратных помещения, перекрытые куполами и прямоугольная комната между ними, по мнению С.Г. Хмельницкого, представляли собой трехчастную мечеть (Хмельницкий, 1996. С. 293).

К группе однодворовых построек относится большинство известных караван-сараев домонгольского времени (рис. 5).

Второй тип караван-сараев представлен двухчастной (двухдворовой) композицией с двумя или четырьмя айванами по сторонам двора. Истоки ее Н.Б. Немцева выводит из древнеиндийской строительной культуры Хараппа. Затем такая планировка проявляется в древней Бактрии, а позже – в древних и раннесредневековых буддийских двухчастных монастырях Тохаристана (Немцева, 1983. С. 137). По мнению Б.А. Литвинского, двухчастная четырехайванная планировка буддийских монастырей, лишившись ступы и утратив культовую принадлежность, воплотилась в караван-сараях XI-XII вв. (Литвинский, Зеймаль, 2010. С. 108-112).

К типу двухдворовых построек XI-XII вв. относится караван-сарай Акча-кала, расположенный на тракте Мерв-Амуль (Туркменистан) (Пугаченкова, 1958а. С. 225-230; Хмельницкий, 1996. С. 293-295). Он прямоугольный в плане, размерами 150 x 80 м (рис. 6). Пахсовые стены его декорированы гофрами, а углы укреплены также гофрированными прямоугольными башенными выступами. За порталным входом с южной стороны следовал широкий коридор, по сторонам которого находились самые репрезентативные помещения, вероятно общественного характера. Каждая группа помещений состояла из четырех купольных помещений разной величины и одного продолговатого, сводчатого. В самых больших угловых комнатах могли находиться купольные мечети. Проход вел в передний четырехайванный

двор прямоугольной формы, окруженный с трех сторон арочной галереей на прямоугольных столбах. Галерея была перекрыта сводами или куполами. Вдоль наружных меридиональных стен находились длинные прямоугольные помещения, вероятно, перекрытые сводами и предназначенные для размещения скота и поклажи. Северная стена представляла собой архитектурно разработанный фасад второй части здания. Посреди этого дворового фасада находился выступающий вперед портал-пештак с широкой входной нишей, фланкированной двумя декоративными узкими нишами в пилонах. Крылья фасада по сторонам портала представляли собой глухую аркаду с ложными арочными окнами. Второй квадратный двор караван-сарая со всех сторон окружен арочной галереей и расширен осевыми айванами. В северной части, вероятнее всего, находились комнаты для гостей.

Сходную планировку имеет караван-сарай Рабат-и Шараф (рис. 7, 8), построенный в начале XII в. на пути из Мерва в Нишапур (Пугаченкова, 1958а. С. 230, Хмельницкий, 1996. С. 295-296; Hillenbrand, 1994. P. 342-345). Передний двор здесь намного меньше, он прямоугольный в плане и вытянут в широтном направлении (рис. 7.1-2). По сторонам его находятся комнаты различных форм и размеров. Задний северный двор, квадратный в плане, окружен галереей с четырьмя айванами по осям. Вдоль меридиональных стен расположены стандартные худжры, а планировка южных и северных помещений весьма разнообразна. С.Г. Хмельницкий обратил внимание на то, что северная часть здания имеет законченный облик и предположил, что передний двор с помещениями был пристроен позже (Хмельницкий, 1996. С. 295).

Настоящим шедевром средневекового зодчества является караван-сарай Рабат-и Малик или царский рабат, расположенный на одной из важных дорог, соединяющих Бухару и Самарканд. Н.Б. Немцева относит его к то к многодворовым (Немцева, 1977. С. 165), то к двухдворовым караван-сараям (Немцева, 1983. С. 140-142). К середине XX в. от постройки остался только мощный пештак, но благодаря наличию описаний, рисунков и фотографий, оставленных русскими чиновниками, путешественниками, художниками, и исследователями XIX – начала XX вв., а также раскопкам, проведенным в 70-е гг. XX в., удалось восстановить его внешний облик (Немцева, 1983. С. 112-142; Асанов, 1983. С. 142-166; Булатов, 1983. С. 146-148; Хмельницкий, 1992. С. 187-194; 1996. С. 289-290; Hillenbrand, 1994. P. 343-344). Как и караван-сарай Дая Хатын, он имел двойной обвод стен. Внешние сырцовые стены образовывали прямоугольник размерами примерно 150 x 200 м. Внутри этих укреплений находилось здание караван-сарая размерами 89 x 91 м (рис. 10). Постройка была возведена из сырца, но внешние стены облицованы жженым кирпичом. В центре южной фасадной стены находился портал шириной 12 м и высотой 18 м (рис. 9). Он представлял собой широкую арочную нишу со стрельчатым завершением и проходом в задней стене, окруженную рельефной прямоугольной рамой, которая

заполнена восьмиконечными звездами, окаймленными бордюрами из двойных переплетающихся лент. По сторонам от портала поверхность фасадной стены была декорирована группами из шести, заглубленных в толщу стены гофров полуцилиндрической формы. В верхней части они соединялись стрельчатыми арочными нишами перспективно-ступенчатой формы. По сторонам этих групп гофров находились плоские арочные ниши, у которых внутренняя поверхность арок выделена рельефным кирпичным узором. По углам здания пристроены круглые башни гульдаста, одна из которых (юго-западная) дожила до 30-х гг. XX в. Высота ее составляла 15,6 м (без фонаря).

Внутри постройка была разделена на две части, северную и южную. В процессе существования здание претерпело кардинальную перестройку: здесь выделяются два строительных периода. В первом периоде южная часть представляла собой обширный открытый двор (рис. 10.1). Остатки помещений были зафиксированы только вдоль южной стены и входного айвана. Скорее всего, это были комнаты привратников, возможно, охраны. Северная часть здания состояла из трех частей – средней, квадратной в плане, и симметричных боковых, вытянутых в меридиональном направлении. В центре средней части был расположен дворик, окруженный арочной галереей с четырьмя айванами по сторонам. С трех сторон за галереей находились небольшие комнаты, скорее всего, предназначенные для гостей, а к южной стене примыкали два больших помещения, возможно, общественного характера. Боковые части представляли собой дворы с небольшими комнатами с северной и западной сторон.

Во втором периоде Рабат-и Малик был кардинально перестроен (рис. 10.2-4). В южной части были воздвигнуты стены, перегораживающие двор параллельно южной стене. В результате образовались два блока хозяйственных помещений, состоящих из узкого продолговатого дворика, помещения для скота с яслями (ближние к portalу) и складского помещения, отделенного от стойла айваном. Вдоль меридиональных стен также были построены обширные квадратные в плане помещения, скорее всего, хозяйственного назначения. Наиболее значительно перестроен центральный двор северной части. Аркада, опоясывающая его в первом периоде, была сломана, и на ее месте построена многокупольная галерея с восьмигранной ротондой в центре. Арки восьмиугольного зала опирались на сдвоенные круглые столбы. Путешественник – натуралист А. Леман, посетивший Рабат-и Малик в 40-е гг. XIX в., описал ротонду «большим отдельным круглым зданием, на внутренних массивных стенах которого воздвигнуты готические (сдвоенные Э.З.) колонны, украшенные различными рельефными арабесками» (Немцева, 1983. С. 124). Ротонда с окружавшей ее купольной галереей, несомненно, являлись парадными помещениями, которые придавали постоянному двору сходство с дворцовым зданием. Как отмечал С.Г. Хмельницкий, «купольная ротонда Рабат-и Малик... была, несомненно, техническим

чудом своей эпохи и не имела себе подобных в архитектуре Центральной Азии этого и более позднего времени.» (Хмельницкий, 1996. С. 289).

На основании анализа археологического материала Н.Б. Немцева считает, что Рабат-и Малик был возведен в XI в., перестроен в начале XII в. и просуществовал в таком виде до XVIII столетия (Немцева, 2010. С. 267-311). С.Г. Хмельницкий относит дату строительства к X в. (Хмельницкий, 1992. С. 197).

В состав комплекса Рабат-и Малик входит большая (диаметр 12,8, высота 20 м) купольная сардоба, сложенная из обожженного кирпича и заглубленная в землю (рис. 11). С северной стороны сооружение имеет ступенчатый спуск к воде, вход которого оформлен небольшим порталным чартаком. Сардоба являлась единственным источником воды для обитателей карван-сарая за весь период его существования.

К двухчастным постройкам относятся караван-сарай Чаш-кала X в. в Южном Туркменистане и на городище Куртлы (средневековый Башан) XI в. (Пугаченкова, 1958а. С. 241-242; 1958б. С. 290-294; Хмельницкий, 1992. С. 194; 1996. С. 298-299), но их планировка принципиально отлична. Здания представляют собой не единый объем, а состоят из двух частей различной ширины (рис. 12). В южной части находится открытый двор с помещениями вдоль трех стен. Северная, более узкая часть, в плане представляет собой квадрат с центральным помещением квадратной формы, к которому примыкают девять окружающих его комнат. Все комнаты перекрыты сводами. Как отмечают исследователи, такая центрическая планировка характерна для жилого замка-кёшка доисламского и раннемусульманского периодов (Пугаченкова, 1958а. С. 206-212; Хмельницкий, 1996. С. 298). Известно, что в раннем средневековье функции караван-сарая часто выполняли именно феодальные замки (Пугаченкова, 1958а. С. 165-167). Здесь же мы имеем как бы механическое соединение традиционной формы жилого здания кёшка с характерным для караван-сарая открытым двором.

К третьей группе по Н.Б. Немцевой относятся круглые в плане караван-сарай, которые известны только на территории Хорезма. Хорезмской археолого-этнографической экспедицией по берегам Узбоя было найдено и обследовано несколько таких построек. Это караван-сарай Дэу-кала (рис. 13), Орта-кую, Талайхан-ата (рис. 26) и Ак-Яйла (Толстов, 1948а. С. 166; Вишневская О.А., 1958. С. 431-466). Датируются они XI-началом XIII в., но некоторые использовались и в золотоордынский период. Внешние стены этих зданий, толщина которых достигала 2 м образовывали круг диаметром 50-60 м. В середине находился двор квадратной или прямоугольной формы, который окружали помещения различного назначения и сложной формы. В центре двора был выкопан колодец или наливная цистерна. Столь необычную форму хорезмийских караван-сарая Н.Б. Немцева связывает с традицией возведения функционально иных, но сходных по форме построек древне-хорезмского и сакского периодов (Кой-Крылган-кала, круглые

здания на Калалы-Гыр 2 и Гяур-кале, мавзолеи Тагискена, Чирик-Рабата, Баланды-3) (Немцева, 1983. С. 137).

Азербайджан

На территории Азербайджана караван-сараяв сохранилось гораздо меньше. Известные образцы их относятся к XIII-XIV вв., когда после монгольских завоеваний не только возобновились, но и существенно расширились торговые связи с Востоком и Западом. О караван-сараях, воздвигнутых Газан-ханом, пишет Рашид-ад-дин: «...он приказал, чтобы у каждых новых ворот Тебриза внутри города, рядом с воротами, были построены караван-сарай, базары и бани и [помещения] для карханэ и загоны для [вьючных] животных, и [повелел], чтобы каждый род купцов, прибывающих с разных сторон, въезжал [в город] через те ворота, которые для этой стороны предназначены и останавливался бы в тех караван-сараях, а тамговщик принимал бы их товары. [Затем], сходя в баню, шли бы они в город и там располагались, пока тамговщик не осмотрит тюки и [их] оттуда не отправит (Рашид-ад-дин, 196. Т. III, с. 228).

Загородные караван-сарай Азербайджана представляют собой достаточно стандартные однодворовые композиции (Уссейнов, Бретаницкий, Саламзаде, 1963. 174-176). Рабат в селении Сарчам между Зенджаном и Миане стоял на караванном пути из Султании в Тебриз. Его замкнутый прямоугольный двор по периметру был обстроен помещениями для купцов и складами для товаров. На фасадной стене находился великолепный портал, сложенный из хорошо обработанного камня и обожженного кирпича (рис. 14.1-2). Богатое убранство портала отличает караван-сарай Сарчама от рядовых постоянных дворов. Массив его, сложенный из квадратного обожженного кирпича, прорезан большой стрельчатой нишей, полукупол которой поддерживает система крупноячеистых сталактитов. В верхней части ниши находится оконный проем удлиненных пропорций со стрельчатым завершением. Под окном расположена широкая стрельчатая арка входного проема. Обрамление входа выполнено из тщательно отесанных профилированных каменных плит. Над проходом видна двухстрочная надпись, выполненная почерком «сулс», из которой следует, что рабат построен в 733 г.х. (1332 г.) при Абу Саиде Бахадур-хане, при визире Гияс-ал-Хакк ал-дин Мухаммеде.

Сходный облик имеет караван-сарай, находящийся в 13 км севернее Маранда, на дороге между Тебризом и Джульфой (рис. 14.3-5). Стены толщиной до 1 м образуют прямоугольник размерами примерно 50 x 60 м. Углы постройки укреплены круглыми башнями, а стены фланкированы полу-башнями, по две с боковых сторон и одной со стороны, противоположной входу. Единственный вход оформлен большим порталом, который незначительно выступает из плоскости стен. Прямоугольная рама портала окружает широкую стрельчатую арку, декорированную многоцветными изразцами. Портал, как и стены, сложен из квадратного кирпича с включением камен-

ных элементов. Внутри караван-сарая вдоль стен расположены жилые и складские помещения.

Армения

Территорией, по которой проходили многие караванные пути, являлось Армянское нагорье. Распространение торговых поселений, ярмарок, мест, где можно было получить приют, нашло отражение в топонимах. Как отмечал Халпахьян, в Армении название города Иджеван переводится как «место стоянки», в Артикском, Мартунинском, Ахтинском и Иджеванском районах есть селения Каравансара, встречаются названия Каргабазар, Базарджуг, Базарчай и Ходжа-базар. Река Воротан в Зангезуре, вдоль которой пролегал торговый путь, раньше называлась Базарчай (Халпахьян, 1971. С. 185). Караван-сарай строились не только вдоль дорог, но и в крупных торговых городах. Например, в Ани в XI-XIII их было не менее шести. Для постоянных дворов в Армении были свои названия – «иджеван», «ханапар», «пндук». Часто эти заведения именовались по имени владельца, например, Тиграна Оненца в Ани (Халпахьян, 1971. С. 186).

Архитектура армянских караван-сараяев отличается своеобразием: здесь был выработан оригинальный тип закрытого зального караван-сарая (Халпахьян, 1959. С. 105-133; 1971. С. 185-210). В плане они представляли собой вытянутые прямоугольные здания, перекрытые сводами, подпружные арки которых опираются на прямоугольные в плане пилоны или устои (рис. 15.4-9, 16, 17). Зальные караван-сарай делятся на однефные и трехнефные, причем у трехнефных, центральный неф обычно выше боковых. К этому типу построек относится большинство придорожных гостиниц Армении: Ахкенда (XII-XIII вв.), Яйджи (1343), Селима (1332 г.), Неркин Джерати (XIII в.), Аруча (XIII в.), Зора (XIII в.) и др. Так как здания должны были защищать караваны от нападений, наружные стены делались относительно толстыми, иногда их усиливали полукруглыми контрфорсами, напоминающими крепостные башни. Возводились здания из хорошо обработанного камня, базальта или туфа различных оттенков. Вход в помещение был один, обычно с торцевой стороны. Сводчатые перекрытия имели, чаще всего, полуциркульное очертание, реже, – стрельчатое. Крыша, как правило, делалась двускатная, небольшого уклона и покрывалась каменными плитами, обработанными в форме черепицы. В городских караван-сараях Атарбекяна, Джуги и Ани (рис. 15.2-3) известны перекрытия в виде куполов. Для увеличения сейсмостойкости и лучшего сохранения тепла здания частично заглубляли в землю. Отапливались караван-сарай жаровнями, в некоторых найдены небольшие очаги в виде каминов и тонинов. Свет поступал в помещения через небольшие, расширяющиеся к низу проемы в щельгах сводов. Проемы имели прямоугольную, круглую и звездчатую форму. Важное значение имело наличие в здании воды. Часто караван-сарай даже назывались Су-ли (с водой) или Су-сис (без воды) (Халпахьян, 1971. С. 186). Вода в караван-сарай подавалась по гончарным трубам от родников, иногда распо-

ложенных достаточно далеко. В городские ханапары и пндуки вода поступала из городской водопроводной сети.

В однефных караван-сараях люди, товары и животные размещались в одном большом зале. В трехнефных постройках животные находились в боковых галереях, где для них были поставлены ясли и корыта для воды. В центральной части здания посредине был сделан желоб для жаровен, а на окружающих его с двух сторон возвышениях на кошмах и паласах размещались люди. В некоторых зданиях есть отделенные от общего пространства комнаты, вероятно, для привилегированных гостей. В караван-сараях Зора (XIII в.) комнаты расположены у входа в два этажа, а в караван-сараях Селима (1332 г.) – противоположном от входа торце зала (ВИА, 1966. С. 252).

Кроме зальных, в Армении существовали и типичные для Среднего Востока караван-сарая дворового плана, но они строились преимущественно в городах. По своему назначению городские караван-сарая (ханапары) разделялись на торговые и постоялые. Открытые прямоугольные дворы со сквозным проходом имели гостиницы Ани (XIII в.) (рис. 15.2). Проста и абсолютно стандартна планировка в виде квадратного двора и помещений вокруг него у ханапара в Атарбекяне (XII-XIII вв.) (рис. 15.3). Очень интересен караван-сарай Неркин-Талина (XIII-XIV вв.). В нем совместились три одновременных караван-сарая: два зальных, трехнефных и, построенный между ними квадратный в плане с открытым внутренним двором (рис. 15.10).

Придорожные караван-сарая практически не имели декора, главным украшением их были богатые входные порталы, покрытые резьбой. Обычно порталы не выступают из плоскости фасада. В караван-сараях Зора дверной проем вместе с тимпаном, набранным из покрытых резьбой шестиконечных звезд и ромбов, помещен в плоской стрельчатой нише, окаймленной двумя валами с шаровидными базами внизу. Вокруг вьется широкая, мелко орнаментированная полоса. Совершенно иной характер имеет портал караван-сарая Селима (рис. 16). Дверной проем его помещен в глубокой нише. Покрытый надписью тимпан с полуциркульным верхом обведен двумя рядами заглубленных трилистников. Треугольная ниша украшена резными сталактитами, вершина ее упирается в плиту, декорированную резной плетенкой. С двух сторон от ниши сделан карниз, поддерживаемый рядами сталактитов, над ним находятся рельефные изображения животных. Порталы армянских караван-сарая имели много общих черт с современными им порталами гражданских и культовых сооружений.

Более разнообразно были декорированы постройки, расположенные в городах. Например, в южном ханапаре Ани сталактитами украшен низ ступенчатой консольной лестницы, ведущей на второй этаж, а в северном – западный вход перекрыт куполом, украшенным сталактитами. Обе гостиницы имели порталы с богатой сложной резьбой и изображениями сфинксов на одном и змей и львов – на другом.

Малая Азия

Еще одним регионом, лежащим на пересечении караванных путей, была Малая Азия. В сельджукское и более позднее время здесь строилось множество караван-сараяв, многие из которых сохранились до наших дней. Малоазийские караван-сарая относятся к трем типам (ВИА, 1969. С. 434-436; Hillenbrand, 1994. Р. 346-350). Здесь есть характерные для Среднего Востока постройки с внутренним двором (рис. 18.1-2). Вокруг двора располагаются сводчатые галереи и помещения для гостей с печами и каминами, стойла для скота, складские помещения для фуража и товаров. Вход во двор, оформленный порталом, располагался обычно на продольной оси прямоугольного в плане здания. Таковы караван-сарая XIII в. Эвдир-хан (1210-1219 гг.) и Караджи-хан. Оригинальную планировку имеет Алара-хан (1231 г.), где двор имеет вид открытого коридора, застроенного комнатами вдоль продольных осей. Центральная часть окружена галереей, а вдоль наружных стен проходят узкие коридоры, перекрытые стрельчатым сводом.

Ко второму типу относятся закрытые зальные здания, почти не отличающиеся от караван-сараяв Армении (рис. 18.3-10). Они могли быть однефными (Шарафша-хан, Енисекёй-хан) и трехнефными (Зиварик-хан, Куру-хан, Куручешме-хан, Докузум Дербент-хан). Караван-сарай Сузус-хан (середина XIII в.) квадратный в плане со стенами укрепленными башнями и контрфорсами. Он разделен на 5 нефов прямоугольными столбами, на которые опираются подпружные арки сводов. В центре находился купол со световым фонарем. В помещение вел один вход с порталом. Планировка этого здания более всего напоминает мечети сельджукского периода (Hillenbrand, 1994. Р.92-100; Stierlin, 1998. Р. 24-32).

Третий, наиболее распространенный в Малой Азии тип караван-сараяв, представляет собой синтез двух предыдущих. К прямоугольному зданию дворовой композиции, напротив входного проема пристраивался крытый прямоугольный зал вытянутых пропорций (рис. 18.11-18). Вход в него также оформлялся порталом, сводчатое перекрытие покоилось на колоннах или столбах, а в центральной части находился световой фонарь. В середине двора ставилась маленькая открытая мечеть-киоск на четырех арках с купольным перекрытием. Ханы возводились из рваного камня, фасады стен, столбы и арки облицовывались тесаными каменными блоками.

Самым известным и наиболее выразительным примером здания этой группы является Султан-хан (1229 г.) на пути из Коньи в Аксарай (Stierlin, 1998. Р. 62-75). Толстые стены, фланкированные прямоугольными контрфорсами, образовывали огромное (116,9 x 61,75 м) здание, состоящее из двух объемов (рис. 19, 20). Вход обрамляет роскошный резной портал прямоугольной формы. Верхняя часть портала оформлена нишей подтреугольной формы, заполненной сталактитами из ганчевых элементов. По продольным сторонам вытянутого двора с левой стороны располагались комнаты, а с правой – галерея. Ее украшенные резьбой арки и своды опирались на

мощные столбы квадратной формы. В центре двора находилась небольшая мечеть в виде квадратного в плане киоска, опирающегося на четыре широкие арки. Поверхность стен и арок украшена резьбой, а михраб – цветной майоликой. К стене противоположной входу примыкает обширное закрытое помещение, разделенное столбами на пять одинаковых нефов. Вход в него также оформлен резным порталом. В середине центрального нефа сделан небольшой куполок с шатровым покрытием. Практически такую же планировку имеет Палаз-хан (1236 г.) на пути из Кайсери в Сивас. К этому же типу относятся Казилвиран (1207 г.) на дороге Конья Бейшехир, Сасадин-хан (1236 г.) возле Коньи и многие другие (рис. 21, 22)

Некоторые исследователи отмечают сходство планировки двухчастных малоазийских караван-сараяв с христианскими храмами, состоящими из широкого нартекса и удлиненного трехнефного наоса, то есть, также имевших Т-образную планировку (Stierlin, 1998. Р 73-75). Сходство прослеживается и во внутренней архитектонике нефных залов. Г. Стирлин объясняет это влиянием на Анатолию христианской, в частности армянской и сирийской, архитектуры. Действительно, хорошо известно, что многие постройки в Малой Азии возводились армянскими и сирийскими мастерами, строителями и каменотесцами. Но этим можно объяснить одинаковую технику кладки, тождественность приемов возведения куполов и сводов, близкие мотивы архитектурного декора. Что же касается планировки караван-сараяв, то здесь ситуация несколько иная. Архитектура Анатолии складывалась под влиянием не только христианских Армении и Сирии, но и мусульманского Ирана. Поэтому двухчастные малоазийские караван-сараяи происходят не от западноевропейских церквей Т-образной планировки (кстати, в Армении таких церквей нет), а являются соединением иранского дворового и армянского галерейного планов воедино.

Классификация средневековых караван-сараяв

Несмотря на то, что существует достаточно много обобщающих работ, в которых собраны и проанализированы караван-сараяи различных стран Востока (Халпахчян, 1959. С. 105-133; 1971. С. 185-210; Хмельницкий, 1992. С. 180-204; 1994. С. 289-316; Hillenbrand, 1994. Р. 339-336), до сих пор не создана классификация этой очень важной для средневекового зодчества категории зданий.

Как уже упоминалось, Н.Б. Немцевой (Немцева, 1977. С. 163-165; 1983. С. 136-142) были выделены три группы для караван-сараяв Средней Азии: однодворовые, двухдворовые и круглые в плане. Кроме того, что это деление весьма условно и не отражает все многообразие планировок, такая классификация в корне не верна, так как здесь не выдерживается общий принцип выделения признаков: в двух случаях определяющим является количество дворов, а в третьем – форма плана.

Более подробная классификация была выработана Л.Ю. Маньковской (Маньковская, 1980. С. 57-67; 2014. С. 2000-206). Исследовательница выделяет три основные группы. К первой группе относятся здания, сочетающие многокамерное центрическое здание с двором (на городище Куртлы XI в.).

Вторая группа – это многокамерные здания с Т-образным расселением. К ней относится единственный памятник Таш-рабат (X-XII вв.), расположенный в Киргизстане, в горах Тянь-Шаня (Хмельницкий, 1994. С. 282-287). Прямоугольное в плане здание разделено на две части (рис. 23). В передней, ближней к входу прослеживается коридорно-гребенчатая планировка, характерная для общежитий (казарм, ханака). Вторая часть имеет центрическую планировку: небольшие комнаты сгруппированы вокруг большого купольного зала и соединяются с ним. По бокам этот блок помещений окружен коридообразными комнатами вытянутой формы. В качестве караван-сарая эту постройку интерпретировала Г.А.Пугаченкова (Пугаченкова, 1962. С. 207-208), однако, скорее можно согласиться с С.Г. Хмельницким, считавшем, что такая планировка более характерна для дервишеских обителей (ханака) (Хмельницкий, 1994. С. 285).

К третьей группе, выделенной Л.Ю. Маньковской, относятся постройки дворового плана, которые, в свою очередь, делятся на однодворовые и многодворовые. Однодворовые исследовательница разделяет по принципу застройки по сторонам двора. Застройка может быть секционной, то есть состоять из небольших помещений, перекрытых плоской кровлей, куполами или сводами, галерейной, то есть в виде длинных помещений, перекрытых поперечными сводами или (наиболее частый вариант) галерейно-секционной. Вторая подгруппа (многодворовые здания) делится на двухдворовые, с четырьмя равновеликими дворами (Ярбекир XII-XIII вв.), с центральным проезжим двором (Акыр-таш) и с Т-образным внутренним членением (Рабат-и Малик).

Классификация Л.Ю. Маньковской, несомненно, более подробная и совершенно верно отражающая некоторые особенности планировки, тоже не является стройной иерархической системой и не включает в себя все признаки присущие зданиям средневековых караван-сараев. Кроме того, попытка охватить весь объем построек приводит к тому, что в классификацию включаются единичные здания с нетипичной структурой и не однозначной интерпретацией. Поэтому, мне представляется, что, используя некоторые типологические принципы систем Н.Б. Немцевой и Л.Ю. Маньковской, можно создать классификацию планировки караван-сараев, применимую к большинству построек этой категории на всем средневековом Востоке.

Предлагаемая типология основывается исключительно на планиметрии построек, объемно-пространственные характеристики не рассматриваются. Это связано, прежде всего, с тем, что большинство памятников дошло до нас в виде руин или археологических объектов, и их высота, строение пере-

крытий, декоративное оформление и т. д. могут быть определены только гипотетически. В предлагаемой классификации используются следующие признаки: наличие или отсутствие открытого двора, количество дворов, форма плана, количество входов, застройка двора, расположение помещений, наличие колоннады.

Все здания караван-сараев можно разделить на три большие группы: I – открытые (дворовые); II – закрытые; III – синтетические, то есть состоящие из открытого двора с застройкой и пристроенной к нему закрытой части.

I. Первая группа наиболее многочисленная и разнообразная по планировке. Она делится на три подгруппы: I* – однодворовые постройки; I** – двухдворовые; I*** – многодворовые.

Каждая подгруппа, в свою очередь, разделяется на отделы по форме плана. Здания могут быть: А – квадратные (или близкие к квадрату) в плане; В – прямоугольные, сильно вытянутые в плане; С – круглые в плане. В каждом отделе может быть подотдел по количеству входов: V – один вход; W – сквозной проезд, то есть два входа.

Далее следуют порядки, которые отражают застройку вдоль стен двора: s – секционная застройка, то есть застройка из небольших компактных помещений, перекрытых куполами или сводами; g – галерейная застройка, то есть вдоль стен проходят длинные коридорообразные помещения, перекрытые поперечными сводами; sg – секционно-галерейная застройка. Чисто секционная или галерейная застройки встречаются редко, чаще всего двор застроен секциями в сочетании с галереями.

Помещения располагаются вдоль стен двора, причем не всегда вдоль всего периметра. Для дворовых караван-сараев характерна четырехайванная планировка, когда помещения, идущие вдоль четырех стен, расчленяются четырьмя большими лоджиями-айванами. Такая застройка на Среднем Востоке характерна для большинства категорий зданий, имеющих дворовую планировку (жилые постройки, мечети, медресе, ханака, караван-сарай). Истоки ее уходят корнями в глубокую древность, и в настоящее время существуют различные точки зрения на происхождение четырехайванной композиции. В.В. Бартольд, Э. Херцфельд, а вслед за ними Б.А. Литвинский и Т.И. Зеймаль выводят эту планировку из буддийского зодчества, а именно из монастырей (Бартольд, 1927. С. 53-55; 1964. С. 30-31; Bartold, 1933. P. 29-31; Herzfeld, 1943. P. 13-30; Литвинский, Зеймаль, 2010. С. 108-112). Другая точка зрения – это соотнесение всех зданий четырехайванной планировки с гражданской архитектурой, а именно с дворцовыми зданиями и жилыми домами. Сторонниками этой теории являются А. Годар, Г.А. Пугаченкова, С.Г. Хмельницкий, Р. Хилленбранд (Пугаченкова, 1958а. С. 341; Godard, 1962. P. 358-361; Хмельницкий, 1992. С. 204-206; Hillenbrand, 1994. P. 175).

Типы отражают расположение помещений: 2 – сплошная застройка вдоль двух стен; 3 – сплошная застройка вдоль трех стен; 4 – сплошная застройка вдоль четырех стен; 5 – четырехайванная плани-

ровка. При этом можно выделить подтипы по количеству рядов помещений вдоль стен: в один ряд – /1; в два ряда – /2; многорядная застройка: /1-2 или /2-3.

И, наконец, важной деталью плана является колоннада вокруг двора, поддерживающая крытую галерею, то есть перистиль. Поэтому можно выделить вид двора с перистилем: Р – перистиль.

Эту систему классификации можно представить в виде таблицы.

Таблица 1.

Группа	Открытые (дворовые) I			
Подгруппа	Одноворовые I*	Двухдворовые I**	Многодворовые I***	
Отделы	Квадратные А	Прямоугольные В	Круглые С	
Подотдел	Один вход V	Два входа W		
Порядок	Секционная s	Галерейная g	Секционно-галерейная sg	
Тип	Застройка вдоль 2-х стен 2	Застройка вдоль 3-х стен 3	Застройка вдоль 4-х стен 4	Четырехайванная планировка 5
Подтип	В один ряд /1	В два ряда /2	Многорядная /2-3	
Вид	Перистиль Р			

Например, одноворовый Ишан-рабат (рис. 5.12) квадратный в плане, с одним входом и секционной застройкой вдоль двух стен в 1-2 ряда – I*AVs2/1-2. Одноворовый караван-сарай Суран (XI-XII вв.) имеет квадратный план сквозной проезд и секционно-галерейную застройку вдоль четырех стен в один ряд – I*AWsg4/1. Караван-сарай Дая Хатын (X-XII вв.) – одноворовый, квадратный в плане с одним входом, галерейно-секционной планировкой (1 ряд), расчлененной четырьмя айванами и с колоннадой галереи вокруг двора – I*AVsg5/1P. Дзу-кала (XI-началом XIII в.) – одноворовый, круглый в плане, с одним входом, секционной застройкой в 1-2 ряда, вдоль всего двора – I*CVs4/1-2.

Караван-сарай из подгруппы двухдворовых (I**) обычно прямоугольные в плане (В), но теоретически, могут быть и квадратными (А). У известных двухдворовых построек один вход, но не исключен и сквозной проход. В остальном, они делятся на те же порядки, типы и виды, с той лишь разницей, что нужно рассматривать каждый двор отдельно, так как застройка их может быть разной.

В настоящее время двухдворовых построек известно не много. Ахча-кала (XI-XII вв.) – прямоугольное в плане здание с одним входом и двумя дворами прямоугольной и квадратной формы. Дворы его имеют сходное строение: они застроены секциями и галереями в 1-3 ряд, четырехайванные, с перистилем – I**BV Bsg5/1-2P+ Asg5/1-3P. Рабат-и Шараф (XI-XII вв.) также прямоугольный в плане с одним входом. Первый двор его, вытянутый в широтном направлении, застроен секциями и галереями в 2 ряда, он четырехайванный

с перистилем. Второй двор квадратных пропорций обстроен секциями в 1-2 ряда, он также четырехайванный с перистилем. В целом планировку можно представить символами: $I^{**}BV \text{ Bsg}5/2 \text{ P} + \text{Asg}5/1-2\text{P}$.

Многодворовые караван-сарай (I^{***}) также могут быть квадратными (А) и прямоугольными (В) с одним входом (V) и сквозным проездом (W). Застройка секционно-галерейная (sg), по периметру (4) или четырехайванная (5) с перистилем (P). Разница в том, что вдоль стен расположены блоки помещений (Вl), которые включают в себя внутренние дворы.

Примером такого здания является Акыр-таш, памятник, расположенный на юге Казахстана (рис. 24.1-2). Стены его сложены из каменных блоков. Прямоугольное в плане здание имеет размеры 200 x 180 м и сквозной проезд. В центре, со сдвигом к западу лежит прямоугольный двор с колоннадой по периметру. На осях двора, за галереей расположены четыре глубоких айвана, два из которых прорезаны входами. Углы постройки заняты четырьмя комплексами помещений, сгруппированных вокруг внутренних дворов. Восточные комплексы крупнее западных и имеют отдельные входы. В самом общем виде это здание можно представить, как $I^{***}BW\text{sg}5\text{VIP}$, но, несомненно, каждый блок помещений требует отдельного описания

По поводу назначения и датировки этого здания существуют разные точки зрения. Исследователи отмечали его сходство с омейядским дворцом Каср аль-Хайр (восточный), построенным в VIII в. недалеко от Пальмиры (Hillenbrand, 1994. P. 569, p. 7/27). Здесь вокруг общего двора с колоннадой размещены двенадцать блоков помещений, причем восемь из них имеют собственные внутренние дворы (рис. 24.3). В дальнейшем та же система получила развитие в аббасидском дворце Ухейдир 778 г. (Stierlin, 1996. P. 119) (рис. 24.4). На этом основании С.Г. Хмельницкий считает Акыр-таш дворцовым зданием, резиденцией правителя, построенной в VIII в. во время завоевания Средней Азии арабами (Хмельницкий, 1992. С. 215-216). Л.Ю. Маньковская, напротив, считает Акыр-таш караван-сараем X в., центральный двор которого, использовался как рынок (Маньковская, 2014. С. 205-206). Исследовательница также связывает планировку Акыр-таша с комплексом Каср ал-Хайр (восточный). Ссылаясь на результаты раскопок (Grabar a.o., 1978), она интерпретирует Каср ал-Хайр как торговую станцию, факторию, многофункциональный комплекс с профилирующим значением торгового здания. Центральный двор комплекса Л.Ю. Маньковская считает торговой площадью, на которой продавали оливковое масло, производившееся здесь же (найден пресс). В то же время Р. Хиллебранд пишет о том, что дворцовый комплекс был во многом на самообеспечении: сюда была проведена вода, в угловых, пустых участках росли оливковые деревья, из плодов которых добывали масло, здесь держали животных для пропитания жителей (Hillenbrand, 1994. P. 390). Возможно, в караван-сарай или торговую факторию этот комплекс был превращен позже в XIII-XIV вв., в период вторич-

ного обживания. Таким образом, точно решить вопрос о назначении здания Акыр-таш без проведения там широкомасштабных раскопок не представляется возможным.

Существует еще один тип размещения помещений в многодворовых комплексах – Т-образный (Т). К этому типу относится описанный выше Рабат-и Малик (рис. 9, 10). В первом периоде его квадратное в плане здание с одним входом состояло из большого переднего двора с застройкой вдоль одной стены и тремя дворами во второй части. В центре находился квадратный двор четырехайванной планировки и перистилем, а по бокам – два двора с застройкой вдоль двух стен. Условно тип здания можно представить следующим образом: $I^{***}AV\ sg1/1-3+AVs5/1P+BVs2/1+ BVs2/1\ T$.

Во втором периоде передний двор разделяется дополнительными помещениями, а во втором, центральном, среднюю часть занимает закрытая галерея центрического плана: $I^{***}AV\ sg3/1-3+AVgZ+BVs2/1+ BVs2/1\ T$.

Следует признать, что в многодворовых зданиях сложного плана применение каких-либо кодов бесперспективно, так как архитектура их слишком индивидуальна и плохо поддается формализации.

II. Вторая группа представлена закрытыми, лишенными внутреннего двора, постройками. Здания этой группы также делятся на отделы: А – квадратные в плане и В – прямоугольные в плане. Вход у этих замкнутых построек обычно один (V). Квадратные в плане здания чаще всего разделены на небольшие комнаты, группирующиеся вокруг центрального помещения, то есть, здесь присутствует секционная застройка (s) в сочетании с общей центрической планировкой (тип Z). Такую планировку имеют преобразованные в караван-сарай кешки. Ат-Тахмаладж (X-XI в.) в Туркменистане (рис. 25.1) представляет собой квадратное в плане здание, сырцовые стены которого, покрывают гофры (Пугаченкова, 1958а. С. 166-167). Вход в здание один. Внутри оно разделено на девять одинаковых квадратных помещений, которые соединяются между собой. Перекрыты они были куполами. Таким образом, план этого здания можно представить символами – II $AVsZ$.

Сходную планировку имеет дорожная станция Зиндан-и Харун аль Рашид (X-XI в.) недалеко от Рея (Hillenbrand, 1994. P. 334, 338, 410, 550; Kleiss, 1996. S. 115). Это тоже квадратное в плане здание центрической планировки, но в середине его находится крестообразное помещение, центральная часть которого перекрыта куполом, а широкие боковые лоджии – сводами (рис. 25.2). Куполами перекрыты и угловые квадратные комнаты. Несмотря на эти отличия, здание относится к тому же типу II $AVsZ$. Квадратное здание станции в 21 км восточнее Сараба отличается тем, что центральный крестообразный зал с угловыми секциями окружают галереи (II $AVsgZ$) (Kleiss, 1996. S. 49-50).

Если считать здание Таш-рабат, о котором говорилось выше, караван-сараяем, то здесь, при общей компактности закрытого квадратного в плане здания, присутствует сложная, Т-образная планировка (тип Т). Застрое-

но оно как небольшими квадратными или прямоугольными секциями, так и длинными коридорами (галереями). Его планировку можно представить следующим образом: ПAVsgT.

Прямоугольные в плане (В) караван-сарай представляют собой сильно вытянутую галерею (g). Типы можно выделить по количеству нефов галереи: однонефные (1), трехнефные (3), пятинефные (5). Как уже упоминалось, закрытые прямоугольные в плане постоянные дворы характерны для Армении. Например, караван-сарай Ахкенда (XII-XIII вв.) относится к типу ПBVg1, а Селима – ПBVg3. Некоторое количество таких построек средневекового времени известно в Иране. Там они укреплены угловыми башнями (Kleiss, 1996. S. 27, 78-80).

Таблица 2.

Группа	Закрытые II				
Отделы	Квадратные А		Прямоугольные В		
Подотдел	Один вход V		Один вход V		
Порядок	Секционная застройка s	Секционно-галерейная sg	Галерея g		
Тип	Центрическая планировка Z	T-образная планировка T	Однонефная 1	Трехнефная 3	Пятинефная 5

Третья группа (III) представляет собой синтез открытых и закрытых построек. В зданиях этого типа к дворовой части примыкает помещение без двора. В результате вся постройка имеет T-образную форму (T). Вход в такие здания обычно один (V). Далее каждую из двух частей можно оценивать по тем же критериям, что и здания групп I и II. Так, караван-сарай X в. Чаш-кала в Туркменистане состоит из прямоугольного двора с одним входом и с секционной застройкой в один ряд по периметру и квадратного центрального здания, разделенного на небольшие комнаты – ПТВ Bs4/1+AsZ. Здание на городище Куртлы (XI в.) имеет почти такую же планировку, но его закрытая часть имеет второй выход на улицу, а застройка двора четыреханная – ПТВ Bs5/1+AsZ.

Большинство караван-сараяв Малой Азии сельджукского периода состоят из двора с застройкой по периметру и длинного сводчатого помещения. Всемирно известный Султан-хан состоит из прямоугольного двора, с двух сторон которого расположены комнаты, а с третьей – галереи и пятинефного вытянутого здания ПТВ Bsg3/1-2+Bg5.

Предложенная классификация не может охватить абсолютно все здания данной категории, так как всегда встречаются постройки с не типичной планировкой. Кроме того, некоторые детали архитектурного облика зданий (размеры и форма портала, наличие башен и контрфорсов, форма перекры-

тий, наличие водоемов и мечетей во дворе и т.д.) не вошли в нее. Тем не менее, мне кажется, что система достаточно универсальна и отражает большую часть элементов, из которых строится план здания. Индивидуальные же особенности памятников должны быть описаны отдельно. Кроме того, она позволяет изобразить планировку зданий в виде краткого кода.

Караван-сарай в Золотой Орде

Одним из несомненных достижений монгольской империи считается создание ямской службы. Согласно источникам, для быстреего передвижения послов Угедей повелел «установить твердый порядок: повсюду от тысяч [населения Э.З.] выделяются смотрители почтовых станций – ямчины и верховые почтари – улаачины; в определенных местах устанавливаются станции – ямы, и послы впредь обязуются, за исключением чрезвычайных обстоятельств, следовать непременно по станциям, а не разъезжать по улусу» (Сокровенное..., 2002. С. 153). Его поддержал Чагадай: «Я тоже озабочусь учреждением ямов, поведя их отсюда навстречу вашим. Кроме того, попрошу Батюя провести ямы от него навстречу моим. Из доложенных мне мероприятий я считаю самым правильным учреждение ямов» (Сокровенное..., 2002. С. 153). Наличие ямов по всей дороге от Этилии (Поволжья) до Каракорума отмечают путешественники XIII в. «...мы вставали рано утром и ехали до ночи без еды; и очень часто приезжали так поздно, что не ели и ночью, а то, что мы должны были есть вечером, нам давалось ранним утром, и мы ехали, как только могли скакать лошади. Ибо лошадей отнюдь не щадили, так как очень часто днем мы видели свежих лошадей, и, как сказано выше, те, которые валились, возвращались обратно. И таким образом мы ехали быстро без всякого перерыва» – пишет Плано Карпини (Путешествия..., 1957. С. 74). Как отмечает Г. Рубрук, ямы располагались не всегда на одном и том же расстоянии друг от друга: «...иногда мы меняли лошадей дважды или трижды в день, а иногда ехали без перемены два или три дня, потому что не встречали народа, и тогда приходилось ехать медленнее (Путешествия..., 1957. С. 123). Благодаря наличию таких дорожных станций расстояние около 5000 км Карпини преодолел за 105 дней, а Рубрук за 101 день (учитывая остановку на 12 дней) (Долбе, 2012).

Ямы, учрежденные ханами монголов, отнюдь не предполагали наличие стационарного жилья. Об этом говорится в «Книге о разнообразии мира» Марко Поло при описании путешествия Николая и Матвея от Укека до Бухары: «Не было тут ни городов, ни крепостей, одни татары со своими шатрами да стадами» (Поло, 1955. С. 45). Институт ямской службы в Монголии дожил практически в неизменном виде до XX в. Русский исследователь и путешественник П.К. Козлов, посетивший Монголию в 1908 г. описал ямы того времени: «Монгольские станции... устроены таким образом: вдоль дороги в известных пунктах, по большей части в жилых урочищах, располагаются пять-шесть юрт с монголами-ямщиками, не знающими иного занятия,

кроме ямщины. Над ургинским трактом, состоящим из одиннадцати станций и протянувшимся на 335 верст расстояния, ведет наблюдение чиновник с красным шариком на шляпе. Каждая станция, в свою очередь, имеет смотрителя — цзан-гина и его помощника. Монгольская почтовая станция снабжена несколькими десятками, а то и сотней лошадей, при восьми или десяти ямщиках. По мере надобности и люди и лошади заменяются или пополняются; впрочем, такое правило касается только лошадей. Должности смотрителя и ямщиков станций обыкновенно переходят по наследству... Эти монголы других повинностей не несут» (Козлов, 1948. С. 30).

В тех частях Монгольской империи, где традиции оседлости существовали ранее, ситуация была совершенно иной. Здесь строились караван-сарай, в которых путешественники могли устроиться с комфортом. Тот же Марко Поло подробно и с восхищением описывает дорожные станции на территории Китая: «По какой бы дороге не выехал из Канбалу гонец великого хана, через 25 миль [около 40 км] он приезжает на станцию, по-ихнему янб, а по-нашему конная почта; на каждой станции большой, прекрасный дом, где гонцы пристают. Богатые постели с роскошными шелковыми одеялами в этих постоянных дворах; все, что нужно гонцу, там есть; и царю пристать там хорошо. На каждой станции четыреста лошадей; так великий хан приказал; лошади всегда тут наготове для гонцов, когда великий хан куда-либо посылает их. По всем главным областным дорогам через двадцать две мили, а где через тридцать, есть станции; на каждой станции от трехсот до четырехсот лошадей для гонцов; тут же дворцы, где гонцы пристают. Вот так-то ездят по всем областям и царствам великого хана» (Поло, 1955. С. 121).

Монгольская империя являлась своеобразным мостом, соединившим страны Восточной Азии и Европы: на ее территорию приходилась почти вся протяженность Великого Шелкового пути. Оживление международной торговли, находившейся под защитой и покровительством центральной власти, повлекло за собой восстановление существующих и строительство новых постоянных дворов во всех странах, вовлеченных в этот процесс. В Иране, Средней Азии, Малой Азии, Закавказье существовала развитая система караван-сараяв в домонгольский период. В XIII-XIV вв. многие из них продолжают функционировать, но также строятся и новые.

Золотая Орда, сначала как часть империи, а потом — самостоятельное государство, была активным участником международной торговли. Ее территория являлась связующим звеном между странами Средиземноморья и Востока. Через причерноморские портовые города Каффа, Солдайя, Азак, Аккерман-Монкастро поступали товары из стран Средиземноморского бассейна. Дальше на восток караванные пути шли в Нижнее Поволжье, прежде всего, в Сарай. Из Азака в Поволжье было несколько путей. Один — через степи в Маджар с ответвлением на Дербент, потом в Хаджи-Тархан и дальше по Волге и Ахтубе до Сарая, другой — по Дону до места его сближения с Волгой, затем по Волге вниз по течению; также были пути вдоль

Кумы и Кубани (Федоров-Давыдов, 2001. С. 205). Из Сарая и Хаджи-Тархана через степи караваны шли в Сарайчик, оттуда в Хорезм и дальше на Восток, вплоть до Китая и Индии.

О географии торговых связей Золотой Орды есть свидетельства в разнообразных письменных источниках, но более всего о них говорят археологические находки. В Золотую Орду товары поступали из Индии, Китая, Ирана, Средней Азии, Египта, Сирии, Малой Азии, Закавказья. Через Венецию и Геную в порты Крыма и Азак попадали товары из Западной Европы. Волжский торговый путь соединял Поволжье с Болгарским улусом и Русскими княжествами (Федоров-Давыдов, 2001. С. 203-225; Недашковский, 2009; 2016; Шамильогу, 2009). Развитию торговли способствовала политика ханов, которые создавали максимально благоприятные условия. Джувейни писал о Бату: «торговцы с (разных) сторон привозили ему различные товары; все это, что бы оно ни было, он брал и за каждую вещь давал цену, в несколько раз превышавшую ее стоимость» (Тизенгаузен, 1941. С. 22). Современники отмечают также безопасность торговых путей в Золотой Орде и вообще с империи. «Путь из Таны в Китай, по словам купцов, совершивших это путешествие, вполне безопасен, и днем, и ночью...» – писал флорентийский купец Б. Пеголотти (цит. по Федоров-Давыдов, 2001. С. 203-204). Состояние торговли в Золотой Орде прекрасно охарактеризовал Г.А.Федоров-Давыдов: «...Не будет преувеличением сказать, что Золотая Орда была великой торговой державой средневековой эпохи, и торговля велась главным образом в городах и через города. При всех тяжелых последствиях монгольского нашествия и образования монгольских государств, в том числе и Золотой Орды, огромное значение этих событий в установлении контактов Востока и Запада – несомненно. Первые трансконтинентальные путешествия связали Средиземноморье с Центральной Азией и Китаем. Золотая Орда пролегла между миром европейских государств Запада, славянским миром, Средней Азией и дальневосточными странами. Связующим оказался тюрко-монгольский этнос. Диалог Запада и Востока получил в XIII-XIV вв. новый мощный импульс» (Федоров-Давыдов, 2001. С. 224).

В Золотой Орде, которая была столь мощной торговой державой, и через земли которой непрерывным потоком шли караваны в различных направлениях, должны были существовать караван-сарай. Пока их известно не много и почти исключительно в Азиатской части.

Азиатские территории

На территориях Хорезма и Южного Казахстана, ставших в XIII в. частью Золотой Орды, караван-сарай существовали задолго до прихода монголов. В результате монгольских завоеваний некоторые из них были заброшены, а некоторые восстановлены и использовались и в золотоордынское время. Хорезмской экспедицией было и исследовано несколько таких построек. Караван-сарай Ишан-Рабат, Сараташ и Даш-кала IX-XII вв., расположенные на торговом пути Ургенч-Бухара при монголах уже не функциони-

ровали (Лоховиц, 1975; 1979). Также были изучены постоянные дворы на караванной дороге, связывающей Хорезм с Южной Туркменией и Ираном (Толстов, 1958. С. 31-33, 36; Вишневская О.А., 1958. С. 431-466). Это памятники Дэв-кала, Орта-кую, Талайхан-ата и Ак-Яйла. Все они построены в хорезмшахское время и относятся к группе круглых в плане караван-сараяв, характерных для Хорезма. Раскопки показали, что два из этих караван-сараяв – Талайхан-ата и Орта-кую были восстановлены в XIV в. и активно использовались по назначению (Вишневская О.А., 1958. С. 440). Исследованная раскопками застройка внутреннего пространства Талайхан-ата относится к золотоордынскому периоду.

Здание караван-сарая представляет собой правильный круг диаметром 60 м (рис. 26, 27). Внешние стены сложены из тесаных плит ракушечника. Толщина их около 2,5 м. Вход расположен в юго-западной части здания и представляет собой коридор шириной 3,7 м. Он идет с запада на восток, по касательной к наружной стене, примерно в 10 м, поворачивает под прямым углом и дальше идет на север до выхода во двор. Стены коридора сложены из ракушечника и обожженных кирпичей, сверху он перекрывался сводом. В центре здания находился квадратный (24 x 24 м) двор, поверхность которого покрыта мелко битым кирпичом. В центре двора сделана круглая (диаметром 7,1 м и глубиной 3,55 м) цистерна – сардоба, стенки которой сложены из обожженного кирпича на алебастровом растворе. С юга в сардобу вела лестница, а с севера – водопроводный желоб, стенки которого сложены из кирпичей и обмазаны известковым раствором. Желоб начинался в 80 м от стен караван-сарая и по нему в сардобу поступала дождевая вода.

Вдоль западной и северной сторон двора располагались айваны размерами 2,75 x 2,1 м. Стены их сложены в нижней части из известняковых плит, а в верхней из обожженных и сырцовых кирпичей панцирной кладкой, причем обожженный кирпич образует облицовку стены. Стены айванов оштукатурены алебастровым раствором, полы вымощены кирпичом, перекрытия были сводчатыми. Проходы во внутренние помещения расположены не в каждом айване, а через один. Помещения невелики, размеры самого большого – 5,4 x 5,5 м. Круглая форма здания обусловила наличие комнат подтреугольного и трапециевидного плана. С двух сторон от входа располагались блоки из трех помещений. За айванами комнаты располагались в 2-3 ряда. Часть помещений, вероятно хозяйственного назначения, – абсолютно пусты. В жилых комнатах обнаружены очаги, тандыры, тошнау. К сожалению, этот интересный памятник был раскопан частично, и его планировка известна лишь в общих чертах. Тем не менее, можно с уверенностью сказать, что он относится к типу ICVs4/3-4.

Рядом с караван-сараяем находился горн для обжига кирпичей, из которых были построены помещения золотоордынского периода.

Отдельные постройки XIII-XIV вв. исследованы и на других памятниках Азиатской части Улуса Джучи. В Дженде, крупном городском центре

Кок Орды, существовавшем с домонгольского времени известно три объекта, которые интерпретируются исследователями как караван-сарай (Байпаков, 2016. С. 402-403). Два из них находятся на территории города и пока исследованы только визуально. Это небольшие (19 x 19 м и 17 x 17 м) квадратные здания, в середине которых читается внутренний двор. Загородный караван-сарай, расположенный за пределами внешних стен шахристана, был прямоугольным в плане размерами 30 x 25 м (рис. 28). В передней стене находился въезд шириной около 3,2 м, обрамленный массивным (8,8 x 3,3 м) пештаком. Он вел во внутренний двор (18 x 14 м), по периметру которого располагались жилые и хозяйственные помещения. К фасадной стене с двух сторон от входа примыкали секции из квадратных (3,3 x 3,1 м) комнат, соединенных с небольшими прямоугольными помещениями в углах здания. Они имели один выход во двор. Вдоль боковых стен располагалось по пять квадратных комнат такого же размера, каждая из которых имела проход во двор. В стене, противоположной главному входу был сделан второй выход из здания, но более узкий, около 2 м шириной. К этой стене были пристроены четыре квадратные помещения больших размеров (примерно 4,3 x 4,3 м). Они также были сгруппированы в двухкамерные секции. Все квадратные помещения были перекрыты куполами. В центре двора находилось квадратное возвышение, предназначенное, вероятно, для выгрузки товаров. Таким образом, караван-сарай Дженда можно отнести к типу IAWs4/1.

В начале 2000-х гг. на высохшем дне Аральского моря было найдено поселение второй половины XIV в., получившее название Арал-асар (Байпаков, 2016. С. 403-404). По мнению исследователей, это поселение возникло у стен караван-сарая, построенного на караванном пути, который проходил по дну пересохшего Арала и соединял Южное и Восточное Приаралье с Северным. Однако подтвердить эту гипотезу смогут только широкомасштабные раскопки.

Наиболее хорошо изучен путь между Хорезмом и Сарайчиком, оборудованный сетью караван-сараяев (рис. 29). Согласно источникам, он занимал от 20 до 40 дней (Тизенгаузен, 1884. С. 242, 307-308; Федоров-Давыдов, 2001. С. 214).

Путь из Хорезма в Сарайчик начинался в Ургенче. Здание караван-сарая в Ургенче не было исследовано, подробно изучался только хорошо сохранившийся большой портал со стрельчатой аркой, называемый местным населением «воротами караван-сарая». Памятник был кратко описан А.Ю. Якубовским в книге «Развалины Ургенча» (Якубовский, 1930. С. 63-64); в 1952 г. здесь были проведены раскопки Хорезмской археолого-этнографической экспедицией и результаты раскопок опубликованы (Толстов, 1958. С. 224-229; Вактурская, 1958. С. 467-494; Лапиров-Скобло, 1958. С. 529-542). Портал сложен из обожженных кирпичей на ганчевом растворе. Он представлял собой массивное, прямоугольное в плане сооружение с

большой стрельчатой аркой, то есть типичный среднеазиатский пештак (рис. 30). Опорой свода, ширина которого составляла 4,5 м, служили два пилона размерами 3,74 x 5,93 м каждый. С передней стороны свод был открыт, и высота проема до шипца составляла 8,1 м. С задней стороны он ограничен щипцовой стеной, в которой был сделан проезд шириной 3 м, также перекрытый стрельчатой аркой. Верхняя часть портала, включая тимпан арки, не сохранилась. Портал был богато декорирован неполированным шлифованным кирпичом и майоликой (рис. 31). Фасад каждого пилонa расчленен тремя лопатками, поверхность которых выложена фигурно: кирпичи клались «ложком» друг на друга и каждая пара отделялась от другой терракотовой вставкой-переборкой (кладка «бантиком»). Эти выступающие лопатки образовывали три П-образные рамы, промежутки между которыми заполнены терракотовыми плитками с резным орнаментом и бирюзовой поливой. Плитки выпали и были найдены в завалах у подножия портала (Федоров-Давыдов, 1958. С. 519-520). Относительно неплохо сохранился декор свода ниши. Из неполированных терракотовых плиток розовато-желтого цвета и различного размера выложен геометрический орнамент. Ячейки между его полосами заполнены мозаичным набором из резной майолики, расписанной бирюзовым, синим и белым цветами.

Раскопки показали, что портал (вероятно, как и все здание) был построен в первой половине XIV в. Снаружи к нему ведет торговая улица, состоящая из множества лавочек (Федоров-Давыдов, 1958). Эти торговые ряды возникли позже, но их расположение и длительное (до XVII в.) существование на этом месте являются косвенным подтверждением того, что здание, которому принадлежит портал, действительно могло быть караван-сараям.

Следующим пунктом, в котором караван мог остановиться на ночлег является городище Шемаха-кала, расположенное в 60 км к западу от Куня-Ургенча на выступающем отроге плато Устюрт (Кдырниязов М.-Ш., 2015. С. 40-43). С.П. Толстов писал о городище, что «в основе – это раннесредневековый город-крепость, обнесенный некогда прямоугольником мощных стен с огромными башнями» (Толстов, 1948б. С. 311). По мнению С.П. Толстова, город был разрушен монголами, но в XIV в. вновь расцвел и продолжал существовать до XVI-XVII вв. Ю.П. Манылов считал, что Шемаха-кала – это и есть рабат Замджан, «врата тюрок», упоминаемый Ибн Фадланом (Манылов, 1979. С. 95). Далее на Устюрт можно было попасть несколькими путями. Ибн Фадлан говорит об остановке Джит, которая была последней. Джитом, вероятнее всего, является караван-сарай Куланлы (X-XI вв), расположенный в 30,5 км к северо-западу от Шемахи на краю плато Устюрт (Манылов, 1979. С. 95-97). «Потом мы устремились в страну тюрок, ни сворачивая ни перед чем, и никто нам не встречался в степи – [безлюдной] пустыне без единой горы. Итак, мы ехали по ней десять дней и встретили бедствия, трудности, сильный холод и бесперывные снежные метели, при которых холод Хорезма был подобен дням лета. Мы позабыли все, что с нами было [до

этого], и были близки к гибели [наших] душ» – так драматически описывает Ибн Фадлан переход через Устюрт (Ковалевский, 1956. С. 125). Из этого отрывка видно, что по всему пути не было никакого жилья. Караван ехал кратчайшим путем (около 400 км), который занял 10 дней. Весь путь Ибн Фадлана через Устюрт реконструируется следующим образом: он начинался в Джурджании (Ургенче), проходил через Замджан (Шемаха-кала), Джит (Куланлы), огибал Барсакельмесскую котловину с запада и выходил на один из северо-западных спусков с плато Устюрт (Манылов, 1979. С. 95, 99).

Ибн Баттута, пересекший Устюрт в 1333 г. также не упоминает какие-либо караван-сарай. «Оттуда [из Сарайчика Э.З.] мы ехали тридцать дней, быстрой ездой, останавливаясь только на два часа – один раз поздним утром, а другой – на закате солнца. Остановка была соразмерна с тем, чтобы сварить дуки и выпить его; сваривается же он, будучи вскипячен [лишь] один раз... Всякий человек спит или ест в своей арбе во время езды... У едущих по этой степи в обычае быстрота [езды] вследствие недостатка свежей травы. Верблюды, которые пересекают ее [степь], большей частью погибают; теми из них, которые остаются [в живых], пользуются только на другой год, после того, как они потучнеют. Вода в этой степи [встречается] в известных водопоях через два-три дня; это вода дождевая и скопляющаяся в песчаной почве.» (Тизенгаузен, 1884. С. 308). Основываясь на описании Ибн Баттутой водопоев с дождевой водой, М.Д.Калменов предположил, что это известные до нашего времени «копани», искусственные воронкообразные водосборники диаметром 15-20 м (рис. 32). Так как они могут быть только в песках, исследователь частично реконструировал путь Ибн Баттуты: от Сарайчика в район севернее р. Эмба, далее после форсирования Эмбы по древнему броду Бокаши, через пески Сам уже на Устюрте и далее через плато до Хорезма (Калменов, 2012. С. 65-66).

В XIV в. существовал и другой путь через Устюрт. К северу от Шемахи находится удобный естественный подъем Шибинды, в 12-15 км от которого расположено городище Пульжай (Манылов, 1972. С. 119; Манылов, Юсупов, 1982. С. 180). Памятник состоит из крепости домонгольского времени (рис. 33), неукрепленного поселения XIII-XIV вв. и могильника (Кдырниязов О.-Ш., 2016. С. 81-83). На неукрепленной части поселения частично исследован караван-сарай. Стены его сложены из обработанных плит известняка на известковом растворе. Здание имело прямоугольную форму размерами 33,75 x 16,8 м. Западный и северный углы его были фланкированы круглыми башнями-гульдаста диаметром 1,5 м. Башни сложены одновременно со стенами, и кладка их имеет перевязку с кладкой стен. Восточный и южный углы укреплены контрфорсами прямоугольной (1,3 x 1,3 м и 1,5 x 2,0 м) формы, пристроенными позднее. Посередине северо-западной стены, в 10,8 м от западного угла, находился въезд в постройку. Вход был оформлен порталом-пештаком, выступающим за линию стены. Расчищены его прямоугольные пилоны, ограничивающих пространство

2,2 м. Между ними находился проход шириной 1,5 м, мощеный каменными плитами. Внутри сооружения были расчищены девять помещений, среди которых зал и вестибюль с каменными базами, зернохранилище, жилые комнаты с канами. Внутри помещений найдены алебастровые решетки-панджара, что свидетельствует о наличии окон. Исследователи считают, что здание в Пульжае по своей планировке аналогично караван-сараям восточного чинка Устюрта, относящимся к X–началу XIII вв. Судя по археологическим материалам, он мог быть построен в домонгольское время, а в золотоордынское – перестроен и активно использовался (Кдырниязов М.-Ш., Кдырниязов О.-Ш., 2015. С. 130-131; 2016. С. 82-83).

В то же время, устюртские постройки квадратные или близкие к квадрату в плане, и помещения в них расположены вокруг двора. В Пульжае мы имеем вытянутое прямоугольное здание, и не исключено, что оно было полностью перекрыто. На это косвенно указывает наличие окон. Однако до окончания раскопок и публикации полного плана постройки, делать какие-либо выводы – преждевременно.

Примерно в 30 км от Пульжая начинается караванный путь, оборудованный целой цепью караван-сараяв, который интенсивно функционировал в XIV в. (рис. 29). Начиная с этого времени сообщение между государствами Средней Азии и Золотой Ордой, а затем, Русским государством было практически непрерывным, что хорошо видно по официальным письмам среднеазиатских правителей к русским царям и документам, отражающим торговые связи (Калменов, 2012). Существовали два пути: морской и сухопутный. Морской шел через Каспийское море от Мангышлака в Хаджи-Тархан, затем в Астрахань, а сухопутный – через Устюрт к рекам Урал и Волге (Бижанов, Лоховиц, 1969. С. 52; Астафьев, 2010. С. 77-96; 132-144). Судя по археологическому материалу, в XIV и, вероятно, в XV вв. функционировали оба пути. В XVI и первой половине XVII в., использовался исключительно морской путь, так как в степях было неспокойно из-за разбойничьих набегов калмыков. Со второй половины XVII в. посольства и торговые караваны начинают пользоваться сухопутным путем (Калменов, 2012. С. 67-68).

Первые письменные сведения о пути через Устюрт, описание колодцев и построек на нем относятся к XVIII в. Их составил историк и краевед П.И. Рычков в своем труде «Топография Оренбургская, то есть описание Оренбургской губернии». В XIX в. этот путь продолжал существовать, получив название «старой ногайской дороги». Колодцы и остатки древних построек вдоль караванного тракта упоминали многие ученые, военные и гражданские чиновники, путешественники: географ и этнограф А.И. Левшин, Н.П. Иванов, участник Хивинского похода 1839-1840 г., этнограф и экономист П.И. Небольсин, востоковед В.В. Григорьев, военный историк генерал-лейтенант М.И. Иванин, полковник Н.Н. Белявский, геолог и географ С.Н. Никитин, геолог и палеонтолог А.Н. Рябинин (Иванов, 1873. С. 18; Небольсин, 1855. С. 110-111; Григорьев, 1861. С. 112; Иванин, 1873.

С. 13; Дополнительные..., 1887. С. 180; Никитин, 11893. С. 73-77; Рябинин, 1905. С. 246). Наибольшее впечатление на всех исследователей произвел караван-сарай Белеули с прекрасно сохранившимся порталом. «От Чурук до двух колодезей Блявули до 50 верст; колодези выложены кирпичом, подле них имеется большая старая каменная палата с одною башнею, род крепости, вышиною с дом, о двух жильях со сводами и с несколькими во внутренности покаями, во многих местах разбитая. Строение сие, по словесным преданиям, есть одного из Чингиз-хановых сынов, шедшего из Астрахани обратно в Хивинскую землю. В сей палате долгое время имели пристанище разбойники из каракалпак и тухменцев, грабившие ходившие мимо сих мест караваны или бравшие за водопой с проезжающих немалую подать. Киргизцы лет 30 тому, наскучив сим притеснением, выгнали разбойников из их убежища и колодези забросали песком и камнем; с тех пор нет уже тут ни воды, ни разбойников» – писал об этом памятнике В.В. Григорьев (Григорьев, 1861. С. 112). В 1899 г. член Императорского Русского Технического общества, известный фотограф, М.Н. Чернышевский (сын Н.Г. Чернышевского) сделал первую фотографию портала Белеули (Жукова, Левтеева, 1976). И.А.Кастанье также включил в свой труд описания А.И.Левшина и В.В.Григорьева (Кастанье, 1910. С. 98).

Первое археологическое обследование памятников Устюрта проведено в 1946 г. Хорезмской экспедицией. Во время авиаразведок были открыты местоположения развалин караван-сараев Учкудук, Булак, Кос-булак, Белеули (Толстов, 1947. С. 178; Вактурская, Воробьева, 1952. С. 629; Аржанцева, 2016. С. 202). Тогда же архитекторами В.И. Пентманом и М.А. Орловым был снят план караван-сарая Белеули, сделан рисунок фасада с порталом, разрезы портала и башен. С.П. Толстов датировал постройки Устюрта хорезмшахским временем, а именно X-XI вв. Как писал исследователь, «важнейшим достижением экспедиции надо считать открытие... двух торговых путей X-XI вв., один из которых шел, обходя с юга шор [солончак Э.З.] Барса-Кельмес на Мангышлаке, второй – через развалины Белеули на ССЗ на Среднюю Эмбу, Урал и Волгу. Этот последний путь, по которому в начале X века ехал Ибн Фадлан, был во второй половине того же столетия оборудован великолепными караван-сараями из тесаного камня и колодцами, облицованными камнем, на расстоянии друг от друга примерно в 25 км – нормальный переход каравана» (Толстов, 1948а. С. 347).

Работы на Устюрте были продолжены ХАЭЭ в 1950 г. Выехав из Сарайчика, экспедиция обследовала караван-сарай у брода Тас-кичу (Таш-кичу) на р. Сагыз и Коскудук, Чурук, Белеули, Косбулак, Учкудук на плато Устюрт (Толстов, 1958. С. 14-18; Аржанцева, 2016. С. 204). «В итоге разведочного маршрута выяснился характер важнейших сооружений (караван-сарай, колодцы, брод и др.) средневековой караванной дороги из Хорезма в Восточную Европу, уточнялись направления этой дороги и датировка ее отдельных сооружений, среди которых были открыты новые первоклассные памятники»

ки архитектуры Средней Азии. Обследование караван-сарая позволило собрать материал, характеризующий единство типа всех этих сооружений при разнообразии строительных приемов и конструкций. Общая однотипность планировки, расположения и отдельных конструктивных деталей свидетельствует о сравнительно одновременном сооружении построек как единого комплекса оборудованной дороги. Возникновение их, очевидно, относится к началу расцвета Хорезмийского государства XI-XII вв., когда торговые и политические интересы Хорезма связывали его с Поволжьем и Восточной Европой» – писал С.П.Толстов (Толстов, 1958. С. 18-19). Таким образом, в результате более подробного обследования возраст построек стал моложе на 100 лет.

Раскопки на караван-сараях Устюрта были проведены в 60-70 гг. XX в. Е.И. Бижановым. При раскопках караван-сарая Булак и Косбулак была найдена керамика и нумизматический материал, относящиеся к XIII-XIV вв. Однако исследователь не смог преодолеть уже сложившиеся представления и предположил, что построенные в хорезмшахское время караван-сарая, наиболее интенсивно использовались в золотоордынский период (Бижанов, Лоховиц, 1969. С. 54-59; Бижанов, 1970. С. 56).

В 1975-78 гг. экспедицией отдела археологии Института истории, языка и литературы Каракалпакского филиала АН Уз ССР были исследованы все караван-сарая Центрального Устюрта, находящиеся в пределах Каракалпакии. Эти работы окончательно доказали, что постройку караван-сарая на этой дороге нужно отнести к золотоордынскому времени. Все материалы исследований были подробно и обстоятельно опубликованы (Маньлов, 1982; Маньлов, Юсупов, 1982).

Памятники расположены цепочкой, практически по прямой линии, идущей с юго-востока, на северо-запад от северного борта шора Барсакельмес. Расстояние между караван-сараями Учкудук и Коскудук около 170 км. Ближайшим к восточному чинку Устюрта является караван-сарай Учкудук. Он представляет собой почти квадратное здание размерами 31,7 x 28,45-65 м (рис. 34.1). Стены его толщиной 75-85 см сложены панцирной кладкой из обработанных каменных плит на алебастровом растворе. Пространство между плитами забутовано камнем и залито раствором. Углы южной, фасадной стены оформлены декоративными круглыми башнями диаметром 1,85 м. Снаружи башни были оштукатурены алебастровым раствором. По центру южной стены находился проход шириной 4,7 м, который затем сужается до 3,9 м. Вход был оформлен порталом, пилоны которого слегка (на 40-50 см) выступали за плоскость стены. Проход вел во внутренний двор размерами 18 x 21 м. В центре его находился колодец (диаметр около 1,5 м), обложенный каменными плитами.

Помещения располагались в один ряд по всему периметру двора. С двух сторон от входа находились два почти квадратных помещения (4,2 x 3,9 м). К ним примыкают небольшие открытые комнатки в виде узких коридор-

чиков, которые, как показали раскопки Белеули, являлись лестничными пролетами. Вдоль восточной и западной стен располагалось по семь жилых помещений. Угловые помещения 1 и 15 имели несколько большие размеры (4,2 x 3,8 м), размеры остальных комнат – 3,75-3,90 x 2,9-3,0 м. Все они соединялись с двором скользящими проходами. Интерьер комнат достаточно единообразен: в них находилась низкая (20 см), но обширная суфа вдоль двух или трех стен и очаг (очажная яма). Полы были земляными. Некоторые комнаты обогревались жаровнями, о чем свидетельствуют следы прокаленности на полу.

К северной стене здания примыкало узкое вытянутое помещение 8 размерами 26,9 x 3,8 м. По центру его южной стены находился проход шириной 1,1 м, который, по на 25-35 см всей видимости, был оформлен порталом, пилоны которого выступали за пределы поверхности стены. Внутри помещения были найдены основания подпружных арок шириной около 60 см, которые на 40 см выступали из поверхности стен и завал каменных блоков трапециевидной формы, из которых были сложены арки. Ю.П.Манылов предположил, что помещение было перекрыто семью куполами (Манылов, 1982. С. 98; Манылов, Юсупов, 1982. С. 172). Однако, мне представляется, что данное помещение, которое, без сомнения, было загоном для скота или складом, скорее всего, имело сводчатое перекрытие на подпружных арках.

Во всех раскопанных помещениях находились завалы наибольших (23-18 x 20-17 x 7-5 см) плиток ракушечника, из которых, по мнению исследователей, были сложены купольные и сводчатые перекрытия. В некоторых комнатах найдены фрагменты неполивных терракотовых плит с резьбой, которыми могли быть украшены своды порталной ниши (Манылов, Юсупов, 1982. С. 172).

К западу от караван-сарая находился карьер по добыче камня, а к юго-востоку расположены три колодца, которые были описаны исследователями прошлых лет (Н.Н. Белявский, С.Н. Никитин, О.С. Вялов). В настоящее время колодцы засыпаны, и замеренная глубина одного из них до засыпки – 21 м (Манылов, 1982. С. 98).

Следующий караван-сарай находится в 25 км к северо-западу на дне большой котловины. Он называется Ажигельды по имени котловины и расположенных здесь колодцев (Вялов, 1934. С. 165), но в работах ХАЭЭ известен под именем Булак. Ажигельды имеет планировку почти идентичную Учкудуку, но сложен он из кирпича (рис. 34.2). Размеры здания 29,3 x 24,3 м. Углы фасадной стены фланкированы круглыми башнями диаметром 1 м, посередине стены находится въезд шириной 3,8 м. Пилоны портала шириной 1,2 м выступают за пределы стены на 60 см. Внутри здания помещения расположены вокруг внутреннего двора (19,3 x 15,3 м) и соединены с ним скользящими проходами 0,8-1,2 м шириной. Помещения, пристроенные к юго-западной фасадной стене, имеют несколько большие размеры (2,7-3,2 x 3,4-3,5 м), остальные комнаты почти квадратные примерно

3 x 3 м. В жилых комнатах находились суфы и очаги, в двух комнатах обнаружены умывальники – тошнау. К северо-восточной стене примыкает длинное узкое помещение (22,5 x 3,8 м), которое, скорее всего, являлось стойлом для животных. Оно соединялось с двором проходом шириной 1,3 м. К западной стене караван-сарая снаружи пристроена Г-образная стена, которая отгораживает дополнительное пространство (для товаров или животных).

Следующим на пути является караван-сарай Косбулак, который находится в 33 км. Он также сложен из кирпича, и толщина его стен составляет 2,8-3,8 м (рис. 34.3). Диаметр башен, пристроенных к углам фасадной стены, достигает 6,4 м. Въезд посредине юго-западной стены шириной 3,7 м обрамлен пилонами (2,95 x 0,4 м). Планировка Косбулака практически не отличается от уже описанных караван-сараяев: центральную часть занимает двор размерами 18,6 x 27 м, в который выходят жилые и хозяйственные помещения, пристроенные к внешним стенам. Слева от входа расположена квадратная комната несколько больших размеров (15) и прямоугольное узкое помещение лестничного пролета (1). Остальные комнаты вдоль боковых стен квадратные, размерами примерно 3,5 x 3,5 м. Внутри комнат – суфы, очаги, кое-где на стенах сохранилась глиняная обмазка. Напротив входа, вдоль северо-восточной стены – стойло для животных размером 26,4 x 3,6-4,2 м.

В 54 км к северо-западу, в большой котловине, расположен наиболее известный археологический комплекс Белеули, состоящий из караван-сарая, сардоб, колодцев, карьеров и могильников. Сохранившийся до наших дней портал караван-сарая виден за 10-12 км (Маньолов, 1982. С. 100).

Памятник производил впечатление на всех исследователей и путешественников, видевших его, о чем они и писали в своих заметках. Первым описал его П.И. Рычков: «На той же горе [Устюрте – Э.З.] при урочище Билюли Атай поныне имеется двор, у которого ворота большие, в нем мечеть и несколько небольших покоев. Все оное строение из кирпича. Подле ворот – глубокий колодезь, в коем до воды 30-40 сажен. О сем месте сказуется, якобы в самые ясные дни, когда воздух чист, видимы бывают отсель взморья: Каспийское и Аральское. И будто бы в прежние времена из Астрахани езживали на кораблях по Каспийскому морю к тому месту, где отсель видно и, выгружаясь тут, переезжали сухим путем через сие место на Аральское море, где грузили суда, ездили в Хиву и в другие тамошние места для торгу» (Рычков, 1762. С. 59-60). «На сем месте, по словам киргизов, один из святых построил мечеть и медресе (училище). Строения сии еще не совсем развалились доныне. Они были сделаны из каменных плит с кирпичными сводами. При них находится колодезь, глубиною сажен в 30. Стена, окружавшая сии строения, составляла род замка и имела четверо ворот, покрытых сводами. Урочище сие составляет довольно приметное возвышение» – писал А.И. Левшин (Левшин, 1832. С. 109). П.И. Небольсин, описывая караванный путь через Устюрт, упоминает Белеули как «строение в виде дома сооружено из огромных камней белого

и красного цвета и разделено на несколько небольших покойчиков, каждый с особым сводом. Ныне многие из них уже обвалились» (Небольсин, 1855. С. 110-111).

Неординарность постройки отмечал и С.П. Толстов. «Развалины Белеули являются наиболее выдающимся памятником этой группы. Это – укрепленный караван-сарай конца X-XI века, построенный из прекрасно отесанного светло-желтого ракушечника. Помещения внутри расположены в 2 этажа. По углам – круглые башни, вход оформлен в виде высокого портала со стрельчатой аркой. В тимпанах портала – два изображения львов, выполненных в плоском рельефе и сасанидской манере. Это наиболее ранний памятник средневековой каменной архитектуры Средней Азии и один из наиболее ранних памятников зданий порталной конструкции, являясь как в отношении конструкции, так и скульптурного оформления уникальным, представляет исключительный интерес» – писал исследователь (Толстов, 1948а. С. 347).

Здание караван-сарая прямоугольной формы, размерами 35,3 x 29 м (рис. 34.4). Стены здания толщиной 1,0-1,2 м возведены из плит известняка разного размера, причем лицевые стороны плит тщательно выровнены. Промежутки между плитами забивали щебнем и заливали известковым раствором. Все четыре угла здания укреплены круглыми сплошными башнями диаметром 3,2 м. К средним частям северо-западной и юго-восточной стен пристроены (без перевязки) две полубашни диаметром 2,7 м. Все башни сложены из специально выточенных лекальных плит. Въезд караван-сарай находился посередине юго-западной стены. Вход обрамлен порталом, который сохранился до настоящего времени на высоту 7,66 м (рис. 35-38). Согласно обмерам Хорезмской экспедиции, высота портала составляла 9,6 м (Маньолов, 1972. С. 102, 104; Маньолов, Юсупов, 1982. С. 174-175). Высокая стрельчатая арка опиралась на пилоны размерами 2,0 x 1,9 м и перекрывала пространство 3,8 x 1,9 м. Высота сводчатого проема 6,66 м, высота от пяты до щипца свода – 2,8 м. С задней стороны он был ограничен щипцовой стеной, в которой был сделан проезд, также перекрытый стрельчатой аркой высотой около 4,6 м. На тимпане, с двух сторон от арки, были сделаны каменные барельефы львов. Они существовали до 1972 г, а в настоящее время утрачены. Свод порталной ниши, видимо, украшали полихромные майоликовые плитки с подглазурной росписью в виде прямых и переплетающихся линий белого, бирюзового и ультрамаринового цветов.

Планировка здания во многом повторяет план других караван-сараяв Устюрта, но имеет некоторые особенности. В центре находился двор размерами 19,3 x 17,8 м. С двух сторон от входа расположены квадратные помещения (сторона квадрата 3,7-3,8 м), к ним примыкают узкие (1,2-1,3 м) помещения лестничных пролетов с остатками каменных лестниц. В южном и западном углах находятся жилые покои, состоящие из двух соединенных между собой

комнат. Далее вдоль северо-западной и юго-восточной стен расположено по пять отдельных комнат, которые соединены только с внутренним двором. Все помещения квадратные, размерами 2,9 x 2,95. В некоторых комнатах сохранились дверные перекрытия высотой 1,6 м. По мнению исследователей, высота стен помещений составляла около 2 м (Манылов, 1972. С. 102; Манылов, Юсупов, 1982. С. 174). В жилых покоях находились суфы, очаги, и была обнаружена система отопления в виде канов.

Вдоль северо-восточной стены, как и на других памятниках, расположено узкое хозяйственное помещение, которое на Белеули разделено надвое поперечной стеной. Со стороны двора к нему примыкает еще одно такое коридорообразное помещение 11, в которое обращены двери из боковых комнат 8 и 12. Учитывая тот факт, что все караван-сарай построены по одному и тому же плану, можно предположить, что помещение 11 возникло позднее, как дополнительное складское. Именно поэтому с ним соединяются жилые комнаты.

Раскопки 70-х годов показали, что в первоначальной трактовке этого памятника было много ошибочного. Прежде всего, керамический и нумизматический материал, найденный здесь, позволил уверенно датировать его XIII-XIV вв. Описывая рельефы на портале, С.П. Толстов предлагает искать аналогии в сасанидском Иране. Однако и в более позднее время достаточно часто встречается такое оформление портала. В качестве ближайших аналогий Ю.П. Манылов и Н.Ю. Юсупов приводят панно с изображениями львов на порталах дворца Ак-Сарай в Шахрисябзе (1380-1405 гг.) и медресе Шир-Дор в Самарканде (1619-1639 гг.) (Манылов, 1972. С. 102; Манылов, Юсупов, 1982. С. 175). Оба эти памятника построены позднее, и панно на них мозаичные, из поливных изразцов. На мой взгляд, гораздо ближе по стилистике рельефы из резного камня, происходящие из Армении. На тимпане армянского караван-сарая Селима изображены животные: баран и бык. Южный ханапар Ани, построенный Тиграном Оненцем в XIII в., украшен изображениями змей и львов. На известном рисунке Г. Гагарина изображен караван-сарай XVII-XVIII вв. в Ереване, на тимпане арки которого также изображены львы (Халпахчян, 1971. С. 187, 201-208). Поэтому предположение Г.А. Пугаченковой о том, что «в сооружении его [Белеули] участвовал какой-либо мастер, приглашенный из Армении или Азербайджана» (Пугаченкова, Ремпель, 1958. С. 33), кажется не лишены оснований.

С.П. Толстов, основываясь на наличии лестниц, характеризует караван-сарай Белеули как двухэтажное здание (Толстов, 1948а. С. 347; 1948б. С. 264). Но тут, скорее, можно согласиться с Ю.П. Маныловым, предположившим, что лестницы ведут на перекрытие помещений, и здание является одноэтажным (Манылов, 1972. С. 104; Манылов, Юсупов, 1982. С. 176). Подобные лестницы известны и на других памятниках, например, в полностью сохранившемся малоазийском караван-сарая Султан-хан, а также в

караван-сараях Дая Хатын и Ал Аскер (Прибыткова, 1953. С. 92-106; Пугаченкова, 1958а. С. 230-241, 223-225; Хмельницкий, 1992. С. 182-187; 1996. С. 293; Stierlin, 1998. P 73-75).

Вокруг караван-сарая Белеули располагались другие, связанные с ним объекты. Перед фасадной стеной выкопаны четыре колодца, обложенные в верхней части каменными плитами. Глубина их достигала 43 м (Вялов, 1934. С. 157). В 1946 г. при обследованиях ХАЭЭ у колодцев были найдены каменные водопойные колоды (рис. 38.4) (Толстов, 1948б. С. 263-264). В 50 м к северо-востоку находились восемь сардоб, служивших для сбора воды. В окрестностях памятника обнаружены пять каменоломен, из которых происходит камень, послуживший строительным материалом. Также недалеко лежит обширный могильник.

В 54 км на северо-запад от Белеули расположен караван-сарай Чурук, упомянутый П.И. Рычковым: «На той же горе [Устюрте – Э.З.] при урочище Гурук [Чурук] видны могилы весьма длинные, признают, что тут жили люди особой величины. Там же сделаны два покоя больших и высоких, а наверху положены столь великие каменья, что один камень десяти или пятнадцати человекам едва можно поднять...» (Рычков, 1762. С. 59-60). Размеры его составляют 31,7 x 29,55 м. По всем четырем углам находятся круглые башни диаметром 2,8 м (рис. 34.5). Стены и башни здания сложены из плит известняка в той же технике, что и в Белеули. Вход в постройку шириной 3,5 м находился в юго-западной стене. Пилоны портала довольно мощные, размерами 2 x 2 м. Вдоль северо-западной и юго-восточной стен располагалось по шесть жилых комнат, причем две из них были изолированными и соединялись только с двором, а остальные были сгруппированы в два блока из двух смежных комнат. Размеры помещений 3,7 x 3.3-3,8 м. Интерьеры жилых помещений такие же, как и на других памятниках.

Вдоль северо-восточной стены расположено хозяйственное помещение размерами 27,3 x 3,4 м. Вход в него, сделанный по центру стены, также имел небольшой портал. В центре здания находился открытый двор размерами 24,8 x 19 м. Во всех помещениях найдены завалы небольших плиток ракушечника, а также обожженных кирпичей. По мнению исследователей, из этих материалов были сложены сводчатые перекрытия комнат (Манылов, 1972. С. 110; Манылов, Юсупов, 1982. С. 179). В южном и западном углах найдены лестницы шириной 1,1 -1,3 м.

В окрестностях караван-сарая обнаружены несколько колодцев, карьер и могильник.

В 46,5 км к северо-западу на границе песков Сам, в небольшой котловине находятся колодцы Кюше (Куше). На северо-восточном борту котловины прослежены остатки караван-сарая (Астафьев, 2010. С. 78-79). Стены его были сложены из обожженного кирпича, который полностью выбран для сооружения надмогильных построек XVIII-XIX вв. Траншеи выборки стен дают возможность приблизительно проследить форму здания: караван-са-

рай был квадратным размерами 25 x 25 м. Следующий по пути колодец Туруш расположен в 36 км от Кюше, а еще в 17 км – колодцы Бескудык или Бельдеули. На дне котловины находятся караван-сарай и пять колодцев, два из которых засыпаны, а три – с водой (Астафьев, 2010. С. 79, Калменов, 2013. С. 48-49). Караван-сарай Бельдеули (Коптам) был обследован сотрудниками Мангистаунского историко-культурного заповедника. По видимым на поверхности стенам был составлен план памятника и сделаны его описания (Астафьев, 2010. С. 79-81, Калменов, 2007. С. 280-281; 2013. С. 48-49). В 2011 г. здание было раскопано полностью (Кожа, Самашев, 2014. С. 486-498).

Постройка имела прямоугольную форму, размеры ее 27 x 24 м (рис. 39). Внешние стены ее сложены панцирной кладкой из крупных обработанных плит и блоков известняка на алебастровом растворе. Кладка стен помещений – комбинированная, с использованием сырцовых и обожженных кирпичей и облицовки каменными плитами. Углы здания оформлены круглыми башнями диаметром 2 м. Вход шириной около 3,65 м находился посередине юго-восточной стены. От портала сохранились основания пилонов шириной 2,1-2,2 м, выступающие из плоскости стены на 80 см. В завале камней портала найдены терракотовые облицовочные плиты с арабскими буквами и растительными узорами.

В центре здания находится обширный (13,7 x 14,9 м) двор, окруженный по периметру помещениями. С двух сторон от входа находились квадратные помещения размерами 4 x 4 м. Правое было жилым, а в левом находилась мечеть. Пол в нем вымощен каменными плитами и покрыт ганчевой обмазкой, а в юго-западной стене находилась михрабная ниша с декоративными колонками по сторонам также покрытая ганчевой обмазкой. Вдоль боковых стен располагались жилые комнаты, по пять с каждой стороны. Угловые комнаты 2 и 12 несколько меньших размеров и соединены соответственно с помещениями 3 и 11, образуя двухкомнатные секции. Остальные помещения соединяются только с двором. Размеры их стандартны и составляют около 3,2 x 3,3 м. В жилых комнатах обнаружены остатки суф и очагов. К задней стене пристроено хозяйственное помещение 7 размерами 22 x 3,7 м. Вход в него, вероятно, был оформлен порталной аркой. Между помещениями 12 и 14 у юго-восточной стены находилось узкое помещение 13 с лестницей, ведущей на крышу. Как и остальные караван-сарай, Бельдеули датируется первой половиной XIV в.

Последним на этом караванном пути в пределах Устюрта является караван-сарай Коскудук. Он располагается на краю чинка плато Устюрт в его северо-западной оконечности. В 1950 г. Коскудук был обследован Хорезмской экспедицией (Толстов, 1958. С. 16), а впоследствии сотрудниками Мангистаунского историко-культурного заповедника был составлен его план (Астафьев, 2010. С. 83-86, Калменов, 2007. С. 279-280; 2013. С. 50-53). Здание почти квадратное в плане размерами 41,6 x 40,8 м (рис. 40). Стены сложены

из крупных обработанных плит известняка панцирной кладкой. Толщина внешних стен составляет 1,2-1,5 м. Все четыре угла постройки фланкированы круглыми башнями, а к боковым и задней стенам по центру пристроены полубашни. Башни со стороны ворот и три промежуточные имеют диаметр 3,3 м, а угловые башни с тыльной стороны – диаметром 4 м. Вход шириной 3,8 м находится в середине западной стены. Сохранились остатки пилонов портала шириной 2,7 м. Они выступают за плоскость фасадной стены на 1,2 м. Расстояние между пилонами 4,8 м, глубина арки 2,5 м. Проход длиной 7,2 м ведет в обширный двор размерами 30,5 x 25,5 м.

С двух сторон от входа зеркально расположены по две большие квадратные комнаты. Размеры их 5,7 x 5,7 м. Стены этих помещений сохранились на высоту 2,5 м, поэтому удалось проследить характер их перекрытий. На высоту 1,5-1,7 м от уровня пола стены были сложены из массивных плит, поставленных вертикально. Выше начиналось сводчатое перекрытие, сложенное из небольших известняковых плиток, отесанных в форме кирпичей. В помещениях были найдены пристенные арочные ниши и тромпы, на которые опирался купол. Угловые комнаты имеют крестовидную форму. Они также были перекрыты куполами, но меньшего размера. Купола опирались на полусводы угловых отсеков комнат. Между комнатами, примыкавшими к фасадной стене находились лестничные пролеты шириной 1,2-1,3 м. Сохранившиеся ступени позволили вычислить вероятную высоту крыши – 5,5-6 м (Астафьев, 2010. С. 85). Вдоль северной и южной стен находилось по 7 небольших помещений, соединенных с двором скользящими проходами. Размеры комнат примерно 2,7 x 3 м. Эти помещения перекрывались сводами «балхи» (Толстов, 1958. С. 16; Астафьев, 2010. С. 86, Калменов, 2013. С. 52). К восточной стене пристроено хозяйственное помещение шириной 3,6 м. В него ведет центральный проход (2,5 м), за которым находится тамбур, отделенный от левого и правого крыльев помещения арочными проемами. Основания подпружных арок имеют ширину 1 м и выступают из стены на 50 см при арочном пролете 2,8 м. Крылья, в свою очередь разделены на четыре части арочными проемами. Авторы публикаций предполагают, что помещение было перекрыто куполами (Астафьев, 2010. С. 86, Калменов, 2013. С. 52). Однако мне представляется, что данное помещение, могло иметь сводчатое перекрытие на подпружных арках. Рядом с караван-сараям Коскудук расположено несколько каменных построек.

Следующей точкой данного маршрута прохождения караванов являются ключи Учкан (Ушкан), расположенные за пределами плато Устюрт, на расстоянии 86 км от караван-сарая Коскудук (Толстов, 1958. С. 16; Астафьев, 2010. С. 88). Эти ключи описаны еще П.И. Рычковым: «По Хивинской дороге, на высокой горе, которая именуется Ирняк [Устюрт – Э.З.], в урочище Учкан-Ата удивительный родник, или водяной ключ находится. Он из-под земли так сильно бьет, что ежели кто в него бросит камень нарочитой величины, то родник якобы сильным своим напором до дна его не допустит,

а держит наверху» (Рычков, 1762. С. 59). По мнению А.Е. Астафьева, на этом пути должен находиться промежуточный караван-сарай, но в настоящее время он не найден (Астафьев, 2010. С. 88).

Следующий караван-сарай Тас-кичу (Таскешу) находится на р. Сагыз у искусственного каменного брода. А.И. Левшин указывает на местоположение здания под названием Узунтам : «На левой стороне р. Сагыз, через которую в сем месте был построен каменный мост или плотина. Оставшиеся от нее плиты тесаного камня еще видны. Говорят, что она была сделана по повелению одного из сыновей Чингисхана» (Левшин, 1832. С. 109). Переправу и кирпичное здание при ней упоминает И.А. Кастанье (Кастанье, 1910. С. 97). В 1950 г. караван-сарай обследовала Хорезмская экспедиция (Толстов, 1958. С. 14-15). В 2008-2010 на памятнике были проведены раскопки Атыраусским областным центром истории и археологии. Здание было раскопано частично, результаты опубликованы в самом общем виде (Гарифолла, Кольцов, 2010. С. 25-28; Кольцов и др., 2012. С. 25-33; Кольцов, Кольцова, 2016. С. 49-51). Постройка сложена из обожженного кирпича размерами 30 x 30 x 5 см (рис. 41). Толщина внешних стен 1,25 м, внутренние стены толщиной 0,95 м. В плане она имеет форму квадрата со стороной 55 м. Углы укреплены массивными круглыми башнями. На середине западной стены с внешней стороны обнаружено основание башенной пристройки полукруглой формы. По всей видимости, не только углы караван-сарая, но и стены были укреплены башнями. Башни сложены из кирпичей трапециевидной формы. Вход в здание находился с южной стороны. Центральную часть занимал двор размерами 30 x 30 м. Раскопками вскрыты 7 жилых помещений, пристроенных к западной стене. Комнаты квадратные, размерами 3,7 x 3,7 м. Все они проходами соединялись с двором. В жилых помещениях находились очаги и суфы различной конфигурации, в некоторых суфах прослежены каналы. К северной стене было пристроено длинное узкое хозяйственное помещение. Таким образом, несмотря на то, что караван-сарай Таскешу раскопан частично, можно смело утверждать, что он имел такую же планировку, как все остальные подобные постройки на Устюртском караванном пути. Памятник хорошо датируется керамическим и нумизматическим материалом. При раскопках найдены монеты 1330-1390-х гг.

Таким образом, обзор всех исследованных караван-сараяв Устюртского караванного пути свидетельствует о том, что все они относятся к одному типу планировки. Все здания представляют собой однодворовые постройки квадратные или близкие к квадрату в плане, с одним входом. Застройка вдоль стен секционно-галерейная вдоль четырех стен в один ряд. Причем к трем стенам примыкают жилые секции и общественные помещения (мечеть), а к противоположной входу стене – хозяйственная галерея. В виде символов этот тип можно записать следующим образом: IAVsg4/1. Только у караван-сарая Белеули вдоль задней стены сделаны две галереи (IAVsg4/1-2), но мне кажется, что это результат поздней перестройки. Караван-сарай Коскудук

выделяется наличием четырех больших, вероятно общественных помещений, перекрытых куполами, пристроенных к передней стене. В остальном различия минимальны. Часть зданий построена из камня (Учкудук, Белеули, Чурук, Коптам, Коскудук), остальные – из кирпича (Ажигельды, Косбулак, Куше, Таскешу). Различаются караван-сарай количеством башен. Учкудук, Ажигельды и Косбулак имеют башни только с фасадной стороны, у Чурука и Бельдеули, башнями укреплены все четыре угла, а у Белеули, Коскудука и Таскешу имеются полубашни по центру боковых стен и с тыльной стороны (Коскудук). Поэтому, вне всякого сомнения, можно согласиться с С.П. Толстовым, считавшим, что эти сооружения построены одновременно, как единый комплекс (Толстов, 1958. С. 19).

Таблица 3.

Караван-сарай	Размеры (в м)	Материал	Толщина стен (в м)	Количество башен	Диаметр башен (в м)	Размеры двора (в м)	Количество жилых и общественных помещений	Количество складских помещений
Учкудук	31,7x28,45	камень	0,75-0,85	2	1,85	18,0x21,3	16	1
Ажигельды (Булак)	29,3x24,3	кирпич	0,65-0,9	2	1,05	19,3x15,3	16	1
Косбулак	39,0x33,5	кирпич	2,8-3,8	2	6,4	18,6-27,1	14	1
Белеули	35,3x29,0	камень	1,0-1,2	6	3,2	19,2x17,8	16	3
Чурук	31,7x29,55	камень	1,1	4	2,7-2,8	24,8x19,0	12	1
Бельдеули (Коптам)	27,0x24,0	камень	1,0-1,2	4	2,0	13,7x14,9	16	1
Коскудук	41,6x40,8	камень	1,2-1,5	7	3,3-4,0	30,5x25,5	18	1
Тас-кичу	55x55	кирпич	1,25	6 (?)	4,0 м	30x30	17	1

Описанный караванный путь (восточный) был не единственным на Устюрте в золотоордынское время. Западный путь, ведущий от Ургенча к полуострову Мангышлак, был известен, по крайней мере, с хазарского времени. Он также был оборудован караван-сараями, но все известные постройки датируются домонгольским периодом (Астафьев, 2010. С. 56-60, 132-140). Кроме того, этот путь изучен гораздо хуже.

Европейские территории

От Сарайчика караваны двигались в Поволжье. Ибн Баттута этот путь преодолел за 10 дней (Тизенгаузен, 1884. С. 307-308); по свидетельству Пеголотти и Тосканского Анонима, путь из Сарая до Сарайчика длился 8 дней сушей и водой (цит. по Федоров-Давыдов, 2001. С. 214). Однако на этом отрезке до сих пор никаких остатков караван-сарая не зафиксировано. Удивительно, но ни один постоянный двор не известен и в Нижнем Поволжье, ни в городах, ни в их окрестностях, хотя, вне всяких сомнений, они там существовали. Объяснением этому факту может служить недостаточная изученность всех золотоордынских памятников Нижнего Поволжья. Плотность золотоордынских памятников по берегам Волги и Ахтубы в этом регионе чрезвычайно велика, все они определяются как поселения больше-

го или меньшего размера, но конкретное назначение этих поселений пока не известно. Вполне вероятно, что среди них окажутся и загородные караван-сарай.

Возможно, что перспективным в этих поисках могут оказаться раскопки большого здания недалеко от пос. Комсомольский в Астраханской области. На территории населенного пункта находится крупный город золотоордынского времени. По предположениям исследователей город назывался Орда Муаззам или Ак-Сарай (Пачкалов, 2001). Памятник носит условное название – городище Ахтубинское (Аксарайское). Во время охранных раскопок здесь были раскопаны дворцовые здания (Плахов, 2008), а в окрестностях два явно не рядовых мавзолея сложной архитектуры (Зиливинская, 2014. С. 118-119). На космоснимках Google (рис. 42.1) примерно в 750 м к юго-востоку от окраины поселка видны остатки большого здания¹. Постройка прямоугольная в плане, вытянутая по оси ЮЗ-СВ (рис. 42.2). Размеры ее примерно 120 x 150 м. На снимке видно, что два ряда стен окружают обширный двор свободный от застройки. По планировке это здание более всего напоминает караван-сарай, но подтвердить или опровергнуть эту гипотезу смогут только полномасштабные исследования.

Не найдены пока караван-сарай на Дону, Кубани и Куме. Это объясняется, скорее всего, недостаточной изученностью золотоордынских памятников в этих регионах. Кроме того, современники неоднократно отмечали безопасность дорог в Золотой Орде. Выше приведено свидетельство Б. Пеголотти, Ибн Арабшах также писал: «выезжали из Хорезма караваны на телегах спокойно, без страха, без опаски вплоть до Крыма» (Тизенгаузен, 1884. С. 460). Поэтому можно предположить, что постоянные дворы в Золотой Орде не обязательно должны иметь вид замка-крепости, как в Иране, Средней Азии, Армении и Анатолии. Караван-сарай могли состоять из нескольких небольших домов с помещениями для вьючных животных и товаров, а в степи – это могли быть просто юрты.

На западном конце караванного пути, в Крыму, известно одно здание, которое традиционно считается караван-сараем золотоордынского времени. Постройка находится в Солхате, на его юго-восточной окраине (рис. 43.1).

Монументальное здание не могло не привлечь внимание исследователей Крыма. Его упоминает П.С. Паллас в качестве «древнего дворца ханов» (Паллас, 1883. С. 45). П.И. Кёппен составил краткое описание развалин и высказал сомнение о том, что данное строение является остатками ханского дворца. «Развалины, лежащие, кажется, на юго-восток от города представляют высокие стены, на коих отчасти видна штукатурка, вышиной аршина в 4 (2,8 м), если не более, окружающие какой-то двор. По сторонам оных стояли 4 башни, выдававшиеся наружу. Ворота были одни.» (Тункина, 2011. С. 61).

---

¹ Приношу благодарность Д.В. Васильеву, который обратил мое внимание на этот объект.

Впервые эту идею о том, что данное строение является не ханским дворцом, а караван-сараяем, высказал востоковед В.Д. Смирнов в 1886 г. (Смирнов, 1886. С. 273-302). Он предположил, что развалины огромного сооружения, которое местное население называет «хан-сарай» является остатками постоянного двора или хана. Косвенным подтверждением этого является его расположение не далеко от деревни под названием «Тамгаджи», то есть таможня. «Высота стен, углубления в стенах снаружи, предназначенные для крепления балок, на которых лепятся обыкновенно чердаки, т. е. легкие деревянные чуланчики, заменяющие наши номера гостиниц, близость здания к той части города, где должен был находиться главный въезд в него возле Кемаль-Ата, за которым лежит сейчас деревня Тамгаджи, где производился досмотр и клеймение всех ввозившихся в город товаров – все это склоняло к мысли, что это был не ханский дворец, а караван-сарай» – писал В.Д. Смирнов (Смирнов, 1886. С. 301). Если это предположение верно, то вероятно, что постройка представляет собой тот единственный хан, который застал в «Эски Кырым» Эвлия Челеби (Челеби, 2008. С. 118).

В.Д. Смирнов, опираясь на свидетельства старожилов, помещает ворота в юго-западный угол здания. По его мнению, они были украшены резными косяками. Косвенным подтверждением того, что вход мог быть оформлен богато декорированным порталом, является найденный неподалеку от объекта огромный, «в сажень или более, камень, весь испещренный резьбой» (Смирнов, 1886. С. 283).

В 1925 г. здесь произвел небольшие раскопки И.Н. Бороздин, он же оставил до сих пор наиболее полное описание этого объекта (Бороздин, 1926. С. 287-292). Здание в плане пятиугольное (прямоугольник со срезанным углом) (рис. 43.2). Стены сложены из плохо обработанного местного известняка на известковом растворе с вставленными в их толщу деревянными рамами для большей прочности кладки и правильной осадки различных частей здания. В верхней их части видны углубления, в которые закладывались концы деревянных балок, на которых крепилась крыша помещений первого этажа (рис. 43.43.3-4). По мнению исследователя, помещения вдоль стен могли быть двухэтажными, тогда балки служили основанием настила полов комнат второго яруса. На углах монументальных стен находятся башнеобразные пристройки. Общая площадь здания около 2500 кв. м. Конструкции, найденные исследователем в двух траншеях, позволили предположить, что двор был замощен плитами, а по периметру стен шла колоннада галереи (были найдены фундаменты под базы колонн). Нитка водопровода, залегающая ниже уровня вымостки, возможно, тянулась к фонтану, расположенному в центре двора.

В целом такая планировка вполне характерна для укрепленного караван-сарая. Отступлением от канона является лишь срезанный северо-западный угол. Причины этого не известны, возможно они связаны с тем, что

здание было встроено в уже имевшуюся застройку города, для чего пришлось изменить его план.

В 1987-1988 гг. и 1990-1994 гг. исследования на объекте проводила Старокрымская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством М.Г. Крамаровского (Крамаровский, 1992; 1993; Золотоордынская..., 1999; Старокрымская..., 1991, 1999). Были исследованы укрепления, в частности стыки между юго-западной и западной, северной и северо-западной стен. Раскопки башни показали, что к моменту работ сохранились «южная, западная и северные стены до уровня второго этажа, перекрытие которого находилось на отметке 2,6 м от уровня пола. Восточная стена башни сохранилась хуже. Общая высота двух ярусов доходила, по видимому, до 5,5 м. Сохранились бойницы первого яруса, они расположены на высоте 1 м от пола, размер «входного проема» 10 x 80 см» (Старокрымская..., 1991, С. 66). Внутри стен раскопками была вскрыта стеклодельная мастерская, относящаяся к более раннему периоду (Крамаровский, 1993. С. 21-22).

Работы Старокрымской экспедиции не дали точного ответа на вопрос о назначении монументального здания в Солхате, но позволили четко датировать время его возникновения – последней третью XIV в. (Крамаровский, 1991. С. 66). Описания этого объекта непременно приводятся в литературе, посвященной средневековым памятникам Крыма (Якобсон, 1964. С. 106; Кирилко, 2013. С. 92-93; Гаврилов, Майко, 2014. С. 150-159) и, к сожалению, не содержат дополнительной информации. Наиболее полно сведения о нем собраны в недавней публикации Д.А. Ломакина (Ломакин, 2017). Однако окончательно решить проблему правильной интерпретации здания «караван-сарая» в Солхате без полномасштабных археологических исследований не представляется возможным.

Таким образом, несмотря на то, что Золотая Орда была великой торговой державой средневековой эпохи, такие важные элементы международной и внутренней торговли, как постоянные дворы или караван-сарай, на большей ее территории практически не известны. Можно говорить только о постройках на Устюртском караванном пути, которые связаны со среднеазиатской (хорезмийской) архитектурной школой. Что касается остальных регионов Улуса Джучи, то определение местонахождения караван-сараяв в них и изучение этой категории зданий является одной из важных задач золотоордынской археологии.

ГЛАВА 2. РЫНКИ

Происхождение, основные линии развития

Еще одна категория сооружений, связанных с торговлей – это рынки. Точно определить, когда они появляются, не представляется возможным. Скорее всего, в том или ином виде рынки возникают одновременно с выделением торговли в отдельное занятие. По крайней мере, в Древнем мире рынки были уже довольно развиты, что нашло отражение в различных литературных источниках. Страны Среднего Востока и Передней Азии всегда находились на пересечении торговых путей, и в каждом городе непременно были торговые точки. Купля-продажа велась и в городских караван-сараях (фундуках, ханах), но большинство исследователей считает, что в них совершались, в основном, оптовые сделки, а для розничной торговли использовались другие заведения. Арабские авторы называли их *сук* (рынок) или *асвак* (рынки); по-персидски они назывались *базар*. У Истахри и Ибн Хаукаля встречаются названия *маджма* и *алим маджма*, то есть «место сбора» и «великое место сбора» (Смирнова, 1970. С. 127). Эти термины подчеркивают многолюдность мест торговли. Кроме того, восточный базар служил не только для продажи и покупки товаров, но являлся одним из важнейших общественных мест города, был средоточием социальной, политической и культурной жизни. На базар приезжали купцы и приходили странники со всех сторон света, здесь можно было совершить сделку, узнать последние новости, услышать проповедь, получить предсказание своего будущего, воспользоваться услугами цирюльника или лекаря. На базарных площадях провозглашались указы правителей и выступали с представлениями бродячие артисты. Многообразная жизнь базара на Востоке нашла свое отражение в средневековой литературе: в повестях, сказках и притчах почти всегда есть сюжет, так или иначе связанный с базаром.

В средние века рынки в крупных городах находились чаще всего в пределах рабата, то есть ремесленного пригорода (Смирнова, 1970. С. 127-129), но в Самарканде крытый базар обнаружен в шахристане, к северу от соборной мечети города (Буряков, Садиев, Федоров, 1975. С. 93). Как и в более позднее время, существовали определенные «базарные» дни, когда в город съезжались ремесленники со своими товарами и жители близлежащих деревень (Смирнова, 1970. С. 131). Каждый рынок (или определенная часть пассажа) имели свою специализацию. О рынках Нишапура X в. и городских караван-сараях при них подробно и красочно пишет Ибн Хаукаль: «И есть в этих базарах постоянные дворы [ханат] и фундуки, в которых живут купцы с товарами и есть в них «ханбераты» для продажи и купли. В каждый фундук направляется с теми видами товаров, которыми в нем обычно торгуют. И редко какой из этих фундуков не похож на самые большие базары своего рода» (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973. С. 318). В Халебе в XII-XIII вв. известны рынки тканей, ювелиров и конный базар (Большаков,

1984. С. 116-117). Описывая Самарканд XV в., Бабур специально отмечает: «У этого города есть особенность, которая редко встречается в других городах: для каждого промысла отведен отдельный базар, и они не смешиваются друг с другом» (Бабур-наме, 1993. С. 73).

Достаточно рано сложились архитектурные формы восточных базаров. Элементарной единицей их была лавка или *дуккан*. Лавка могла служить только для торговли или в ней могла находиться мастерская ремесленника. О.И. Смирнова приводит сведения из истории Самарканда, в которых рассказывается о заезде евреев, который видел на базаре ювелиров мастера, изготовившего «двух газелей из золота и зайца из серебра» (Смирнова, 1970. С. 131). Мастерские ремесленников могли находиться как в самих лавках, так и в караван-сараях при базаре. Об этом известно от Ибн Хаукаля: «А для небогатых есть фундуки и постоянные дворы [хан], в которых обитают люди труда и ремесленники, с оживленными лавками, заселенными комнатами и мастерскими, наполненными ремесленниками. Так, у изготовляющих калансувы на их базаре есть фундук с мастерскими и комнатами, заполненными ими. У сапожников, галантерейщиков, веревочников и других на их базарах также есть фундуки, наполненные людьми их ремесла» (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973. С. 318).

В разных странах лавки могли отличаться своим внешним видом. А. Мец приводит описание князя Пюклера базаров Северной Африки: «Представьте себе два или три ряда поистине собачьих будок, в них по базарным дням сидят на корточках арабы и торгуются» (Мец, 1996. С. 436). В Средней Азии, судя по письменным источникам, дуккан – это однокамерное здание с айваном. Дукканы могли иметь второй этаж – *балхона* (Маньковская, 2014. С. 197-198).

Восточные рынки состояли из отдельных дукканов, сгруппированных в блоки. Часто базары располагались вдоль городских магистралей, например, именно так выглядели рынки Пенджикента (Распопова, 1971. С. 69). Строительство такой торговой улицы в Самарканде при Тимуре подробно описывает Руи Гонсалес де Клавихо: «В этом городе Самарканде продается каждый год много разных товаров, которые привозят туда из Китая, Индии, Тарталии и различных других мест и из самой [Самаркандской] земли, достаточно богатой. А так как [в городе] не было специальной площади, где бы удобно было торговать, сеньор приказал проложить через город улицу, в которой по обеим сторонам были бы лавки и палатки для продажи товаров. Эта улица начиналась в одном конце города и шла до другого, пересекая его весь... Менее чем за двадцать дней было сделано такое большое дело, что просто удивительно» (Клавихо, 1990. С. 124-125).

Такие торговые улицы обычно перекрывали куполами, *таками*. Слово *так* обозначало постройки с криволинейным перекрытием – арками или куполами (Смирнова, 1970. С. 128; Маньковская, 2014. С. 198-200). Например, в Самарканде в домонгольский период квартал, где находились рынки

назывался Рас ат-Так, дословно «Голова свода» (Бартольд, 1963. С. 136). Восточные авторы упоминают персидские рынки в виде крытых галерей: «На таком базаре, когда его хотели сделать красивым, расписывали стены, белили их, базар мостили и накрывали крышей» (Мец, 1996. С. 436).

Еще одно древнейшее название архитектурного торгового ансамбля – это *чахар-су* или *чорсу*, дословно «четырёхсторонний» (Смирнова, 1970. С. 128). Обычно – это центрические здания с выделенным большим куполом в центре. Древнейшим известным примером такого здания является сооружение близ Ярбекир-калы, в левобережном Хорезме, исследованное Хорезмской экспедицией и датированное XII-XIII вв. (Вишневская О.А., 1963. С. 68-73). Л.Ю. Маньковская относит его к караван-сараям «с четырьмя равновеликими дворами» (Маньковская, 2014. С. 205). Здание не было достроено, но, судя по имеющейся части, оно должно было представлять собой квадрат со стороной около 200 м (рис. 44). Этот квадрат был разделен двумя взаимно перпендикулярными улицами на четыре одинаковых квартала (полностью возведены два северных). Каждый квартал состоял из большого квадратного двора, окруженного со всех сторон сплошной секционной застройкой. В свою очередь, секции состояли из двух комнат и айвана, соединенных между собой, но изолированных от других секций. Помещения, скорее всего, были перекрыты сырцовыми сводами. Всего в постройке должно было быть свыше 750 помещений, образывавших более 250 ячеек (Вишневская О.А., 1963. С. 68). Если бы не особенности планировки, здание напоминало бы четыре караван-сарая, пристроенных друг к другу.

Особенностью этого сооружения является то, что жилые секции не соединялись с дворами, а имели выходы с наружной стороны здания и со стороны магистральных улиц. Во дворы можно было попасть через четыре входа, расположенные посередине каждой стороны. На месте пересечения магистральных улиц, которые имели ширину 5 м, находилась обширная (300 кв. м) площадь. На центральную площадь в каждом углу выходило по два изолированных помещения и лестница, вероятно, ведущая на крышу. Стены, ограничивающие площадь, были облицованы обожженным кирпичом, а повороты на центральные улицы были оформлены пилястрами треугольного сечения.

О.А. Вишневская считала это здание караван-сараям, а особенности его конструкции объясняла тем, что оно являлось одновременно базаром. Следует отметить, что в Ярбекире полностью отсутствует функция защиты, присущая караван-сараям. Скорее всего, это просто рынок, находящийся за стенами города. Секции представляют собой лавочки (дуकаны), возможно, с мастерскими и жилыми помещениями в задних комнатах. Лавки образуют торговые ряды, пассажи (тим) вдоль улиц и с внешней стороны здания. Улицы, возможно, должны были иметь перекрытие, а на месте их пересечения мог быть возведен купол (так). Четыре внутренних двора служили, скорее всего, для разгрузки и складирования товаров, возможно для крат-

современного содержания животных. Таким образом, хотя четкой дифференциации между городским караван-сараям и базаром в восточных городах не существовало, здание у Ярбекир-калы является скорее рынком, нежели караван-сараям.

Чорсу могли быть замкнутыми, если находились вдали от проезжей части дороги или проходными, если находились перекрестках магистралей. Такую же структуру, по мнению Л.Ю. Маньковской, имеют и таки (Маньковская, 2014. С. 199-200). Это хорошо видно на планах сохранившихся базаров более позднего времени. Проходными являются Чорсу в Ташкургане (Афганистан) (рис. 45.1), Самарканде (XVIII в.) (рис. 45.3), Шахрисябсе (XVII в.) (рис. 45.4) и знаменитые рынки Бухары XVI в. – Таки Саррафон (купол менял), Таки Загаррон (купол ювелиров) и Таки Тельпак Фурушон (купол шапок и украшений) (рис. 46, 47). Такую же структуру имеет большинство крупных торговых зданий Среднего Востока (рис. 48, 49).

В отличие от таков и чорсу, *тимы* определенного строения не имеют. Это многокамерные структуры различной планировки, которая адаптируется к условиям застройки. Так тим Абдулла-хана в Хиве (XVI в.) (рис. 45.5) имеет фасадную композицию, а тим Палван Дарваза в Хиве (XIX в.) – продольно-осевую (рис. 45.2). На основе анализа вакфных документов Л.Ю. Маньковская пришла к выводу, что тимы и тимча Самарканда (XV-XVII вв.) могли иметь дворовую планировку, которая делает их фактически не отличимыми от караван-сараям (Маньковская, 2014. С. 200). О.И. Смирнова полагает, что в средневековье было два вида тимов: специализированные торговые постройки, при которых имелись постоянные дворы (ханы) со складскими помещениями, где велась также оптовая торговля, и тимы – обычные торговые ряды (Смирнова, 1970. С. 134-135). В качестве примера торговых рядов она приводит описание крытого рынка Оша конца XIX-XX вв., составленного по рассказам старожилков: «...Здесь через речку были перекинута два висячих моста (осма-купрюк) на расстоянии 800-900 м друг от друга. Тим стоял между этими мостами на главной городской улице, проходившей по правому берегу речки параллельно ее руслу, в 40-50 м от последнего... Это деревянное каркасное сооружение, нечто вроде наземного тоннеля длиной в 700-800 м, перекрывающее улицу и открытое с двух сторон. Внутри тима по обеим сторонам улицы тянулись, как и сейчас, лавки, которые он защищал от жаркого солнца летом и непогоды зимой. Раньше тим был покрыт камышом, в настоящее время камышовая кровля заменена листовым железом.

Лавки в тиме располагались в определенной последовательности. Сначала шли лавки продавцов духов и лекарств (аттор) и сладостей (кандфуруш), глубже – продавцов тканей, одежды и тюбетеек (баззоз), а за ними уже лавки слесарей (тамурчи), ювелиров (заргар) и ножевщиков (пучокчи), в которых сидели ремесленники. Лавки последних состояли из двух помещений – переднего, где ремесленник работал, выставлял и продавал свой товар и

заднего – пристройки для товарных запасов. Вокруг тима сосредоточивалась почти вся городская торговля, в особенности в базарные дни. Между тимом и речкой (от моста до моста) шла бойкая торговля чаем (чой-бозор), тубетейками (дуппи-бозор), одеждой (тон или джома-бозор). По другую сторону тима торговали зеленью – арбузами и дынями (кавун-бозор), изюмом (узум-бозор), овощами и фруктами. Ниже мостов и тима по обеим сторонам речки в базарные дни собиралось несколько базаров. На левом берегу, между ним и дорогой, торговали фуражом (утун или алаф-бозор); по другую сторону дороги, между этим базаром и тимом, шла торговля лошадьми (кой-бозор) и скотом (мол-бозор). На правом берегу речки, ниже моста, шла торговля камышом и камышовыми поделками (бурьё-бозор). Около всяких мостов у воды были чайханы и ошханы, по две с каждой стороны моста, в базарные дни, переполненные народом. Чайханы играли большую роль в базарной жизни, здесь люди встречались, заключали разные торговые сделки; тут же на базарных площадях стояли мечети и мадрасы» (Смирнова, 1970. С. 135-136).

Исследовательница отмечает, что описание торгового центра старого Оша местным старожилом удивительно напоминает описания самаркандских и других средневековых рынков географами, и помогает лучше их себе представить. Это описание великолепно может быть проиллюстрировано фотографиями (рис. 50) из «Туркестанского альбома» (Туркестанский..., 1871-1872).

Таким образом, отличительной чертой таков и чорсу является центрально-купольная композиция, а для тимов характерна секционная структура, которая может быть скомпонована в виде линейных пассажей или дворовых комплексов.

Некоторое сходство со среднеазиатскими тимами линейной планировки имеют малоазийские крытые рынки – *бедестаны*. Но вообще, считается, что это чисто турецкий тип сооружений (ВИА, 1966. С. 446-447). Первоначально бедестаны предназначались для торговли тканями, а затем стали использоваться для продажи других товаров. Построенные в торговых районах, бедестаны представляли собой улицы, перекрытые сводами и застроенные по обеим сторонам лавками. Такая композиционная схема была заимствована у мечетей с многокупольным покрытием на столбах. Простейшая постройка такого плана – бедестан Эшефроглу в Бейшехире (XIV в.). Он имеет шесть куполов в два ряда, которые опираются на стены и два устоя в центре зала. По периметру центральная часть обстроена лавками со сводчатым перекрытием (рис. 51.1). Такую же структуру имеют и другие крытые рынки: здание в Тире (1396) перекрыто восемью куполами на трех столбах, в Бурсе (1405 г.) и Эдирне (1418 г.) шесть опор поддерживают четырнадцать куполов. Крытый рынок в Анкаре (1465 г.) имеет более развитый план: прямоугольный, сильно вытянутый зал, перекрытый десятью куполами на двух столбах, окружен сводчатым коридором с лавками по обеим сторонам.

Огромный комплекс стамбульского Гранд базара (Капалы Чарши) в основе своей имеет два бедестана, построенных еще в XV в. (рис. 51.4, 52, 53).

Небольшие торговые здания имели два входа, в более крупных сделаны четыре входа, расположенные посередине каждой стороны. Архитектура бедестанов проста и целесообразна; различались они только размерами, от которых зависело количество опор и соответственно – куполов.

Рынки на территории Золотой Орды

Золотоордынские города, хотя и имели свою специфику, были типично восточными городами. Об этом свидетельствует, прежде всего, состав общественных зданий, таких как мечети, медресе, мавзолеи, бани-хаммам. Естественно, в них имелись и такие важные общественные места, как базары, которые непременно упоминаются авторами в письменных источниках. «Он, то есть Сарай, город великий, заключающий в себе рынки, бани и заведения благочестия, место, куда направляются товары» – писал ал-Омари о столице улуса Джучи (Тизенгаузен, 1884. С. 241). Ибн Баттута также отмечает наличие базаров в Сарае: «Город Сарай [один] из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины, на ровной земле, переполненный людьми, красивыми базарами и широкими улицами... В нем [живут] разные народы, как то: Монголы – это [настоящие] жители страны и владыки [ее]; некоторые из них мусульмане; Асы, которые мусульмане; Кипчаки, Черкесы; Русские и Византийцы, которые христиане. Каждый народ живет на своем участке отдельно, там и базары их. Купцы же и чужеземцы из обоих Ираков, из Египта, Сирии и других мест живут в [особом] участке, где стена окружает имущество купцов» (Тизенгаузен, 1884. С. 306). Из этого отрывка видно, что в Сарае были не только различные базары, организованные, в том числе, и по этническому принципу, но и большой городской караван-сарай. Ибн Баттута также упоминает базар в Маджаре, на котором он встретил еврея из «земли Андалусской» и на котором было много странствующих торговцев (Тизенгаузен, 1884. С. 288).

Несмотря на то, что археологические исследования проводились на многих золотоордынских городах, объекты, которые можно связать с торговлей внутри города – единичны.

Некоторое представление о торговых комплексах золотоордынского времени дают результаты раскопок ХАЭЭ в Ургенче в районе «ворот караван-сарая» Здесь была раскопана часть улицы, которая получила название «Улицы караван-сарая» (Вактурская, 1958. С. 478-479; Федоров-Давыдов, 1958. С. 506-528). Улица имела направление восток-запад и часть помещений ее была пристроена к порталу здания «караван-сарая». Всего было вскрыто 54 помещения, которые располагались двумя кварталами без деления на отдельные дома по двум сторонам улицы (рис. 54). Улица была не мощеной, ширина ее составляла около 3 м. Исследователи предположили, что она могла быть крытой (Вактурская, 1958. С. 478). Стены помещений

сложены из вторично использованного золотоордынского кирпича. В планировке выделяется несколько групп комнат, причем в каждой группе присутствует одно или два помещения жилого характера. В жилых комнатах вдоль стен находились большие суфы, занимавшие большую часть помещения. К ним пристроены печи, от которых отходят горизонтальные дымоходы канов, обогревающих поверхность суфы. Полы выложены кирпичом или обмазаны глиной; в центре пола находилась тошна, закрытая кирпичной плитой с одним или несколькими отверстиями, или звездчатым вырезом (рис. 54.4-5).

Наряду с жилыми вскрыты комнаты производственного или торгового назначения. Помещение 12 являлось жилищем бедного ремесленника-пекаря. К стандартной жилой комнате здесь пристроено небольшое помещение с тандыром. В помещении 10 находилась мастерская–пекарня зажиточного ремесленника. В ней стояли два больших тандыра и подставка под жернов. К пекарне примыкали четыре комнаты, в которых жила семья пекаря. Непосредственно на улицу с обеих сторон выходили айваны с деревянными навесами. В раскопе были расчищены нижние части столбов, опиравшихся на кирпичи и поддерживающих крышу. В айванах находились очаги-тандыры. Один из айванов служил мастерской для кузнеца и ремесленника-литейщика. Здесь были найдены три очага, внутри которых и рядом с ними лежали куски меди и железа, а также медный шлак и уголь. В другом айване раскопаны три печи, вероятно, для варки еды. Во всех айванах найдены многочисленные монеты, в том числе два монетных клада; в одной комнате обнаружены чашечки весов.

На юго-западном углу улицы исследована двухкомнатная чайхана. Собственно чайхана (пом. 34) представляло собой четырехугольную комнату с входом с улицы. Вдоль трех стен в ней были сделаны суфы, а в центре находился кирпичный пол. К западу от входа пристроен айван с тремя очагами. В южной стене было сделано окно во внутреннюю комнату, в которой расчищен очаг и вскрыта мусорная яма, забитая керамикой и костями. К северу и западу от этого комплекса также располагались дополнительные пристройки к чайхане в виде айванов с суфами и очагами. В них были найдены фрагменты различной посуды, в том числе, чайников.

Торговая улица, вскрытая раскопками, относится к самому позднему периоду существования этой части города, то есть к XVI-XVII вв. Стратиграфический раскоп показал, что здесь прослеживается пять строительных горизонтов, причем во всех периодах сохранялось направление улицы и ее планировка. Самые ранние постройки относятся к концу XIV – началу XV вв., то есть к финалу золотоордынского периода. Можно предположить, что в это время торговая улица Ургенча имела примерно такую же структуру.

Единственным торговым зданием в Золотой Орде, назначение которого не вызывает сомнений, является рынок г. Болгара (Баранов, Бадеев, Коваль, 2012; Коваль, Бадеев, 2015). Здание расположено в центральной части горо-

да в 150 м к юго-западу от Соборной мечети. Оно было построено в 1350-х гг. и погибло в 1360-х – 1370-х гг. от пожара (Коваль, Бадеев, 2015. С. 189).

Постройка имела форму прямоугольника, размерами 37 x 34 м (рис. 55.1). Внешние стены ее были сложены из обожженного кирпича на ленточном фундаменте из белого камня, залитого известковым раствором. Кладка стен велась на глиняном растворе с применением известкового. Толщина внешних стен составляла приблизительно 4 ряда кладки. По мнению исследователей, во внутрь здания вели четыре входных проема, расположенные по центру стен и имевшие ширину около 4 м (Коваль, Бадеев, 2015. С. 190). Внутри, на расстоянии 2,4 м находилась ленточная кладка из сырцовых кирпичей, уложенных на ребро под углом, т. е «в елочку». Ширина этих стенок 25 см (1 ряд кирпича). Они являлись остатками цоколей внутренних стен, которые были деревянными или фахверковыми. Внутренние перегородки отгораживали ряды лавок, идущих вдоль внешних стен здания. При ширине помещений лавок около 2 м, по периметру здания могли быть расположены около 50 дукканов (Коваль, Бадеев, 2015. С. 191). Внутри помещений обнаружены остатки деревянных полов. Лавки, повидимому, закрывались деревянными дверьми, которые запирались на железные засовы и цилиндрические замки, большое количество которых (46 шт.) было найдено в местах предположительного расположения дверей (Коваль, 2013. С. 29).

Кроме лавок, расположенных вдоль стен, внутри здания базара были сооружены 4 павильона размерами 10,6 x 9 м, стены которых также стояли на ленточных цоколях из сырцового кирпича. В них также, вероятно, находились торговые секции. Внутри каждого павильона были сделаны небольшие прямоугольные (4 x 3 м) помещения, служившие, вероятно, для складирования товаров. Между пристенными лавками и павильонами шла обводная галерея шириной 3,2 м.

Точных данных о перекрытии здания базара в Болгаре не выявлено, но, учитывая то, что внутренние стены, скорее всего, были деревянными, перекрытие могло быть только плоским, балочным. Освещение здания осуществлялось через зарешеченные окна, сделанные, скорее всего, в крыше. Железные решетки от окон были найдены в разных частях галереи. Они были сделаны из четырех круглых в сечении железных прутьев и имели размеры 60 x 60 см (рис. 55.3). Решетка в центре здания состояла из 6 прутьев и была размерами 80 x 80 см.

Внутри здания найдены предметы, являющиеся неотъемлемыми атрибутами процесса торговли: весы, разнообразные гирьки, большое количество медных и серебряных монет (Коваль, 2013). Пробирные камни со следами золота свидетельствуют о том, что здесь могли продаваться ювелирные изделия. Также было найдено большое количество фламандских свинцовых торговых пломб, которыми маркировали высококачественное шерстяное сукно (Коваль, 2015). К другим товарам, которыми торговали на этом базаре, относятся стремяна, 70 пар которых обнаружены в слое пожара (рис. 55.2).

К северо-восточной стене базара примыкали две кирпичные стенки, которые были пристроены к фундаменту здания под прямым углом в 10 м от внешних углов северо-восточной стены. Расстояние между ними составляло 12 м. Между стенками прослежены остатки деревянной уличной вымостки. Вероятно, здесь располагалась торговая улица с лавками, которая вела к зданию базара. Об этом свидетельствуют в частности находки монет и гирек (Бадеев, 2015. С. 202-203).

Таким образом, архитектура центрального рынка города Болгара была простой и предельно функциональной. Здание представляло собой слегка вытянутый призматический объем с глухими кирпичными стенами, расчлененными посередине широкими входами. Перекрытие было плоским со световыми отверстиями. По планировке более всего болгарский базар напоминает среднеазиатские типы линейной планировки и турецкие бедестаны. Своеобразие его плану придает наличие внутренних павильонов, структура которых напоминает дворы Ярбекира в миниатюре.

Еще один объект, который может рассматриваться, как городской рынок находится на самом Западе Золотой Орды на городище Старый Орхей. В центральной части города здесь были исследованы две крупные каменные постройки, которые условно получили названия «караван-сарай I» и «караван-сарай II» (рис. 56). Эти названия появились в публикации первого исследователя памятника Г.Д. Смирнова (Смирнов, 1954. С. 39).

Стены обоих зданий сложены панцирной кладкой из слегка подтесанных крупных глыб известняка на известковом растворе. Первое здание прямоугольное в плане и ориентировано по оси север-юг с небольшим (10°) отклонением к востоку (рис. 55.1). Его внешние размеры 57,7 x 51,5 м. В северной стене находился вход, который снаружи был оформлен большим порталом, от которого сохранились два прямоугольных пилона. Восточная и западная стены имели прямоугольные контрфорсы, которые ввиду их незначительной величины являлись, скорее всего, декоративными. В середине южной стены снаружи сделан полукруглый выступ диаметром 2,6 м, который сложен в перевязку со стеной. Северо-восточный угол здания охвачен цоколем шестиугольного сооружения со сторонами длиной 3,05 м – 3,4 м. Внутренние конструкции не прослеживались, так как здание не было достроено, но внутри него было найдено много архитектурных деталей, среди которых каменные базы колонн. В центре огороженного пространства находился неглубокий бассейн размерами 3,75 x 3,3 м со стенками и дном покрытыми известковым раствором. П.П. Бырня, проанализировав планировку здания, пришел к выводу, что развалины «караван-сарая I» в Старом Орхее является остатками недостроенной Соборной мечети города (Бырня, 1985; Бырня, Рябой, 1997. С. 92). Сравнение этого здания с другими мечетями Золотой Орды позволяет считать эту трактовку абсолютно верной (Зиливинская, 2009; 2011. С. 9-36; 2014. С. 17-45).

Другое монументальное здание расположено в 18-20 м к востоку от мечети (рис. 55.2). Стены его строго параллельны стенам мечети. Постройка имеет прямоугольную, сильно вытянутую в меридиональном направлении форму, размеры ее 52 x 26 м. Стены сложены из слабо обработанных блоков известняка на известковом растворе. Кладка стен лежит на сплошном ленточном фундаменте также из известняка, залитого раствором. Высота фундамента до 0,5 м, толщина до 1,7 м. Толщина стен 1,1 м; они сохранились на высоту около 0,5 м над фундаментом. Здание имело два входа, которые размещались посередине коротких стен точно друг против друга. Оба входа оформлены порталами, от которых сохранились пилоны длиной 2,8 м. Северный портал был несколько больше южного, ширина его пилонов 1,8 м, а расстояние между ними – 3,4 м. Южный вход имел ширину 3,0 м и был обрамлен пилонами толщиной 1,5 м (Бырня, Рябой, 1997. С. 100-102). Внутри здания обнаружены траншейки, вероятно от деревянных брусьев, выкопанные параллельно внешним стенам на расстоянии примерно 3,2 м, а также столбовые ямы. То есть, внутренние конструкции могли быть деревянными. Здание не было достроено, и точное его назначение не определено.

Рассмотрев комплекс «караван-сараев» Т. Нестерова высказала предположение, что два монументальных здания в Старом Орхее представляют собой караван-сарай сельджукского типа, в котором две части не примыкают друг к другу, а поставлены рядом (Nesterov, 2003. P. 47-49, 96-100). Эта гипотеза кажется довольно странной. Тогда, скорее, можно предположить, что это два хана, построенные рядом, как, например, ханапары Ани. Кроме того, здание I с многогранной башней (минаретом) в углу и полукруглым (михрабным) выступом в южной стене, на мой взгляд, однозначно является мечетью. Что касается сооружения II, то оно действительно может быть городским караван-сараям. Именно городские постоялые дворы не столь замкнуты и могут иметь два входа, как караван-сарай в Пайкенде, на городище Куртлы и уже упоминавшиеся ханапары Ани. По своим пропорциям он наиболее близок к караван-сараям Армении (Халпахчян, 1959; 1971. С. 188; Hillenbrand, 1994. P. 554).

В то же время расположение здания рядом с Джума мечетью, его прямоугольная сильно вытянутая форма и наличие сквозного прохода позволяет предположить, что оно является рынком, аналогичным городскому базару Болгара. Деревянные конструкции, найденные внутри периметра стен, могут быть остатками перегородок, разделяющих отдельные лавки. К сожалению, доказать эту гипотезу невозможно, так как раскопки здесь проводились достаточно давно, и материалы их в настоящее время недоступны.

ГЛАВА 3. БАНИ

Происхождение восточных бань, их устройство и основные линии развития

Среди исследованных построек в городах Золотой Орды довольно значительный процент составляли бани. Широкое распространение банных заведений в Золотой Орде является еще одним подтверждением того, что золотоордынские города строились по восточным образцам. С распространением мусульманства, обряды которого предписывали обязательные ритуальные омовения, общественные бани, называемые по-арабски хаммам, стали непременным атрибутом любого восточного города. «Бани также необходимы мусульманину, как и мечети; в городе более 300 общественных бань, не считая частных», писал о Константинополе в начале XX века Джелал Эссад (Эссад, 1919. С. 267). Еще более впечатляющие данные о Багдаде приводит А. Мец. Он пишет, что в IX веке там было 5 тыс. бань только на восточной стороне, в X веке – 10 тыс. бань, а в XII – 2 тысячи (Мец, 1996. С. 356). И, хотя эти цифры завышены, возможно, в сотни раз, они, все же, свидетельствуют о значительном распространении банных заведений. Такая популярность общественных бань объясняется не только их важным гигиеническим значением в условиях жаркого климата, и требованиями религии, но и тем, что в средние века они являлись своеобразными клубами, где посетители проводили довольно много времени. «... Баня служит не только для омовения, но и для укрепления сил, поднятия упавшего настроения, для отдыха, для встречи и разговора о купле-продаже, о торговой сделке, и для показа мастерства в шахматах или нардах. Трудно найти литературное произведение, написанное на любом из восточных языков, будь то сказка, повесть, поэма или роман, в котором баня не была бы упомянута хоть раз», – писал академик И.А. Орбели (Орбели, 1939. С. 159).

Непременно упоминаются бани и в описаниях путешественников, так как их количество и качество во многом определяет лицо города. Например, Ибн Асакир очень подробно перечисляет все бани Дамаска XII века с указанием их названия и местоположения (Большаков, 1984. С. 113). На основании данных о количестве бань были даже сделаны попытки вычисления численности населения средневековых восточных городов (Большаков, 1984. С. 109-111).

Существенную роль играли бани на Востоке и в жизни женщин, для которых посещение этого заведения являлось одним из немногих развлечений. Однако не во всех восточных странах женщины имели свободный доступ в бани. Например, в Арабском халифате считалось, что «муж не должен давать своей жене денег на баню, ибо тем самым способствует поступку, достойному порицания» (Мец, 1996. С. 355-356). В Средней Азии посещение бани разрешалось только больным и беременным женщинам. Зато в Турции,

Армении, Азербайджане женщины проводили в бане целые дни, занимаясь косметикой, угощая друг друга сладостями и распевая песни.

В средние века бани выполняли функции лечебных учреждений. В «Каноне врачебной науки» ибн Сины целый раздел посвящен целебным свойствам бани, и говорится о том, какие бани являются наиболее полезными для здоровья (Ибн Сина, 1954. С. 196). Для лечения широкого круга болезней в банях применяли отвары и настои трав (лавр, шпорник), а также растворы минеральных веществ (золы, купороса, серы) (Ибн Сина, 1954. С. 196).

Восточные бани часто сравнивают с античными термами. Причиной тому является одинаковое устройство системы отопления, при которой горячий воздух, идущий из топки бани, обогревает всю поверхность пола. Для этого плиты пола кладут на специальные столбики или устои, пространство между которыми заполняется дымом, который затем удаляется по вертикальным дымоходам, проложенным в толще стен (рис. 57). Такая система «гипокаустов» была изобретена в Древнем Риме Сергием Оратой. Она описывается у Витрувия (Витрувий, 1936. С. 144-147) и Палладия (Архитектура античного..., 1940. С. 213, 214).

Оба автора большое внимание уделяют устройству системы подпольного отопления, для сооружения которой необходим точный инженерный расчет. Площадку, на которой строилась баня, тщательно выравнивали таким образом, чтобы она имела небольшой уклон в сторону топки. Это должно было способствовать лучшему распространению горячего воздуха в подпольном пространстве. Затем поверхность земли мостили черепицей и на эту вымостку ставили столбики из кирпичей. Высота столбиков должна была составлять 75 см, а расстояние между ними – 45 см, чтобы его можно было перекрыть черепицами. На это перекрытие клался еще слой черепицы и затем – мраморные полы. Важно было также оптимально рассчитать объем топки и ширину канала, ведущего в подпольное пространство, чтобы нагрев полов осуществлялся до требуемой температуры. В римских термах, как и впоследствии в восточных хаммам, цистерны с водой располагались над топкой, что позволяло одновременно нагревать воду и отапливать помещение. Оптимальной формой для отапливаемых помещений римские архитекторы считали прямоугольную (ширина составляет треть длины), так как в таких комнатах лучше сохраняется жара.

Бани с подпольным отоплением не только получили распространение по всей огромной территории Римской империи, но и стали неотделимы от римского образа жизни. Термы императорского Рима представляли собой сложные архитектурные комплексы, в которые входило множество различных учреждений, отвечавших самым разнообразным вкусам посетителей. Так, например, в знаменитых термах Каракаллы (рис. 58) было более 60 видов помещений различного назначения (Камерон, 1939. С. 96, рис. 8).

Собственно, все общественные термы можно разделить на три части. Это собственно банные помещения, комплекс помещений, связанных с гимнастическими упражнениями, таких как палестры, стадионы, залы для игр, вплоть до «портиков, где учителя гимнастики гуляли, не страдая от шума палестр» (Камерон, 1939. С. 96, рис. 8) и учреждения, связанные с духовной культурой, такие как академии, библиотеки, залы для диспутов ученых.

Банное отделение состояло из последовательно соединенных помещений с постепенно нарастающей температурой. Сюда входили раздевальня (*apoditerium*), холодное помещение с большим бассейном для плавания (*frigidarium*), теплая комната (*terpidarium*), горячее помещение с ваннами (*caldarium*) и сухая парильня (*laconicum*) (ВИА, 1973. С. 449).

Баню обычно посещали после интенсивных физических упражнений в палестре или специальном помещении при бане (*spraesterium*). Перед гимнастикой тело обильно смазывали дешевым маслом. Потом в терпидарии его соскребали с кожи, смывали грязь и остатки масла в кальдарии и шли в горячую потовую баню (лаконику). После парилки посетители охлаждались в прохладной воде бассейна и натирали тело дорогими маслами и благовониями.

Византийские императоры, стремившиеся перенять и развить всю роскошь Рима, продолжали строительство общественных бань. Византийские термы, как места отдыха и приятного времяпровождения упоминает Прокопий Кесарийский (Прокопий из Кесарии, 1950. С. 438).

На Востоке бани подобного типа появились во время арабских завоеваний. А. Мец считает, что и до арабов в сасанидском Иране строились отдельные общественные бани, но из-за религиозных предрассудков они не получили широкого распространения (Мец, 1996. С. 355). При арабах картина резко изменилась, и уже в IX веке общественные бани строились во всех кварталах города (Хилал ас-Саби, 1983. С. 28-30).

К сожалению, сведений о планировке и устройстве этих бань не сохранилось, зато хорошо известны дворцы-бани омейядского времени, такие как знаменитая Кусейр-Амра и аналогичная по планировке Хаммам-ас-Сарак (Creaswell, 1958. P. 85, 100; Stierlin, 1996. P. 68-73). Эти небольшие здания состояли из приемного зала с примыкающими к нему комнатами и собственно бани (рис. 59). Баня состояла из неотапливаемой раздевальни и двух мыльных помещений с подпольным отоплением. Внутри Кусейр Амра до настоящего времени сохранились остатки фресок с изображениями людей и животных, а на куполе, перекрывающем горячую мыльню, изображено звездное небо со знаками зодиака (рис. 59.3-5). Как эти росписи, так и сама планировка здания свидетельствует о сильном византийском влиянии. Также как первые мечети часто перестраивались из христианских базилик, так и в качестве банных заведений в Халифате использовались византийские термы. Вероятно, поэтому в первые века Хиджры «у мусульман, строго соблюдавших предписания ислама, бани всегда рождали подозрения» (Мец,

1996. С. 355). Абу Бакр не был уверен, посещал ли пророк баню, а Али отмечал, что в банях на стенах нет ни одного изречения из Корана (Мец, 1996. С. 355).

Тем не менее, бани с подпольным отоплением стали важнейшими общественными заведениями во всех мусульманских странах. В иранском дидактическом трактате XI века «Кабус-намэ», охватывающем все стороны жизни знатного феодала, отдельная глава посвящена правилам посещения бани. «...А зимой и летом, когда пойдешь в баню, сначала проведи некоторое время в холодной комнате, чтобы природа этим насладились. Потом уже иди в среднюю комнату и посиди там немного, чтобы насладиться и ею. Потом ступай в жаркую комнату и посиди там немного, чтобы получить удовольствие и от жаркой комнаты. Когда жара бани на тебя подействует, походи в халват-хону и вымой там голову.» (Кабус-намэ, 1953. С. 73). Этот отрывок дает представление и о планировке бани, которая состоит из предбанника, двух парилен и мыльного помещения. Результатом дальнейшего развития и совершенствования бань с подпольным отоплением явилось появление восточных хаммам, особого типа банных сооружений, существенно отличных от античных терм, как по планировке, так и по некоторым деталям технического устройства.

Всестороннему исследованию восточных хаммам и выделению их отличительных черт посвящены работы В.Л. Ворониной (Воронина, 1951а; 1983). Широкий обзор банных сооружений с подпольным отоплением в Средней Азии, Турции, Иране, Афганистане, Сирии, Египте и странах Магриба от средневековья и до наших дней позволяет исследовательнице выделить отдельные типы планировки в различных регионах, рассмотреть их происхождение, а также взаимовлияние. Благодаря этим работам можно составить ясное представление о технических и планировочных особенностях восточных бань.

Хаммам имели систему подпольного отопления, подобную римским термам, но в отличие от последних, для лучшего удержания тепла они сильно заглублялись в землю. Для уменьшения теплопотерь стены зданий делались толстыми (до 1,5 м), а перекрытия в теплых помещениях – низкими. Топочное отделение состояло из круглой или овальной в плане печи, окруженной со всех сторон очень толстыми стенами. Цистерны для воды, представлявшие собой соединенные между собой камеры, покрытые изнутри водостойким раствором, находились над топочным отделением. Обычно цистерн было две или три. В дно горячей цистерны, расположенной непосредственно над печью, вмуровывался чугунный или бронзовый котел.

Вода в цистерны набиралась из колодцев или арыков. Внутри бани вода разводилась по керамическим или металлическим трубам, или же ее зачерпывали непосредственно из цистерн через специальные окошки. Используемая вода стекала в канавки, проложенные в полу или под полом, и выводилась за пределы бани.

В разных странах хаммам несколько отличаются по планировке и составу помещений, однако их непременной чертой является наличие центрального зала, представляющего композиционный центр здания. Центральный зал в виде креста, многоугольника, звезды выполняет роль массажного отделения. К нему примыкают все остальные помещения бани. Все здание хаммам обычно имеет форму прямоугольника. Сначала посетитель попадает в предбанник, который расположен в противоположном от топочного отделения конце здания и не имеет подпольного отопления. Предбанник чаще всего прямоугольный в плане, и размеры его тем больше, чем больше значение бани, как общественного места. В предбаннике посетители раздеваются и отдыхают до и после банных процедур. За предбанником могут быть одна или две промежуточные теплые комнаты. В Средней Азии их называют «первая и вторая комнаты для мытья ног» (Воронина, 1951а. С. 119). Далее следует центральный зал. Наиболее простая его форма – крестообразная. Она получается, когда по углам квадратной в плане части здания стенами отделяются четыре квадратные комнатки, предназначенные для мытья. Проходы в них располагаются в углах, примыкающих к центру зала. Для этого углы скашиваются, и центральная часть массажного отделения приобретает форму восьмиугольника, четыре стороны которого соединялись с открытыми лоджиями, а четыре другие состояли из глухих стен с узкими дверями. Если проходы в лоджии перегораживались стенами, то весь зал принимал форму восьмиугольника, к каждой стороне которого примыкала небольшая квадратная комната. Остальные типы планировки центрального зала возникли в результате дальнейшего усложнения этих фигур (Воронина, 1983. С. 155-157).

Температура в массажном отделении постепенно увеличивается: самым прохладным помещением является лоджия, в которую ведет проход из предбанника, а самым горячим – лоджия, примыкающая к топке. Два других рукава креста имеют среднюю температуру. Мыльные помещения также делятся на два теплых и два горячих (пристроенных вплотную к топочному отделению). Кроме этих основных помещений в восточных банях могла быть комната для совершения намаза (в банях Средней Азии она находилась в соответственно ориентированной лоджии центрального зала), комната для интимного туалета (удаления волос) и уборная.

Центральный зал и мыльные комнаты обычно перекрывались куполами. Предбанник мог иметь плоское перекрытие, а остальные комнаты – сводчатое или тоже купольное. Освещение здания осуществлялось через отверстия в куполах, наличие которых к тому же препятствовало конденсации влаги в помещениях. Для защиты от осадков отверстия закрывались световыми фонарями, сначала керамическими с прорезями, а затем – стеклянными.

Интерьер восточных бань довольно прост и подчинен функциональной целесообразности. В холодном предбаннике строилась большая суфа, которая могла иметь отдельный обогрев. В середине центрального зала в

большинстве стран находится каменное возвышение круглой или восьмиугольной формы, на котором во время массажа помещалось сразу несколько человек (рис. 60). Лежанки также находились и в лоджиях центрального зала.

Для банных помещений характерно большое количество ниш и нишек в стенах. В предбаннике в них складывали одежду и обувь, а в мыльном отделении – различные банные принадлежности. Стены и полы в банях покрывались слоем водостойкого раствора сложного состава. Штукатурка стен могла быть окрашена в один цвет или расписана несложным орнаментом. В некоторых банях полы мостились мрамором или другим камнем разных сортов.

В Бабур-намэ упоминается баня, построенная в Самарканде Улугбеком: «Полы в ней выстланы камнем всех цветов. Неизвестно, есть ли в Хорасане и Самарканде другая такая баня» (Бабур-намэ, 1993. С. 71). Мраморные полы обычны для турецких, сирийских и египетских бань.

Предбанник и другие помещения, не связанные с процессом мытья, могли быть декорированы более пышно. Например, в Турции в предбаннике устраивали фонтан, вокруг которого ставились золоченые вазы с искусственными цветами и клетки с канарейками (Эссад, 1919. С. 269). В Иране раздевальни бань украшались изразцами, многоцветными майоликами, резьбой по стуку и росписями (рис. 61); огромные роскошные предбанники в странах Магриба напоминали залы дворцов (Воронина, 1983. С. 161,165).

Часто восточные бани состоят из двух отделений – женского и мужского. Они расположены относительно друг друга таким образом, чтобы иметь общее топочное отделение и цистерны с водой. Отделения могут быть практически равноценны по площади и составу помещений (Турция, Сирия, Египет) или же женское отделение значительно уступает в размерах мужскому (Средняя Азия, Иран). Если же баня состоит из одного отделения, ее могли посещать мужчины и женщины в разные дни или часы.

Таким образом, античные термы и восточные хаммам имеют много сходных черт, тем не менее, нельзя не отметить и существенные различия. Прежде всего, различным было их содержание как общественных заведений. В Риме, где большая часть жизни граждан проистекала в публичных местах, бани должны были удовлетворять разнообразным потребностям каждого посетителя. Отсюда и сложный состав учреждений, входивших в состав терм. Общественные функции хаммам не столь многообразны: гигиенические процедуры здесь сочетались с отдыхом, общением, приятным времяпровождением. Отличались и мероприятия, непосредственно связанные с культурой телесной. В Риме с его официальным культом человеческого тела, купание обычно завершало серию физических состязаний и упражнений. После горячей потовой бани посетители окунались в бассейн с прохладной водой во фригидарии. Все это должно было способствовать поднятию тонуса тела и приобретению бодрости духа.

Все мероприятия в восточных банях направлены на полное физическое расслабление. Сам посетитель принимает в процессе мытья пассивное участие, целиком отдаваясь во власть банщика, который сначала проводит интенсивный массаж, а потом обмывает клиента. Процедура эта очень слабо менялась во времени. Довольно точное описание ее дал А.С. Пушкин в «Путешествии в Арзрум»: «Гассан... начал с того, что разложил меня на теплом каменном полу, после чего начал он ломать мне все члены, вытягивать суставы, бить меня сильно кулаком; я не чувствовал ни малейшей боли, но удивительное облегчение. (Азиатские банщики приходят иногда в восторг, вспрыгивают вам на плечи, скользят ногами по бедрам и пляшут по спине вприсядку, e sempre bene). После сего долго тер он меня шерстяною рукавицей, и сильно оплескав теплой водою, стал умывать намыленным полотняным пузырем. Ощущение неизъяснимое: горячее мыло обливает вас, как воздух!.. После пузыря Гассан отпустил меня в ванну, тем и кончилась церемония.» (Пушкин, 1936. С. 642). В турецких, сирийских и египетских банях до и после мытья пьют кофе и курят наргилэ, в результате чего после полного цикла всех процедур посетители «ложатся на диваны, чтобы насладиться кейфом (слово непереводимое) – состоянием полного блаженства, которое испытывает душа и тело восточного человека от соединенного действия табака, кофе и *dolce far niente*.» (Эссад, 1919. С. 280).

Различно было действие потовых бань в термах и хаммам. Для античной традиции был характерен лаконик – помещение с сухим жаром, а на Востоке повсеместно распространялись влажные парильни. По мнению В.Л. Ворониной, влажная парильня составляла основную черту хаммам, решительно отделяющую ее от античных бань (Воронина, 1983. С. 165). Кроме того, в банях мусульманских стран не было помещения, соответствовавшего фригидарию, и отсутствовал бассейн для купания. «Его (бассейна) и быть не может, потому, что вода, коснувшаяся тела другого ли человека, или самого купальщика, считается у мусульман ритуально нечистой» (Эссад, 1919. С. 282). Различная идеология процесса купания требует соответствующих архитектурных решений. Банный комплекс римских терм представлял собой анфиладу помещений с постепенно нарастающей температурой. Причем размеры его значительно уступали размерам всех прочих учреждений, входивших в состав терм. Для хаммам характерно наличие композиционно доминирующего центрального зала, предназначенного для массажа, основной процедуры в цикле купания восточного человека. Более простой и интимный процесс мытья проистекал в небольших угловых помещениях квадратной или прямоугольной формы. Мыльни были теплые и горячие, в зависимости от своего расположения относительно топки. По мере приближения к топочному отделению возрастала температура и в центральном зале. Таким образом, в классических хаммам также соблюдался принцип постепенного нарастания температур.

Бани на Востоке строились часто в районах, бедных топливными материалами. Поэтому здесь особое внимание уделялось уменьшению теплопотерь. Именно на Востоке начали заглублять в землю отопительную систему бани. Здесь всегда одновременно, из одной топки, обогревалась вода и подпольное пространство, что не всегда бывало в античности. В позднесредневековых восточных банях система обогрева была значительно усовершенствована. Под полами стали прокладывать сеть жаропроводящих керамических труб, что позволяло регулировать температуру в бане, открывая или закрывая вертикальные дымоходы, к которым подходят ответвления каналов. По мнению В.Л. Ворониной, в истоке этого усовершенствования лежали навыки устройства обжигательных печей для керамики (Воронина, 1983. С. 165).

Таким образом, опираясь на античную традицию, народы Востока существенно переработали ее. Сообразно своим нуждам и устремлениям, они создали принципиально новый тип бани, который бытовал на огромной территории (от Индии до Испании) от раннего средневековья практически до наших дней.

Однако широкое распространение хаммам с центральным залом в средневековье, вовсе не означало исчезновения бань, построенных по античным планировочным принципам. В странах мусульманского Востока, таких как Иран, Афганистан, Сирия, Египет, Турция, страны Магриба, Средняя Азия и Азербайджан, к XIII-XIV вв. общественные бани стали настоящими хаммам с центральным залом (Воронина, 1983; Бретаницкий, 1966; Уссейнов, 1951). При этом небольшие частные бани могли состоять из двух-трех помещений прямоугольной формы. В странах, находившихся под влиянием Византии, строились бани античной традиции, как частные, так и общественные. Средневековые бани такого плана известны в Грузии (Мухелишвили, 1946. С. 262-272), Армении (Халпахчян, 1960; 1971. С. 211-226), Крыму, Греции, Киликии (Якобсон, 1950. С. 76-86), Киевской Руси, Болгарии (Георгиев, 1981. С. 100-108). Следует отметить, что общественные бани античной традиции в средние века были значительно меньше по размерам, чем классические хаммам. Скорее всего, они в большей степени выполняли гигиенические функции и не имели столь выраженного общественного значения.

Бани Золотой Орды также имели систему подпольного отопления, что свидетельствует об их генетической связи с восточными хаммам и банями античной традиции. Рассмотрим их по регионам, в которых они были исследованы (рис. 62).

Обзор по регионам Золотой Орды

Волжская Болгария и мордовские земли.

Наибольшую известность получили бани Болгара, большая часть которых была неоднократно и подробно опубликована (Калинин, Смирнов, 1946; Смирнов, 1951; Хованская, 1954; Шарифуллин, 2001), поэтому имеет смысл дать их краткое описание.

Баня № 1 начала XIV века была исследована в подгорной части городища, недалеко от Красной палаты. Она представляла собой прямоугольное здание размерами 14,0 x 9,0 м (рис. 63). Стены ее, сложенные из больших регулярных плит известняка панцирной кладкой, имели толщину 0,75 м. Баня состояла из трех частей. Вход, расположенный в юго-восточной стене вел в небольшой (2,72 x 5,5 м) прямоугольный предбанник, южная часть которого имела каналы отопления. По предположению Р.Ф. Шарифуллина, здесь находилась обогреваемая суфа (Шарифуллин, 2001. С. 222). Далее следовала квадратная мыльня с целиком обогреваемым полом. Размеры ее 6,14 x 6,64 м. Полы мыльного помещения опирались на устои из известняковых плит шириной 0,4 м. Ширина жаропроводящих каналов – 0,5 м. Завершало анфиладу помещений прямоугольное в плане (7,24 x 2,72 м) топочное отделение. Центральную часть его занимала печь, соединявшаяся с подпольным пространством бани двумя магистральными каналами. Первоначально печь была круглой в плане, а после ремонта приобрела вытянутую форму. Устье топки выходило в предтопочную яму. Возле устья находилась площадка для истопника, над которой был сделан навес. Рядом с печью выкопан колодец, из которого при помощи водоподъемного механизма вода поступала непосредственно в цистерну. Несмотря на столь простую планировку, баня имела развитую водопроводную сеть. При раскопках было найдено огромное количество керамических водопроводных труб, которые разделяются на три группы: трубы внешней подводки, трубы внешней сети и канализационные трубы (Шарифуллин, 2001. С. 223).

По мнению О.С. Хованской, центральное помещение здания было перекрыто куполом, возведенным на многограннике, а предбанник и топочная часть имели односкатные крыши, крытые черепицей (Хованская, 1954. С. 397). Р.Ф. Шарифуллин приводит другой вариант реконструкции внешнего вида бани. По его мнению, предбанник и цистерна имели сводчатое покрытие (Шарифуллин, 2001. С. 222).

В западной части подгорного посада раскопана баня № 2 (рис. 64) начала XIV в. Она также построена в строительной технике, характерной для Волжской Болгарии, но имеет другую планировку. Стены бани, сложенные из рваного бута, имели толщину 0,8-0,9 м. Здание вытянуто вдоль оси СЗ-ЮВ. Длина его составляла около 20 м, ширина в большей части 11 м, но в той части, где находится предбанник, оно сужается. Вход в баню, расположенный в юго-восточной стене, был облицован блоками белого камня. Он вел в отапливаемый предбанник, внутренние размеры которого составляли 6,2 x 3,0 м. Вдоль восточной стены в нем была отапливаемая суфа, выложенная камнем с выемками для дымогарных труб. Предбанник соединялся с крестообразным залом размерами около 10 x 9 м. По углам центрального зала располагались четыре квадратные мыльни, из которых полностью сохранились только две. Размеры их 2,2 x 2,6 м и 2,6 x 2,6 м. Внутренние углы комнат были скошены, и в них имелись очень узкие (0,35 м) проходы.

Пол центрального зала и мылен выложен большими прямоугольными каменными плитами. Кроме того, в мыльнях пол покрыт слоем известкового раствора, а стены оштукатурены. В одной из комнат обнаружены каменные водоемы, прямоугольные, со скошенными углами. Стены центрального зала также были оштукатурены и покрыты росписью синего, желтого и красного цветов. В ранний период существования бани в центре главного зала находился фонтан, а в одной из лоджий прослежены остатки лежанки, предназначенной для массажа. Еще один фонтан обнаружен на площади перед баней.

В подсобном помещении находились две цистерны, сложенные из каменных плит и обмазанные водостойким раствором. Вода в цистерны подавалась по керамическому водоводу из озер, расположенных на верхней террасе городища. Внутри бани вода разводилась по трубопроводу, проложенному в специальных нишах вдоль внешних стен здания. Как и в других банях Болгара, разводка осуществлялась при помощи керамических тройников, а в качестве кранов использовались короткие керамические или медные трубки. Отработанная вода выводилась через канализационную систему, состоящую из керамических труб, проложенных под полом. Под северной цистерной была сделана печь цилиндрической формы. Над ней вмурован медный котел, обломки которого найдены при раскопках. Перед печью находилась яма, с дном и стенками, облицованными каменными плитами. От печи шли каналы подпольного отопления, которые заканчивались вертикальными дымоходами в виде керамических труб, проложенных в толще стен. Следует отметить, что в этом здании каналы имели очень небольшую высоту (0,25 м).

Центральная часть здания и угловые комнаты были перекрыты куполами из туфовых блоков. Освещение осуществлялось через застекленные отверстия в куполах. Тщательное внутреннее убранство бани № 2, а также найденные здесь фрагменты поливной посуды, костяные шахматы, драгоценные украшения, привели исследователей к выводу, что это заведение обслуживало социальную верхушку болгарского посада (Хованская, 1954. С. 407; Шарифуллин, 2001. С. 226).

Несколько иную планировку имела баня № 3 (рис. 65), исследованная в заречной части Болгара и датируемая серединой XIV в. Она представляла собой прямоугольное здание размерами 16,0 x 11,5 м, вытянутое по оси ЮЗ-СВ. Баня была в значительной степени разрушена, и по сохранившимся остаткам можно восстановить только общий план здания. Фундамент бани заглублен в материк на 0,7 м. Дно котлована под стенами укреплено сваями, сами стены сложены из белого известняка на глиняном растворе.

На уровне подпольного отопления прослеживается девять помещений, расположенных в три ряда. Именно так и воспринимался общий план здания первоначально (Хованская, 1954. С. 421; Зиливинская, 2001. С. 182). Предполагалось, что три комнаты в южной части представляли собой отапливаемые раздевальни, остальные являлись теплыми и горячими мыльнями.

То есть помещения располагались рядами, по три помещения в каждом. Р.Ф. Шарифуллин дает более интересную и, вероятно, более верную реконструкцию (Шарифуллин, 2001. С. 227-229). По его мнению, Помещение 1, расположенное по центру юго-западного ряда комнат, являлось небольшой (3,7 x 2,4 м) отапливаемой раздевальней. Оно соединялось с центральным залом, имеющим форму перевернутой буквы Т. Два боковых помещения (4 и 5) северо-восточного ряда представляют собой горячие мыльни, которые соединяются с центральным залом при помощи проходов, сделанных в скошенных углах комнат. Помещения 3 и 6, расположенные по сторонам от предполагаемого предбанника, являются теплыми мыльнями, которые соединяются с центральным залом при помощи проходов в северо-восточной стене. Таким образом, баня № 3 имеет ту же крестообразную планировку, но несколько модифицированную, так как юго-западная лоджия ее центрального зала превращена в предбанник. Общие размеры всего комплекса помещений 11,5 x 11,5 м.

Учитывая почти полное отсутствие стен, и то, что они прослеживаются только по сваям в материке и следам жаропроводящих каналов, можно предложить еще один вариант реконструкции. Возможно, все девять «помещений» представляют собой крестообразный зал с центральным объемом и четырьмя лоджиями, по углам которого расположены угловые мыльни. В этом случае предбанник должен быть деревянным или каменным, но построенным без фундамента и не отапливаемым. Такой вариант также возможен, так как в остальных банях Болгара предбанник был холодным или отапливался частично, а в бане № 3 помещение 1 имеет развитую систему отопления. Попадание в столь нагретое помещение с улицы противоречит важнейшему для восточных бань принципу постепенного нарастания температур. Кроме того, помещение 1 значительно меньше предбанника в бане № 2, которая имеет почти такие же размеры.

В северо-восточной части находилось служебное помещение размерами 3,7 x 10,6 м, по центру которого располагалась печь эллипсоидной формы (0,8 x 1,2 м), сложенная из плит песчаника. Стенки ее были изнутри облицованы кирпичами, поставленными на ребро. Над печью и, вероятно с двух сторон от нее находились цистерны для воды. От печи на северо-запад и юго-восток отходят два магистральных канала, которые разветвляются под боковыми цистернами и, поворачивая на юго-запад, соединяются с подпольной системой основного объема здания. Устои, на которых крепились полы, сложены из обожженного кирпича. Жаропроводящие каналы заканчивались вертикальными дымоходами, проложенными в толще стен. Перед устьем топки вырыт котлован, и сделана пристройка, в которой находилась кочегарка. От нее сохранился северный угол каменной стены, которая отгораживает пространство размерами 7,2 x 4,2 м. Вода в цистерны подавалась из колодцев и разводилась по керамическим трубам. Баня обращена фасадом на городскую площадь, на которой находился фонтан.

Отсутствие следов внутренней отделки, а также бедность вещевого материала, позволило О.С. Хованской предположить, что баня № 3 обслуживала рядовое население города (Хованская, 1954. С. 421).

Прекрасно сохранилась, подробно изучена А.П. Смирновым и неоднократно опубликована другая баня крестообразного плана – знаменитая Красная палата (№ 4), датируемая серединой XIV в. (Смирнов, 1940; 1951. С. 210-222; Калинин, Смирнов, 1946; Хованская, 1954. С. 407-414; Шарифуллин, 2001. С. 230-235). Здание имело длину 32 м и различную ширину в разных частях (рис. 66). Ширина его в средней части 15 м, а с учетом позднего пристроя – 23 м. Стены сложены из грубо отесанных плит известняка, а местами из обожженного кирпича. Фасад здания, покрытый слоем штукатурки, выходил на площадь с фонтаном в центре. Вход был обрамлен аркой из кирпича и вел в неотапливаемый предбанник прямоугольной формы (7,60 x 4,20 м), южную часть которого занимала П-образная суфа. Стены раздевалки покрыты штукатуркой с примесью толченой керамики, а пол вымощен хорошо обработанными плитами (рис. 67.2). Дверной проем, сложенный из кирпича, вел в крестообразный центральный зал длиной 15,0 и шириной 13,0 м.

Пол зала выложен плитами, перекрывающими систему подпольного отопления, стены – оштукатурены и окрашены. Исследования показали, что в бане трижды производился ремонт: первоначально штукатурка была окрашена в розовый цвет, затем – в красный и, наконец – в синий. По углам центрального зала располагались небольшие квадратные мыльни. Входы в угловые комнаты несколько сдвинуты от главной оси здания, благодаря чему нагрузка купольных перекрытий падала на сплошную кладку стен. На высоте 1,5 м от пола по всему крестообразному залу проходил карниз из выступающего ряда кирпичей. Выше начиналась кладка перекрытий – купольных над центральным залом и угловыми мыльнями и коробовых – по сторонам креста. Переход к куполу осуществлялся при помощи сферических парусов. В куполах имелось по одному или несколько отверстий, служивших для освещения, в которые были вставлены рамы со стеклом среднеазиатского типа (рис. 68.2-3).

В центре крестообразного зала находилась каменная двенадцатилепестковая чаша фонтана (рис. 67.3, 68.1). В угловых мыльнях и лоджиях зала было найдено 15 каменных раковин различной формы и размера (рис. 67.4). К ним по керамическим трубам, уложенным в специальные ниши, подводилась горячая и холодная вода. Сточные воды удалялись по открытому водостоку, проложенному в полу. В восточной части Красной палаты находились две цистерны для воды, разделенные между собой перегородкой. Они были перекрыты коробовым сводом. Под южной цистерной была печь цилиндрической формы, сложенная из обожженного кирпича, над которой вмурован медный котел. Перед топочным устьем выкопан котлован. От печи отходило пять дымоходов, четыре из которых тянулись под

цистерны, а один – непосредственно в отопительную систему под полом помещений. Дымоходы, устроенные под цистернами, отходили в южную и северную части мыльного отделения. Несколько позднее с северной стороны здания было пристроено еще одно, вероятно, женское отделение, от которого сохранилась топочная часть. Северная часть здания полностью разрушена, однако, судя по несколько меньшей ширине топки, можно предположить, что она имела меньшие размеры и, возможно, более простую планировку.

Здание Красной палаты существовало с середины XIV века до начала XV в. О.С. Хованская считает его городской общественной баней, обслуживавшей обеспеченные слои населения, несколько менее зажиточные, чем посетители бани № 2 (Хованская, 1954. С. 414).

Самой известной еще до проведения раскопок банной постройкой Болгара (№ 5) является Белая палата (рис. 69-72), расположенная в 100 м к югу от Черной палаты. Белая палата сохранилась лучше других, и поэтому привлекала интерес исследователей и путешественников. О назначении здания существовали различные мнения: его считали усыпальницей (Паллас, 1788. С. 190), персидским загородным павильоном (Башкиров, 1928. С. 87), домом вельможи (Смолин, 1926. С. 54). П.С. Паллас сделал обмер Белой палаты (рис. 69.1) (Паллас, 1788. С. 190, табл. VI), в первой половине XIX века она была зарисована братьями Г. и Н. Чернецовыми (рис. 70) (Чернецовы, 1970. С. 97). После того, как в 60-е годы XIX века Белая палата разрушилась, В.Ф. Смолин составил план ее отопительной системы (Смолин, 1926. С. 86). В 1979-83 гг. Белая палата была исследована Р.Ф. Шарифуллиным, что позволило уточнить планы предшествующих исследователей, выявить детали интерьера и устройства отопительной системы, а также определить время постройки здания (Шарифуллин, 2001. С. 235-249). Баня была возведена в 30-40 гг. XIV в. и просуществовала до 60-х гг.

Здание состояло из трех частей: неотопливаемых раздевальни и тамбура, крестообразного центрального зала с угловыми мыльнями и топочной камеры с цистернами над ней (рис. 71.3). Предбанник представлял собой почти квадратное в плане помещение (6,9 x 7,6 м), вдоль всех стен которого тянулись неширокие (40 см) скамьи из тесаного камня. Пол был вымощен каменными плитами. К югу от раздевальни находился холодный тамбур (2,7 x 7,6 м). Предбанник и тамбур были покрыты двухскатной кровлей. Из тамбура дверной проем вел в крестообразный центральный зал (11,2 x 11,2 м), который стрельчатыми арками соединялся с горячими и теплыми мыльнями. Мыльни были квадратными со стороной 3,0-3,2 м. Центральный зал и угловые помещения перекрывались куполами со световыми отверстиями в зените. У основания большого купола были сделаны еще четыре окна, что хорошо видно на рисунке братьев Чернецовых. Стены и внутренние поверхности куполов были оштукатурены, а плиты пола покрыты слоем известкового раствора.

В южной части находилось служебная пристройка прямоугольной формы (внутренние размеры 14,8 x 3,8 м). В верхнем ярусе ее располагались цистерны для воды, а в нижнем печи для обогрева. При постройке круглая в плане печь была сделана по центру, а впоследствии еще одна круглая печь сооружена в западной части пристроя. От печей тянулись жаропроводящие каналы, которые обогревали полы центрального зала и угловых комнат. Вертикальные дымоходы, проложенные в стенах, сделаны из керамических труб. По мнению исследователей, Белая палата по статусу сопоставима с Красной палатой и обслуживала зажиточное население Болгара.

В 1984-92 гг. в Болгаре была раскопана еще одна баня (№ 6) крестообразной планировки, получившая название Восточная палата (Шарифуллин, 2001. С. 249-256). Восточная палата расположена недалеко от соборной мечети и является самой ранней общественной баней Болгара. Она функционировала с 90 гг. XIII в. до 30-40 гг. XIV в. Здание было сильно разрушено, но планировка его угадывалась по следам свай, вбитых по линии основания фундамента. По плану Восточная палата аналогична Белой палате (рис. 73). Общая протяженность ее 39 м. В юго-западной части, со стороны предбанника ширина здания 14 м, центральная часть имела ширину 19 м, а топочная часть, расположенная в северо-восточном конце, была шириной 11 м. Неотапливаемая часть состояла из предбанника (11,8 x 9,0 м), и прямоугольного сильно вытянутого (3,6 x 15,8 м) тамбура. Вход в баню находился в юго-восточной стене. Он вел в предбанник с кирпичным полом и большой П-образной суфой, внутри которой проходили каналы кана. Тамбурное помещение было вымощено кирпичным боем, а в юго-восточной половине его находился водоем, сложенный из обожженного кирпича. Далее следовал крестообразный зал, размеры которого достигали 16,2 x 15,6 м с четырьмя квадратными (4,0 x 4,0 м) мыльнями по углам. Завершала здание прямоугольная платформа, в массиве которой находилась овальная печь. От печи отходили три магистральных канала, которые, разветвляясь, образовывали обогревательную систему мыльного отделения.

Р.Ф. Шарифуллин приводит вполне обоснованную реконструкцию внешнего облика Восточной палаты (Шарифуллин, 2001. С. 255). По его мнению, как и в Белой палате, центральная часть крестообразного зала и угловые мыльни были перекрыты куполами, рукава «креста», тамбур и цистерна – коробовыми сводами, а предбанник имел плоское или скатное перекрытие. Расположение бани в центральной части городища, недалеко от Соборной мечети, а также анализ богатого вещевого материала привел исследователей к выводу, что эта, несомненно, общественная баня обслуживала зажиточных горожан.

Исследование банных сооружений одних только Великих Болгар позволяет отметить существование двух строительных традиций практически в одно время. Причем бани типа восточных хаммам строились преимуще-

ственно для привилегированных слоев населения, а бани более простого римско-византийского плана – для рядовых горожан.

Бани с подпольным отоплением исследованы и в других городах Волжской Болгарии. На городище Большая Тояба раскопано здание с подпольным отоплением (Федоров-Давыдов, 1960), которое, вероятнее всего, также являлось баней (Зиливинская, 1989а) (рис. 180). Стены его сложены из обожженного кирпича на глиняном растворе и заглублены в землю на 0,8 м. Постройка представляла собой вытянутый прямоугольник длиной 10,7 м и шириной 3,4 м с северной стороны и 1,9 м с южной. Она состояла из двух комнат, имевших подпольное отопление и прямоугольной в плане топки, которая, постепенно сужаясь, соединялась с осевым дымоходом, идущим вдоль всего здания. По обе стороны от магистрального дымохода располагались узкие горизонтальные каналы, образованные кирпичными перегородками, которые были сложены в один ряд кирпичей впритык к внешним стенам. Это здание считалось богатым частным домом, (Федоров-Давыдов, 1960), однако по плану оно в точности совпадает с простейшими банями античной традиции. Раскопками были вскрыты два мыльных помещения, теплое и горячее, а предбанник, скорее всего, был каркасным и не сохранился. Датируется баня второй половиной XIII в.

Общественная баня золотоордынского времени была раскопана А.Е. Алиховой в Мохше (Алихова, 1976). Сохранившаяся часть здания состояла из крестообразного центрального зала (11,0 x 10,5 м) с угловыми мыльнями (2,4 x 2,6 м) и массивной печи, примыкавшей с северной стороны (рис. 75). При постройке бани в черноземе до уровня материковой глины был вырыт котлован; под печью и в окологочной яме он несколько углублен. Фундамент основной части здания сложен из бутового камня средней и крупной величины, поверх которого шла кладка в три квадратных кирпича. Полы бани опирались на столбики из обожженных кирпичей в один кирпич, которые имели высоту десяти слоев кладки. Каналы имели плоское перекрытие из кирпичных плит. Интересное сооружение было обнаружено в южной части центрального зала: здесь один рукав креста был отделен от подпольного отопления стенкой, сложенной в один ряд кирпича. Дно этой камеры было вымощено кирпичом. По предположению А.Е. Алиховой, эта камера служила бассейном или резервуаром для воды (Алихова, 1976. С. 170). В середине центрального зала находился круглый в плане фонтан диаметром 1,2 м, который был установлен на мощном фундаменте из кирпича и щебня.

В северной части бани находилось топочное отделение с овальной печью посередине. От нее в подпольное пространство шли три магистральных дымохода. В целом общественная баня в Мохше напоминает болгарские, но в ней отсутствует капитальный предбанник. Вероятно, предбанник был каркасным и не сохранился. Использование обожженного кирпича в кладке стен и крепление полов на столбиках, а не устоях сближают эту постройку

ку с банями Нижнего Поволжья. Совершенно необычным является наличие большого бассейна, опущенного в подпольное пространство.

Кроме общественной бани, в Мохше было исследовано шесть небольших (от 8 до 20 кв. м) однокомнатных банек (рис. 76). Все они имели такую же отопительную систему: при постройке выкапывался котлован, в который укладывали фундамент и столбики подпольного отопления. Фундаменты, за исключением постройки № 1, где был использован камень, сложены из одного ряда квадратного сырцового кирпича. Столбики подпольного отопления выложены в один кирпич и максимально сохранились на высоту девяти слоев. Основания печей также углублены в материк. Чаще всего печь выдавалась на половину своей длины за пределы постройки; в одном случае она была вся вне постройки (№ 8), в другом – почти вся находилась внутри (№ 7). Дым из подпольного пространства выводился при помощи двух выходящих наружу вертикальных дымоходов длиной от 1 до 2 м. Как правило, они располагались по углам с одной стороны здания и часто являлись продолжением внешних стен. Концевые части выводных дымоходов складывались из обломков обожженного кирпича и щебня и были углублены в материк. Выше дымоходы, вероятно, были сделаны из керамических труб, которые в изобилии найдены при раскопках.

Может показаться странным, что на относительно небольшой площади (около 2 га) было сконцентрировано такое количество банных сооружений. А.Е. Алихова высказала предположение о одновременности этих построек (Алихова, 1976. С. 179), однако, они могли существовать и одновременно. Скорее всего, эти бани были усадебными, и в этом случае их было столько же, сколько и усадеб. Сами же усадьбы, были деревянными и не сохранились. А.Е. Алихова считала, что стены банек сложены из дерева на сырцовом фундаменте. Но все здания с подпольным отоплением обычно имеют массивные стены для лучшего удержания тепла, поэтому, несомненно, они полностью были сырцовыми. Примеры небольших сырцовых банек известны, например, в Средней Азии (Воронина, 1953. С. 185). Встречаются они и в других странах (рис. 112.8). Деревянными могли быть раздевальни, без которых трудно представить себе какую бы то ни было баню.

Нижнее Поволжье.

В городах Нижнего Поволжья, являвшегося центром Золотой Орды, известно в настоящее время всего пять бань. Три из них являлись городскими общественными банями, а две другие были частными.

При раскопках Увекского городища в 1891 и 1895 гг. было вскрыто здание с подпольным отоплением, которое ошибочно было атрибутировано как мавзолей (Кубанкин, 2007. С. 183-186). Чертеж, составленный исследователями достаточно схематичен (рис. 77), однако по нему видно, что здание состояло из предбанника, крестообразного массажного отделения с угловыми мыльнями и топочной части. Площадь его не менее 228 кв. м. Следо-

вательно, как размеры, так и планировка, свидетельствуют о том, что баня была общественной.

В 1967-1973 гг. в Волгоградской области на Водянском городище, которое отождествляется с золотоордынским городом Бельджаменом, была раскопана часть бани с подпольным отоплением (Егоров, Полубояринова, 1974. С. 42-48; Зиливинская, 1989б. С. 251-256; 2001. С. 189-190). Здание исследовано частично, так как восточная и северо-восточная части его разрушены обвалом берега Волгоградского водохранилища.

Баня представляла собой многокомнатное здание, часть помещений которого имела теплые полы на столбиках (рис. 78-79.1). Фундамент стен заглублен в котлован глубиной 1,20-1,40 м от уровня материка. На этом же уровне находилось дно системы подпольного отопления. Стены здания сложены на глиняном растворе из различных материалов: в холодном предбаннике они были из сырца и обожженного кирпича, в остальных помещениях – из необработанных камней. Вход в баню был сделан с западной стороны. Небольшой входной тамбур вел в обширное (8,26 x 7,84 м) прямоугольное помещение холодного предбанника. Пол в предбаннике земляной, северную часть его занимают две суфы, обогреваемые каналами. В массиве одной из суф сделан погребок.

К востоку от предбанника находилось холодное промежуточное помещение (5,2 x 2,5 м) с полом, вымощенным кирпичом и оштукатуренными стенами. К югу от него, располагалось теплое помещение с полами на столбиках из обожженных кирпичей в один кирпич. Размеры его 8,26 x 7,24 м. Вероятнее всего, такое же помещение было и севернее промежуточного. Восточную часть здания занимали три отапливаемые комнаты, расположенные в ряд вдоль меридиональной оси здания. Размеры двух из них 3,6 x 2,4 м и 4,3 x 3,1 м, а третья была большей частью разрушена. В двух помещениях столбики подпольного отопления были кирпичными, а в третьем – каменными. Столбики максимально сохранились на высоту десяти слоев кирпичной кладки. В одном из помещений прослежен не потревоженный участок пола, который состоял из каменных плит, перекинутых между столбиками, нивелировочного слоя, кирпичной вымостки и известковой обмазки. Общая толщина его достигала 40 см. Печь бани не была исследована. Остатки ее обнаружены в обрыве берега примерно в 5 м. от восточной границы среднего помещения в восточном ряду комнат. Это позволяет предположить, что между вскрытыми помещениями и топочной частью находился еще один ряд горячих мылен.

Баня, вероятно, имела еще одно отделение меньших размеров, так как к северу от предбанника находился второй входной тамбур, ведущий в неотапливаемое помещение, которое вошло в раскоп небольшой частью. Таким образом, несмотря на неполную изученность этого здания, можно оценить его планировку в целом. Очевидно, оно состояло из нескольких рядов прямо-

угольных в плане помещений, расположенных рядами вдоль длинной оси постройки.

Вода в бане разводилась по трубам, а удалялась по водосточному каналу, который тянулся от купален через юго-восточную часть предбанника и, проходя через южную стену, продолжался за пределами бани (рис. 79.2).

Баня Водянского городища датируется второй половиной XIV века. Она, несомненно, была общественной и обслуживала рядовое население города. Об этом свидетельствует скромность ее оформления, некоторая небрежность в возведении конструкций и отсутствие богатого вещевого материала.

Общественная баня более сложной планировки была раскопана в 1983-84 гг. на Селитренном городище (Зиливинская, 1989б. С. 264-279; 2001. С. 190-192). Баня располагалась в общественном центре аристократического района города напротив большой мечети. Здание в целом имело прямоугольную форму, и было ориентировано по оси СВ-ЮЗ. Длина его составляла 26,0 м, ширина 13,3 м. За счет пристройки топочного отделения северо-восточная часть расширилась до 15,8 м (рис. 80). Большая часть помещений обогревалась системой подпольного отопления, для сооружения которой в материке был выкопан котлован глубиной в среднем 1,3 м. Стены сложены из обожженного кирпича на глиняном растворе панцирной кладкой и большей частью полностью разобраны. В неотапливаемых помещениях толщина стен составляла 0,65-0,75 м, в обогреваемой части толщина стен под полом 0,9-1,0 м и до 1,3 м.

Баня состояла из девяти помещений, шесть из которых имели подпольное отопление. Вход в здание находился по центру его северо-западной стены и был обрамлен порталом, выступающим за пределы фасада стены. Он вел в небольшой (4,8 x 2,6 м) холодный тамбур, из которого по коридору шириной 1,35 м посетители попадали в большой прямоугольный (12,8 x 9,5 м) предбанник, расположенный в южной части здания (рис. 81.1). Он также не имел подпольного отопления. Полы тамбура, коридора и предбанника выложены обломками обожженных кирпичей на известковом растворе. В предбаннике вымостка из рваного кирпича перемежалась полосолами целого, а поверх была покрыта слоем известкового раствора. Вдоль трех стен предбанника сооружена большая П-образная суфа, которая обогревалась дымоходами кана. В середине пола находился фонтан, от которого сохранилась яма, покрытая известковой обмазкой. К ней от цистерн были проложены два трубопровода из керамических труб (рис. 81.2). В одной из стен предбанника, имелось окно, закрытое ажурной алебастровой решеткой (панджара) с цветными стеклами.

Все остальные помещения бани имели подпольное отопление. Столбики, на которых крепились полы, стояли на прокаленном дне котлована. В основном они выложены в полтора кирпича, но в некоторых местах в один или два кирпича. К северо-востоку от предбанника находились два сильно вытянутых в широтном направлении прямоугольных

(6,75 x 1,75 м и 6,75 x 1,9 м) помещения (рис. 81.3). Стены их были покрыты мозаичными панно из кашинных изразцов белого, желтого бирюзового и синего цветов, а полы вымощены шестиугольными кирпичами, чередующимися с треугольными изразцами бирюзового цвета. Северное помещение соединялось непосредственно с входным тамбуром узким скользящим проходом. То есть посетители могли попасть в него, минуя предбанник с суфой и фонтаном. Скорее всего, эти комнаты служили раздевальнями. Возможно, они соответствуют «первой и второй комнатам для мытья ног» узбекских бань.

К северо-востоку от этих комнат находился крестообразный зал (рис. 81.3-82.1), размеры которого по обеим осям составляли 10,0 м. Западная угловая купальня имела прямоугольную форму (3,60 x 2,10 м), остальные были почти квадратными в плане (2,40-2,60 x 2,20-2,40 м). В северном угловом помещении на полную высоту до уровня пола сохранилась часть стены, ограниченная с двух сторон каналами, соединявшимися с подпольным пространством центрального зала. Каналы перекрыты ложными сводами на уровне четырнадцатого слоя кладки. Внешний угол стены скошен, что позволяет предполагать в этом месте вход в помещение, как это обычно делалось в других банях подобной планировки.

Полы мыльного отделения были вымощены большими (36 x 26 x 5 см) кирпичными плитами и покрыты водостойким раствором, стены оштукатурены и покрашены красной краской. В полу находились вмурованные сосуды типа тагора, в которых, вероятнее всего, держали моющие или лечебные растворы. Вода в мыльное отделение подавалась по керамическим трубам, а выводилась при помощи прямоугольного в разрезе водостока, участок которого найден в коридоре и входном тамбуре (рис. 82.4). За пределами бани водосток соединялся с канализационной системой.

Топочное отделение селитренской бани расположено не вдоль длинной оси здания, а с юго-востока от массажного и мыльного отделения. Это объясняется тем, что с этой стороны находился хаус, из которого вода поступала в баню. От предтопочной ямы к его краю были положены деревянные мостки. В центре кирпичного массива, который служил основанием цистерн для воды, находилась печь овальной формы (рис. 82.2). От нее тянулись два магистральных дымохода к южной и восточной мыльням, которые являлись самыми горячими помещениями бани (рис. 82.3). Чтобы соблюсти принцип постепенного нарастания температур при таком расположении топки, строителям пришлось забутовать подпольное пространство юго-западной лоджии креста, в которую посетители попадали из раздевален.

Нет никаких данных о перекрытиях этой бани, однако по аналогии можно предположить, что середина зала и квадратные купальни были перекрыты куполами. Прямоугольная мыльня и раздевальни могли иметь сводчатые покрытия, а предбанник и тамбур – плоские. Баня находилась рядом с Пятничной (Белой) мечетью в центре аристократического района. Судя по

богатому убранству, она была предназначена для зажиточных слоев населения. Баня датируется 40-70 гг. XIV в.

Еще одна баня Селитренного городища являлась частью большого дворцового комплекса, который был построен в 40-е годы и просуществовал до 60-х годов XIV века (Зиливинская Э.Д., 1989б. С. 256-264; 2001. С. 192-195). Постройка, расположенная возле западной стены дворца, за это время была значительно расширена. Стены бани, сложенные из обожженных кирпичей на глиняном растворе, были почти полностью разобраны и прослеживались фрагментарно.

В I строительном периоде здание имело ширину 4,2 м и состояло из предбанника, мыльного помещения и топки (рис. 83.1). От стены дворца баня была отделена проходом. Южная часть предбанника при перестройке была разрушена, поэтому определить его размеры не удалось. Предбанник был неотапливаемым, пол в нем вымощен обожженным кирпичом на известковом растворе. В северной его части в полу находилась тошна. Севернее предбанника располагалось прямоугольное в плане мыльное помещение размерами 9,7 x 4,2 м. Оно имело систему подпольного отопления, для сооружения которой был выкопан котлован глубиной 0,7 м, на дно которого поставлены столбики, сложенные в один кирпич (рис. 82.2). Расстояние между столбиками составляло 0,22-0,26 м. К купальне пристроен прямоугольный (4,2 x 3,4) массив топочного отделения (рис. 84.3). Он сложен из целых кирпичей и обломков. В центре его находилась топочная камера цилиндрической формы, которая соединялась с подпольным пространством одним магистральным дымоходом.

Во II периоде баня была расширена до западной стены дворца (рис. 83.2-84.1). Состав помещений ее не изменился. В холодном предбаннике (8,1 x 11,0 м) в центре кирпичной вымостки пола был сделан большой прямоугольный бассейн, стенки и дно которого также выложены кирпичом на известковом растворе. Внутренние размеры горячей мыльни стали составлять 9,7 x 8,0 м. Топочное отделение осталось прежним. Вода из цистерны в мыльное помещение подавалась по водопроводу из кубуров, а выводилась при помощи водосточного канала, дно и стенки которого, сделаны из кирпичей (рис. 84.4). Расширение бани, а также устройство в ней обширного предбанника с декоративным бассейном, говорит о том, что она являлась излюбленным местом отдыха обитателей дворца.

Остатки еще одной частной бани были обнаружены среди жилых домов, недалеко от общественной бани (Егоров, 1987. С. 35, 36, рис. 23). Здание было сильно разрушено: от него сохранились только участки двух взаимно перпендикулярных стенок в один ряд кладки, прокаленная поверхность дна подпольного отопления и столбики, выложенные в один кирпич. Фундамент бани не был заглублен в землю, столбики стояли на дневной поверхности. По пятну покаленной земли примерно были определены размеры горячего

помещения. Они составляли 2,4 x 2,2 м. Эта баня, вероятно, аналогична по своему строению усадебным баням Мохши.

Северный Кавказ.

В настоящее время на Северном Кавказе известна всего одна баня с подпольным отоплением на городище Маджары (Зиливинская 2001 С. 195-196; 2015. С. 54-56, рис. 48-51).

К сожалению, она не раскопана полностью, поэтому говорить о ее планировке можно лишь приблизительно (рис. 85). Кроме того, баня расположена на берегу реки Кумы, и юго-западная часть ее разрушена обвалом берега реки. Отапливалась баня цилиндрической печью, стенки которой сложены из обожженных кирпичей, а дно заглублено примерно на 1,2 м относительно уровня материка (рис. 86.3). Печь соединялась с подпольным пространством горячей мыльни прямоугольной в плане (4,0 x 7,0 м). К северу от нее находилось еще одно помещение с теплыми полами, размеры которого 2,4 x 3,2 м. С востока к этим комнатам примыкали три прямоугольные помещения с подпольным отоплением, вскрытые лишь частично. То есть, скорее всего, здание состояло из нескольких рядов прямоугольных в плане помещений.

Стены бани, сложенные из обожженного кирпича на глиняном растворе были почти полностью разобраны и большей частью прослежены по отпечаткам в материке. Толщина их составляла 0,8-1,0 м. В стенах находились прямоугольные ниши вертикальных дымоходов. Фундамент стен и столбики подпольного отопления стояли на дне котлована глубиной 0,5 м. Столбики были сложены в один кирпич и имели высоту до десяти слоев кладки (рис. 86.1-2). На них были положены тонкие плоские плиты из песчаника. Стены и полы бани были покрыты слоем известкового раствора, завалы которого были найдены при раскопках. Вода разводилась по керамическим трубам. Сосуды, найденные в бане представлены такими формами, как тазы-тагора и кувшины. Тагора, возможно, были вмурованы в пол.

К сожалению, датировать маджарскую баню не представляется возможным, так как при ее раскопках не было найдено ни одной монеты. Она находилась в ремесленном районе города и служила, скорее всего, для обслуживания его обитателей. В то же время при раскопках этой бани была найдена золотая серьга в виде знака вопроса с жемчужиной и бусиной из шпинели на конце.

Западные районы.

Несколько банных сооружений было исследовано в западных районах улуса Джучи. В Солхате, который являлся административным центром крымского улуса Золотой Орды, до недавнего времени банные сооружения известны не были. В 2011 г. при прокладке водопровода найдены остатки бани, которые были исследованы Южнобережной археологической экспедицией Крымского филиала ИА НАН. Результаты раскопок кратко опубликованы (Гаврилов, Майко, 2014. С. 170-175).

Здание бани имело форму вытянутого прямоугольника размерами 15,5 x 6,5 м, ориентированного по оси С-Ю (рис. 87). Стены сложены из камня на известковом растворе, толщина их составляла 0,8-0,9 м (рис. 88.1-2). Объем здания был поделен внутренними перегородками на четыре помещения. В южной части находилось топочное отделение с печью² неправильной округлой формы диаметром 1,0–1,1 м (рис. 88.3). От топки отходили магистральные дымоходы, по которым горячий дым попадал в подпольное пространство помещения А. На дне котлована этого помещения были обнаружены остатки столбиков гипокаустов. Столбики состояли из каменных оснований из сланца, на которые были поставлены кирпичи. Кладка сохранилась в 2-3 слоя. В северной стене помещения А были зафиксированы каналы, соединяющие его подпольное пространство с помещением Б, которое также имело обогреваемые полы. На дне котлована этой комнаты столбиков не сохранилось. Самым северным помещением был неотапливаемый предбанник (помещение В). В полу предбанника обнаружена нитка водопровода, по которой вода подавалась в баню. Дальше по помещениям бани вода также разводилась по керамическим трубам: при раскопках были найдены многочисленные фрагменты труб и каменные муфты, служившие для их развода. В полу предбанника также прослежен сложенный из камня канал прямоугольного сечения, по которому удалялась отработанная вода³.

Таким образом, баня в Солхате представляет собой типичный пример здания античной традиции. Она состоит из небольшого предбанника прямоугольной формы и двух квадратных мылен – теплой и горячей, соединенных с топочным отделением. Авторы раскопок предполагают, что эта баня не была общественным городским сооружением, а принадлежала одному из кварталов или была частной (Гаврилов, Майко, 2014. С. 175). Датируется она первой половиной XIV в.

На левом берегу Днепра, на Кучугурском городище, раскопаны остатки общественной бани XIV в. (Довженок, 1961. С. 184-187). Ко времени раскопок сохранилась печь бани и кирпичные устои, поддерживавшие ее полы (рис. 89.1). Внешние стены почти полностью разобраны. Котлован подпольного отопления имел глубину 1,0 м и размеры 15,5 м по линии север-юг и 13,0 м – по линии запад-восток. В северной части котлована находилась круглая печь и массивная кладка основания цистерны. К югу от нее прослежен небольшой участок каменного фундамента внутренней стены бани толщиной 0,75 м. На остальной площади котлована сохранились только перегородки каналов отопления, служившие также опорами пола. Они представляли собой стенки, сложенные в один ряд кирпича и направленные как в широтном, так и в меридиональном направлениях. В центре бани стенки отсутствуют. Возможно, в центральной части зала находился пустотелый

² В публикации ошибочно названа емкостью для воды.

³ В публикации авторы неверно считают, что по этому каналу отводился дым из подпольного пространства.

подиум для массажа («гебёк-таш» или камень-пуп), который также обогревался горячим воздухом из подпольного пространства.

Полы в бане были двухслойными: каналы перекрывали большие известняковые плиты, а на них на известковом растворе были положены кирпичи. Вода подавалась по керамическим трубам. Несмотря на отсутствие стен, можно с уверенностью утверждать, что исследованная часть здания имела крестообразную планировку. Предбанник обнаружен не был. Вероятнее всего, он был холодным и располагался на дневной поверхности, за пределами котлована.

Интересное здание XIV в. с подпольным отоплением раскопано в районе стадиона г. Азова (Перевозчиков, Масловский, 2000). Постройка, стены которой были сложены из камней ракушечника и обломков обожженных кирпичей на глиняном растворе, имела в плане прямоугольную форму размерами 3,4 x 3,7 м (рис. 89.2). В северную стенку ее встроена большая подпрямоугольная печь с овальной в плане топкой. Длина ее 1,35 м, ширина – 0,75 м. Печь имела купольное перекрытие и большей частью находилась за пределами постройки. По всей внутренней площади здания рядами были поставлены столбики из обожженных кирпичей, сложенные в один ряд. Высота их достигала восьми кирпичей. С южной стороны, снаружи постройки, находились два круговых сооружения, которые, вероятно, соединялись с ее углами. Совершенно очевидно, что по планировке это здание напоминает небольшие усадебные баньки города Мохши. Так же, как и в Мохши, баня в Азове состояла из топки, теплого мыльного помещения и двух вертикальных дымоходов, вынесенных за пределы здания. Предбанник, был холодным, стены его и не сохранились.

На городище Старый Орхей, у самых западных границ Золотой Орды, также открыты три бани (Смирнов, 1954; Бырня, Зиливинская, 1988). Баня № 1 представляла собой прямоугольное здание размерами 18,0 x 9,0 м (рис. 96.1). Стены его толщиной 1 м сложены из необработанных глыб серого ракушечника на известковом растворе. Внутреннее пространство разделено перегородками на четыре помещения. Ширина всех комнат 3 м, длина двух южных помещений 6,25 м, северных – 8,75 м. Юго-западное помещение и оба северных имели систему подпольного отопления. Для опоры плит пола в этих помещениях были сделаны устои, кладка которых аналогична кладке стен. Устои образовывали ряды, идущие вдоль оси здания. Пол выложен большими плитами ракушечника. Печь, вероятно, располагалась у западной стены северо-западного помещения бани. Здесь была найдена трапециевидная в плане кладка, которая сверху была покрыта слоем известковой обмазки. Возможно, это остатки известкового дна цистерны. Никаких следов подачи воды не сохранилось. Сточные воды, очевидно, удалялись по трубопроводу, фрагмент которого прослежен у северо-западного угла бани. Точно определить назначение помещений в этой бане не представляется возможным. Можно предположить, что она состояла из неотопливаемого

входного тамбура, теплой раздевалки и двух мылен, или же здесь было два отделения, в одном из которых предбанник был холодным. В пользу второй гипотезы говорит сопоставление этой бани с другими банными сооружениями Старого Орхея.

Здание бани № 3 в плане представляло собой прямоугольник размерами 18,0 x 28,0 м (рис. 96.2). Стены помещений, сложенные из небольших, грубо отесанных камней на известковом растворе имели толщину 1,0-1,1 м. Внутренний объем здания разделен на девять помещений, причем все они имели теплые полы. В северной части располагались два узких помещения размерами 2,25 x 6,25 м. К югу от них находились помещения несколько большего размера (3,5 x 6,0 м), причем восточное соединялось с небольшой (2,0 x 1,5 м) дополнительной комнатой. Еще южнее находились четыре квадратные комнаты одинакового размера (6,0 x 6,0 м). Завершало здание большое топочное отделение с цистернами, дно которых вымощено обожженным кирпичом на известковом растворе. Во всех комнатах сохранились остатки пола из хорошо отесанных плит. Система подпольного отопления не была исследована, но во всех стенах здания обнаружены вертикальные дымоходы из керамических труб. Вода в бане разводилась по керамическим и свинцовым трубам, а выводилась при помощи канавок, которые тянулись через всю баню, проходя в дверные проемы. Отсутствие проходов, соединявших западные и восточные помещения, позволяет предположить, что баня состояла из двух отделений – женского и мужского. В каждом отделении был входной тамбур, предбанник и две мыльни. В мужском отделении имелась дополнительная комната, которая примыкала к предбаннику и, возможно, служила для интимного туалета или каких-то процедур.

Баня № 2 Старого Орхея является самой большой в Золотой Орде. Здание представляло собой вытянутую трапецию, так как западная стена не перпендикулярна южной и северной (рис. 91). Ширина его составляла 23,6 м, длина 40,0 м в южной части и 37,6 – в северной. Стены сложены из грубо обработанного ракушечника на известковом растворе панцирной кладкой. Толщина их 1,0-1,8 м. Баня состояла из двух отделений. В западной части ее находилось обширное трапециевидное помещение без устоев подпольного отопления. В этой комнате, вероятнее всего, должен был располагаться предбанник, так как это единственное помещение, в котором не проложены водопроводные трубы. Возможно, он должен был быть перегороден надвое каркасной стенкой или легкой перегородкой.

Из тамбура проходы ведут в квадратные (6,5 x 6,5 м) отапливаемые помещения (в одной из полов были разобраны), каждое из которых соединяется с двумя небольшими теплыми (2,6 x 2,6 м и 2,5 x 3,0 м) комнатками. В южном отделении была дополнительная теплая комната (4,8 x 3,6 м), которая занимала юго-восточный угол предбанника. Дальше к востоку оба отделения соединялись с крестообразными залами размерами 9,7 x 9,7 м. Их угловые мыльни имели форму квадрата со стороной 2,6-2,7 м. В восточной части бани

располагалось узкое, сильно вытянутое в меридиональном направлении помещение, в котором должно было находиться топочное отделение.

Во всех комнатах, кроме предбанника и топочного помещения, для поддержки пола были сделаны массивные устои из камней ракушечника. В некоторых местах сохранились плиты пола, перекрывавшие дымоходные каналы. Плиты из серого ракушечника толщиной 10 см. Пространство под полом помещений соединялось при помощи каналов, проходящих через фундаменты стен. Для вывода горячего воздуха в толще стен проложены многочисленные дымоходы из керамических труб. В стенах всех горячих помещений на высоте 0,5 м от пола сделаны полочки 0,25 м шириной, в которых одна над другой располагались водопроводные керамические трубы. Печь в бане отсутствовала, так как здание не достроено. Вероятно, печь предполагалось сделать в центральной части восточного помещения. Цистерн в бане должно было быть две, для холодной и для горячей воды, так как трубопровод состоял из двух линий.

Перекрытия в бане не были возведены. По аналогии можно предположить, что над большими квадратными мыльнями, центрами крестообразных залов и угловыми мыльнями были купола. Остальные небольшие помещения логично было бы перекрыть сводами, а предбанник – плоским перекрытием. Все бани Старого Орхезя датируются 40-60 гг. XIV века.

Азиатские территории

В Отраре раскопана общественная баня конца XIV-начала XV века, расположенная у южных ворот города (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987. С. 112-124; Байпаков, 1986. С. 141, 142). Прямоугольное в плане здание имело размеры 17 x 15,5 м. Сложенное из обожженного кирпича, оно было в значительной степени разобрано. Полностью сохранилась только система подпольного отопления, что позволило сделать полную реконструкцию здания. Баня имела крестообразную планировку (рис. 92). За прямоугольным в плане неотапливаемым предбанником площадью 13 кв. м следовал центральный зал, длина которого составляла 12,5 м, а ширина 10,5 м. К нему примыкало топочное отделение с резервуарами для воды. При исследованиях обнаружены две цистерны для холодной воды, котел для горячей воды и четыре небольших резервуара. По предположению авторов раскопок, в небольших емкостях могли содержаться ароматические настои и щелок (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987. С. 116). Стенки цистерн и резервуаров сложены из обожженного кирпича и покрыты водонепроницаемым раствором – кыром, широко применяемым для подобных целей в Средней Азии. Топка находилась снаружи, а вода в горячей цистерне обогревалась за счет воздуха, идущего по жаропроводящему каналу от топки в подпольное пространство.

Особенностью отрарской бани является различная величина угловых мылен. Северо-восточная горячая мыльня (пом. 7) была почти вдвое больше, чем северо-западная (пом. 5). Площади их соответственно 15 кв. м и

7,2 кв. м. В помещении 7 был прослежен участок пола, выложенный голубыми и белыми изразцами. Юго-западная (пом. 2) и юго-восточная (пом. 9) угловые комнаты не отапливались. Помещение 2 площадью 10,8 кв. м имело интересное оформление. Пол его был выложен голубыми изразцами различного формата на кыре. В центре находился заглубленный на 5 см круг диаметром 0,8 м, края которого также выложены голубыми изразцами. К этому углублению подведена керамическая труба, по которой, по мнению авторов раскопок, в комнату подавался горячий воздух из системы подпольного отопления. Помещение трактуется исследователями как комната для намаза (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987. С. 117). Это утверждение представляется бездоказательным. На возможность использования данного помещения для намаза указывает только его расположение – в юго-западной части здания. Конструкция, расположенная в центре комнаты, никак не свидетельствует о культовом назначении помещения. Функциональное назначение ее не совсем понятно. Керамическая труба, подведенная к углублению в полу, скорее всего, действительно служила для обогрева помещения, но трудно предположить, что воздух из системы подпольного отопления поступал непосредственно в комнату, так как под полом циркулирует не просто воздух, а дым, насыщенный копотью. Возможно, при помощи этого устройства происходил обогрев центральной части пола.

Интересное строение имело и помещение 9 площадью 20 кв. м. Здесь по периметру была сделана невысокая (40 см) суфа, а в центре находился круглый в плане резервуар для воды диаметром 1,8 м со стенками, покрытыми кыром. Он наполнялся водой при помощи трубопровода, проложенного в стене, а отработанная вода по желобу отводилась за пределы здания в сточную яму. Пол между суфой и водоемом выложен обожженными кирпичами на кыре. По мнению авторов раскопок, эта комната служила для мытья ног после банных процедур (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987. С. 117).

Под полом бани была исследована система жаропроводящих каналов, которые проходили под полами центрального зала и двух мылен, примыкавших к топочному отделению. Полы в этих помещениях опирались как на столбики, выложенные в один кирпич, так и на устои, представлявшие собой отрезки кладки в один ряд кирпича длиной от 0,5 до 1,7 м. Отработанный воздух удалялся через вертикальные дымоходы, проложенные в толще стен. Вода в цистерны поступала по трубопроводу, но внутри бани не разводилась по помещениям: ее зачерпывали через окошечки в стенках цистерн, как это принято во всех среднеазиатских банях.

Таким образом, баня Отрара представляет собой хаммам крестового плана. В то же время планировка ее не достаточно четко разработана, так как стандартные в большинстве подобных построек угловые комнаты имеют разные размеры, некоторые из них лишены подпольного отопления и предназначены не для мытья, а для других процедур.

На городище XIV в. Жайык в Западном Казахстане исследованы остатки бани с подпольным отоплением (Байпаков, Смагулов, Ахатов, 2005. С. 87-89; Калменов, 2014. С. 67-68). Здание находилось в центральной части города. Цокольная часть его была заглублена в котлован глубиной 1,2-1,3 м. На дне котлована были найдены столбики, поддерживавшие плиты пола (рис. 93.1-4). Столбики выложены из кирпичей в 1 кирпич и расположены в помещениях в шахматном порядке. Наружные стены были почти полностью разобраны, сохранившиеся участки их имели толщину 1 м. Сильная разрушенность здания не позволяет четко выявить его планировку. Предположительно баня была крестового плана, причем восьмиугольная центральная часть креста была вписана в квадрат со стороной не менее 4 м (Байпаков, Смагулов, Ахатов, 2005. С. 87). При раскопках было найдено большое количество керамических водопроводных труб (кубуров) с характерными «манжетами» на одном конце (рис. 93.5-7) и фрагментов керамических тазов и котлов, многие из которых были вмонтированы в суфы при помощи алебастрового раствора.

Баня-хаммам с подпольным отоплением была найдена и на городище Сарайчик (Сдыков, Лукпанова, 2014. С. 143), однако никаких данных о ее планировке не имеется.

Техническое устройство золотоордынских бань, их классификация и генезис

Приведенный обзор показывает, что образцы банных построек известны в большинстве регионов Золотой Орды. Они были популярны у всех слоев городского населения, причем для зажиточных людей строились общественные бани крестового плана, а для рядового населения – более простой планировки. Обычным явлением в золотоордынских городах было строительство небольших частных бань. Общественные бани посещались как мужчинами, так и женщинами. Из двух почти равноценных отделений состоят все бани Старого Орхоя, два отделения, скорее всего, было и в бане Водянского городища. В Красной палате второе отделение было построено позднее, вероятно для того, чтобы мужчины и женщины могли посещать ее одновременно. Другие бани посещались мужчинами и женщинами в определенные часы. Об этом свидетельствует, в частности находка большого количества бус в водостоке общественной бани Селитренного городища. На то, что бани были местами отдыха и приятного времяпровождения указывают довольно большие размеры предбанников, особенно в Нижнем Поволжье, и их оборудование теплыми суфами, погребками для продуктов, фонтанами и декоративными бассейнами.

Общественные бани строились в лучших частях города. Бани Болгара обращены входами на площади, а общественная баня в Сарае находится рядом с большой пятничной мечетью.

Устройство подпольного отопления в банях Золотой Орды довольно единообразно. Для его сооружения обычно выкапывался котлован глубиной 0,5-1,0 м. Вдоль бортов котлована выкладывались толстые (0,8-1,8 м) стены, а на дно ставились опоры пола. В тех случаях, когда стены зданий возводились из кирпича, опоры пола представляли собой кирпичные столбики, чаще всего, в один ряд кладки, то есть систему типа римских гипокаустов. Такие столбики мы имеем в банях Нижнего Поволжья, Мохше, Маджаре, и Азове. При каменном строительстве полы опираются на массивные устои, сложенные аналогично стенам. Такая система отопления устроена в большинстве бань Болгара и в Старом Орхее. Существует и промежуточный вариант. В бане № 3 Болгара и банях Большой Тоябы и Кучугурского городища подпольное пространство разделено стенками из обожженных кирпичей, а в бане Отрара применены и столбики и стенки. В бане Водянского городища, стены которой сложены из камней, и из кирпичей, в одном из помещений столбы подпольного отопления сделаны из специально вытесанных камней.

Обогрев банных построек осуществлялся при помощи большой печи, которая чаще всего имеет круглую или овальную форму и находится в центре большого каменного или кирпичного массива, служащего основанием цистерн для воды. Соединяется топка с подпольным пространством магистральными дымоходами (от 1 до 3-х). Топочное отделение обычно расположено вдоль длинной оси здания, в противоположном от предбанника конце. Но в общественной бане Селитренного городища оно находится сбоку, чтобы приблизить цистерны к источнику воды.

Цистерн во всех больших банях несколько – для горячей и холодной воды. Вода зачерпывалась в них из рек, колодцев или хаусов. В помещения бани вода всегда поступала по керамическим трубам, причем для холодной и горячей воды были отдельные трубопроводы. Только в Отраре внутри бани трубопровод отсутствовал. При помощи кранов вода сливалась в различные резервуары, расположенные в купальнях. Большие каменные чаны для воды были зафиксированы только в Болгаре. При раскопках общественных бань в Сарае и Маджаре найдено большое количество обломков сосудов типа тагора, в том числе и вмурованных в пол. Возможно, в них и наливали воду при мытье. В бане Отрара был зафиксирован круглый бассейн для мытья ног.

Использованная вода выводилась по каналам, которые были сделаны в полу, и проходили через все помещения бани. Сверху эти каналы могли быть перекрыты досками. Такие водостоки обнаружены в Болгаре, Старом Орхее, Солхате, городах Нижнего Поволжья. Перекрытия в банных постройках были прослежены только в Болгаре. Однако, для большинства зданий можно попытаться сделать их реконструкцию с большой долей вероятности, так как во всех восточных странах внешний облик бань достаточно единообразен. В банях крестового плана над серединой центрального зала и угловыми мыльнями всегда возводились купола. Остальные помещения

перекрывались сводами, а обширный предбанник имел плоское перекрытие. В банях другой планировки, несомненно, также присутствовали купола и своды. Первые могли быть возведены над квадратными в плане комнатами, а вторые перекрывать прямоугольные помещения.

Об освещении золотоордынских бань также можно судить, в основном, по Белой палате и хаммам других регионов. Вероятно, как во всех остальных банных постройках, отверстия для освещения были сделаны в куполах. В Золотой Орде они, вероятно, были закрыты решетками панджара с вставленными в них круглыми стеклами среднеазиатского типа. Обломки таких стекол были найдены при раскопках большинства бань. В предбаннике общественной бани Сарая было прямоугольное окно, в алебастровую решетку которого были вставлены как прозрачные круглые стекла, так и небольшие фрагменты цветных.

Некоторые данные мы имеем о внутреннем декоре и деталях интерьера золотоордынских бань. В мыльных и массажных помещениях стены и полы покрыты известковым раствором. Штукатурка стен могла быть окрашена какой-либо краской. В этих комнатах должны были находиться лежанки для массажа и отдыха, но найдены они были только в Болгаре. Резные каменные чаны в болгарских банях, несомненно, не только служили утилитарным целям, но и украшали интерьер. Два помещения селитренской бани имели стены, украшенные поливными изразцами и фигурно выложенные шестиугольными плитами с треугольными бирюзовыми изразцами полы. Полы в некоторых помещениях отрарской бани также были вымощены изразцами различных цветов. Для золотоордынских бань характерно наличие фонтанов и декоративных бассейнов. В Болгаре и Мохше такие водоемы находились в середине центрального зала, а в Сарае – в предбаннике. В большинстве предбанников были сооружены большие, часто обогреваемые суфы, на которых посетители отдыхали до и после банных процедур.

Что касается планировки, то для всей территории золотоордынского государства можно выделить 4 типа банных сооружений. Основными признаками для выделения типов являются форма помещений и их взаимное расположение.

Тип I.

Здания с прямоугольными в плане помещениями, расположенными в один ряд. Тип имеет два варианта.

Вариант А: здания, состоящие из одного капитального помещения. Предположительно они имели деревянный каркасный предбанник.

К типу IA относятся усадебные бани Мохши, частные бани в Азове и на Селитренном городище (рис. 94).

Вариант Б: здания из нескольких помещений с капитальными стенами.

К типу IB относятся баня № 1 в Болгаре, баня на городище Большая Тояба, дворцовая баня на Селитренном городище, баня в Солхате (рис. 95).

Тип II.

Здания с прямоугольными в плане помещениями, расположенными в несколько рядов. Этот тип также имеет два варианта.

Вариант А: Баня состоит из двух практически равноценных отделений, то есть планировка возникла в результате удвоения здания типа IIБ. Вариант представлен банями №№ 1 и 3 в Старом Орхее (рис. 96.1-2).

Вариант Б: Здания более сложного плана с помещениями, расположенными в несколько рядов. Сюда относятся, баня на Водянском городище и, вероятно, в Маджаре (рис. 96.3).

Тип III.

Здания с одним крестообразным центральным залом, то есть, состоящие из одного отделения. К этому типу относится большинство общественных бань золотоордынского времени. Это бани №№ 2, 3, 6, Красная палата (в I периоде) и Белая палата в Болгаре, общественные бани на Селитренном городище, в Увеке, Мохше, на Нижнем Днепре, в Отраре, возможно, в Жайыке (рис. 97.1-6).

Тип IV.

Здания с двумя крестообразными залами, то есть, имеющие два отделения. Тип представлен одной единственной баней N 2 в Старом Орхее. Возможно, такую же планировку имела Красная палата во II периоде (рис. 97.7).

Бани I и II типов относятся к античной строительной традиции. Бани III типа являются классическими хаммам восточной традиции. Планировка Бани № 2 Старого Орхее очень своеобразна. Она состоит из двух отделений, в каждом из которых есть крестообразный зал, то есть формально относится к восточной традиции. Но в большинстве восточных бань крестообразный зал является самым большим и значительным помещением, расположенным в центре здания и группирующем вокруг себя все остальные комнаты. В бане № 2 перед крестообразными залами находятся большие квадратные залы с примыкающими комнатами. Причем все они также предназначены для банных процедур. В результате крестообразные залы теряются в таком обилии комнат и уже не являются доминантой композиции здания. Представляется вероятным, что такая планировка могла возникнуть в результате смешения античной и восточной строительных традиций.

Для построек, прослеженных полностью, можно рассчитать, какое количество посетителей они могли обслуживать одновременно. Описывая бани с подпольным отоплением, В.Л. Воронина приводит данные о проектировании и строительстве традиционных общественных бань в Узбекистане в XX в. По этим проектам, здание размерами 25 x 20 м рассчитано для обслуживания 100 человек, следовательно, на одного человека должно приходиться 5 кв. м (Воронина, 1951а. С. 134-137). Если исходить из этих нормативов, то для золотоордынских бань мы получаем следующую картину:

Таблица 4

Баня	Размеры	Площадь	Количество посетителей
№1 в Болгаре	14 x 9 м	126 кв. м	25
№2 в Болгаре	20 x 11 м	220 кв. м	44
№3 в Болгаре	16 x 11,5 м	184 кв. м	37
Красная палата	32 x 15 м	480 кв. м	96
Белая палата	17 x 13 м + 10 x 9 м	311 кв. м	62
Восточная палата	24 x 19 м + 14 x 10 м	596 кв. м	119
Общественная на Селитренном городище	26 x 13,3 м	346 кв. м	69
Дворцовая на Селитренном городище, 1 период	15 x 4,2 м	63 кв. м	12
Дворцовая на Селитренном городище, 2 период	20 x 6,7 м	134 кв. м	27
Солхат	15,5 x 6,5 м	100 кв. м	20
№1 в Старом Орхее	18 x 9 м	162 кв. м	32
№3 в Старом Орхее	28 x 18 м	504 кв. м	100
№2 в Старом Орхее	37,6-40 x 23,6 м	916 кв. м	183

Для того, чтобы понять, каким образом и откуда пришли в Золотую Орду здания столь развитой планировки, следует рассмотреть подробнее, каковы же были тенденции в банном строительстве в районах, вошедших в состав улуса Джучи, или сопредельных с ним стран.

В Средней Азии бани с подпольным отоплением получили широчайшее распространение в XV-XVII вв. Многие из них сохранились до наших дней (Воронина, 1951а; 1983). Однако раннесредневековых банных построек известно довольно мало. Одной из них является баня IX века на городище Афрасиаб (Шишкина, 1973. С. 127-140). Она представляет собой целый городской квартал, перестроенный под общественные бани. Помещения группировались вокруг нескольких внутренних дворов разной площади (рис. 98.1). Количество и характер комнат, расположенных вокруг двора, различно, планировка – произвольна. Стены сложены из сырцового кирпича и местами достигают толщины 3-4,5 м. Полы купален, залов и айванов выстланы жженым кирпичом фигурной кладкой. Г.В. Шишкина выделяет раздевальни, комнаты для отдыха, массажное отделение, моечные помещения с ваннами, комнаты для служителей и цистерны для воды (Шишкина, 1973. С. 130-135). Ванны Афрасиабской бани образовывали интересную систему резервуаров с разным уровнем дна: в большую ванну, вдоль которой была сделана скамеечка для сидения, была встроена ванна более глубокая и меньшего размера со стоком в яму поглощающего колодца. Некоторые ванны снабжены узким отростком, дно которого наклонено в сторону ванны.

По предположению Г.В. Шишкиной, это делалось для того, чтобы банщик, доливая воду, не попадал на моющегося (Шишкина, 1973. С. 138). Отопительная система бани состояла из большого количества неглубоких канавок, выложенных обожженным кирпичом, которые проложены от топки вдоль суф, ванн и резервуаров с водой. Стены, полы, поверхности резервуаров и ванн покрыты водостойким раствором. В некоторых комнатах стены украшены росписями и резным ганчем.

Бани другого типа расчищены на востоке и в западной части Афрасиабского городища (Шишкина, 1973. С. 140-142). Обе они относятся к X веку. Здания состояли из отдельных, изолированных друг от друга помещений с самостоятельной системой отопления, ваннами и суфами для массажа и отдыха (рис. 98.2). Обогрев помещения осуществлялся при помощи тандыра, из топки которого горячий воздух по канавкам распространялся по периметру ванны и вдоль подножия суфы. Рядом с тандыром помещался вырытый в пол хум для воды, которую можно было черпать из ванны через специальный проем в переборке. Г.В. Шишкина считает, что такой тип бань был господствующим в X-XI вв., и именно его имел в виду ибн Сина, когда говорил, что «лучшая баня – та, ... где топку разжигают сообразно натуре тех, кто хочет в нее зайти» (Ибн Сина, 1954. С. 196). Однако, во времена ибн Сины существовал и другой тип бань, в котором «первая комната охлаждает и увлажняет, вторая – согревает и увлажняет, третья – согревает и высушивает» (Ибн Сина, 1954. С. 196), то есть там имелся ряд комнат с постепенно возрастающей температурой. Вполне возможно, к этому типу принадлежала афрасиабская баня, кратко описанная В.Л. Вяткиным, про которую известно лишь, что она имела настоящую систему подпольного отопления в виде жаропроводящих каналов, завершающихся арочным перекрытием (Вяткин, 1926. С. 16).

Здание с системой отопления в виде канавок из обожженного кирпича исследовано на цитадели Хульбука (Гулямова, 1961; 1962; Хмельницкий, 1997. С. 206-207; 2006. С. 140-141). Здесь также найдены резервуары для воды квадратной формы с четырьмя отростками по углам и высокие суфы, характерные для среднеазиатских бань, ниши в стенах и большое количество поглощающих колодцев. Резервуары и полы покрыты слоем водостойкого раствора, а в одной из комнат найдена гора потрескавшейся от резкой смены температур гальки. Все эти факты позволили Г.В. Шишкиной предположить, что в один из периодов (XI в.) это здание представляло собой баню (рис. 98.3). Здание имело длину 19 м и максимальную ширину 11 м. Оно состояло из обширного предбанника с суфой вдоль стен и небольшим круглым бассейном. Далее следовала холодная комната и две мыльни – теплая и горячая. К ним примыкает топочное отделение с хозяйственным пристроем. С.Г. Хмельницкий относит эту баню к типу построек с линейной планировкой (Хмельницкий, 1997. С. 206).

Близкую к хульбукской планировку имеют две бани IX-XI вв., раскопанные на городищах Сайёд и Манзара в Южном Таджикистане (Хмельницкий, 1992. С. 283-287; 1997. С. 206; 2006. С. 137-140). Обе бани находились в богатых усадьбах и были предназначены для обслуживания их обитателей. Баня в Сайёде пристроена к внешней южной стене усадьбы. Здание прямоугольное в плане (15,5 x 8,0 м) и состоит из двух рядов помещений, расположенных вдоль его оси (рис. 99.1). Вход в баню, пробитый в южной стене усадьбы, вёл в квадратный предбанник с суфой вдоль западной стены и небольшой квадратной ванной в юго-восточном углу. Отсюда можно было попасть в анфиладу собственно банных помещений, которая состояла из трёх квадратных в плане комнат: холодной, теплой и горячей мылен. В обогреваемых помещениях полы опирались на столбики. Подпольное пространство горячей мыльни соединялось непосредственно с топочным отделением, к которому примыкало помещение для истопника. Ещё один проход вёл из тёплой мыльни в декорированное резным ганчем помещение для отдыха.

Усадебная баня на городище Манзара имела сходное строение, но все помещения её вытянуты в одну линию (рис. 99.2). Цепочку помещений начинает неотопливаемый предбанник с двумя небольшими резервуарами для воды (вероятно, для мытья ног). Далее следуют три одинаковые квадратные в плане мыльни: холодная, тёплая и горячая. Завершает этот ряд топочное отделение с примыкающей к нему хозяйственной комнатой. Система отопления также представлена гипокаустом.

С.Г. Хмельницким опубликована баня XI-XII вв., раскопанная в восточном рабаде Ахсикента (Хмельницкий, 1997. С. 193-196). Это здание сложной архитектуры неоднократно перестраивалось. Анализ его планировки не входит в задачи данного исследования, следует лишь отметить, что оно состоит из 12 квадратных и прямоугольных в плане помещений, которые примыкают друг к другу достаточно произвольно (рис. 100.1). Здесь не только не выделен композиционный центр здания, но и отсутствуют оси симметрии. Обогревались полы бани при помощи системы жаропроводящих каналов, проложенных под полом. Сходную планировку имеют и две бани домонгольского времени, исследованные на городище Шахджувар (Хмельницкий, 1997. С. 196-200). Для этих построек также характерно свободное взаиморасположение помещений и отсутствие сквозных осей (рис. 100.2-3). Только в бане 1 Шахджувара квадратный центральный зал имеет три широкие лоджии, что несколько сближает ее с банями крестообразной планировки. Но непременно для последних угловые мыльни здесь отсутствуют и все здание в целом не имеет компактной прямоугольной формы, характерной для восточных бань более позднего времени. Полы в обеих банях опирались не на столбики, а на кирпичные стенки длиной около

80 см. Но, так как при этом подпольное пространство было единым, С.Г. Хмельницкий также относит систему отопления этих бань к «классическому гипокаусту», в отличие от отдельных жаропроводящих каналов, проложенных в полу или под полом (Хмельницкий, 1997. С. 199).

От бани с подпольным отоплением XII-начала XIII вв. в цитадели Новой Нисы сохранилась лишь южная часть (рис. 98.3), поэтому трактовка ее плана не однозначна. Г.А. Пугаченкова считает, что баня имела крестообразную планировку (Пугаченкова, 1949. С. 241), а В.Л. Воронина полагает, что баня состояла из нескольких рядов прямоугольных помещений с постепенно нарастающей температурой (Воронина, 1983, с. 135). Скорее можно согласиться со вторым мнением, так как здание имеет слишком маленькие размеры для настоящей хаммам, да и бани крестового плана появляются в Средней Азии несколько позднее. Отапливалась баня в Нисе системой отдельных каналов, отходящий от центрального отопительного канала.

Баня X-XI вв. на городище Хайрабад в южном Туркменистане сохранилась только на уровне котлована с системой столбиков гипокауста (Хмельницкий, 1997. С. 205-206). Это небольшое здание прямоугольной формы имело размеры 8,25 x 3,75 м. Анализ сохранившихся остатков здания позволил С.Г. Хмельницкому сделать вывод, что эта баня, скорее всего, имела линейную структуру, аналогичную постройкам В Сайёде и на городище Манзара.

Несколько бань исследовано в Кыргызстане (Аманбаева, Кольченко, Сатаев, 2013. С. 67-68). На Буранинском городище частично раскопано здание бани XI-XII вв. Здание прямоугольное в плане, размерами 16 x 13 м. Всего было вскрыто 9 небольших помещений различного назначения. Одно из них имело восьмигранный план с нишами в двух стенах. На стенах прослежены остатки ганчевой штукатурки, полы комнат были вымощены кирпичом или покрыты кыром. В двух помещениях зафиксированы остатки круглых резервуаров для воды. Общий влан выявлен не был, но, скорее всего, крестообразного зала в здании не было.

В средневековом рабате Оша также частично раскопана баня X-XII вв. Она имела подпольное отопление в виде гипокауста. Вода разводилась по кубурам. Судя по раскопанной части, здание состояло из нескольких рядов помещений различной формы (рис. 98.5). Стены в комнатах покрыты водостойкой штукатуркой, а полы – кыром. В некоторых комнатах обнаружены ванны и небольшие ванночки и тазары.

Планировка бани в Тору-Айгыре также не была прослежена. Здание имело прямоугольную форму размерами 36 x 18 м. Авторы отмечают лишь наличие подпольного отопления и характерного для баннных сооружений водостойкого раствора на стенах и полах. В некоторых комнатах находились прямоугольные резервуары для воды, пол и стенки которых выложены глазурованными плитками. Одна из комнат имела восьмиугольную форму, а

в центре ее находилось отверстие, к которому вел водопровод из кубуров. Баня датируется XIV в.

Баня XI-XII вв. в Таразе (рис. 101.1), раскопанная А.Н. Бернштамом, представляла собой небольшое прямоугольное здание из обожженного кирпича (Бернштам, 1939. С. 173, 174; 1940. С. 177-183). Баня состояла из двух отделений, в одном из которых было четыре помещения, а в другом – три (Сенигова, 1972. С. 129). Помещения бани имели теплые полы на столбиках и отапливались одной топкой. В мыльных комнатах находились ванны и небольшие резервуары для воды со сливными отверстиями, в полу проложены канавки для стока использованной воды. Стены бани были украшены фресковой росписью в виде геометрических и растительных орнаментов, а также резным штукатуром. По мнению А.Н. Бернштама, каждое помещение было перекрыто шаровидным куполом с застекленными круглыми окошками (Бернштам, 1940. С. 182). Отопление осуществлялось при помощи системы каналов.

В Южном Казахстане у поселка Екпинды в 2003 г. частично раскопана баня, которую исследователи датируют X в. (Байтанаев, Богомолов, 2007). Здание имело форму квадрата со стороной 14-15 м (рис. 101.2). Стены его сложены из обожженных кирпичей. Помещения располагались в три ряда, большая часть из них не отапливалась. Только две комнаты, расположенные в западном ряду, имели систему подпольного отопления типа гипокаустов. Именно здесь находились теплая и горячая мыльни. Остальные помещения, вероятно, предназначались для отдыха, массажа и других процедур.

На городище Отрар, исследована самая ранняя в этом регионе баня, имеющая крестообразную планировку (Байпаков, 1986. С. 141-143; Хмельницкий, 1997. С. 191-193). Датируется она XI-XII вв. Прямоугольное (16,5 x 11,5 м) здание построено из сырца с облицовкой стен снаружи и внутри жженым кирпичом (рис. 101.3). Оно состоит из двух частей. Большая квадратная в плане западная часть представлена крестообразным залом с широкими лоджиями и четырьмя угловыми помещениями. Восточная часть состоит из двух одинаковых квадратных комнат, соединенных проходом. К ним пристроена топка. С.Г. Хмельницкий совершенно верно отмечает, что, несмотря на наличие крестообразного зала, планировка отрарской бани представляет собой не вполне сложившийся образец бань крестового плана. Здесь присутствуют дополнительные купольные помещения, которые, вероятно, являются горячими мыльнями. Кроме того, в основной части нет столь четкой симметрии, характерной для более поздних построек этого типа, а обязательный для данной планировки угловой дверной проем сделан только в одном помещении; остальные соединяются с центральным залом проходами в боковых стенах. Об отоплении этой бани можно судить только по чертежам, на которых обозначены столбики подпольного отопления.

Интересно, что на территории Южного Казахстана на городище Каялык исследована еще одна баня крестообразной планировки, построенная в XIII-XIV вв., то есть во время правления монголов (Байпаков, Воякин, 2007. С. 71-79). Здание построено из обожженных кирпичей различного формата и имеет в плане форму близкую к прямоугольнику размерами 11,36 x 8,9 м (рис. 101.4). При этом северо-западное угловое помещение в здании отсутствовало. Вход находился с северо-восточной стороны. Через помещение небольшого узкого тамбура посетители попадали в угловое северо-восточное помещение. В нем был сделан небольшой резервуар, который авторы раскопок справедливо считают ванной для мытья ног (Байпаков, Воякин, 2007. С. 73-74). Узкий проход в юго-западном углу этого помещения вел в центральный зал с четырьмя лоджиями. Из средней его части через аналогичные проходы можно было попасть в еще два угловых помещения – юго-восточное и юго-западное. В юго-восточном угловом помещении находилась большая цилиндрическая цистерна для воды. В трех лоджиях центрального зала и в юго-западном угловом помещении к стенам были пристроены резервуары для воды. Внешние стенки резервуаров имели значительную высоту, и строение их указывает на то, что в них имелись арочные проемы. Внутри резервуары были покрыты толстым слоем водостойкого раствора. Авторы публикации трактуют эти сооружения как ванны, однако их скорее следовало бы назвать цистернами для воды. Такие цистерны с окошками для зачерпывания воды присутствуют во всех средневековых банях-хаммам Средней Азии.

Печь, отапливающая баню, не была найдена, но тут можно согласиться с авторами, что она, скорее всего, должна была находиться с юго-западной стороны. Полы в бане не вскрывались, поэтому система подпольного отопления была исследована фрагментарно, только на разрушенных участках. Судя по чертежам и некоторым описаниям, она состояла из жаропроводящих каналов, хотя авторы пишут об устоях, на которых крепились полы и употребляют термин «гипокаустик» (Байпаков, Воякин, 2007. С. 76). Не был найден и предбанник этой бани. Вероятно, он не сохранился. На основании небольших размеров здания авторы раскопок трактуют баню Каялыка как дворцовую (Байпаков, Воякин, 2007. С. 79), однако большинство известных усадебных бань относятся к римско-византийской традиции, а бани-хаммам чаще всего являются общественными.

Бани более позднего времени наиболее хорошо изучены в Узбекистане (Воронина, 1951а; 1983). Все они являются настоящими хаммам сложно разработанного плана и представляют собой многокупольные сооружения из обожженного кирпича с центральным залом и строго последовательной системой соединения помещений. В.Л. Воронина выделяет три типа планировки (Воронина, 1983. С. 136-141). Количество помещений в банях различно, но строго постоянно внутри каждого типа (рис. 102, 103). Примечательно, что ни в одном из типов массажное отделение не имеет форму креста; обыч-

но это восьмиугольник с восьмиугольной же суфой для массажа в центре (рис. 104.3). Для бань послемонгольского времени характерно усложнение плана, появление дополнительных помещений (например, для совершения намаза, для мытья ног и т.д.) и, в то же время, упрощение системы подачи воды (вода черпается через окошки в цистернах) и значительное обеднение внутреннего убранства (полностью исчезают росписи стен). Предбанник в банях всех типов неотапливаемый, с каркасными стенами и плоским перекрытием (рис. 104.2). Площадь его меньше, чем площадь помещений, предназначенных для мытья и массажа. Центральный зал перекрывался большим куполом, а остальные комнаты – куполами или сводами.

Таким образом, в Средней Азии и прилегающих районах в строительстве банных сооружений отчетливо прослеживаются три традиции. К первой, возможно, местной традиции относятся наиболее ранние бани (IX-XII вв.), состоящие из произвольно пристроенных друг к другу помещений (Афрасиаб, Ахсихет, Шахджувар). Система отопления в таких зданиях часто довольно примитивна и состоит из канавок с горячим воздухом. Другая традиция, возникшая, вероятно, под римско-византийским влиянием представлена банями, состоящими из помещений, расположенных в один или несколько рядов. К зданиям линейной композиции (помещения расположены в один ряд) относятся бани в Хульбуке, Хайдарабаде и на городище Манзара. Сайедская, таразская и, вероятно, нисийская бани представляют собой небольшие компактные здания регулярного, но достаточно простого плана, состоящие из нескольких рядов последовательно расположенных прямоугольных комнат. Третью традицию представляют восточные бани-хаммам. В настоящее время известна всего одна баня крестообразной планировки домонгольского времени (в Отраре).

Начиная с XIV-XV вв., хаммам получают в Средней Азии широчайшее распространение и существуют почти в неизменном виде до XX века. Следует отметить, однако, что центральный зал во всех известных типах среднеазиатских хаммам имеет форму не креста, а октагона. Исключение составляет только баня Каялыка, которая имеет классическую крестообразную планировку. Следует особо отметить, что различные системы отопления в виде классического гипокауста или жаропроводящих каналов напрямую никак не связаны с типами планировки зданий.

Аналогичная картина наблюдается и в Азербайджане. Наиболее ранняя из известных здесь бань – общественная баня XI века на городище Орен-Кала (Якобсон, 1959. С. 69-147). Она представляла собой здание нерегулярной планировки, состоящее из более чем тридцати помещений (рис. 105). Среди них выделяются элементарные ячейки из террас и примыкающих к ним мылен. В помещениях для мытья имелись заглубленные кирпичные вымостки с поглощающими колодцами в центре и вмурованными большими сосудами для воды, в стенах были сделаны ниши для омовений. В некоторых комнатах стены украшены резной терракотой, штампованным

ганчем, фресковыми росписями. Обогревалась баня, вероятно, жаровнями. Здание не исследовано полностью, многие детали его интерьера совершенно уникальны, но по количеству помещений и их взаимному расположению эта баня напоминает общественную баню IX века на Афрасиабе.

Иной облик принимают азербайджанские бани в XIV веке (рис. 106, 107). Исследователи выделяют два типа планировки для этого и последующего времени (Алиев, 1946. С. 55; Уссейнов, 1951. С. 89; Уссейнов и др., 1936. С. 176; Бретаницкий, 1966. С. 208). Первый тип – это типичные хаммам, с центральным залом в виде креста и четырьмя купальными комнатами, расположенными между лоджиями зала. К другому, более простому типу планировки относятся вытянутые в плане здания, состоящие из ряда прямоугольных помещений, примыкающих друг к другу по короткой оси. Азербайджанские хаммам во многом напоминают среднеазиатские. Это многокупольные приземистые здания с очень толстыми стенами, сильно заглубленные в землю и непримечательные внешне. Совершенно аналогична система отопления, обогрева и подачи воды.

Так же предельно просто внутреннее убранство. Но есть и свои, местные особенности. Прежде всего, в азербайджанских хаммам раздевальня была капитальной, а не каркасной, как в Средней Азии, и по размерам не меньше, а иногда и больше купального зала. Часто она тоже имела крестообразную форму. Такая особенность азербайджанских бань объясняется тем, что в них не только мылись и отдыхали, но и устраивали гимнастические состязания, превращавшиеся в настоящие народные праздники. Естественно, эта традиция имеет местные корни, но именно она сближает по назначению азербайджанские хаммам и римские термы. Кроме того, в центре главного зала массажного отделения вместо суфы находился небольшой бассейн. Чрезвычайно характерно для азербайджанских хаммам соединение неотопливаемой раздевальни с мыльней не напрямую, а посредством промежуточного помещения, как бы шлюза. Иногда обе половины смещены по отношению к главной оси здания. Все это делается для максимального устранения теплопотерь.

Итак, в планировке азербайджанских бань так же, как и в Средней Азии, можно выделить три традиции. Первую представляет баня в Орен-Кале нерегулярной планировки. Вторую группу составляют широко распространенные бани античной традиции, а к третьей относятся хаммам с крестообразным центральным залом.

Средневековые бани Грузии известны только по раскопкам в Дманиси (Мухелишвили, 1946. С. 269-272). Небольшая крепостная баня XIII века представляла собой здание, сложенное из кирпича и камня с плоскими куполами, перекрытыми четырехскатной черепичной крышей (рис. 108). Она состояла из неотопливаемой раздевальни, горячей купальни и топочно-го отделения. В раздевальне имелись каменные нары и ниша, выложенная кирпичом. В мыльном помещении была ванна в полу и ниша с расположен-

ной под ней раковиной. Водопровод и канализация выполнены из гончарных труб. Освещение производилось через отверстия в зените куполов. Вторая баня на окраине города состояла из двух неравноценных отделений, расположенных в два ряда (Воронина, 1983. С. 148). Мужская половина представлена раздевальней, комнатой для массажа и мытья с лежанкой, раковиной и пифосом и горячей мыльней с ванной. Женское отделение состояло из раздевальни и мыльни с примыкающей цистерной, откуда вода могла поступать в мужское отделение по трубе. По плану эта баня напоминает баню в Таразе. Начиная с XVI в. бани в Грузии строятся по турецким образцам. Широкую известность получили Тифлиссские серные бани (рис. 109), которые с восторгом описывали многие путешественники и знаменитые писатели – А.С. Пушкин и А. Дюма.

Значительно более полно освещены в литературе бани Армении (Халпахчян, 1960; 1971. С. 210-228) (рис. 110). Здесь строительные традиции развиваются непосредственно от античности. Наиболее ранняя из известных в Армении бань, баня в крепости Гарни построена в римское время, во II веке. Она состояла из пяти последовательно соединенных помещений, четыре, из которых имели на торцах абсидальные завершения (рис. 110.1). Полы опирались на круглые кирпичные столбики и были украшены каменными мозаиками на сюжеты мифологии. В средние века бани с подпольным отоплением имелись во всех дворцах, крепостях и городах. Например, в Ани в эпоху расцвета (X-XIII вв.) кроме дворцовой было пять других бань (Март, 1934. С. 71; Халпахчян, 1960. С. 216). Известны бани в Двине, Звартноце (VII в.), Магасберде (X в.), Лориберде (XII в.), Аракелоце, Иджеване, Амберде (XII-XIII вв.). Самая поздняя армянская баня XVII века с подпольным отоплением известна в Татевском монастыре (Якобсон, 1946. С. 275, 276; 1947. С. 324-327).

Армянские бани строились из базальта, туфа или песчаника и не заглублялись в землю. Полы в них опирались на столбики из кирпича или камня высотой до 1 м, вертикальные дымоходы проложены в толще стен. Над топкой, заглубленной относительно уровня пола, находилась цистерна с водой, в днище которой вмуровали медный котел. Из цистерны вода разводилась по комнатам при помощи водопровода из гончарных или металлических труб, которые заканчивались медными кранами. Под кранами стояли каменные ванны, в которых вода охлаждалась до нужной температуры, после чего ее зачерпывали ковшиками. В нижней части ванн и в днище цистерны имелись отверстия для спуска воды. Использованная вода стекала по полам моечных помещений к сточному отверстию и оттуда по гончарным трубам сбрасывалась в поглощающий колодец. Помещения бани перекрывались сводами и куполами, в которых делали отверстия для освещения и вентиляции. Стены штукатурили и покрывали росписями.

Планировка армянских бань довольно разнообразна и несложна. Обычно в бане имелась раздевальня, одно или несколько мыльных помещений

прямоугольной формы и топочное отделение с цистерной для воды. В дворцовых банях Двина и Ани, а также в Зварнтоце бани имели два отделения с общей топкой и резервуарами для воды. Особый интерес представляет баня «рода Оненца» XIII в. в Ани (рис. 110. 9). Это единственное здание с крестообразной формой планировки, то есть построенное по восточным образцам. Остальные здания относятся к античной планировочной традиции. Несмотря на широкое распространение и значительную роль в общественной жизни, как мужского, так и женского населения (Орбели, 1939. С. 159), бани в Армении не достигают столь совершенного развития, как хаммам в странах мусульманского Востока.

В Закавказье бани крестового плана, так же, как и другие типы общественных зданий, начали строиться, скорее всего, под влиянием Малой Азии. Для массажного отделения классических «турецких» бань характерна именно форма креста. Хаммам с крестообразным залом появляются здесь уже в сельджукское время (рис. 111) и продолжают существовать практически в неизменном виде вплоть до XX в. (рис. 112). В качестве примера построек сельджукского времени можно привести двойную баню в комплексе Хунат Хатун в Кайсери (1237/1238 г.), Первана в Токате (1270-1279 г.) и Эшрефоглу в Бейшехире (1296/1297 г.) (L'Art., 1981. Р. 96-98). В дальнейшем во время османских завоеваний турецкие бани распространились на все территории, подвластные османской империи.

В Крыму, территория которого непосредственно вошла в состав Золотой Орды, также известны бани домонгольского времени (Якобсон, 1946; 1950. С. 78-86; 1964. С. 86). Раскопанная в Херсонесе общественная баня IX-X вв. представляла собой небольшое, вытянутое в плане здание, сложенное из каменных блоков на известковом растворе (рис. 113.1). Она состояла из прямоугольной неотапливаемой раздевальни и квадратной в плане мыльни с подпольным отоплением, соединенной с топкой. По обеим сторонам мыльни расположены две прямоугольные ниши, в которых находились ванны. К раздевальне примыкали сени, а к топочной камере – котельная. Баня XIII в. в Херсонесе вплотную пристроена к стене усадьбы. Она была всего 5 м длиной и состояла из холодной раздевальни, теплой мыльни и топки с цистерной над ней (рис. 113.2). Явное сходство этих сооружений с банями Анберда, Дманиси и Татева, как было справедливо отмечено В.Л. Ворониной (Воронина, 1983. С. 150), говорит не столько о влиянии Закавказья, сколько об общих корнях, уходящих в античность.

С XVI в. крымские бани становятся настоящими восточными хаммам (рис. 113.3-5). Обычно они состоят из двух отделений, мужского и женского, с крестообразными залами и предбанниками, объем которых часто превосходит массажное и мыльное отделения. То есть, после турецкого завоевания античная традиция полностью прерывается, и бани строятся по константинопольскому образцу (Засыпкин, 1927. С. 160; Воронина, 1983. С. 151; Приднев, 1997. С. 129-135).

И, наконец, следует особо остановиться на строительстве банных сооружений в домонгольское время в Волжской Болгарии, которая полностью была поглощена государством татаро-монголов. Здесь раскопано несколько зданий с системой подпольного отопления, которые интерпретируются авторами раскопок как богатые жилые дома (Смирнов, 1941. С. 150-159; Смирнов, Каховский, 1972. С. 33; Халиков, 1979), или общественные здания (Халиков, Шарифуллин, 1976). Обилие этих построек позволили А.П. Смирнову сделать вывод, что жилые дома с подпольным отоплением были распространены в Волжской Болгарии в домонгольское и золотоордынское время (Смирнов, 1951. С. 140, 141, 251; 1972. С. 32). В качестве аналогий исследователь приводит дворцы Старого и Нового Сараев, а истоки этой традиции выводит из Средней Азии. Обзор зданий с системой обогрева типа римских гипокаустов в широком временном промежутке (от античности до наших дней) на огромной территории (все страны мусульманского Востока и некоторые страны Европы) показывает, что обогрев всей площади пола таким образом осуществлялся только в банях. Единственное достоверно жилое здание, пол которого имел систему обогрева, является так называемый «дворец Ли Линя» в Хакасии (Евтюхова, Левашева, 1946; Кызласов, 2001). Но там мы имеем скорее каналы типа китайских канов, опущенных под пол, а не полы на столбиках или устоях. Это обстоятельство позволяет с достаточной степенью достоверности утверждать, что в Волжской Болгарии все дома с подпольным отоплением также являлись банями. Подробный разбор планировки, технического устройства и оформления этих зданий указывает на множество деталей, подтверждающих данную гипотезу (Зиливинская, 1989а).

Так как вопрос о назначении этих построек до настоящего времени не решен окончательно, имеет смысл рассмотреть их подробно. Здание X-XII вв. в Биляре, которое интерпретировалось как караван-сарай, было раскопано А.Х. Халиковым и Р.Ф. Шарифуллиным в 1969-72 гг. (Халиков, Шарифуллин, 1976). Контур постройки по форме приближается к прямоугольнику, размеры которого 16,8 x 14,8 м (рис. 114.1). Все здание за исключением пристройки в юго-западной части опущено в котлован глубиной 1,2 м от уровня пола. Стены сложены из обожженного кирпича, устои каналов подпольного отопления – из сырцового. Здание разделено на 13 помещений, пять из которых (I, IV, V, VII, VIII) имеют систему подпольного отопления, соединенную с топочной камерой (VI), расположенной в северо-восточной его части. Помещения расположены в три ряда. Вход в основную часть здания находился с юго-восточной стороны. Через входной тамбур (XII) посетители попадали в неотапливаемое помещение XI, в котором вдоль юго-западной стены была сделана суфа. В полу этой комнаты обнаружены остатки водосливного лотка в виде неглубокой канавки, обмазанной известковым раствором. Проем в северо-западной стене вел в отапливаемое помещение IV, которое в свою очередь соединялось с помещениями I и V, также имев-

шими каналы подпольного отопления. К помещению V примыкало теплое помещение VII, а через помещение I можно было попасть в комнаты II и III. Помещения II и III разделены надвое каналом шириной 60 см, дно и стенки которого покрыты известковым раствором, а в полу одной из комнат находились квадратные (40 x 40 см) углубления. Авторы публикации считают этот канал проходом, а углубления – основаниями жаровен (Халиков, Шарифуллин, 1976. С. 89, 91). Мне представляется, что канал в этих комнатах служил для стока воды, а углубления являлись резервуарами.

Особый блок, не соединенный с остальными комнатами, находился в восточной части здания. Он состоял из входного тамбура XIV, холодных сеней XIII и помещения VIII. Помещение VIII имело систему подпольного отопления, а пол его был покрыт слоем водостойкого раствора. В юго-западной части сеней сделано возвышение, которое авторы посчитали ступенью винтовой лестницы на второй этаж, а в полу обнаружены остатки водосливного лотка. Согласно трактовке исследователей, помещение VIII является складом (Халиков, Шарифуллин, 1976. С. 95), хотя не совсем понятно, зачем в складском помещении нужны обогреваемые полы. С северо-восточной стены здания находилось топочное помещение VI, в котором была сделана длинная печь, состоящая из двух частей. Печь перекрыта плоским сводом, а над ней размещалась ровная площадка, покрытая толстым слоем известкового раствора. Перед устьем печи находилась предтопочная яма, по краям которой были вкопаны столбы, вероятно, поддерживавшие навес. Из топочной камеры в сторону основных помещений отходил магистральный дымоход, соединявшийся с подпольным пространством отапливаемых помещений. В толще стен здания были найдены вертикальные дымоходы, которые, по мнению исследователей служили для обогрева верхнего этажа (Халиков, Шарифуллин, 1976. С. 94).

За юго-западной стеной основного здания находилась более поздняя пристройка, возведенная без фундамента. Она состоит из двух комнат (IX, X), которые соединяются широким проходом с помещением IV. А.Х. Халиков считал, что эти помещения использовались в качестве придомной мечети, в которой помещения V и X образовывали двухзальную молельню, а помещение IX служило михрабом. Однако, несомненно, прав С.С. Айдаров, считающий эту пристройку еще одним входным узлом, состоящим из тамбура и сеней, совершенно аналогичным двум другим, расположенным в юго-восточной части здания (Айдаров, 1975. С. 104). Это мнение подтверждается и наличием водостока, идущего от западного угла пристройки.

Эту постройку А.Х. Халиков считал караван-сараям древнего Биляра, между тем все конструктивные особенности здания указывают на то, что оно являлось общественной баней. Об этом свидетельствует, прежде всего, обычная для таких зданий система подпольного отопления. Глубокий котлован, в который опущена основная часть здания, толстые полы, мощные стены со встроенными вертикальными дымоходами также характерны для

средневековых бань. Все это необходимо для лучшей аккумуляции тепла, прогрева стен, скорейшего достижения и дальнейшего поддержания необходимой температуры внутри помещений, а вовсе не указывает на наличие второго этажа, как считали исследователи. «Ступени», найденные в некоторых помещениях, являются остатками пристенных суф, на которых посетители отдыхали и могли оставлять одежду. Полы во всех комнатах были покрыты толстым слоем известкового раствора, стены оштукатурены, а во всех входных узлах находились водосливные лотки. Все эти особенности говорят о том, что в здании часто и помногу текла вода, что вполне объяснимо в бане и совершенно не объяснимо в жилом комплексе. Облицованные известковым раствором углубления, в полах помещений, которые считались погребками и жаровнями, скорее всего, служили емкостями для моющих и лечебных растворов.

Кроме того, в средние века во всех восточных странах здания караван-сараяв строились по вполне стандартному плану. Он включал в себя обширный двор, окруженный со всех сторон различными помещениями (складскими, жилыми и др.) и обнесенный мощными глухими стенами, часто укрепленными башнями (Хмельницкий, 1992. С. 179-204; Он же, 1996. С. 288-317; Hillenbrand, 1994. Р. 331-377). Здание в Биляре не имеет такой планировки, и размеры его слишком малы для того, чтобы вместить большое количество купцов с товарами. Несомненно, эта постройка являлась общественной баней, причем состоящей из двух отделений. Большее отделение состояло из входного тамбура (XII), неотапливаемой раздевальни (XI) и шести помещений для массажа, мытья и различных процедур (I-V, VII). Впоследствии в этом отделении был сделан еще один вход (пом. IX, X). Второе отделение, предположительно женское, состояло всего из трех помещений – тамбура, предбанника и горячей мыльни (пом. XIV, XIII, VIII). Над печью, отапливавшей подпольное пространство всего здания, находилась цистерна для воды (VI). Исходя из этого, нельзя согласиться и с реконструкцией здания, предложенной С.С. Айдаровым (Айдаров, 1975. С. 110). Как и все восточные бани, оно было одноэтажным и имело купольные перекрытия.

Еще одно здание с подпольным отоплением исследовано в центральной части Биляра (Халиков, 1979). Оно находилось рядом с большой пятничной мечетью и образовывало с ней единый комплекс (рис. 114.2). Стены его и устои пола сложены из обожженных и сырцовых кирпичей. Толщина стен достигала 1 м. В основании плана большей части здания лежит квадрат со стороной 11 м, разделенный внутренней крестообразной перегородкой на 4 равные комнаты площадью по 16 кв. м. Полы и стены комнат сохранили покрытие из известковой плитки и водостойкого раствора. К северо-западной части здания пристроены два помещения полукруглой формы, стены которых имели толщину всего 50 см, а под полами также были проложены каналы отопления. Отапливалось здание прямоугольной в плане печью двухкамерной конструкции, расположенной у северо-западного угла постройки.

Это здание трактуется исследователями как дом богатого феодала, возможно, представителя высшего духовенства (Хузин, 1997. С. 56-57; История татар, 2006. С. 166, 216, 217). Мне представляется, что это здание, как и здание «караван-сарая», является общественной баней. Основная часть ее состояла из четырех теплых мылен. Предбанник мог быть каркасным, следы его, возможно, прослежены в виде ряда столбиков, найденных у южной стены здания. Полукруглые помещения в юго-западной части, расположенные в непосредственной близости от печи, являются цистернами для воды. Даже само расположение этого здания – рядом с мечетью, подтверждает его функциональное назначение. Такой же комплекс из мечети и стоящей рядом бани исследован на Селитренном городище. Как уже упоминалось, бани рядом с мечетями строились во многих городах Востока, являясь вакуфными заведениями при них (Воронина, 1983. С. 144) и выполняя одновременно функции *тахорат-хона* – заведений для ритуальных омовений перед молитвой.

В связи с этими соображениями, совершенно фантастической представляется реконструкция «дома богатого феодала», выполненная А.Х. Халиковым (История татар, 2006. С. 217). На ней изображено двухэтажное здание, перекрытое большим куполом. Прежде всего, следует заметить, что здание, разделенное внутренними стенами на четыре равные комнаты, никак не могло перекрываться одним куполом. Подкупольное пространство всегда едино, а описываемая постройка, скорее всего, была перекрыта четырьмя небольшими куполами. Кроме того, как и все бани, она была одноэтажной.

В центре Биляра раскопана еще одна баня домонгольского периода (Шарифуллин, 1999; История татар, 2006. С. 217-219). Здание было построено из обожженного кирпича и имело развитую систему подпольного отопления. Первоначально оно представляло собой прямоугольник, вытянутый с юго-востока на северо-запад (рис. 114.3). Внутренние размеры его 8,1 x 3,4 м. Помещения бани представлены предбанником, теплой и горячей мыльнями. С восточной стороны пристроена овальная в плане печь, имевшая сводчатое перекрытие. Впоследствии была сделана пристройка с северной стороны и общие размеры здания стали составлять 10,4 x 11,7 м. Северная часть сохранилась хуже, о планировке ее можно лишь сказать, что здесь находились два или три помещения прямоугольной формы, также имевшие отопительную систему.

Бани были распространены и в других городах Волжской Болгарии. При раскопках Муромского городка в Самарском Поволжье исследованы четыре бани с подпольным отоплением. Две из них были раскопаны в 1928-29 гг. В.В. Гольмстен, однако планы их не сохранились (Матвеева, 1975. С. 134-136; Васильев, Матвеева, 1986. С. 180). Здания примыкали друг к другу в виде буквы «Г». Стены их были сложены из подтесанных известняковых камней и плит. Оба здания имели топки, примыкавшие к ним снаружи. Еще две бани исследованы экспедицией Куйбышевского университета в 1971 и 1973 гг. (Васильев, Матвеева, 1986. С. 174-180). Недалеко от севе-

ро-западного въезда во внутренний город находилось здание прямоугольной формы, размеры которого составляли 10,8 x 10 м. Фундамент его сложен из известняковых камней и обожженных кирпичей. К западной части северной стены пристроена овальная топка с арочным устьем. Здание сохранилось на уровне подпольного отопления, внутренние стены его были большей частью разрушены, поэтому о планировке его можно судить лишь приблизительно. Судя по плану, (рис. 115.1) оно состояло из двух рядов квадратных или прямоугольных в плане помещений. Баня в юго-западной части внутреннего города имела аналогичную конструкцию, однако она исследована частично, поэтому о ее планировке судить невозможно.

Баней простой линейной планировки являлось небольшое здание XII в. на городище Хулаш (Смирнов, Каховский, 1972). Оно состояло из двух отапливаемых мылен, в одной из которых была прямоугольная ванна, сложенная из кирпичей и обмазанная изнутри известковым раствором и топки (рис. 115.2). Предбанник, вероятно, был холодным, имел каркасные стены, и поэтому не был прослежен.

Раскопки в Суваре обнаружили здание, подвергавшееся многочисленным перестройкам на протяжении X-XIV вв. (Смирнов, 1941. С. 149-159). Планировка его не совсем понятна (рис. 115.3), но под полом одного из помещений имелась система жаропроводящих каналов соединенная магистральным каналом с овальной топкой, заключенной в кирпичный массив (в публикации топка ошибочно названа дымоходной трубой). В здании были обнаружены остатки облицовки стен и полов известковым раствором и обломки водопроводных труб. Вероятнее всего, это здание или его часть является баней простейшей планировки.

На I Красносуюндюковском городище в Ульяновской области также исследовано здание бани с подпольным отоплением типа гипокаустов (Семькин, 1993). Здание было частично разрушено, поэтому размеры его определяются приблизительно (рис. 115.4). Оно имело длину 6,6 м, ширина его центральной сохранившейся части – 3,6 м. С северо-западной стороны находился холодный предбанник (пом. 1). Центральную часть занимали помещения 2 и 3, которые являлись горячими мыльнями. Помещение 2 было квадратным в плане (2,4 x 2,4 м), помещение 3 имело форму неправильного восьмиугольника (2,0 x 2,8 м). С восточной стороны располагалось топочное отделение (пом. 5) и еще одна комната, снабженная подпольным отоплением (пом. 4). Вода в бане разводилась по керамическим трубам, в помещениях 2 и 3 были найдены остатки чанов для воды, вмурованные в стены. Несмотря на разрушенность здания, в целом его планировку можно определить как состоящую из нескольких рядов помещений.

Таким образом, общественные бани с подпольным отоплением появились в Волжской Болгарии еще до монгольского завоевания. Возможно, это было связано с принятием мусульманства. Все они относятся к античной строительной традиции. Бани простой планировки с помещениями, распо-

ложенными в один ряд, такие как в Хулаше, центральной части Биляра (I период) и, вероятно, в Суваре почти идентичны простейшим баням Армении, Грузии и Крыма. Более сложные, состоящие из нескольких рядов помещений, напоминают бани в Таразе, Дманиси, дворцовую баню в Ани.

Приведенный выше обзор, показывает, что бани античной традиции существовали на территории Золотой Орды еще в домонгольское время – в Крыму, Волжской Болгарии, на азиатских территориях. Причем бани Крыма представляют собой простейшие здания I типа, которые встречаются всюду, где есть бани с подпольным отоплением. В Волжской Болгарии до прихода монголов были как бани простой планировки с помещениями, расположенными вдоль длинной оси здания (тип I), так и более сложные, состоящие из двух отделений, с прямоугольными в плане помещениями, расположенными в несколько рядов (тип II). Поэтому логично предположить, что бани этих двух типов строились во вновь возникших городах Золотой Орды по образцу банных построек Волжской Болгарии, тем более, что в первые годы существования улуса Джучи, центр его находился именно там. И только с ростом центробежных тенденций в монгольской империи, стали интенсивно строиться новые города в степи (Федоров-Давыдов, 1973. С. 77-79; Егоров, 1969). В Волжскую Болгарию здания такой планировки могли попасть как из Закавказья, так и из Средней Азии. Однако тот факт, что банные постройки Волжской Болгарии построены из камня, а не из кирпича позволяет предположить участие в их создании и возведении именно закавказских мастеров.

Достаточно определенно можно судить о банях III типа, относящихся к восточной строительной традиции. В качестве общественных заведений для зажиточных слоев населения они появляются во всех районах Золотой Орды в XIV веке. Планировка их была принесена, скорее всего, из Малой Азии и Азербайджана, так как в Армении бани такого типа почти не известны, а в Средней Азии настоящие хаммам получают распространение не ранее монгольского времени и имеют несколько иную планировку. С азербайджанскими бани крестового плана в Золотой Орде сближает также наличие фонтанов или других водоемов в середине центрального зала или предбанника. Эти фонтаны являются реминисценцией больших открытых водоемов азербайджанских бань. В хаммам других стран в центре массажного отделения обычно находится большая суфа для массажа (Воронина, 1951а. С. 116; 1983).

Развитая водопроводная система из керамических или металлических труб также характерна для Закавказья и отсутствует в Средней Азии. В.Л. Воронина исследовала возникновение и распространение хаммам крестового плана и пришла к выводу, что этот тип планировки зародился в центральных районах Ирана и был перенесен тюрками-сельджуками в Закавказье, Малую Азию и, частично, Среднюю Азию (Воронина, 1983. С. 166,167). То есть бани III типа являют собой еще один пример сельджукского влияния на архитектуру Золотой Орды. До сих пор это влияние

усматривалось преимущественно в культовых постройках Крыма и Болгар (Башкиров, 1926. С. 110; 1927. С. 50-52; 1928. С. 118; Якобсон, 1964. С. 107).

Что касается бани № 2 Старого Орхея, представляющей собой IV тип планировки, то в ней местная модификация бань III типа предвосхищает появление «двойных» турецких бань, которые получили распространение во время османских завоеваний.

В разных городах Золотой Орды бани могли иметь различное оформление. В Болгаре и, вероятно, Старом Орхее, где сильны были традиции каменного строительства, архитектурный декор, в основном, был представлен резьбой по камню, выполненной по малоазийским образцам. В Сарае и Маджарах господствовала среднеазиатская строительная техника с применением обожженного кирпича, резного ганча, поливных изразцов, терракоты. В Бельджамене, Мохше, на Кучугурском городище присутствует сочетание строительства из камня и кирпича. При этом тип планировки совершенно не зависит от характера исполнения постройки. В этом сказался синтетический характер золотоордынской городской культуры, впитавшей в себя достижения завоеванных народов и причудливым образом перемешавшей их, приспособив к вкусам полиэтничного населения.

ГЛАВА 4. УСАДЕБНЫЕ ДОМА И ДВОРЦОВЫЕ ЗДАНИЯ

Принципы планировки золотоордынских городов

Территория Золотой Орды включала в себя области традиционной оседлости, такие как Северный Кавказ, Крым, Поднестровье, Волжская Болгария, мордовские земли, левобережный Хорезм. Но основную часть его составляли степи Восточной Европы, Западной Сибири и Казахстана, называвшиеся Дешт-и-Кыпчак и заселенные кыпчаками, ведшими кочевой образ жизни. Города оседлых районов, оправившись от разгрома, учиненного монголами, довольно быстро возродились и в целом сохранили свою структуру. Это хорошо видно на примере городов Волжской Болгарии и левобережного Хорезма (напр. Хлебникова, 1987; История татар, 2006. С. 152-227; Байпаков, 1981; 1986). В то же время по повелению ханов Золотой Орды уже в середине XIII в. начинают строиться новые города сначала в Нижнем Поволжье, а затем и по всей степной зоне. О причинах возникновения и своеобразии этих городов, ставших административными и военными центрами завоеванных территорий, исследователи писали неоднократно (Егоров, 1969; 1973; 2000; Федоров-Давыдов, 1994. С. 12-16).

Одной из характерных особенностей золотоордынских городов степной зоны является усадебно-уличный характер их застройки. Уже первые исследования Царевского городища показали, что юго-восточная часть его была занята крупными усадьбами, которые представляли собой целые кварталы, в то время как в остальных частях города дома стояли вдоль улиц (Федоров-Давыдов, 1964б. С. 251; 1966; 1981; Мухамадиев, Федоров-Давыдов, 1970; 1978; Егоров, 2000). Дальнейшие раскопки Селитренного и других золотоордынских городищ доказали, что и там сохранялись те же принципы застройки (Федоров-Давыдов, 1994. С. 12-16).

К сожалению, никаких конкретных сведений о начале строительства городов в Золотой Орде в письменных источниках не содержится, поэтому Г.А. Федоров-Давыдов предположил, что этот процесс проистекал примерно так же, как в Монголии. О строительстве Каракорума сообщает Рашид-ад-дин: «Так как он [Угедей] еще раньше привез с собой из Китая разных ремесленников и мастеров всяких ремесел и искусств, то приказал построить в [своем] юрте Каракоруме, где он по большей части в благополучии пребывал, дворец с очень высоким основанием и колоннами, как и приличествует высоким помыслам такого государя. Каждая сторона того дворца была длиной в полет стрелы. Посредине воздвигли величественный и высокий кушк и украсили то строение наилучшим образом и разрисовали живописью и изображениями и назвали его «карши» [дворец]. [Каан] сделал [его] своим благословенным престольным местом. Последовал указ, чтобы каждый из [его] братьев, сыновей и прочих царевичей, состоящих при нем, построил в окрестностях дворца по прекрасному дому. Все повиновались приказу. Тогда те здания были окончены и

стали прилегать одно к другому, то [их] оказалось целое множество (Рашид ад-Дин, 1960. С. 40).

Следует отметить, что слои XIII в. в настоящее время на золотоордынских городищах не найдены, поэтому все рассуждения о первоначальной структуре золотоордынского города во многом гипотетичны. Однако усадебная планировка сохраняется на протяжении всего периода существования Золотой Орды и в настоящее время мы имеем достаточно сведений об усадьбах XIV в. Усадьбы феодальной знати и зажиточных горожан занимали значительную площадь – 5000-10000 кв. м (Егоров, 2000. С. 268), вероятно в связи с этим все исследованные на данный момент усадьбы распланы лишь частично. Тем не менее, структура их в общем и целом достаточно изучена (рис. 120). Крупные усадьбы состояли из дома владельца, жилищ прислуги, хозяйственных построек. Каждая усадьба имела свой водоем (*хаус*) и была обнесена забором (*дувалом*). Часто на ее территории располагались ремесленные мастерские, продукция которых использовалась внутри усадьбы, и при избытке могла поступать на рынок. Г.А. Федоров-Давыдов подчеркивал сходство структуры усадеб Царевского городища с усадьбами Каракорума (Мухамадиев, Федоров-Давыдов, 1978. С. 89; Древнемонгольские..., 1965. С. 128, рис. 80).

В задачи данной работы не входит исследование структуры усадеб и всего комплекса построек, расположенных на их территории. Здесь будут рассмотрены только постройки, являвшиеся центральными домами крупных усадеб, жилищами их владельцев.

Жилые дома Царевского городища, в том числе и усадебные, были изучены В.Л. Егоровым (Егоров, 1970. С. 172-194). Исследователь выделяет следующие типы жилищ: 1) квадратные в плане строения; 2) прямоугольные в плане строения; 3) землянки; 4) юрты. Дома I типа, к которым относятся небольшие постройки, принадлежащие, в основном, рядовому населению, классифицируются следующим образом: 1) дома с деревянными стенами, стоящими непосредственно на земле; 2) дома с деревянными стенами, стоящими на сырцовом цоколе и на земле; 3) дома с деревянными стенами, стоящие на сырцовом цоколе; 4) деревянные дома со стенами, стоящими на сваях. Все они имеют только одну комнату и сходное внутреннее оформление: вдоль стен устроена Г-образная или П-образная суфа, в одну из сторон которой встроен горизонтальный дымоход – кан, отапливаемый печью или тандыром. Площадь пола в помещении обычно меньше площади суфы; пол глинобитный или же выложенный обожженным кирпичом. В полу часто делали сливную яму для умывальника – тошнау.

Таким образом, в архитектурном плане эти дома совершенно единообразны и отличительной чертой их является не только квадратная (или близкая к квадрату) в плане форма, но и наличие всего одного жилого помещения. Группы, выделенные внутри этого типа, отличаются лишь по строительному материалу и, соответственно по технике строительства.

Дома II типа В.Л. Егоров делит на: 1) однокомнатные дома; 2) многокомнатные дома. Это деление совершенно не отражает многообразия усадебных домов. Кроме того, в классификации не выдерживается критерии выделения групп. Вероятно, здесь также следовало рассмотреть, из чего построены дома II типа. Однако это ни к чему не приведет, так как большие «прямоугольные» дома строились таким же образом, как и маленькие, однокомнатные. Среди них могут быть здания с деревянными стенами и с деревянными на сырцовом цоколе. Наиболее крупные постройки возводились целиком из сырца или из обожженного кирпича. Очень часто применялись комбинации материалов, и различные части здания строились в разной технике.

Также нужно отметить, что большие многокомнатные здания не всегда имеют прямоугольную форму: многие из них квадратные или близки к квадрату в плане. Что касается количества комнат, то лишь одно прямоугольное здание небольших размеров (5,6 x 4,0 м), опубликованное В.Л. Егоровым (Егоров, 1970. С. 177), является однокомнатным, а большой, сильно вытянутый «дом с юртами», вероятнее всего, был сложной многокомнатной постройкой. Все это свидетельствует о том, что классификацию золотоордынских жилищ в настоящее время нельзя считать разработанной.

Данная работа не ставит своей целью обзор всех жилых построек Золотой Орды. В нее вошли только те дома, которые являются центрами жилищных усадеб. Большая часть их была собрана и кратко описана Г.А. Федоровым-Давыдовым (Федоров-Давыдов, 1994. С. 52-59), однако планировочные принципы построения усадебных домов намечены им лишь в общих чертах, в виде тенденций. Поэтому более детальное изучение планировки многокомнатных золотоордынских домов представляется не только возможным, но и необходимым.

Все усадьбы, известные в настоящее время, относятся к середине XIV в. Для большего удобства и краткости изложения усадебные дома в работе обозначаются индексом, который отражает их местонахождение и номер на памятнике. Например, Сг1 – Селитренное городище, усадьба № 1.

Как показали работы Г.А. Федорова-Давыдова и В.Л. Егорова, наиболее распространенным типом городского жилища в Золотой Орде является квадратный в плане дом с деревянными, сырцовыми или комбинированными стенами. (Егоров, 1970; Федоров-Давыдов, 1994). Размеры такого дома чаще всего не превышают 6,5 x 6,5 м. Перекрытие его, по мнению В.Л. Егорова, представляло собой четырехскатную крышу со световым люком; интерьер состоял из суфы с каном и тандыром и тошнау в полу. Дома этого типа, по предположению В.Л. Егорова, возникли в степях Монголии в результате трансформации юрты в оседлое жилище (Егоров, 1970. С. 180-182; Егоров, Жуковская, 1979. С. 198-216). Иной точки зрения придерживается Л.Р. Кызласов, который видит истоки планировки золотоордынского дома в «лесном периоде» истории монголов (Кызласов Л.Р., 1975. С. 175). И.Л. Кызласов также считает, что переносные жилища в виде юрт прои-

зошли от квадратных и многоугольных бревенчатых жилищ пратюркских народов Саяно-Алтайского нагорья (Кызласов И.Л., 2005; 2008. С. 243-245). Не отрицая возможности наличия стационарных жилищ у ранних монголов, трудно не согласиться с мнением В.Л. Егорова, что легкие каркасные постройки более характерны для безлесной степи, чем для тайги, изобилующей строительным материалом. В любом случае, монголы, пришедшие в степи Восточной Европы привезли с собой юрты, а не жилища из бревен. Следовательно, квадратные в плане золотоордынские дома возникли именно из переносных каркасных жилищ и представляют собой монгольскую традицию в домостроительстве Золотой Орды. Такие дома часто составляют основу усадебной застройки, но в усадьбах, принадлежащих зажиточным слоям населения и аристократической верхушке, жилища хозяев имеют довольно сложную планировку.

Рассмотрим все исследованные на данный момент усадебные дома на различных памятниках.

Обзор усадебных зданий

Царевское городище.

Три усадьбы с домами простого плана (рис. 116) были раскопаны в восточном пригороде Нового Сарая (Федоров-Давыдов, Вайнер, Гусева, 1974. С. 89-132). Усадьба 1 (Цг1) первоначально состояла из двух квадратных домов размерами 6,1 x 5,6 м и 5,1 x 5,0 м, которые были расположены на одной линии, друг против друга. Стены домов сложены из сырцовых кирпичей. Суфа и кан одного дома являются как бы зеркальным отражением другого. Как полагают авторы публикации, эти дома принадлежали хозяевам усадьбы (Федоров-Давыдов, Вайнер, Гусева, 1974. С. 94). Несколько позднее в северо-восточной части усадьбы был построен еще один комплекс, состоящий из трех помещений (3-5). Стены его были деревянными, внутренние конструкции сложены из сырцовых кирпичей. Интерьер помещений стандартный, он состоит из П-образной суфы с каном и очагом. Комнаты расположены на одной оси, они не соединяются между собой: каждая имеет отдельный выход на улицу. То есть, каждая комната этого дома является самостоятельным домом монгольской традиции. Восточная и западная комнаты зеркально симметричны. Что касается среднего помещения, то вероятнее всего, оно было перегороджено и состояло из двух комнат с аналогичными интерьерами.

Такая же картина наблюдается и в усадьбе 2 (Цг2). Первоначально здесь существовал квадратный в плане хозяйский дом (1) с суфой, каном и кирпичным полом. Один дом не удовлетворял нуждам хозяев усадьбы, и к нему с востока был пристроен еще один, такой же (2). Оба дома имели деревянные стены на сырцовом цоколе. К дому 1 с запада примыкала ювелирная мастерская, а к дому 2 – костерезная. Стены их не сохранились, однако, по расположению канов, можно предположить, что обе мастерские также представляли собой квадратные в плане комнаты. Кроме того, к западу от основ-

ного дома был выстроен комплекс из пяти комнат (3-7), расположенных в ряд в широтном направлении. Стены были деревянными, поставленными прямо на землю или на сырцовый цоколь. Ось симметрии, как и в усадьбе Цг1, проходит через центральное помещение комплекса. Двери всех комнат обращены к югу.

Два дома третьей усадьбы (Цг3) имели деревянные стены. Один из домов состоял из трех почти квадратных комнат, другой был однокомнатным и имел обычную планировку.

Все три усадьбы принадлежали, скорее всего, горожанам среднего достатка. Их хозяева являлись владельцами небольших мастерских, продукция которых поступала на рынок. Остатки ремесленных мастерских обнаружены во всех трех усадьбах. В первой была костерезная мастерская, во второй – костерезная и ювелирная, в третьей – гончарная и ювелирная. Увеличение количества домов и помещений в усадьбах свидетельствует о расширении производства. Возможно, сначала в мастерских трудился только сам хозяин и члены его семьи, а потом были привлечены подмастерья или какие-то зависимые люди.

В основу построек, раскопанных в усадьбе так называемого «дома с юртами» (Цг4) в южном пригороде Нового Сарая также положен монгольский дом (Федоров-Давыдов, 1964б. С. 256-257; Федоров-Давыдов, Вайнер, Мухамадиев, 1970, с. 114-134; Егоров, 1970. С. 175-178). Два таких помещения (2, 4), пристроенных одно к другому по оси запад-восток и обращенных входами к югу, были обнаружены в западной части усадьбы (рис. 117). Стены этих комнат имели различное строение: меридиональные стены были капитальными, сложенными из сырца в 3-4-5 рядов, а широтные состояли из одного ряда сырца или были деревянными.

Некоторое сомнение вызывает трактовка авторами публикации основного дома усадьбы (1) и дома 3. По мнению исследователей, домом хозяина являлось большое, вытянутое с запада на восток здание, длиной более 20 м и шириной 7 м. Вход в него, расположенный с южной стороны, был оформлен легкими Г-образными конструкциями. Здание имело мощные западную (5 рядов кладки) и северную (3 ряда) стены из сырца. Восточная стена отсутствовала. Южная стена сохранилась фрагментарно. В восточной части она имела толщину трех рядов кладки, а в западной части – одного ряда. Внутри этого огромного помещения были найдены лишь остатки кана в северо-западном углу и фрагменты деревянных плах у западной стены. С южной стороны к западному концу дома 1 был пристроен дом 3, интерьер которого состоял из Г-образной суфы с двумя канами. Этот дом имел южную стену из двух рядов сырцового кирпича; восточная и западная стены отсутствовали.

Представляется возможной иная интерпретация этого комплекса. Прежде всего, дом 3 состоял, скорее всего, не из одного, а из двух помещений (3, 5). К первому, восточному, относится Г-образная суфа и кан, примыкающий к северной стене. С юга и с севера помещение было ограничено капитальны-

ми стенами, а с запада и востока не сохранившимися деревянными. С западной стороны к этой комнате примыкала еще одна, к внутренним конструкциям которой относится кан, идущий в меридиональном направлении. В этом случае, Г-образная стенка, пристроенная к нему, является подпорной стенкой суфы. Стены комнаты не сохранились, так как, вероятно, были деревянными.

К западу от дома 3 находилась еще одна Г-образная стенка. Она примыкала к меридиональной стене, в середине которой проходил канал с остатками золы и углей. Эта стенка считалась сырцовым цоколем деревянной стены, брус которой был обложен сырцами, а впоследствии сторел (Егоров, 1970. С. 183). Однако канал между двумя сырцовыми стенками, заполненный золой, может являться остатками кана. Тогда Г-образная стенка, примыкающая к нему, является стенкой суфы, и мы получаем помещение 6, являющееся зеркальным отражением западного помещения 5. В этом случае, П-образная стенка, расположенная южнее, попадает в пределы комнаты в виде небольшой суфы, пристроенной к южной стене. Таким образом, вход в дом 1 был оформлен не просто стенками, а симметрично расположенными помещениями.

Вызывает сомнение и огромный зал дома 1. Можно предположить, что жилая комната находилась только в западной его части (7). Она являлась продолжением ряда помещений домов 2 и 4 и представляла собой, вероятнее всего, такую же квадратную в плане комнату с каном и П-образной суфой. Остальная площадь дома 1, лишенная каких-либо внутренних конструкций, являлась просто частью двора, ограниченного с севера стеной усадьбы.

Таким образом, на примере четырех усадеб Царевского городища можно видеть, что золотоордынские усадебные дома часто состояли из многочисленных ячеек, каждая из которых в отдельности представляла собой дом монгольского образца. Стены комнат домов даже при одновременном их возведении в большинстве случаев были сложены из разных материалов, в результате чего создается впечатление отсутствия общего проекта: комнаты прилепляются друг к другу чисто механически, беспорядочно. В этом, вероятно, сказался недостаток градостроительной культуры в Золотой Орде. С другой стороны, четко видно стремление к упорядоченности планировки. Ячейки в этих зданиях часто либо вытянуты вдоль определенной оси и обращены дверями в одну сторону, либо расположены одна против другой так, что интерьеры их являются как бы зеркальными отражениями друг друга. Но в некоторых случаях дополнительные помещения пристраиваются по обеим осям, и получаются дома-конгломераты довольно беспорядочной планировки.

Усадебный дом, состоящий из двух симметрично расположенных комнат (Цг5) был раскопан в юго-восточной части Царевского городища (Федоров-Давыдов, 1964б. С. 251; Федоров-Давыдов, Вайнер, Мухамадиев, 1970. С. 80-85). Стены дома были деревянными и имели сырцовые цоколи

(рис. 118). В комнатах (1, 2) были полы из обожженного кирпича и П образные суфы с каном вдоль северо-восточной стороны. Планировка комнат совпадает до мельчайших деталей, что свидетельствует о единстве замысла. Кроме того, юго-западные стены помещений соединены тонкой кирпичной стенкой, в результате чего между домами образуется глубокий айван. С северо-востока от первого помещения дома находилась еще одна квадратная в плане постройка (3) с деревянными и сырцовыми на сырцовом цоколе стенами. Большую площадь ее занимала суфа с каном посередине. С юго-восточной стороны постройки был сделан узкий хозяйственный отсек. Этот дом, построенный, вероятно, позднее также лежал на одной линии с первой комнатой первоначального дома, но в перпендикулярном направлении.

Постройки центрального дома еще одной усадьбы (Цг6), исследованной в юго-восточном районе Царевского городища, группируются вокруг внутреннего двора (Мухамадиев, Федоров-Давыдов, 1978. С. 88-113; Егоров, 1970. С. 178-179). Стены дома сложены из сырцового кирпича в один ряд. За время своего существования усадьба была перестроена. В I периоде здание имело форму прямоугольника размерами 11,4 x 18,0 м (рис. 119.1). В центре его находился двор, окруженный по периметру одиннадцатью помещениями различного размера и назначения. Комнаты с канами и суфами, расположенные по диагонали в юго-восточном и северо-западном углах дома (пом. 2 и 8) были жилыми, остальные имели хозяйственное назначение. Впоследствии в юго-западном и северо-восточном углах были построены еще две жилые комнаты, и ось симметрии стала проходить по линии север-юг (рис. 119.2). При сооружении построек второго периода была соблюдена зеркальная симметрия расположения внутренних конструкций в комнатах. Так, в помещениях 1 и 2 П-образные суфы были сложены вдоль южных, северных и внешних меридиональных стен. В каждой суфе имелось два тандыра с канами в северной части и в середине суфы. В паре помещений 8 и 12 суфы устроены вдоль западной, восточной и северной стен, а каны примыкают к противоположным внешним стенам. Некоторое отличие составляют лишь отдельные детали интерьера.

В восточном районе Царевского городища исследована еще одна усадьба (Цг7). Здесь был вскрыт не только центральный дом усадьбы, но и различные постройки и сооружения, расположенные на ее территории (рис. 120). К ним относятся павильон к югу от центрального дома, усадебный водоем, два больших дома усадебного персонала, часть ограды и въезд в усадьбу, а также ряд домов, прилегающих с внешней стороны к северной ограде и ее юго-восточному углу (Мухамадиев, Федоров-Давыдов, 1970. С. 88-113; Федоров-Давыдов, 1981. С. 64-84). Структура усадьбы Цг7, площадь которой составляла около 7500 кв. м. изучена в настоящее время наиболее полно.

Центральный дом этой усадьбы имел мощные капитальные стены, а планировка его была наиболее сложной и продуманной среди всех усадебных зданий Царевского городища. За время существования усадьбы централь-

ное здание ее было полностью перестроено. В I строительном периоде оно было прямоугольным, вытянутым по оси З-В (рис. 121.1). Размеры его 14,4 x 9,6 м. Северная, западная и восточная стены сложены в четыре ряда кирпичей, а южная – в три. Основная кладка стен сделана из сырца, лишь внешние ряды западной и северной стен были из обожженного кирпича. Внутренняя поверхность стен была покрыта белой известковой штукатуркой. В завале найдены фрагменты штукатурки, окрашенной красной и черной краской. Внутри дома достоверно зафиксирована только одна стена, которая была выложена в четыре ряда сырца в меридиональном направлении параллельно западной стене дома. Вместе они образовывали айван шириной 3,5 м и глубиной 4,0 м. Учитывая довольно холодные зимы рассматриваемого региона, можно предположить, что у этого айвана все же была южная стена с дверью, которая, вероятно, была сделана из дерева. Пол айвана был выложен жженым кирпичом, а вдоль стен сделаны суфы шириной около 50 см.

К северу от айвана находилась вымостка пола из обожженного кирпича на известковом растворе. Восточный ее край был ограничен бревном, лежащим перпендикулярно северной стене дома. По направлению оно совпадает с восточной стеной айвана. Весьма вероятно, что здесь находилась легкая каркасная стена, которая отделяла это помещение от остального объема здания. Наличие всего одного жилого помещения в доме столь значительных размеров кажется маловероятным. Кроме того, кладка пола в разных частях здания отличается по составу раствора: в западной части он известковый, а в восточной – глиняный. Пол восточной части дома был из жженого кирпича, часть его была вымощена кирпичами с бирюзовой поливой. К южной стене здесь примыкала большая суфа сложной конфигурации. В суфу были встроены два кана, каждый из которых имел два канала. В северной части каналы восточного кана соединялись с прямоугольной печью, западный кан отапливался через тандыр. В северо-восточном углу обнаружены остатки двух больших печей с прямоугольными камерами.

Таким образом, дом усадьбы Цг7 в I периоде состоял из нескольких помещений. Достоверно фиксируется обширный айван, расположенный в юго-западной части. Севернее него находилось нежилое помещение в виде небольшого зала или тамбура. Жилое помещение с несколькими печами и канами в восточной части дома, скорее всего, также было перегородено каркасными стенами, остатки которых не сохранились. Таким образом, эта постройка представляет собой прямоугольник, разделенный на помещения меридиональными, и, возможно, широтными стенами.

Во II периоде здание было разрушено и на его месте построено другое, более сложной планировки (рис. 121.2). Стены его, сложенные из обожженного кирпича, который был впоследствии выбран, прослежены по отпечаткам в материке. Внешние стены состояли из четырех рядов кладки и имели ширину 80-85 см. Они были поставлены непосредственно на мате-

рик. Внутри постройки площадь была сnivelирована, и под полы сделана подсыпка толщиной 50-60 см. Поэтому полы и нижняя часть стен дома I периода оказались внутри этой забутовки. Внутренние стены были возведены позже, для чего в субструкционном слое были прокопаны канавки, и в них установлены стены. Толщина внутренних стен колеблется от четырех до двух рядов кладки. Здание было прямоугольным в плане, вытянутым в широтном направлении и имело размеры 24 x 17 м. Оно было обращено фасадом на юг, что подчеркивалось двумя круглыми башнями (диаметр 1,7 м), пристроенными к его юго-западному и юго-восточному углам. В завале кирпичей от башен были найдены обточенные лекальные кирпичи и облицовочные кирпичи с белой и ультрамариновой поливой.

Помещения располагались тремя рядами по оси север-юг. В середине южной стены находился проем шириной 4,15 м, который вел в айван. За айваном находился прямоугольный в плане зал (5,0 x 6,2 м), в центре которого сохранились остатки вымостки из обожженных кирпичей. В северной части зала прослежены следы широтной стены, идущей примерно до его середины, и двух стен, образующих тупой угол. Степень сохранности здания позволяет лишь предполагать, что эти стены образовывали другой, северный айван, либо ограничивали подиум, сооруженный в северной части зала, как это прослеживалось в других подобных сооружениях. С востока и запада от центрального зала находились помещения, которые, вероятно, были жилыми. Самые большие комнаты (6,5 x 5,0 м и 8,2 x 5,8 м) располагались в юго-восточном и юго-западном углах. Пространство к северу от юго-восточного помещения было разделено широтными и меридиональными стенами на три или четыре небольшие комнаты, в одной из которых сохранились остатки многоканального кана. В северо-восточном углу здания находилось еще одно большое помещения, а к югу от него – одна или две промежуточные комнаты, в которых обнаружена суфа с каном. К сожалению, в связи с полной разрушенностью ничего более определенного о планировке и назначении помещений этого интересного и, несомненно, богатого здания сказать нельзя.

Водянское городище.

На Водянском городище в Волгоградской области был раскопан усадебный дом (Вг1) довольно сложной планировки (Мухамадиев, 1974 С. 80-89). Здание было прямоугольным в плане, вытянутым по оси СЗ-ЮВ (рис. 122). Размеры его 19,0-19,5 x 9,7-10,0 м. Стены здания были сложены из различных материалов. В северо-западной и юго-восточной частях его находились два сооружения с капитальными стенами из квадратных сырцовых кирпичей в три ряда. В некоторых местах внешняя поверхность стен облицована каменными блоками и обожженными кирпичами. Размеры сооружений 10,0 x 6,5 м. Каждое из них было поделено фахверковыми стенами на две комнаты. Юго-восточные помещения 1 и 3 (внутренние размеры 6,0 x 5,0 м) были жилыми. В них были сделаны обширные П-образные суфы с канами

и тандырами, пристроенные к северо-восточной, юго-восточной и юго-западной стенам. Две северо-западные комнаты (2 и 4) меньших размеров (4,6-5,0 м x 2,2 м) оборудованы небольшими суфами, в которых находились тандыры и отсеками, вероятно, предназначенными для хранения продуктов. Таким образом, каждое из этих сооружений представляло собой отдельный жилой дом, состоящий из спальни и кухонного помещения. Обращает на себя внимание зеркальная симметрия интерьеров обоих сооружений. В спальнях комнаты суфы имеют одинаковые размеры, а каны в них проложены вдоль меридиональных внешних стен. В кухнях к внешним стенам пристроены суфы с очагами, а к внутренним – кладовки. В оформлении внутренних конструкций имеются некоторые отличия, но они минимальны. Входы в оба жилых комплекса также располагаются симметрично – друг против друга. То есть здесь налицо единый планировочный замысел.

Оба эти жилых комплекса были соединены легкими каркасными стенами из дерева и обломков камней. Средняя часть здания была поделена деревянными перегородками на несколько помещений. С юго-восточной стороны находился узкий входной тамбур (5) и помещение 6, в котором фахверковыми стенками, сложенными параллельно меридиональным стенам, выделены два хозяйственных отсека. Далее следовал внутренний дворик (7) размерами 6,0 x 3,2 м, в который вели проходы из жилых помещений здания. Пол его был выложен деревянным настилом. Небольшие размеры, а также наличие остатков деревянного настила в дворике позволяют предполагать, что он мог быть крытым. На северо-западе средней линии помещений находилась комната 8, в которой был сделан один хозяйственный отсек вдоль юго-западной стены. Таким образом дом усадьбы Вг1 имеет довольно развитую и продуманную планировку: в ней явно присутствует единый замысел многокомнатного дома, но техника воплощения этого замысла еще довольно примитивна.

Если сравнить планировку усадьбы Вг1 с приведенными выше усадьбами Царевского городища, то можно заметить определенное сходство. Как и в усадьбе Цг5, жилая часть дома здесь состоит из двух зеркально симметричных построек с капитальными стенами, соединенных легкими перегородками. С домом усадьбы Цг5 ее сближает наличие внутреннего двора, являющегося композиционным центром постройки и обрамленного со всех сторон различными помещениями. В обоих зданиях жилые комнаты находятся с западной и восточной сторон, причем южные помещения имеют большие размеры, чем северные; хозяйственные и тамбурные помещения расположены вдоль северной и южной сторон двора. При этом планировка дома усадьбы Вг1 кажется более законченной и архитектурно разработанной, в то время как в усадьбе Цг6 здание состоит из механически соединенных монгольских домов, сгруппированных вокруг внутреннего двора. И наконец, если предположить, что внутренний двор в усадьбе Вг1 был перекрыт крышей, то его можно сравнить с центральным залом здания усадьбы Цг7

во II периоде, хотя функциональное назначение этих помещений в усадьбах, вероятнее всего, было различным. В усадьбе Цг7 центральный зал был парадным помещением и служил для проведения каких-то церемоний, а в усадьбе Вг1, скорее всего, выполнял хозяйственные функции.

Селитренное городище

На Селитренном городище были исследованы четыре усадьбы, которые принадлежали наиболее зажиточным слоям населения. Все они находились в аристократическом районе между буграми «Кучугуры» и «Красный». Три усадьбы имели капитальные стены и были возведены по единому плану. Центральный дом четвертой усадьбы состоял из нескольких частей, которые постепенно пристраивались друг к другу, поэтому его планировка не была столь регулярной.

Большой усадебный дом (рис. 123), раскопанный в 1976 г. на Селитренном городище (Сг1), был почти квадратным в плане размерами 23,8 x 24,2 м (Егоров, Яблонский, Булатов, 1976; Федоров-Давыдов, 1994. С. 53-57). Стены его были сложены из большеформатного сырца (50 x 22 x 7 см) в 2 ряда кирпича, один из которых положен тычком, а другой – ложком. Расположение тычковых и ложковых рядов чередовалось в слоях. Толщина стен составляла 75 см. Западная стена была сложена в 3 ряда кладки и имела толщину 105 см.

Здание было разделено двумя меридиональными стенами на три линии помещений. В центре средней линии находился большой прямоугольный зал (пом. 5) размерами 6,7 x 14,7 м. В него можно было попасть со двора через тамбурные помещения (пом. 9, пом. 10), расположенные с северной и южной его сторон. В тамбурах вдоль стен были сложены Г-образные суфы. В северной и южной частях зала пол был выше, чем в его центральной части. На северной платформе пола был сооружен подиум, мощеный обожженным кирпичом (рис. 125.1). В подиуме сохранились остатки деревянных столбиков, поддерживающих балдахин. Пол средней части зала также был выложен кирпичом. В центре его был сделан квадратный бассейн (рис. 125.2). Вода в бассейн поступала по каналу, идущему со двора через южный тамбур под вымосткой пола. Такой же канал, протянутый на север, отводил излишки воды из бассейна.

С запада и востока центральный зал был окружен комнатами различного назначения. В северо-западной части здания находился блок из трех помещений: спальни (пом. 1) с П-образной суфой, отапливаемой тандыром и каном (рис. 126.3), небольшого зала (пом. 2), крышу которого поддерживали три пары деревянных колонн (рис. 125.3) и хозяйственного помещения 4, выход из которого вел в помещение 2. Помещения 1 и 2 соединялись скользящими вдоль южной стены проходами между собой, а также с центральным залом и двором. К югу от этого блока располагалось обширное помещение 3, площадь которого несколько превышала площадь северо-западного блока. Помещение не было жилым, так как в нем не обнаружено никаких

следов отопительной системы. Пол его был вымощен жженым кирпичом. Два скользящих вдоль северной стены прохода вели в зал и наружу. Как и в северо-западных помещениях, проходы лежат на одной оси, соединяя напрямую центральный зал с улицей.

Западный ряд помещений состоял из такой же нежилой комнаты с кирпичным полом, расположенной на севере (пом. 6) и двух комнат с канами и суфами (пом. 7, 8). Все три помещения соединялись между собой скользящими проходами вдоль восточной стены, образуя единый блок. Этот восточный блок соединялся с центральным залом двумя проходами из помещений 6 и 8, которые с двух сторон примыкали к помещению 7. С наружным двором соединялось помещение 7, то есть в этой части здания также соблюдалась симметрия в расположении проходов.

Таким образом, помещения, окружавшие центральный зал в I периоде, образовывали четыре отдельные секции: северо-западный жилой блок, юго-западный зал, юго-восточный блок из двух жилых комнат и небольшой зал в северо-восточной части. При этом жилые и нежилые помещения двух половин дома располагались симметрично по диагонали.

В дальнейшем всего за несколько десятков лет своего существования дом подвергался многочисленным перестройкам. Помещение 4 было разделено каркасной перегородкой на две изолированные комнаты (4а и 4б) с П-образными суфами (рис. 124.1). Проход в помещение 2 был заложен, а в каждой из комнат был прорублен выход во двор. Каждая из комнат имела выход на улицу. Помещения 1 и 2 были перепланированы и сохранили связь только с центральным залом. Помещение 3 превратилось в жилое. Первоначально его проходы заложили и прорубили новый проход в помещение 5, расположенный по центру меридиональной стены. В III периоде оно было разгорожено на две жилые комнаты (рис. 124.2).

Еще более бурно протекала жизнь на восточной половине здания. Сначала помещение 6 было перегороджено по линии север-юг и превратилось в две комнаты (6а и 6б), из которых одна выходила в центральный зал, а другая по-прежнему соединялась с помещением 7. Проходы были оставлены без изменений (рис. 124.3). В процессе следующей перепланировки помещение 6 было поделено в широтном направлении, в результате чего получилась изолированная комната (6в) на севере, выходящая в центральный зал и блок помещений 6г, 7 и 8 (рис. 124.4). Перестройка суфы в помещении 7 потребовала закладки всех трех проходов и сооружения двух новых, скользящих вдоль западной стены, вследствие чего блок помещений сохранил связь только с центральным залом и был изолирован от двора.

В последнем периоде помещение 8, самое стабильное и почти не подвергавшееся перестройкам, было отгорожено от помещения 7 и сохраняло связь только с залом (рис. 124.5). Помещения 6в и 6г были снова объединены, а новая суфа помещения 7 была пристроена к западной стенке. Обе эти комнаты были соединены между собой новым проходом, скользящим вдоль

восточной стены. Дверь в зал была заложена, а в помещении 7 был прорублен новый проход, ведущий во двор (рис. 126.2).

Таким образом, вначале жилая часть здания усадьбы Сг1 была представлена двумя отдельными блоками, каждый из которых соединялся и с центральным залом, и с двором. В дальнейшем центробежные процессы, происходящие в семейной общине, ведут к тому, что количество жилых секций увеличивается, и они становятся более изолированными. Изоляция достигается закладкой старых и сооружением новых проходов таким образом, чтобы каждый жилой блок соединялся либо только с двором, либо только с залом. В этот период центральный зал уже не является центром общественной жизни дома, а используется как внутренний двор. В конце концов, он был полностью заброшен и превращен в такой двор с земляным полом.

Этот усадебный дом во многом сходен со зданием в усадьбе Цг6. В обеих постройках помещения группировались вокруг центральной части здания, которая в одном случае была представлена двором, а в другом – залом для приемов, причем первоначально жилые помещения располагались друг против друга по диагонали. В результате перестроек западная и восточная части здания становятся полностью жилыми. Если же предположить, что двор в усадьбе Цг6 был крытым, то состав помещений средней части здания также становится аналогичным. Генетическую связь планировки дома усадьбы Сг1 с дворовой композицией подтверждает и тот факт, что в процессе жизнедеятельности центральный зал усадьбы превращается в обычный крытый двор.

Примерно в 500 м к северу от усадьбы Сг1 была раскопана еще одна усадьба (Сг2), сырцовый дом которой имеет аналогичную планировку и построен в такой же строительной технике (Зиливинская, Алексейчук, 2003; Зиливинская, 2008б. С. 8-43). Стены его сложены из большеформатного сырца с использованием тех же приемов кладки. Все стены, как наружные, так и внутренние, делящие здания на помещения, имели аналогичное строение. Основания стен толщиной 105-110 см состояли из слоев в два кирпича, положенного в тычок, чередующихся со слоями, где между двумя рядами, лежащими ложком, один ряд положен тычком. Начиная с шестого слоя кладки, стены сужаются до 80-90 см, и каждый слой ее составляет два ряда кирпичей, один из которых положен в тычок, а другой – в ложок. Расположение рядов в слоях чередуется. Нижняя, цокольная, часть здания до уровня сужения стен изнутри была заполнена субструкцией толщиной до 60 см, на которую настилались полы и были поставлены внутренние конструкции. Главное здание было квадратным, но несколько меньшего размера, чем в усадьбе Сг1 (20 м по оси С-Ю и 19,5 м по оси З-В). Комнаты располагались в три ряда (рис. 127, 129.1). Здание имело один вход по центру южной стены. Широкий проем вел в тамбур, вымощенный обожженным кирпичом с суфами вдоль меридиональных стен. К северу от тамбура находился большой приемный зал размерами 14,4 x 5,9 м. В южной его части была сделана

П-образная вымостка пола. Кирпичи вымостки были положены рядами, а от прохода шла дорожка из кирпичей, положенных косо, ромбом. В средней части зала также сохранилась часть пола из кирпичей, лежащих ромбом, обрамленных бордюром из кирпичей, положенных прямо. У северной стены находился подиум в виде плотно утрамбованного массива земли. Северная стена зала была дощатой. Это обстоятельство, несколько неожиданное в столь капитальном здании, возможно, объясняется тем, что первоначально здесь планировался еще один, северный тамбур, южная стенка которого сохранилась под уровнем пола. В дальнейшем от сооружения второго тамбура отказались, чтобы увеличить площадь зала, а проем во внешней стене заделали досками. Неизвестно, что находилось в центре зала, так как в этом месте пол был нарушен большой грабительской ямой.

В западном и восточном рядах помещений находилось по три жилых комнаты. Они были сгруппированы следующим образом: две северные комнаты (пом. 5 и 8) были изолированы и соединялись только с центральным залом, а южные и средние комнаты в рядах были смежными и также соединялись с центральным залом. Разница заключалась лишь в том, что из западного помещения 4 можно было попасть в зал только через помещение 3, а восточное помещение 7 имело свой отдельный выход.

Наиболее парадными среди жилых были юго-западное помещение 3 и юго-восточное помещение 6 (рис. 130.3). Они имели почти одинаковые размеры и внутренние конструкции располагались в них зеркально. П-образные суфы были пристроены к южной, восточной и западной стенам; каны были сложены вдоль внешних меридиональных стен и обращены топками на север. Принцип симметрии сохранялся здесь в течение всей жизни дома. В следующих строительных периодах суфы помещений 3 и 6 были одинаково расширены, и на них были поставлены близкие по конструкции дополнительные печки. В последнем периоде был заложен проход, ведущий из помещения 6 в центральный зал, но связь этого жилого блока с залом сохранилась через проход в помещение 7.

Полы в южных комнатах были выложены жженым кирпичом с бирюзовыми вставками (рис. 130.6), стены оштукатурены известковым раствором и украшены штампованным ганчевым декором (рис. 131.1-2). В помещении 3 была найдена восьмиугольная керамическая плита со штампованным орнаментом и отверстием в центре, покрытая бирюзовой поливой. Она закрывающая тошну в центре пола комнаты (рис. 131.3). Некоторые различия наблюдались в деталях декоративного убранства этих комнат.

Средние в рядах помещения 4 и 7 были хозяйственно жилыми, о чем свидетельствует наличие в них многих печей и тандыров, а также скромное оформление. Первоначально их планировка также была зеркальной: каны располагались вдоль северных стен топкой к залу, а П-образные суфы примыкали к внешним стенам. Впоследствии в результате перестроек симметрия была нарушена (рис. 128, 129.2-3). Интересно, что перестройки

в этих помещениях носили различный характер. В помещении 4 во все периоды происходило увеличение площади суфы, что, вероятно, было связано с ростом численности его обитателей. Перестройка канов была необходима для лучшего обогрева все увеличивающегося объема суфы (рис. 130.2). В III и IV периодах суфа занимает уже большую часть комнаты. В V периоде помещение 4 перегораживается, и на его месте возникают два отдельных помещения (4а и 4 б). Это может быть связано с качественными изменениями в составе населения дома, например, с выделением новой малой семьи или какими-то другими процессами. При этом обе комнаты сохраняют связь с парадным помещением 3, то есть жилой блок продолжает существовать.

В помещении 7 была сделана только одна полная перепланировка. Скорее всего, она имела простую бытовую причину. В I периоде суфа находилась у восточной стены, прямо напротив прохода в помещение 2. Она являлась зеркальным отражением суфы в помещении 4. Но в помещении 4 не было прохода в помещение 2, поэтому там суфа увеличивалась, не меняя своей ориентации. Здесь же суфа была перенесена в более укромное и защищенное от сквозняков место – к северной стене комнаты. При этом площадь суфы не стала больше. Все остальные перестройки в помещении 7 связаны только с дальнейшим благоустройством: для лучшего обогрева меняется расположение кана, вкапывается тошна, пол мостится кирпичом, в углу устраивается погребок, в стенку суфы встраиваются деревянные брусья, на которых, вероятно, крепилась какая-то загородка или занавес (рис. 130.4). То есть, в восточных помещениях не происходило значительного роста численности обитателей, зато они неуклонно заботились о своем комфорте.

Помещения 5 и 8, расположенные в северной части дома, представляли собой обычные жилые комнаты. При постройке дома их интерьеры также были зеркально симметричны и состояли из Г-образных суф, пристроенных к широтным и меридиональным внешним стенам. Каны были сложены вдоль северной стены здания. Эти комнаты почти не перестраивались. В помещении 5 была только пристроена небольшая дополнительная суфа. Возможно, здесь жил один человек, мало нуждающийся в изменении своей жизни, или же это была комната для гостей. В помещении 8 также была сделана всего одна полная перепланировка: суфа была перенесена от восточной стены к северной подальше от входа к глухой стене. Она была увеличена очень незначительно, то есть здесь тоже количество обитателей не становилось больше.

Таким образом, несмотря на некоторые отличия, планировка центральных домов в усадьбах Сг1 и Сг2 очень близка. Более того, форма и размеры сырца, система кладки и некоторые другие строительные приемы позволяют предполагать, что они были выстроены одними мастерами. Однако следует отметить, что в усадьбе Сг2 здание имеет более развитый и четкий план. Здесь полнее соблюдается принцип симметрии, а центральный зал действительно является композиционным центром здания, так как жилые комнаты

соединяются только с ним. Планировка дома усадьбы Сг1 кажется более архаичной. В первом периоде он имеет две оси симметрии, одна из которых проходит по линии север-юг, а другая по диагонали здания. Незрелость композиции состоит и в том, что часть комнат имеет выходы наружу, перерезающие внешние стены здания, при том, что центральный зал, с которым они так или иначе соединяются, открывается во двор двумя айванами. В усадьбе Сг2 изначально интерьеры всех помещений были абсолютно зеркальны относительно оси север-юг. Пространство дома более, замкнуто, так как он имеет всего один выход, а все жилые помещения соединяются с улицей только через центральный зал.

Самой крупной усадебной постройкой, известной в настоящее время в Нижнем Поволжье, является дворцовое здание (Сг3), раскопанное в 1978-1981 гг. в том же районе Селитренного городища, что и усадьбы Сг1 и Сг2 (Федоров-Давыдов и др., 1978; 1979; 1980; 1981; Федоров-Давыдов, 1994, С. 57-59). Оно представляло собой многокомнатный дом, насчитывающий более 35 помещений (рис. 132, 133). Внешние стены его были сложены из обожженного кирпича и имели толщину 90 см. Внутренние стены были фахверковыми: основания стен толщиной 30 см выкладывались из обожженного кирпича и сырцов, на них опиралась рама из деревянных брусьев, а пространство между брусьями заполнялось сырцами, положенными в «елочку». Пространство внутри стен было засыпано субструкционным слоем толщиной 40–50 см, на который были настелены полы. Здание было частично разрушено, поэтому размеры его можно определить лишь приблизительно. Его длина по оси С-Ю – 32,5 м. Ширина должна превышать 40 м, в том случае, если оно симметрично относительно центральной части.

Центральное положение занимала анфилада парадных помещений (рис. 132, 133, 135). Она начиналась обширным подъездом со ступенями, который примыкал с юга к основному объему здания. Впоследствии ступеньки были заменены пандусом. Дверной проем вел в помещение вестибюля (пом. 2). Г.А. Федоров-Давыдов полагал, что оно являлось открытым айваном (Федоров-Давыдов, 1994. С. 57). Однако на пороге аналогичного вестибюля в усадьбе Сг2 были обнаружены остатки массивного бревна, поэтому можно предположить, что южная стенка этих помещений была деревянной, и в ней была сделана дверь, ведущая в здание. Учитывая особенности климата Нижнего Поволжья с достаточно холодными зимами, такое предположение кажется более вероятным. По стенам вестибюля были сооружены Г-образные суфы. Далее следовал распределительный тамбур (пом. 11), в который вели двери нескольких помещений. Два скользящих вдоль меридиональных стен прохода соединяли его с центральным залом.

Помещение зала (пом. 12) было прямоугольным в плане, вытянутым по оси С-Ю, и имело размеры 15,8 x 9,4 м в средней части, в южной и северной частях ширина зала составляла 7,4 м. В южной части зала находилось возвышение, выложенное кирпичом на известковом растворе. С востока и запада

возвышение обрамляли проходы, ведущие из тамбура. В средней части зала вдоль стен находились узкие суфы. На севере было сделано еще одно возвышение большей площади, чем южное. Оно также облицовано кирпичом. С востока и запада от него находились проходы, ведущие в северные помещения. Суфы с четырех сторон окружали фигурно выложенный пол размерами 7,4 x 7,4 м. В центре пола находилась большая тошна (рис. 136.2,4). Пол был вымощен плитами двух видов: из крупногабаритных квадратных плит выложен бордюр по краю пола, квадрат, окаймляющий тошну в центре и дорожки, идущие от углов квадрата и образующие крестовидную фигуру. Пространство между дорожками было заполнено шестиугольной кирпичной плиткой, пространство вокруг тошны заложено обычными кирпичами. Стены зала украшали большие мозаичные панно, состоящие из фигурных полихромных элементов с позолотой (рис. 138-139). К северу от зала располагались еще два помещения, вероятно, как и с южной стороны, – тамбур и айван.

С западной и восточной сторон к парадной части дворца примыкали жилые комнаты, расположенные рядами по оси С-Ю. Восточный конец здания был частично разрушен: здесь прослеживаются две линии комнат. К вестибюлю (пом. 2) и тамбуру (пом. 11) примыкало жилое помещение 3. Пол его вымощен обожженным кирпичом, а южную часть занимала обширная П-образная суфа, в восточной части которой встроен тандыр с двухканальным каном. С северной стороны с помещением 3 граничил узкий длинный коридор (пом. 17), который служил для связи центрального зала (12) с помещениями 3, 19 и через небольшой тамбур (2) – с помещением 21. Полы коридора и тамбура также были выложены кирпичами. Еще севернее находилось жилое помещение 4 с кирпичным полом и большой П-образной суфой, обогреваемой каном. Узкий длинный коридор (пом. 16), пол которого был выстлан кирпичом, соединял центральный зал с комнатами северо-восточной части здания. Помещение 15, расположенное к северу от него было почти полностью разрушено. О нем можно лишь сказать, что, скорее всего, оно было жилым, так как здесь обнаружены остатки кана. В юго-восточном углу здания находились сильно разрушенные помещения 21 и 19 с кирпичными полами. В помещении 21 в полу была сделана тошна, а в помещении 19 были зафиксированы остатки суфы с каном. Вероятнее всего, эти комнаты также были жилыми. К помещению 4 с востока примыкало обширное помещение 18, которое служило для хозяйственных целей. Здесь была найдена мельница для перемалывания проса и множество хозяйственных ям. Пол в комнате был глинобитным.

К западу от зала до внешней стены здания помещения расположены в три-четыре ряда. Самым южным в первом ряду было помещение 5 значительной площади. Размеры его составляли 7,2 x 10,6 м. Попасть в него можно было из южного тамбура (пом. 11). Большую часть комнаты занимал пол, выложенный кирпичом. П-образная суфа была пристроена к южной стене. В

западной и восточной части суфы были встроены каналы, но они не использовались и были забутованы глиной. Авторы раскопок считают, что это неотопливаемое помещение не было жилым и выполняло роль малого приемного зала (Федоров-Давыдов и др., 1979. С. 56, 57). С севера к нему примыкала жилая комната (пом. 13). П-образная суфа с двумя каналами была пристроена в ней к восточной стене. В центре кирпичного пола сделана тошна.

Еще севернее находился маленький распределительный тамбур (пом. 10), который соединял центральный зал с помещениями 7 и 8. Назначение небольшого, сильно вытянутого в меридиональном направлении помещения 7 не ясно. Известно только, что на полу его имелась вымостка, а в северной части находился кан. Помещение 8 являлось дворцовой кухней. Здесь сооружены небольшие суфы с встроенными в них четырьмя тандырами, а в полу сделана тошна. Пол в кухне был выложен кирпичом только в южной части, а на остальной площади он был глинобитным. У северной стены находилось помещение 29, внутренние конструкции которого почти полностью разрушены.

Самой южной с следующим рядом была большая (5,6 x 7,5 м) жилая комната (пом. 24). Большую часть ее площади занимала П-образная суфа, с двумя каналами, проложенными вдоль восточной и западной стен. Небольшой пол в северной части выложен кирпичом. Комната соединялась с другими помещениями при помощи узкого коридора (пом. 25), идущего в меридиональном направлении. К западу от него находились две небольшие жилые комнаты (пом. 22 и пом. 23) с суфами и каналами. В помещении 22 пол замощен кирпичом, а в помещении 23 он был глинобитным. Северный конец коридора (пом. 25) соединялся с другим коридором (пом. 27), идущим в широтном направлении до западной стены здания. В этом же ряду комнат за помещением 27 находилась жилая комната (пом. 28) с П-образной суфой, каналом и двумя, встроенными в суфу тандырами. Северное помещение 35 было сильно разрушено: в нем прослежен лишь участок суфы.

В юго-западном углу здания находилось скромно оформленное помещение 34 с суфой и каналами. С севера к нему примыкало помещение 26. Большую часть его площади занимал пол, выложенный кирпичом, в северо-восточном углу находилась небольшая суфа прямоугольной формы. На поверхности суфы, покрытой слоем белой известковой обмазки, был прочерчен вавилон из трех квадратов, пересеченных по диагонали косыми линиями. Стены комнаты были оштукатурены, и при разборке помещения найдены ее фрагменты с процарапанными на них рисунками (фигурки людей, всадник, человек с зонтиком и др.), сделанными явно детской рукой (рис. 137.3). Среди этих граффити выделяется рисунок человека в короне, под которым находился обрывок надписи уйгурскими буквами (рис. 137.1). Точно такие же короны можно видеть на головах правителей, изображенных на Каталонском атласе 1775 г. Г.А. Федоров-Давыдов считал это помещение детской комнатой Федоров-Давыдов, 1994. С. 58). За помещением 26 находилась небольшая

жилая комната (пом. 31) с суфой, каном, тандыром и тошной в кирпичном полу. Обе комнаты соединялись с коридором 27 через небольшой коридорчик (пом. 30), расположенный к западу от помещения 31.

С северной стороны к широтному коридору 27 примыкала довольно обширная (6,7 x 6,5 м) комната 32, которая являлась ванной. Пол ее выложен кирпичом, а в центре находилась квадратная (1,2 x 1,2 м) ванна, стенки которой сложены из кирпичей, поставленных на ребро. В дне ванны проложена керамическая труба, которая служила для отвода использованной воды. Труба проходила через внешнюю стену и выходила в водосточную канаву. Северо-западный угол здания занимало помещение 33, внутренние конструкции которого не сохранились.

Дворцовое здание усадьбы Сг3 имело сложную планировку, в процессе жизни помещения его неоднократно перестраивались, но в целом структура оставалась неизменной: жилые и хозяйственные помещения располагались в несколько рядов и соединялись при помощи системы тамбуров и коридоров. В постройке выделяется расположенная вдоль центральной меридиональной оси парадная часть, к которой с востока и запада примыкают остальные комнаты. Такая планировочная структура позволяет отнести ее к тому же типу, что и здания усадеб Цг7, Сг1 и Сг2.

Еще одно крупное усадебное здание (Сг4) раскопано на XXI раскопе Селитренного городища (Зиливинская, 2008а; 2008б. С. 43-90). Здание было возведено в несколько этапов, причем каждая новая пристройка имела собственную планировку (рис. 141, 143). Сначала оно состояло всего из двух помещений, стены которых были сложены из большеформатного сырцового кирпича нерегулярной кладкой (рис. 142.1). Толщина стен равнялась 80-100 см. Прямоугольное в плане помещение 1 размерами 4 x 4,6-4,8 м было жилой комнатой (рис. 144.1-2). От конструкций I строительного периода в нем сохранилась только небольшая прямоугольная суфа, в которой был сделан водосток из керамических труб для вывода грязной воды через внешнюю стену за пределы здания (рис. 144.3). Вероятно, в суфе находилась тошна. Пол помещения был выложен жженым кирпичом, стены оштукатурены белой известковой обмазкой. Впоследствии в комнате сделано несколько перепланировок, но во все периоды здесь сохранялась большая суфа с тандыром и каном, а в полу – тошна. То есть, по структуре помещение было жилым. Оформлена комната была довольно богато: полы в ней выложены кирпичами на известковом растворе и крупноформатными плитами красного и желтого цветов, стены оштукатурены алебастровой обмазкой, поверхность суфы покрыта розовой обмазкой из извести с добавлением толченого кирпича, а в окна вставлены решетки – панджара с прозрачными и цветными стеклами (рис. 148). С северной стороны к помещению 1 примыкало помещение 2, которое использовалось для хозяйственных нужд. Размеры его: 6,2 м по оси запад-восток и 5 м по оси север-юг. Оформление комнаты было более скромным: пол был земляным, стены покрыты известковой обмазкой.

Вдоль восточной стены поставлены деревянные опоры, поддерживавшие крышу. В полу находились очаги и тандыры, а также выкопаны различные хозяйственные ямы и тошна (рис. 145.1-2).

На следующем этапе к помещению 1 с юга пристраивается жилое помещение 3 с фахверковыми стенами (рис. 142.2). Оформлено оно было скромно: пол глинобитный, обмазка стен также сделана из глинистого раствора. Внутри находилась суфа с тандыром и каном. В северной стене помещения 2 прорубается проход, от которого отходит коридор (пом. 12) шириной 1 м с тремя парами комнат по сторонам (пом. 4, 6, 7, 8, 13, 14). Стены этих помещений сделаны из дерева. Пол коридора выложен обожженными кирпичами на известковом растворе. Комнаты, расположенные с двух сторон коридора, были жилыми (рис. 145.3-4). Размеры их невелики: две южные имели длину 4 м и ширину 2,5 м, остальные имели размеры 3 x 2,2-2,5 м. Внутри находились П-образные суфы с тандырами и канами, полы глинобитные или вымощены кирпичами. При постройке интерьеры помещений, расположенных с восточной и западной сторон коридора, были зеркально симметричны, впоследствии в некоторых из них были сделаны перепланировки. Общие размеры этого жилого блока составляли 10,6 x 6 м.

Третьим этапом было, вероятнее всего, возведение парадного зала (пом. 11) с примыкающими к нему помещениями (рис. 142.3). Стены зала и помещений 15 и 16 сложены из обожженного кирпича, а у остальных комнат – из сырца. Обширный парадный зал (пом. 11) располагался в северо-западной части здания. Размеры его составляли 10 x 12 м. Пол зала выложен обожженными кирпичами на известковом растворе (рис. 146.2). В полу сделана большая круглая тошна (рис. 146.3) и углубление прямоугольной формы с кирпичными стенками, возможно, декоративный бассейн. Неизвестно, что находилось в северной части помещения, так как она была разрушена. Стены зала оштукатурены алебастровой обмазкой и украшены мозаичными панно. Плотный завал из элементов мозаик белого, синего, бирюзового, желтого, красного и зеленого цветов был найден на полу при расчистке помещения (рис. 146.4, 147). Непонятно, как было перекрыто столь обширное помещение. Возможно крышу поддерживали деревянные столбы, установленные непосредственно на кирпичи пола.

С южной стороны к залу примыкало помещение 10, которое являлось парадным тамбуром (рис. 146.1). Пол его вымощен обломками обожженных кирпичей и покрыт белым известковым раствором, вдоль восточной и западной стен сооружены высокие суфы. Стены и поверхности суф также были оштукатурены. От жилых помещений 6, 8 и 14 зал отделен узким длинным (1,4 x 10 м) коридором (пом. 15), с южной стороны которого находилась небольшой тамбур (пом. 16). Полы в них также были кирпичными. Еще южнее располагалось помещение 9, внутренние конструкции в котором не сохранились. На третьем этапе к восточной стене помещения 4 пристроили еще одну жилую комнату с суфой и каном (пом. 5).

Таким образом, дом усадьбы Сг4 не был построен по единому плану. Он представляет собой конгломерат из нескольких механически соединенных частей. Каждая из них имеет довольно продуманную и логичную планировку, но соединенные вместе они образуют здание, планировку которого нельзя считать упорядоченной. На последнем этапе здание насчитывало по оси З-В 18,8 м в северной части и 24 м в южной. Длина его по оси С-Ю составляла более 25,2 м (в восточной части). Более точно длину здания установить невозможно, так как южная и юго-западная его части разрушены.

Ахтубинское городище

Два дворцовых здания были исследованы на городище Ахтубинском, расположенном в 56 км от Астрахани, выше по течению Ахтубы (Плахов, 2007; 2008). В настоящее время памятник почти полностью застроен поселком Комсомольский, поэтому возможность проведения раскопок здесь весьма ограничена. Одно здание (Аг1) было вскрыто полностью, другое (Аг2) – частично, но планировку его в целом оценить можно.

Здание Аг1 было прямоугольным в плане размерами 36,5 x 21,2 м (рис. 149.1). Длинной осью оно было ориентировано по направлению З-В с небольшим отклонением. Стены здания сложены из обожженного кирпича на глиняном растворе и имели толщину от 1 м до 0,75 м. Северо-западный и северо-восточный углы его были укреплены трехчетвертными колоннами диаметром 0,8 м. Внутреннее пространство между стенами было засыпано нивелировочным слоем толщиной до 1,7 м, на который уложены полы. Автор раскопок эту засыпку называет «платформой» (Плахов, 2008. С. 125,), однако такое определение представляется не удачным. Платформой можно считать специально сооруженное основание, на котором возводится все здание. Здесь же мы имеем забутовку внутри периметра его стен.

Вход в здание находился с южной стороны. К нему вел большой пандус, который имел длину 12,6 м и ширину 11,7 м. Пандус представлял собой сооружение, стенки которого сложены из двух рядов кладки: из сырцового кирпича на глиняном растворе с внутренней стороны и обожженного кирпича на известковом растворе – с внешней. Южная стенка пандуса сложена в три слоя кладки, северный его край поднимался на 1,7 м, то есть до уровня полов здания. Массив пандуса составляла плотно утрамбованная суглинистая масса. Поднявшись по пандусу, можно было попасть в большой открытый с южной стороны айван, который имел ширину 6 м и глубину 4,1 м. Стены айвана были оштукатурены известковой штукатуркой. За айваном находился большой парадный зал (пом. 1). Зал был квадратным в плане (9,85 x 9,85 м) с нишей – айваном в северной части (1а). Ниша была шириной 4,1 м и глубиной 2,75 м. Таким образом, общая длина зала составляла 12,6 м. В центральной части его были обнаружены массивные кирпичные фундаменты от четырех колонн, которые, вероятно поддерживали купол. Расстояние между центрами фундаментов около 4,3 м. В восточной части помещения сохранился участок вымостки пола из обожженных кирпичей на

известковом растворе, стены зала были оштукатурены. При разборке помещения найдено множество фрагментов архитектурных деталей: парусов, сталактитов, известковой обмазки бревен, вероятно от перекрытия, а также обломки оконного стекла бирюзового цвета. Здесь также находился завал кирпичей и кашинных облицовочных плиток бирюзового цвета от купола.

С северной стороны к айвану парадного зала примыкало помещение 5, вытянутое в широтном направлении. С востока и запада от него находились две небольшие комнаты (4 и 6) прямоугольной формы. Таким образом в здании Аг1 так же, как и в зданиях усадеб Сг1, Сг2, Сг3 и Цг7 во втором периоде, выделяется средний ряд помещений, состоящий из айвана, парадного зала и трех небольших комнат, которые, вероятно, являлись тамбурными помещениями. Снаружи к северной стене здания со смещением к востоку от центральной оси было пристроено еще одно помещение, которое автор раскопок назвал «тыловым айваном павильонного типа» (Плахов, 2008. С. 132). От этого сооружения осталась только глинобитная платформа высотой 1,2 м, окруженная стенками из обожженных кирпичей. Проход в это помещение мог быть только через помещение 6. Если вспомнить стремление золотоордынских строителей к симметрии при возведении монументальных построек, можно предположить, что этот проход был сделан позднее, когда к основному зданию был пристроен «тыловой айван».

К центральной части здания с востока и запада примыкали помещения, расположенные в два ряда с каждой стороны. Полы и внутренние конструкции в них были полностью разрушены, поэтому назначение их определить невозможно. Самое большое помещение 16 размерами 7,5 x 10 м располагалось в юго-восточном углу здания. По аналогии с другими подобными постройками можно предположить, что здесь находился еще один «малый» зал для приемов. К западу и северу от него находилось помещение 14 сложной формы в виде сильно вытянутого в меридиональном направлении прямоугольника с загибом к востоку в северной части и к западу – в южной. Длина его 13,5 м, ширина – 3,4 м в средней части, 5,4 м в южной части и 7,5 м – в северной. С севера от помещения 16 находилась небольшая комната (15), примыкавшая к внешней восточной стене. Пол ее не был поднят: он находился на уровне дневной поверхности. Автор раскопок предполагает, что здесь располагался тамбур бокового входа (Плахов, 2008. С. 129). Это предположение кажется маловероятным. Непонятно, почему уровень пола тамбурного помещения находился на 1,7 м ниже полов в остальном здании, тем более, что никаких следов лестницы или пандуса здесь не найдено. Скорее, можно предположить, что здесь находилась кладовка с погребом для хранения продуктов. Самыми северными в восточном блоке были прямоугольные в плане помещения 7 и 8 почти одинаковых размеров (5,8 x 4,6 и 5,3 x 4,6).

С западной стороны от центрального зала комнаты также располагались в два ряда. В юго-западном углу было расположено помещение 11 довольно большой площади (8,6 x 5,7 м). С востока от него находилась неболь-

шая комнатка 13 и помещение 12, размеры которого позволяют видеть в нем распределительный тамбур, через который из центрального зала можно попасть в помещения 10, 11 и 13. Северную часть западного блока занимали четыре близкие по размерам комнаты.

Все помещения этого комплекса имели богатое оформление. При разборке завалов в них были найдены фрагменты известковой штукатурки и полов из жженных кирпичей с изразцовыми вставками, архитектурные и декоративные детали из ганча, решетки-панджара с цветными стеклами. Сохранился и был расчищен упавший блок фасадной стены, украшенный фризом (рис. 149.2). Одна полоса этого фриза была сложена из майоликовых полихромных вставок с растительным орнаментом. Другая широкая полоса состояла из нескольких поясов орнамента, выложенного из изразцовых кирпичей бирюзового цвета и подточенных кирпичиков, так называемых «сухарей». Кирпичи лицевой поверхности этой стены, сложенные на известковом растворе, были подшлифованы. По мнению В.В. Плахова, этот фриз находился на высоте около 4,7 м (Плахов, 2008. С. 132), следовательно, высота здания могла составлять около 5 м.

Как уже упоминалось, полное отсутствие внутренних конструкций не позволяет достоверно судить о назначении как всего здания, так и отдельных его помещений. Автор раскопок считает его административным (Плахов, 2007. С. 134; 2008. С. 139). Тем не менее, совершенно очевидно явное сходство его планировки с крупными усадебными зданиями других нижеволжских городищ. О том, что некоторые помещения здания Аг1 могли быть жилыми и отапливались, свидетельствуют в частности находки остатков вертикальных дымоходов в виде керамических труб со следами сажи на внутренней стороне и известкового раствора – на внешней. Среди находок присутствует некоторое количество бытовой керамики (кувшины, кумганы, миски) и кости животных. Скорее всего, это было усадебное здание дворцового типа.

Второе дворцовое здание на Ахтубинском городище Аг2 было раскопано частично (рис. 150). Стены его также сложены из обожженных кирпичей и имели толщину 1,4-1,2 м. В раскопе вскрыт центральный зал здания (пом. 1). Размеры большей части его 9,4 x 9,4 м. В северной части его находился айван-ниша (1а) размерами 3,45 x 3 м. В айван вел проход шириной 2,8 м. В центре зала были сооружены четыре колонны, от которых сохранились фундаменты. С юга к залу примыкало помещение, которое, вероятно, являлось входным айваном. С северной стороны, с двух сторон от айвана центрального зала находились два небольших помещения. Снаружи к внешней северной стене здания пристроено сооружение, смещенное к западу относительно центральной меридиональной оси здания. Вероятно, здесь также сооружен «тыловой айван». С востока и запада от центрального ряда комнат находились другие помещения, которые вошли в раскоп небольшой

частью. С восточной стороны было не менее двух рядов помещений. Таким образом, здание Аг2 по своей структуре было сходно со зданием Аг1.

Хаджитархан

Небольшое усадебное здание (Хг1) было исследовано на окраине городища Хаджитархан (Плахов, 1986; Федоров-Давыдов, 1994. С. 54). Оно представляло собой капитальную, хорошо спланированную постройку в виде прямоугольника размерами 13,2 м по оси С-Ю и 11 м по оси З-В (рис. 151). Стены ее сложены из сырца размерами 45 x 25 x 5 см и ориентированы точно по сторонам света. Внешние стены и широтная внутренняя имели толщину 91 см. Они сложены следующим образом: слои кирпичей, положенных тычком в два ряда, чередуются с слоями из трех рядов, внешние из которых выложены в ложок, а внутренний – в тычок. Меридиональная внутренняя стена имела толщину 71 см и состояла из двух рядов кладки, один из которых лежал тычком, а другой – ложком. То есть по формату сырца и системе кладки этот дом напоминает усадьбы Сг1 и Сг2.

Внутренние стены крестообразно делят здание на четыре помещения. Проход в восточной внешней стене, скользящий вдоль внутренней широтной стены, вел в помещение 1 в юго-восточной части дома. Двигаясь дальше вдоль стены, можно было попасть в юго-восточное помещение 2 и северо-восточное помещение 3. Эти три комнаты образуют блок помещений, который состоит из двух жилых комнат с суфами и канами (1,2) и хозяйственное помещение 3, в котором находилась только тошна.

Помещение 4, расположенное в северо-восточном углу дома, не соединялось с этим блоком. В него вел проход из двора также скользящий вдоль внутренней широтной стены. В северо-восточном углу помещения находилась печь из двух стоящих рядом тандыров. Суфа примыкала к южной и западной стенам, она была неотопливаемой и довольно узкой. В полу комнаты сделаны хозяйственные ямы. Оформление этой комнаты свидетельствует о том, что здесь находилась кухня. Таким образом, дом усадьбы Хг1 имел простую, но хорошо продуманную планировку. Все пространство было разделено перпендикулярными стенами на четыре комнаты. Два жилых помещения соединялись между собой и с небольшим залом. Кухня была отделена от остальных комнат и имела отдельный выход во двор.

Кучугурское городище

Единственным усадебным домом, полностью исследованным в западных районах Золотой Орды, является здание в пригороде Кучугурского городища (Кг1), раскопанное В.Й. Довженком в 1953 году (Довженок, 1961. С. 187-192). Постройка имела прямоугольную форму. Размеры ее составляли 28 м по линии З-В и 17,4 м по линии С-Ю (рис. 152). Стены дома сложены из обожженного и сырцового кирпича, а также известковых блоков на глиняном и известковом растворах. Внешние стены были толщиной 105 см, внутренние – 90 см. Западные углы были фланкированы круглыми башнями.

Все здание состояло из двух частей – основной, западной и восточной, которая, возможно, была пристроена позднее. Западная часть имела форму квадрата размерами 17,4 x 17,4 м, восточная была прямоугольной размерами 17,4 x 11,6 м.

Стены основной части дома сложены панцирной кладкой из обожженного кирпича. Она была разделена стеной, идущей в широтном направлении, на две половины, каждая из которых, в свою очередь, состояла из двух неравноценных по площади комнат. Кстати говоря, в публикации В.И. Довженка фигурирует значительно большее количество помещений, так как этот исследователь принял за внутренние перегородки подпорные стенки суф. В данной работе дается иная трактовка состава помещений здания.

Вход в западную часть дома, скорее всего, находился с южной стороны и вел в тамбурное помещение 1. Пол тамбура выложен жженым кирпичом на известковом растворе. Вдоль восточной и северной стен сделана узкая суфа, в которой находился обогревавший ее кан. В северо-западном углу тамбура находились два скользящих прохода, ведущие в помещения 2 и 3.

Жилая комната 2 располагалась к западу от тамбура. Пол ее выложен хорошо отесанными каменными плитами, а стены обильно украшены известковой штукатуркой с рельефным орнаментом и рисунками розовой и золотой краской. Западную часть комнаты занимала П-образная суфа с двумя канами, один из которых был сложен вдоль северной стены, а другой шел дугообразно от центра суфы к юго-западному углу комнаты.

Помещение 3 располагалось в северо-восточном углу жилого блока. Пол комнаты был глинобитным, лишь вдоль западной стены узкий участок вымощен известняковыми плитами. Северо-западную часть комнаты занимала прямоугольная суфа, посередине которой сложена массивная печь, от которой отходили горизонтальные каналы. В юго-восточном углу сохранились остатки другого кана изогнутой формы. В.И. Довженок считал эту комнату кухней (Довженок, 1961. С. 166).

Скользящий проход в западной стене соединял помещения 3 и 4. Последнее находилось в северо-западном углу здания и представляло собой типичную жилую комнату. В ней была, П-образная суфа с топкой в центре и дугообразным каном; оформление комнаты было довольно скромным. Таким образом, основная часть здания усадьбы Кучугурского городища состояла из передней (пом. 1), парадной жилой комнаты (пом. 2), помещения для приготовления пищи (пом. 3) и обычной жилой комнаты (пом. 4).

Пристройка в восточной части, вероятно, была сделана позднее: стены ее сложены из камня вплотную к восточной стене первоначального объема здания. В центре пристройки находился обширный двор или зал размерами 9,75 x 10 м. С севера и юга от него располагалось по три прямоугольных камеры. Северные имели ширину 1 м и длину от 2,0 м до 3,5 м. Южные камеры были 2 м шириной, причем средняя из них была вдвое длиннее, чем боковые. Несмотря на свои небольшие размеры, камеры были отделены от

внутреннего двора и друг от друга толстыми капитальными стенами. В некоторых из этих помещений были прослежены остатки глинобитных полов, никаких внутренних конструкций в них не было.

Планировка пристройки напоминает внутренние дворы усадеб Цг6 и Вг1, которые с востока и запада были обрамлены жилыми помещениями, а с севера и юга хозяйственными клетями. Если же внутренний двор усадьбы Кучугурского городища был крытым, что вполне вероятно в здании с капитальными стенами, то несомненно ее сходство с усадебными домами с центральным залом (Цг7, Сг1, Сг2, Сг3, Аг1, Аг2). С домом усадьбы Цг7 здание на Кучугурском городище сближает также наличие угловых башен, а с усадьбой Сг3 соединение комнат через тамбурные помещения. На Кучугурском городище жилой блок расположен только с восточной стороны. Планировка его достаточно логична и композиционно завершена. По количеству, расположению и назначению помещений он поразительно напоминает дом усадьбы Хг1 в Хаджитархане. Несимметричное положение зала сходно с планировкой усадьбы Сг4.

Возникновение восточной пристройки могло быть связано с изменением имущественного или социального статуса владельца усадьбы. При перестройке получился дом, родственные усадьбам Сг1, Сг2, Сг3, Цг7, но лишенный их симметрии. Возможно, дом на Кучугурском городище имел такую же планировку. На это указывает расположение входа в дом во II периоде. Вход, оформленный двумя пилонами, находился посередине южной стены пристройки. Он вел в средний тамбур южного ряда клеток, из которого можно было попасть в центральный зал или же через юго-западный тамбур в помещение 1 и весь западный блок. В восточной стене юго-восточного тамбура также имеется разрыв. Это обстоятельство позволяет сделать предположение о возможности существования восточного жилого блока. Можно предположить, что он был разрушен более сильно и поэтому не прослеживался по микрорельефу. В раскоп он также не попал, так как раскоп был разбит по контуру стен, и площадь к востоку от здания не копалась. К сожалению, проверке эта гипотеза не подлежит. В любом случае сходство усадьбы Кг1 с поволжскими – несомненно.

Маджар

Несколько усадебных домов были раскопаны В.А. Городцовым (Городцов, 1911. С. 182-201), но не у всех была прослежена планировка. Фактически проанализировать можно только четыре здания. Дом 1 (Мдж1) был прямоугольным в плане размерами 10 x 8,4 м (рис. 153.1). Стены его, сложенные из сырца, имели толщину 70 см. Постройка прямоугольная в плане Поперечная стена разделяла пространство на квадратную в плане жилую комнату размерами 6,5 x 6,3 м и хозяйственное помещение размерами 6,5 x 2,1 м. Вход в дом находился с юго-восточной стороны из него можно было попасть в обе комнаты. В хозяйственном помещении у входа был сделан порог, выложенный обожженными кирпичами в 2 ряда. Основная площадь пола была

обмазана глиной. В жилой комнате вдоль стены, служившей перегородкой, была сделана прямоугольная суфа. Остальное пространство комнаты занято полом, полностью выложенным обожженными кирпичами. У западной стены, как раз у ее середины находилась тошна. Раковина ее сделана из каменной плиты с вырезанной в ней восьмилучевой звездой с отверстием в центре. Между плитой и кладкой пола были проложены голубые изразцы.

Дом Мдж6 ориентирован осью по линии С-Ю. Размеры его составляли 10,7 x 6,5 м (рис. 153.2). Сырцовые стены его имели толщину 90 см, вход находился с восточной стороны. Он вел в большую комнату размерами 6,3 x 5,1 м, которая соединялась с меньшим помещением, размеры которого составляли 6,3 x 2,1 м. В южной стене большой комнаты по центру была сделана ниша. Полы в комнатах были глинобитными, гладкими. Вдоль восточной стены была прослежена ровная глинобитная площадка (9,2 x 2,1 м), которая по предположению В.А. Городцова, служила верандой (Городцов, 1911. С. 194).

В.А. Городцовым были раскопаны еще два дома из сырца более сложной планировки. Дом Мдж2 имел размеры 10,7 x 9,2 м. Внутреннее пространство дома было поделено стенами на три комнаты (рис. 154.1). Длина всех комнат (по оси запад-восток) 7,8 м, ширина соответственно 2,1 м, 2,5 м и 2,6 м. Полы всех комнат – глинобитные. Вход в помещение 1 сделан с южной стороны. Из помещения 1 проход вел в помещение 2, лишенное каких-либо внутренних конструкций. На полу здесь были найдены фрагменты изразцовых мозаик. Возможно, в древности ими были декорированы стены. Вход в комнату 3 находился по центру западной стены. Напротив входа, у восточной стены, сделана прямоугольная суфа шириной 2,5 м. Перед ней у северной стены комнаты находился очаг, от которого в толще суфы проложен кан. Вертикальный дымоход этого кана находился в части северной стены, выступающей к востоку за пределы здания.

Стена, разделяющая помещения 2 и 3 имела продолжение к западу от западной стены дома. Это обстоятельство позволило В.А. Городцову предположить, что с западной стороны находилась «наружная терраса», то есть айван (Городцов, 1911. С. 187). К югу от основного объема здания на плане изображены еще две стены, которые являются как бы продолжением восточной и западной стен. Судя по плану, три раскопанных помещения являются только частью большого многокомнатного усадебного дома.

Дом Мдж7, исследованный на монастырской земле (рис. 154.2), был почти такого же плана (Городцов, 1911. С. 198-201). Стены его, 70 см толщиной, сложены из сырцов. Основной объем здания имел размеры 16,5 x 8,5 м и был разделен внутри на три комнаты почти одинакового размера. Длина всех комнат (по оси север-юг) составляла 6,4 м. Помещение 1 имело ширину 3,6 м, помещения 2 и 3 – 4,9 м. Вход в здание был только один, он сделан в восточной стене у ее северного конца. Проходы в меридиональных стенах соединяли все три помещения между собой, причем

оси проходов не совпадали. Это было сделано, чтобы избежать сквозняков. Во всех комнатах вдоль стен были сложены суфы. В помещении 1 широкая (2,4 м) суфа была пристроена к северной стене, а вдоль остальных сделаны узкие суфы – скамьи. Северную часть помещения 2 занимала суфа шириной 1,7 м, а вдоль остальных стен шли узкие (60 см) суфы. В третьей комнате широкая (2,1 м) суфа пристроена к южной стене, а вдоль восточной сделана узкая. Пол во всех комнатах был глинобитным.

Меридиональные стены выходили за пределы южной стены и имели продолжение к югу. Это позволило В.А. Городцову предположить, что с южной стороны дома находилась «веранда» (айван). К востоку от дома находилось интересное сооружение, которое являлось частью кухни. Оно представляло собой глинобитную тумбу размерами 5 x 4,3 м и высотой 70 см. В ее массиве находились две печи с коленчатыми дымоходами и тандыр. В.А. Городцов справедливо считал, что глинобитное сооружение находилось под одной крышей с жилым домом и образовывало как бы четвертую комнату этого дома (Городцов, 1911. С. 201).

Таким образом, дом 2 и дом 7 имеют сходную планировку в виде прямоугольного здания, разделенного внутри на три вытянутых помещения, примыкающих друг к другу длинными стенами. С передней стороны этих домов находились айваны. Однако, отнести эти дома к определенному типу планировки можно только предположительно, так как эти здания являются только частью больших усадебных комплексов.

Городище Жайык

Городище Жайык, расположенное на реке Урал в Западном Казахстане, также имело усадебную планировку. Главные дома четырех усадеб были раскопаны полностью или частично (Байпаков, Смагулов, Ахатов, 2005. С. 72-85). Здание «Малой усадьбы» (ЖГ1) было прямоугольным размерами 10,5 x 8,0 м (рис. 155.1, 156.1). Стены толщиной 70 см сложены из сырцового кирпича и покрыты глиняной штукатуркой как внутри, так и снаружи. Здание состояло из двух секций, в каждой из которых было три комнаты. В северной части находились прихожие, размеры которых составляли 3,2 x 2,4 м. В восточной прихожей (пом. 3) была сделана Г-образная суфа и тошна в полу. В западном помещении 6 в полу находились хозяйственные ямы. Далее к югу располагались жилые комнаты (пом. 2 и 5), с суфами, канами и печкам. Размеры их 3,7 x 3,2 м. Самыми северными в ряду были небольшие комнаты (1 и 4), служившие кладовками. Помещения в секциях соединялись скользящими проходами вдоль центральной стены, разделяющей здание. Здание явно построено по единому плану, секции зеркально симметричны, некоторые различия наблюдаются только в интерьере комнат.

Здание «Большой усадьбы» (ЖГ2) имело размеры 20 x 8,5 м и было вытянуто в меридиональном направлении (рис. 155.2, 156.2). Оно также было построено из сырцового кирпича и имело оштукатуренные стены. В южной части его находилось большое квадратное помещение 1. В него можно было

попасть со двора через скользящий проход в северной части восточной стены. Помещение было жилым с большой П-образной суфой, в которую был встроены тандыр с каном. Пол был вымощен кирпичом, на нем стояла большая кирпичная печь. На суфе были сделаны два небольших очага – сандала. Скользящий проход в северной стене соединял эту комнату с небольшим узким помещением 2, восточную часть которого занимала большая прямоугольная суфа. Симметрично южному помещению 1 располагалось северное помещение 3, которое также соединялось с двором скользящим проходом в восточной стене. Внутренние конструкции его прослежены не были. К восточной стене комнаты 1 пристроено небольшое узкое помещение 4 в виде открытого во двор айвана. В нем находились две небольшие печи и, скорее всего, оно являлось летней кухней.

Дом усадьбы № 3 (ЖГ3) представлял собой сильно вытянутую в широтном направлении постройку размерами 20 x 8 м (рис. 155.3), построенную в той же технике. Она раскопана частично, поэтому планировку ее можно определить только в общих чертах. С западной стороны находился блок, состоящий из квадратного жилого помещения с суфой и каном и небольшой прямоугольной комнаты, которая, скорее всего, являлась кладовкой. Точно такой же блок из двух комнат (пом. 6 и 7), квадратной и прямоугольной, находился в восточной части комплекса. В описании указывается, что большее помещение 6 имело проход в западной стене, который впоследствии был заложен (Байпаков, Смагулов, Ахатов, 2005. С. 78). Средняя часть здания занята обширным помещением 3, в котором выделены две небольшие (2 x 2 и 2 x 3,5 м), хозяйственные комнаты (пом. 5 и 4). К сожалению, неполная изученность комплекса позволяет проанализировать его планировку лишь в общих чертах. В нем выделяются два блока помещений симметричных относительно меридиональной оси. Между ними находится обширный внутренний двор, в котором, возможно несколько позже, была отделена восточная часть, и были устроены хозяйственные помещения 4 и 5. На это косвенно указывает закладка прохода в западной стене пом. 6. Если это предположение верно, то дом усадьбы ЖГ3 является почти полной копией усадебного дома на Водянском городище (Вг1), в котором также было две секции, состоящих из жилого и хозяйственного помещений, расположенных с двух сторон от внутреннего двора.

Усадьба № 4 (ЖГ4) представляла собой обширный (30 x 30 м) комплекс, состоящий из 13 помещений, которые относятся к двум или более строительным периодам (рис. 157). Здесь выделяется западный жилой блок из трех помещений (1-3), соединенных скользящими проходами и образующими анфиладу. Все помещения жилые, в двух из них (2, 3) были сделаны П-образные суфы с тандырами и канами. В третьем (1) суфа была не отапливаемой. Еще два жилых помещения 9 и 10 с суфами и канами исследованы южной части здания. Они пристроены друг к другу по меридиональной оси. Четыре комнаты (4-8) в центральной части комплекса были лишены каких

бы то ни было внутренних конструкций. Все они имели глинобитный пол, в котором встречались хозяйственные ямы. В помещении 4 был выкопан колодец. Возможно, первоначально все эти комнаты были объединены и образовывали обширный хозяйственный двор.

Во втором периоде на востоке пристроен блок из трех помещений. К жилому отапливаемому помещению 11 с востока примыкала небольшая кладовка, и вместе они образовывали блок, подобный восточной и западной секциям усадьбы Жг3. К югу от них находилось обширное помещение 13, в котором находилась суфа с каном и большая печь, сложенная из сырцов и обожженных кирпичей. В полу были выкопаны хозяйственные ямы. Во втором периоде на севере пристраиваются помещения 5а и 6. Структура всего здания в целом достаточно произвольна, однако отдельные его части имеют вполне четкий законченный план.

Классификация планировки усадебных зданий и их генезис

Таким образом, в настоящее время исследовано достаточно большое число усадебных зданий. Наличие этого материала дает возможность рассмотреть некоторые закономерности формирования усадебных зданий в Золотой Орде и создать их предварительную классификацию.

По строительной технике постройки можно разделить на три большие группы:

I. Здания, состоящие из механически соединенных ячеек, каждая из которых представляет собой однокомнатный монгольский дом.

II. Многокомнатные монументальные здания, построенные по единому плану.

III. Многокомнатные монументальные здания – конгломераты, состоящие из нескольких, пристроенных друг к другу частей, каждая из которых имеет упорядоченную планировку.

Типы усадебных домов отличаются взаимным расположением комнат. К I группе относятся следующие типы зданий (рис. 158):

1. Квадратный (или близкий к квадрату) однокомнатный дом. В этом случае центральное здание усадьбы состоит из одной единственной ячейки. Как уже упоминалось, такая планировка характерна для жилищ рядового населения городов Золотой Орды. Однако, подобная постройка может быть центральным домом и в сравнительно зажиточной усадьбе (усадьба Цг2, II период).

2. Ячейки располагаются в одну линию, между собой они не соединяются, каждая имеет отдельный выход, причем двери обращены обычно в одну сторону. Усадебные дома этого типа были раскопаны в восточном пригороде Нового Сарая (Цг1, Цг2) и в усадьбе «дома с юртами» (Цг4). Кроме того, в усадьбах Цг6, Цг7, Сг1, Сг2 по такому плану были построены дома для челяди и слуг. Они не рассматривались в работе подробно, так как не являлись центральными домами усадьбы.

3. Ячейки пристроены друг к другу с различных сторон, беспорядочно. Такие дома-конгломераты образуются при постепенном расширении однокомнатных домов. Таковы дома усадеб Цг2 (с учетом пристроенных мастерских), многокомнатный дом в усадьбе Цг3, дом или комплекс домов в усадьбе Цг4.

4. Два однокомнатных дома расположены друг против друга, интерьеры их зеркально симметричны. Таковы дома в усадьбе Цг1 в первом периоде.

5. Два однокомнатных дома расположены друг против друга, зеркально симметричны и соединены стенкой, образующей айван. Этот тип логически вытекает из предыдущего. К этому типу относится дом усадьбы Цг5.

6. Дома с внутренним двором. Помещения в них располагаются по периметру двора, причем жилые комнаты находятся с восточной и западной сторон, а с южной и северной сторон расположены хозяйственные клетки и тамбуры. Вход в дом сделан с южной стороны и ведет во двор. По этому плану построены усадьбы Вг1, Цг6 и, возможно, Жг3.

II группу составляют постройки четырех типов (рис. 159):

0. Простейшим типом многокомнатного усадебного здания является двухкомнатный дом, состоящий из квадратной в плане жилой комнаты и пристроенной к ней небольшой кладовки или хозяйственного помещения. Такую планировку имеют дома усадеб Мдж1 и Мдж6. Еще один дом такой же планировки раскопан в Маджаре в торгово-ремесленном районе (Маджар..., 2015. С. 41-42, рис. 30-32). Двухкомнатные дома, состоящие из квадратной в плане жилой комнаты и небольшого узкого хозяйственного помещения типичны именно для Маджара. В Нижнем Поволжье преобладают другие типы домов (Егоров, 1970; Зиливинская, 2008; 2010а; 2011б). Однако, в «двойном доме» на Водянском городище есть две одинаковые секции, каждая из которых состоит из квадратной комнаты с суфой и каном и узкой хозяйственной комнатки (Мухамадиев, 1974). Секции находятся с двух сторон внутреннего двора, поэтому весь дом в целом относится к дворовому типу планировки. Но каждая секция сама по себе идентична двухкомнатным маджарским домам. Еще один дом сходного плана был исследован в районе общественного центра Сарая (Селитренного городища). Он находился к северу от Джума мечети и общественной бани (Зиливинская, 1994. С. 114-118). Остальные типы домов данной состоят из нескольких комнат (больше двух) и имеют более развитую планировку. Они представляют собой две линии развития двухкомнатного дома. В первом случае разрастание здания идет по двум осям (типы II.1 и II.2)

1. Прямоугольные в плане здания, разделенные взаимно перпендикулярными стенами на несколько помещений. Планировка этих домов довольно проста и, в то же время, очень логична. Таковы центральные дома усадеб Хт1, Кг1 в I периоде и, вероятно, Цг7 в I периоде.

2. Здания с парадным залом, расположенным на центральной оси здания. К типу II.2 относятся самые богатые дома. Их отличает наличие большо-

го количества помещений, их функциональная дифференциация, сложный, хорошо разработанный план. В то же время, нельзя не заметить сходство домов типа П.2 с домами типа I.6. Их генетическая связь особенно четко прослеживается на примере усадьбы Сг1 в последний период ее существования, когда центральный зал стал выполнять функции внутреннего двора, а жилая часть здания была разделена на отдельные жилые блоки, сходные по своему содержанию с домами – «ячейками». Этот тип в свою очередь можно разделить на два подтипа, которые различаются по форме парадного зала.

2А. Здания с прямоугольным залом, вытянутым вдоль оси С-Ю. Это квадратные в плане постройки, объем которых разделен меридиональными стенами на три ряда помещений примерно одинаковой ширины. Средний ряд имеет открытый во двор айван или закрытый тамбур с южной стороны. К северу от него находится прямоугольный зал для приемов. К северу от зала может быть еще один айван или тамбур. С запада и востока от этого ряда помещений находятся жилые комнаты и помещения различного назначения. Классическим примером зданий этого типа являются дома усадеб Сг1, Сг2, вероятно усадьба Цг7 во II периоде.

2Б. Здания с квадратным парадным залом, соединенным с одним или несколькими айванами. Это прямоугольные в плане постройки, вытянутые в широтном направлении. В них выделяется средний ряд помещений, который состоит из открытого во двор айвана, соединяющегося непосредственно или через тамбурные помещения с квадратным залом, в северной части которого находится парадный айван. По бокам этого айвана находятся две небольшие комнаты. Остальные помещения расположены в несколько рядов с восточной и западной сторон от центральной анфилады помещений. К нему относятся усадьбы Сг3, Аг1, Аг2. Влияние этого типа можно усматривать и в планировке дома усадьбы Кг1 во II периоде. Если же в этой усадьбе была восточная часть, которая была разрушена или по каким-то причинам не раскопана, здание Кг1 однозначно относится к типу П.2Б.

3. Здания линейной планировки, построенные по единому плану, состоящие из помещений различного назначения. Здания могут иметь один вход, тогда все комнаты соединены между собой по принципу анфилады. Или же часть помещений имеет свои отдельные выходы. Такая планировка характерна для жилищ Западного Казахстана, но может присутствовать и в других регионах. Тип можно разделить на два подтипа.

3А. Помещения вытянуты в одну линию (собственно линейная планировка). По такому принципу построен дом усадьбы Жг2, в котором два помещения образуют единый блок, а третье отделено от них. Три помещения восточного блока усадьбы Жг4 образуют анфиладу. Линейную планировку имело здание усадьбы Сг4 в I периоде. В Маджаре две усадьбы, раскопанные В.А. Городцовым (Мдж2 и Мдж7), состояли из трех, соединенных между собой комнат. Правда, в отличие от комнат в усадьбах Жайыка, помещения были

сильно вытянуты в поперечном (относительно длинной оси здания) направлении.

ЗБ. Удвоенная линейная планировка. Здание состоит из двух линий помещений, которые зеркально симметричны. Наиболее ярко выражен этот принцип в усадьбе ЖГ1, дом которой состоит из двух зеркально симметричных анфилад помещений. Северный жилой блок дома усадьбы СГ4 также состоит из двух линий жилых комнат, которые разделяет узкий коридор. Но здесь каждая комната имеет отдельный выход в коридор, то есть, как бы олицетворяет отдельное жилище. Поэтому этот блок, скорее является модификацией типа I.2.

К III группе относятся дома одного типа (рис. 159):

1. Здания асимметричной планировки. Они представляют собой дома-конгломераты, состоящие из нескольких пристроенных друг к другу блоков, каждый из которых представляет собой здание с капитальными стенами. В таких зданиях также может находиться парадный зал, но он расположен не по центральной оси здания. К этому типу принадлежат здания усадеб СГ4, КГ4 во II периоде и ЖГ4.

По мере накопления материала данная классификация, несомненно, будет уточнена и расширена, однако основные направления усадебного домостроительства Золотой Орды в ней представлены уже сейчас.

Интересно рассмотреть генезис золотоордынских усадебных домов. Мне представляется, что для разных типов он неодинаков.

Простейшим типом усадебного здания (тип I.1) является однокомнатный «монгольский» дом. Он же является элементарной ячейкой всех остальных типов зданий, относящихся к I группе. Такой дом возникает в результате трансформации юрты в стационарное жилище – процесс, который хорошо известен и неоднократно описан в этнографических исследованиях. При переходе к оседлому образу жизни бывшие кочевники или полукочевники, основным жилищем которых являлась сборно-разборная юрта (монг. *гэр*), состоящая из деревянного каркаса и войлочного покрытия, начинают строить стационарные жилища из других материалов – дерева, глины, камня (рис. 160).

Первоначально стационарные жилища сохраняли привычную круглую в плане форму, но применение твердых строительных материалов приводило к тому, что круг постепенно превращался в правильный многоугольник и затем – в квадрат. Например, в Китае известны жилища казахов квадратной формы с двускатной или плоской кровлей с земляной насыпью (Типы..., 1979. С. 189). В районах, богатых лесом, дома бревенчатые, в других – из сырцового кирпича или из глины на деревянном каркасе. В последних имеется возвышение, напоминающее суфу. Киргизы, населявшие Китай, строили квадратные в плане глинобитные дома с плоской крышей (Типы..., 1979. С. 190). В Акмолинской и Атбасарской областях Российской империи в XIX в. бедные киргизы жили в так называемых чучелах, круглых жилищах

из деревянных жердей, обложенных дерном, напоминающих по внешнему виду юрту (Харузин, 1896. С. 54). У поволжских калмыков известны круглые и восьмигранные жилища из камня (Житецкий, 1893. С. 24). В Туркмении, в Мервском оазисе, салыры Серахса, сарыки и эрсари строили круглые в плане камышовые жилища с куполообразной крышей. Такие юртообразные жилища известны с конца XIX в. и сохранились до наших дней в качестве хозяйственных построек. Г.П. Васильева, со ссылкой на С.Г. Агаджанова, выводит этот тип жилища от мазанок огузов X-XIII вв., напоминавших по форме кочевую юрту и известных по письменным источникам (Васильева, 1982. С. 197). Узбеки-дурмены, населявшие территории Южного Таджикистана и Узбекистана при переходе к оседлости в первой половине XX в. начинают строить глинобитные дома. Первые дома были однокамерными с закругленными стенами. Окна в них отсутствовали, очаг находился в центре земляного пола, дым выходил через отверстие в потолке (Борозна, 1966. С. 104-107). Автор отмечает, что точно такие же дома строили казахи и другие полукочевые узбеки. Интересно, что, имея своим прообразом юрту, многие из этих жилищ перекрывались плоской крышей, и лишь в районах с повышенной влажностью крышу делали двухскатной.

В северо-восточных районах Казахстана строились дерновые и саманные жилища круглой формы – *шошала* (рис. 162.1). До 70-х гг. XIX в. шошала были жилыми, а позже использовались как хозяйственные постройки (Наумова, 2000. С. 129-131).

Аналогичные явления наблюдались и у монголов (Кондратьева, 1935. С. 39; Щепетильников, 1960. С. 76; Майдар, 1971; Майдар, Пюрвеев, 1980. С. 50-56), причем стационарные жилища строились из различных материалов в зависимости от зоны обитания (рис. 160). В северной лесостепной части Монголии преобладали деревянные постройки, в южной степной и центральной частях – саманные, в западных горных районах – каменные. В районах Китая, населенных монголами (Внутренняя Монголия) прослежено несколько этапов эволюции стационарных юртообразных жилищ. В домах простейшей конструкции решетчатые стенки юрты утепляли тростником и обмазывали с двух сторон полужидкой смесью глины с рубленой соломой или травой. В восточной половине таких жилищ делалась обогреваемая дымоходными каналами лежанка. Иногда к круглой мазанке пристраивали хозяйственную пристройку без окон прямоугольного плана. Также с XII-XIII вв. получает распространение четырехугольное жилище (5 x 6 м) с глинобитными стенами и невысокой купольно-пирамидальной крышей (Типы..., 1979. С. 191-192)

В.Л. Егоров подробно рассмотрел строение квадратных в плане домов «монгольского» типа в Золотой Орде (Егоров, 1970. С. 180-188; Типы..., 1979. С. 211-214). Он разделяет квадратные в плане постройки на дома с деревянными стенами, дома с деревянными стенами на сырцовом цоколе и дома, часть деревянных стен которых стоит на сырцовом цоколе, а часть –

непосредственно на земле. Для возведения здания на выровненную землю или на цоколь укладывалась рама из бруса с выдолбленными в нем пазами. В пазы вертикально вставлялись доски, а по углам стен – толстые балки. Сверху вся конструкция закреплялась еще одной рамой аналогичной конструкции (рис. 161). Дощатые стены снаружи и изнутри обмазывались глиняным раствором. Крыши в таких домах, по мнению В.Л. Егорова, были четырехскатными с отверстием в зените (Егоров, 1970. С. 183).

В целом такая схема не вызывает возражений. Тем не менее, следует учитывать, что статья В.Л. Егорова написана более 35 лет назад и охватывает только некоторую часть раскопанных к тому времени жилищ Царевского городища. За прошедшие годы количество исследованных золотоордынских домов в Нижнем Поволжье неизмеримо возросло, и общая картина выглядит более сложной. Прежде всего, мне представляется, что кроме стен подобной конструкции, дома в Золотой Орде могли иметь стены из сырцового или обожженного кирпича. Утверждение В.Л. Егорова, что стены толщиной в 2 кирпича являются слишком хрупкими, чтобы выдержать перекрытие, не кажется убедительным, так как многие небольшие по объему сырцовые и глинобитные постройки Средней Азии имеют толщину стен около 40-60 см (Воронина, 1982. С. 51). К этому же выводу пришел и Г.А. Федоров-Давыдов, который выделяет однокомнатные дома со сплошными кирпичными и сырцовыми стенами (Федоров-Давыдов, 1995. С. 50-51). Также, как мне кажется, крыши в золотоордынских домах могли быть плоскими или с небольшим скатом.

Следует помнить, что все рассматриваемые дома датируются не серединой XIII в., когда происходил переход кочевого населения Золотой Орды к оседлой городской жизни, а второй-третьей четвертью XIV в., и построены они, скорее всего, при участии среднеазиатских мастеров. Об этом свидетельствует, в частности, формат кирпича, о чем пишет В.Л. Егоров (Егоров, 1970. С. 184). Для Средней Азии и Казахстана более характерна плоская форма крыши (Воронина, 1982. С. 49, 50). Интересно, что даже при трансформации кочевого жилища в стационарное, крыша в таких домах часто приобретает плоскую форму (например, Борозна, 1966. С. 107). Кроме того, далеко не все однокомнатные золотоордынские дома XIV в. квадратные в плане, многие из них имеют прямоугольную форму.

Интерьер «монгольского» дома, как, впрочем, и жилых помещений зданий других типов состоял из Г-образной или, чаще, П-образной суфы с очагом (тандыром) и каном, проходящим в толще одного из «крыльев» суфы вдоль стены или полукругом в ее толще. В.Л. Егоров считает П-образную суфу чисто монгольским изобретением. Он пишет, что глиняные суфы, известные в Средней Азии с раннего средневековья, по своей конфигурации существенно отличаются от золотоордынских, так как они обычно устраиваются вдоль всех четырех стен комнаты, оставляя только узкий проход для дверей (Егоров, 1970. С. 185). Здесь, мне кажется исследователь чрезмерно

категоричен, так как, наряду с «периметральными» суфами, являющимися непременным атрибутом парадных комнат, в жилых домах Средней Азии довольно часто встречаются и Г-образные и П-образные суфы (Гудкова, 1964. С. 52; Неразик, 1976. Рис. 105; Хмельницкий, 1992. С. 275; Хмельницкий, 1997. Рис. 110; Хмельницкий, 2000. Рис. 156, 160, 161, 163, 173, 174, 177, 188).

Обогревались золотоордынские дома системой отопления в виде канов, которые, по мнению В.Л. Егорова, были заимствованы монголами у джурджиней и киданей (Егоров, 1970. С. 185-187). Л.Р. Кызласов пишет, что наиболее ранние каны прослеживаются на Дальнем Востоке (в Приамурье, Приморье, в северной полосе Китая и в Корее) в раннем железном веке (Кызласов Л.Р., 1975; 2001. С. 86). В гуннское время они известны в Забайкалье и Монголии (Давыдова, 1956. С. 265). Каны, сложенные вдоль двух или трех стен помещений, найдены при раскопках городища Дён-терек и Каракорума XIII в. (Древнемонгольские..., 1965. С. 67, рис. 29, с. 78, рис. 41, с. 174, рис. 100, с. 178, рис. 103; Erdenbat, Pohl, 2005. S. 172-175).

Казалось бы, происхождение канов в Золотой Орде можно считать однозначно монгольским. Однако, недавно в Нижнем Поволжье, на городище Самосделка в слоях домонгольского времени были найдены дома, обогревавшиеся канами с топкой в виде тандыра. Авторы раскопок предполагают, что на городище Самосделка каны были принесены еще в домонгольское время огузским населением низовьев Сырдарьи (Васильев, Гречкина, Зиливинская, 2003. С. 87-107). В Южном Казахстане и Семиречье каны были известны еще в VII-VIII и X-XI вв., (Агеева, 1962. С. 148-149; Сенигова, 1962. С. 158-159; Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972. С. 69-74; Байпаков, 1986. С. 431; Чуйская..., 1950. С. 49, табл. XIX; Неразик, 1968. С. 203-204). Появление канов в Средней Азии в домонгольское время исследователи связывают с тюркизацией местного населения центральноазиатскими элементами сначала уйгурского, а затем – огузо-кипчакского происхождения (Неразик, 1972. С. 64-69; Ерзакович, 1983. С. 90). С.М. Ахинжанов и Л.Б. Ерзакович высказали предположение, что в нижневолжские города Золотой Орды каны могли быть занесены кимако-кипчакским населением из Южного Казахстана и Приаралья (Ахинжанов, Ерзакович, 1972. С. 69). С этим мнением категорически не согласен Г.А. Федоров-Давыдов, считавший, как и В.Л. Егоров, что появление канов в Золотой Орде связано исключительно с монгольским влиянием (Федоров-Давыдов, 1994. С. 75). Тем не менее, учитывая исследования Самосдельского городища, а также тот факт, что остальные элементы интерьера золотоордынского дома (тандыр, тошна) имеют среднеазиатское происхождение, мне кажется, не следует полностью отвергать гипотезу С.М. Ахинжанова и Л.Б. Ерзаковича. Кроме того, каны Забайкалья, Монголии и Северного Китая имеют несколько другое строение, чем каны в Золотой Орде. Стенки их сложены из вертикально поставленных каменных плит и перекрыты такими же плитами. Они проложены вдоль двух или трех

стен комнаты и часто имеют три канала. В Золотой Орде наиболее часто встречаются двухканальные каналы, сложенные вдоль одной стены комнаты или полукругом в толще суфы. Стенки их сделаны из сырцовых кирпичей и перекрыты сверху обожженными кирпичами или сырцами.

Очаги в большинстве золотоордынских домов представлены тандырами, которые известны в Средней Азии с неолита (Массон, 1959а. С. 7; 1959б. С. 15-17). Но там тандыры (тануры) чаще всего использовались для выпечки лепешек и других хозяйственных нужд и ставились либо во дворе, либо в специальных хозяйственных помещениях. В некоторых случаях они применялись и для отопления (Неразик, 1966. С. 74-76), причем на городище Баба-Ата X-XII вв. найдены тандыры, соединенные с каналами (Агеева, 1962. С. 151, 152, 158, 161, 171). Но все же, большее распространение в раннем средневековье в Средней Азии получили отопительные сооружения других типов (Воронина, 1963. С. 84-96; Якубов, 1982). Соединение тандыра, канала и П-образной суфы в единый комплекс, если и не является изобретением монголов, то, по крайней мере, становится главным и почти обязательным атрибутом «монгольского» дома и вообще большинства жилых помещений в Золотой Орде. Суфа в таких домах занимает значительную часть площади. В небольшом по площади глинобитном или вымощенным жженым кирпичом полу может быть сделано водосливное устройство – тошна.

Тошна (тошнау, ташна, ташнау), была заимствована, скорее всего, в Средней Азии, где она известна, с VIII в. в Варахше, Пенджикенте и Куве (Воронина, 1963. С. 92-93; Анарбаев, 1981. С. 95-109). Г.А. Федоров-Давыдов отмечал, что тошнау Средней Азии, в частности Афрасиаба, несколько отличаются от золотоордынских: глубина их достигает 5 м, часто они состоят из нескольких хумов, установленных друг над другом и колодцев под ними, там присутствует кубурный водопровод (Анарбаев, 1981. С. 95-109). Более близки к ним тошнау Хорезма домонгольского времени (Федоров-Давыдов, 1994. С. 75). В то же время водосливные колодцы, абсолютно идентичные золотоордынским и состоящие из хума без дна или ямы с кирпичной облицовкой и перекрытые сверху кирпичом с просверленным отверстием (в Варахше – жерновом), встречаются во многих городах Средней Азии, например, в Пайкеде, Султан-кале, Хульбуке, Варахше (Мухамеджанов и др., 1988. С. 67, 73; Лунина, 1969, с. 119-122; Анарбаев, 1981. С. 106-109; Хмельницкий, 1992. С. 207; Он же, 2006. С. 43-44). Таким образом, большая часть элементов интерьера «монгольского» дома была заимствована в Средней Азии.

Дома типа I.1, несомненно, могли служить жилищами большой патриархальной семьи. Дома, состоящие из одного жилого помещения, хорошо прослеживаются по этнографическим параллелям вплоть до первой половины XX в. А.К. Писарчик приводит данные о домах Самарканда, в которых жилая ячейка состояла из одного жилого помещения – хона или из одной комнаты и передней или из комнаты, передней и айвана. В жилой комнате

часть пола, примыкавшая к выходу, представляла собой прямоугольное углубление, занимавшее примерно 1/3 комнаты. Здесь снимали обувь и здесь же находились яма-поглотитель (ташнау) и очаг. Дома подобного плана известны в Фергане и Андижане (Давыдов, 1969. С. 100), в Ташкентском оазисе в среде как земледельческого, так и кочевого населения (Жилина, 1995. С. 252, 253), у таджиков бассейна Зеравшана (Воронина, 1953. С. 183). Однокомнатные дома характерны для населения Южного Туркменистана (Архитектура туркменского..., 1953. С. 10, 15. Рис. 17, 57) и туркмен левобережного Хорезма (Вайнберг, 1959. С. 31-32; 1960. С. 115 и сл.; 1982. С. 179 и сл.). Однокамерные жилища Марыйской области перекрывались полусферическими или сфероконическими куполами, что, вероятно, указывает на их родство с юртообразными купольными постройками круглого плана (рис. 162.2).

Детали интерьера в различных районах Средней Азии, естественно, были различны. А.Н. Жилина приводит описание жилого помещения узбекского дома в Южном Казахстане, которое удивительно напоминает устройство золотоордынского дома: «Жилая комната чаще всего была квадратной, в центре стояла колонна (устун), которая поддерживала основную балку потолка (хары). Около входа имелось небольшое углубление – водослив, покрытый кирпичами или каменной плитой, сюда же выходило поддувало от очага, который вмазывался в возвышенную часть пола комнаты. Очаг, представлявший собой слепленную и частично обожженную корчагу без дна... готовили отдельно, а затем устанавливали в комнате так, чтобы верхнее отверстие находилось на уровне возвышенной части пола. От очага, называемого «земляной очаг» (ер-учак, ер-тандыр), под суфой проходил дымовой канал (кан), который соединялся с трубой в стене дома. В холодное время в таком очаге пекли лепешки, на нем готовили пищу, им обогревались. Для сохранения жара очаг сверху закрывали крышкой, слепленной из глины.» (Жилина, 1982. С. 146-147). От золотоордынского дома это жилище отличает только колонна, стоящая посреди комнаты на суфе и поддерживающая перекрытие. В Средней Азии такие колонны являются непременным конструктивным элементом ввиду дефицита пригодного для строительства дерева, что создает сложности при плоском перекрытии пролетов. Исследовательница отмечает, что в таком жилом помещении размещалась вся большая семья, состоявшая из родителей и женатых сыновей. Для женатых пар на ночь отгораживали занавесками углы комнаты, а остальные члены семьи спали вместе. Самое теплое место около очага предназначалось для стариков и маленьких детей. В этой же комнате готовили пищу, пекли лепешки, занимались шитьем, вышиванием и другими домашними делами. В холодное время около двери держали новорожденных ягнят и козлят (Жилина, 1982. С. 147). Вероятно, примерно таков же был быт населения Золотой Орды, жившего в однокомнатных домах.

Тип I.2 представлен домами, состоящими из цепочки поставленных в ряд помещений. Каждая отдельно взятая комната представляет собой монголь-

ский дом с П-образной суфой и каном. Такой тип построек хорошо известен как по археологическим материалам, так и по данным этнографии. С.Г. Хмельницкий опубликовал здание сельского жилища X-XI в. близ городища Утурлы-тепе в Ташкентской области. Прямоугольное в плане, оно состояло из четырех комнат, каждая из которых имела собственный выход во двор. Его линейную планировку он называет «необычной» (Хмельницкий, 1992. С. 273-274). По мнению Е.Е. Неразик, дома линейного плана появляются на территории Хорезма вместе с возникновением сырцовых и глинобитных жилищ, то есть в V-IV вв. до н. э. (Неразик, 1982, с. 166). Известны они в Хорезме XIII-XIV вв. (рис. 163). Например, в окрестностях Шахрлика были исследованы сельские поселения, в которых преобладали жилища в виде поставленных в один ряд помещений с изолированными выходами; иногда комнаты в них располагались под углом (Неразик, 1976. С. 141). Сходную планировку имели сельские усадьбы близ Бутен-тау, Ак-калы, Дэв-калы, Акча-Гелина (Неразик, 1976. С. 128-130, 153-157, 190; 1982. С. 166-175).

Тем не менее, эта планировка не является специфической для Хорезма, а «отличает жилища оседавшего на землю кочевого и полукочевого населения, и этнографы фиксируют такие жилища везде, где происходит этот процесс» (Неразик, 1982. С. 166). Большинство исследователей считает, что дома такой планировки возникают при выделении отдельных помещений для малых семей при общем сохранении целостности большой патриархальной семьи. Линейная планировка жилищ XIX-XX в. известна у таджиков бассейна Зеравшана (рис. 164.1) и высокогорного Ягноба (Воронина, 1953. С. 183; Мамаджанова, 1981. С. 98-111; Хамиджанова, 1982. С. 228-229); у оседлого и полукочевого населения Ташкентского оазиса (рис. 164.3) (Жилина, 1995. С. 252, 253); у узбеков-дурменов Бабатага и Кафирнигана (Борозна, 1966. С. 105-107); в туркменском народном жилище, как в самой Туркмении (рис. 164.4), так и на территории левобережного Хорезма (рис. 164.2) (Архитектура туркменского..., 1953. С. 11, 15-16, 21. Рис. 5, 20, 21, 27, 28; Васильева, 1982. С. 193-196; Вайнберг, 1959 с. 31-32; 1960. С. 115 и сл.; 1982. С. 179 и сл.).

Необычайно интересны жилища сарыков Марыйской области. Здесь были обнаружены жилые дома, построенные в 1915-1916 гг., квадратные в плане помещения которых перекрыты куполами. Некоторые из зданий имели линейную планировку (рис. 164.5), «причем каждое помещение является как бы самостоятельным архитектурным объемом, примыкающим один к другому и имеющим самостоятельный вход со двора» (Архитектура туркменского..., 1953. С. 26). Исследователи отмечают, что «внешний облик этих домов в высшей степени оригинален. Силуэт определяют разнообразно сочетаемые купола. Однокупольные дома строго центричны; они напоминают средневековые и поздние центрические мавзолеи, которые так типичны для северо-хорасанского зодчества; при многокупольном решении создается

ритмическое повторение сферических и сфероконических форм» (Архитектура туркменского..., 1953. С. 26).

В простейшем случае дома линейной планировки состоят из ряда одинаковых жилых комнат с отдельными выходами, обращенными в одну сторону (как в Золотой Орде). При усложнении плана в ряд помещений включают прихожую, хозяйственные комнаты, комнату для гостей (михманхону), айваны и загоны для скота. В этом случае некоторые помещения могут соединяться между собой.

В некоторых регионах Средней Азии дома, состоящие из цепочки отдельных комнат, доживают до наших дней. Например, они зафиксированы в Кызылординской области Казахстана. Здесь в сельских усадьбах всегда имеется две жилых постройки – основной многокомнатный дом и небольшой летний дом, так называемая «временка». Временка всегда состоит из двух-трех комнат, расположенных в линию. Иногда комнаты соединяются между собой, а в некоторых случаях они изолированы и каждая имеет отдельный выход во двор (рис. 165).

Несомненно, в Золотой Орде, часть населения которой состояла из оседавших на землю кочевников, происходили те же процессы и усадебные постройки типа I.2 могли возникнуть самостоятельно при расширении домов типа I.1. Кстати говоря это хорошо видно при разборе перестроек в усадьбах Цг1 и Цг2.

Золотоордынские дома типа I.3 также возникают при расширении квадратного «монгольского» дома за счет пристройки новых жилых, хозяйственных и производственных помещений. Но здесь расширение пространства здания происходит произвольно, в разных направлениях. Вряд ли стоит искать истоки этого типа жилищ, так как их строение свидетельствует лишь об отсутствии планировочного замысла и низкой строительной культуре.

Очень интересен, на мой взгляд, тип I.4, представленный двумя однокомнатными квадратными «монгольскими» домами, поставленными в ряд на некотором расстоянии друг от друга. Несмотря на то, что это два отдельных дома, они образуют единый архитектурный комплекс, так как стоят на одной линии и интерьеры их зеркально симметричны. Вообще следует отметить, что стремление к зеркальной симметрии является характерной чертой золотоордынской жилой архитектуры. Почти абсолютное тождество левой и правой частей здания при проведении мысленной оси через их середину мы можем наблюдать в усадебных зданиях Цг1 и Цг2 во II периоде, Цг5 в I периоде, Цг6 во II периоде, Вг1, Жг1 и Жг2. Очень четко этот принцип прослеживается в усадьбе Сг2, в которой изначально комнаты, расположенные с западной стороны центрального ряда помещений, были практически идентичны покоям восточной части. Все изменения и перестройки в этом здании произошли позже и явились результатом каких-то процессов, происходящих в семейной общине. Показательно, что даже при ремонтах и перепланировках интерьеры наиболее парадных юго-восточного и юго-за-

падного помещений сохранили свое тождество. В усадебном здании Сг4, также можно выделить жилой комплекс, который был пристроен с северной стороны к основному объему здания во II периоде. Он состоит из трех пар одинаковых комнат, расположенных с восточной и западной сторон разделяющего их коридора. Интересно, что почти во всех случаях ось симметрии направлена по линии С-Ю. Только в усадьбе Сг1 она имеет направление З-В, а в усадьбе Вг1 – СЗ-ЮВ.

Если рассматривать архитектуру Востока в целом, впрочем, как и всю остальную архитектуру, соблюдении симметрии в архитектурных ансамблях является общим принципом. Но он применяется обычно в культовых, общественных и мемориальных постройках, а также в дворцовых зданиях, которые сочетали в себе функции жилища знати и административного управления. Как отмечал С.Г. Хмельницкий: «Чем выше был общественный статус сословия, тем отчетливей в его жилой архитектуре заметно преобладание монументально-репрезентативных форм, воплощающих официально-властные функции владельца и его богатство. Наоборот, в жилищах средних и низших сословий определяющей была бытовая функциональность, которая выражалась в свободной асимметрии планировки и уменьшении (или даже отсутствии) архитектурной репрезентантности.» (Хмельницкий, 1992. С. 211, 212). Как мы видим, принцип симметрии, который является одним из признаков «архитектурной репрезентантности», в Золотой Орде распространяется даже на небольшие, сравнительно бедные и архитектурно неразработанные постройки. Мне представляется, что принцип этот мог быть заимствован монголами в архитектуре Китая.

Планировочные и конструктивные каноны китайской архитектуры сложились уже в III в. и продолжали существовать почти в неизменном виде, по крайней мере, до первой половины XX в. К ним относится идея архитектурного ансамбля, состоящего из многих (нескольких) отдельных павильонов, расположенных определенным образом. В основе архитектурных ансамблей городов, дворцовых и монастырских комплексов лежит четкая прямоугольная планировка с ярко выраженной осью симметрии, имеющей направление С-Ю (рис. 172). Все постройки или группы построек должны быть строго симметричны относительно этой оси и обращены входами на юг (ВИА, 1971. С. 332, 351-353, 363, 392-395; Ащепков, 1959. С. 64; Лоу Цинси, 2002. С. 19-21; Xiao Mo, 1999. P. 24-36). Конечно, в усадьбе Цг1 нет ничего китайского и довольно странно сравнивать крайне скромную постройку с китайскими дворцовыми комплексами, но в ней применен принцип зеркальности, который, как мне кажется, был заимствован монголами в китайской архитектуре.

Тип I.5 представлен постройкой Цг5, состоящей из двух «монгольских» домов, соединенных тонкой стенкой, образующей между ними айван. Кстати говоря, интерьеры этих домов также зеркально симметричны. Айван – помещение, открытое с одной стороны, известен на Востоке с древних

времен. Как часть дворово-айванной композиции он прослеживается в дворцовых зданиях сасанидского Ирана и Халифата времен Омейядов и Аббасидов. Наиболее ранними образцами этой системы считаются дворцы в Мари (XVIII в. до н. э.) и Хорсабаде (VIII в. до н. э.) (Хмельницкий, 2000. С. 55). По сторонам айвана обычно находятся две боковые комнаты, которые либо связаны с ним, либо также соединяются с двором. Дворцовые здания дворово-айванной композиции появляются в Средней Азии в доисламское время и продолжают существовать вплоть до позднего средневековья (Хмельницкий, 1992. С. 212-274; 1997. С. 9-131; 2000. С. 55-189). Жилые здания с айванами более простого плана археологически изучены гораздо хуже. В качестве примера, пожалуй, можно привести только жилой дом XI-XII вв. в Салиабаде, недалеко от Термеза (Хмельницкий, 1997. С. 144-146, рис. 132). Он состоял из двух квадратных в плане комнат, разделенных продолговатым сводчатым айваном. Правда, С.Г. Хмельницкий считает, что это не все здание, а только его парадная часть, которая соединялась с двором, обстроенным другими помещениями (Хмельницкий, 1997. С. 146).

Айван, как часть обычного жилого дома, хорошо известен в архитектуре Средней Азии более позднего времени. Как отмечала В.Л. Воронина, в условиях жаркого климата айван играл огромную роль в организации жилого пространства. Часто он выполнял роль прихожей, а летом использовался для работы, сна и отдыха. Исследовательница выделяет два вида айвана: углубленный между комнатами айван-лоджия и айван-галерея, который ставится перед фасадом здания, затеняя его от солнца (Воронина, 1982. С. 54). В Золотой Орде прослеживается айван-лоджия, хотя, вероятно, существовал и айван-галерея (например, перед южным крылом здания медресе или ханака на Селитренном городище). Дома, состоящие из двух жилых помещений, разделенных айваном, подобные дому усадьбы Цг5, являются распространенным типом городского и сельского жилища в районах Шахриябса, Самарканда, Ташкента, Хивы, Ленинабада (рис. 166.1-3) (Лавров, 1950. С. 136; Воронина, 1951б. С. 19-20; 1982. С. 54-56; Пугаченкова, 1966. С. 142-143; Пугаченкова, Ремпель, 1965. С. 384-385; Жилина, 1995. С. 252). Известен такой план жилища и в Таджикистане (рис. 166.4) (Воронина, 1959. С. 15-16; Мухиддинов, 1982. С. 220-221). Таким образом, айванная планировка проникла в Золотую Орду, несомненно, из Средней Азии.

Планировка домов с внутренним двором (тип I.5) имеет давние традиции, как в жилой, так и в парадной архитектуре. Во дворцах Крита (Фест, Кносс) II тыс. до н. э. были внутренние дворы, которые использовались для культовых целей (ВИА, 1970. С. 170-180). В Месопотамии исследован дворец «А» в Кише (III тыс. до н. э.) с рядом внутренних дворов. Очень большие дворы имел дворец в Мари начала II тыс. до н. э. Жилые дома этого времени в Месопотамии также группировались вокруг двора (ВИА, 1970. С. 202-203). Внутренние дворы прослеживаются в Южном дворце Навуходоносора VI в до н.э. в Вавилоне, в сирийских дворцах I тыс до н. э., дворцах Урарту

VII-VI в. до н. э. (ВИА, 1970. С. 218, 247, 262-264). В парфянских дворцах Ашшура, Ниппура и Кухи-Ходжа помещения окружали перистильные дворы и дворы с айванами (ВИА, 1970. С. 322-333). Сасанидские дворцы в Фирузабаде, Сараистане и Каср Ширин имели дворово-айванную планировку (ВИА, 1970. С. 335-337; Godard, 1962. P. 221-222).

В античном мире дворовая планировка была присуща жилищам зажиточных горожан. В Греции классического периода все жилые и хозяйственные постройки группировались вокруг открытого двора, в эллинистический период получает распространение перистиль – двор, окруженный галереями. В Риме сохраняется перистиль, но к нему добавляется еще и атриум – двор частично или полностью перекрытый крышей галерей, идущих по периметру (ВИА, 1973. С. 151, 321-323, 463-464).

Принцип группировки помещений вокруг внутреннего двора был перенят арабами и использован дворцах Омейядов (Каср Харана, Мшатта, Хибрат ал-Маджафар и др.), Аббасидов (Ухайдир, Самарра и др.) и более поздних мусульманских постройках (Stierlin, 1996. P.63-85; Hillenbrand, 1994. P. 377-463, 568-597). Дворовая планировка распространилась по всему арабскому миру вплоть до Испании, где сохранились такие шедевры мавританского дворцового зодчества как Мадина ал-Сахра возле Кордовы (X в.), дворцы Алаферия в Сарагосе, Алкасаба в Малаге (XI в.), Альгамбра и Генералифе в Гранаде (XIII-XIV вв.) (Stierlin, 1996. P.105-110; Barrucand, Bednorz, 1992. P. 60-106, 121-127, 183-211).

В Средней Азии также была распространена планировка зданий с внутренним двором. В античное время она представлена «Квадратным домом» в Нисе (II в. до н.э.) и зданием Кызыл-кыр (II-I в. до н.э.) (Пугаченкова, 1958. С. 69-78; Хмельницкий, 2000. С. 66-67). Для доисламского времени С.Г. Хмельницкий выделяет четыре типа планировки замков и усадебных зданий: 1) замки с большим внутренним двором в окружении цепочки помещений; 2) замки центрической планировки, ядром которых служит расположенный в центре парадный зал; 3) замки центрической планировки, ядром которых служит расположенный в центре небольшой распределительный холл; 4) замки ассиметричной планировки (Хмельницкий, 2000. С. 66-67). В качестве примеров доисламских зданий дворового типа можно привести усадьбу «с» близ Аяз-калы и усадьбы 4 и 5 Якке-парсанского оазиса в Хорезме, замки Балалык-тепе и Хайрабад-тепе у Термеза, усадьбу Баба-тепе в Чаганиане, замки Нагим-кала большая и Кыз-кала большая в Мервском оазисе, Ханабад-тепе у Ташкента (Пугаченкова, 1958. С. 132-137; Неразик, 1976. С. 62-66; Хмельницкий, 2000. С. 76, 78-79, 82, 100-105, 109-110).

Дворовая композиция сохранялась в Средней Азии и в последующее время (рис. 167, 168). В IX-X она прослеживается в Хутгале во дворце Хульбука и в усадьбе на городище Сайёд, где помещения группировались вокруг больших гипостильных дворов, в дворцовом здании Акыр-Таш у Джамбула,

в усадьбах Краснореченского городища в Семиречье и на городище Канка в Узбекистане (Хмельницкий, 1992. С. 214-219, 244-253; 2006). В XI-XIII вв. большие открытые дворы с айванами являлись композиционными центрами дворца правителя Мерва в Шахрияр-арке (рис. 169.1) и дворца Термезшахов (рис. 169.3) (Пугаченкова, 1958. С. 203-207; Хмельницкий, 1997. С. 9-21; Алпаткина, 2008). По периметру большого двора были расположены жилые и хозяйственные помещения в крупных сельских усадьбах в Кават-калинском оазисе, у Даудан-калы и Каз-кала в Хорезме, на поселении Ак-тобе в Южном Казахстане (Лавров, 1950. С. 84-91; Неразик, 1976. С. 67-72, 85-87; Хмельницкий, 1997. С. 117-121; Бубнова, 1963).

Города Средней Азии существенно отличались по своей структуре от городов Золотой Орды. Уже в раннем средневековье основу шахристана таких городов как Пенджикент, Варахша, Пайкенд, Самарканд, Бухара, составляют кварталы сплошной застройки, разделить жилища в которых часто бывает достаточно сложно (Лавров, 1950. С. 66-67; Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973. С. 23-42, 227-228, 236-237; Мухамеджанов и др., 1988. С. 47-77; Хмельницкий, 1997. С. 121). Такая же структура сохраняется в городах Средней Азии в домонгольское и золотоордынское время, что хорошо видно на примере раскопок в Южном Казахстане (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987; Байпаков, 1986). Тем не менее, в некоторых районах были распространены городские дома другого типа. Квартал, состоящий из небольших усадеб с хозяйственными дворами, был раскопан на городище Талгар в Южном Казахстане. Строение усадеб различно, но всюду жилые постройки расположены в западной части, выходящей на улицу, а лежащий за ними двор примыкает к глухой стене (Байпаков, 1986. С. 146-147, 156-157; Хмельницкий, 1997. С. 121; Савельева, Кузнецова, 2007. С. 294). Крупные городские усадьбы с большими дворами, застроенными по периметру, были исследованы в Султан-кале в Мерве (рис. 169.2) (Лунина, 1969. С. 119-122; 1980). Ю.Ф. Буряков пишет, что в городах Чача в IX-X вв. почти каждое хозяйство, независимо от социального положения, имело внутренний дворик, игравший организационно планировочную роль, объединяя в систему различные функциональные узлы. Жилые и парадные комнаты имели отдельные входы во дворик. Дворики сочетались с айванами (Буряков, 1982. С. 150-151). В.Л. Воронина считает, что дворовая планировка характерна для большинства стран с жарким климатом (Воронина, 1982. С. 67). Действительно, она сохраняется вплоть до настоящего времени в большинстве городов Ближнего и Среднего Востока, в Ираке, Сирии, Египте, Тунисе, Алжире, Марокко и на юге Испании (Воронина, 1972; Она же, 1982. С. 51-54). В Средней Азии дома с внутренним двором составляют основу застройки Хивы и Бухары (рис. 170) (Пугаченкова, Ремпель, 1965. С. 385-386). В Хорезме в результате сближения айванов сложился тип крытого двора, который В.Л. Воронина назвала «уникальным», так как он характерен только для Хорезма (Воронина, 1982. С. 59).

В этот ряд, несомненно, можно поставить и скромные золотоордынские дома дворовой композиции, которые трудно сопоставимы с дворцовыми или богатыми усадебными зданиями Востока и скорее напоминают народные жилища. Отличительной чертой их является то, что жилые помещения в них расположены с восточной и западной сторон двора, а с юга и севера находятся хозяйственные клетки. В этом типе домов также прослеживается четкая ось симметрии, направленная по линии С-Ю. Небольшие размеры двора в усадьбе Вг1 позволяют предположить, что он был крытым. Всеобщность этого плана зданий для большинства стран Востока не позволяет решить однозначно вопрос о его происхождении в Золотой Орде. Скорее всего, он был принесен из Хорезма, но мог возникнуть и на местной почве в результате закрывания большого айвана-лоджии.

Планировки домов типа П.0, состоящих из жилой комнаты и кладовки, и типа П.1, представляющие собой прямоугольные в плане здания, разделенные на комнаты широтными и меридиональными стенами настолько всеобщы, что не имеет смысла искать их прототипы.

Иначе обстоит дело с домами типа П.2. Это наиболее значительные постройки, возведенные по четко разработанному плану. В них выделяется репрезентантное ядро, состоящее из парадного зала и соединенных с ним помещений, поэтому можно предположить, что хозяевами их были представители высших слоев населения Золотой Орды. Кроме того, большое количество, сложная дифференциация помещений, их богатое оформление позволяет считать усадьбы Сг3, Аг1 и Аг2 настоящими дворцами. Трудно предположить, что развитая планировка этих зданий возникла самостоятельно в городах, основанных бывшими кочевниками. Истоки ее нужно искать у народов, обладавших к XIV в. достаточно высокой строительной культурой, причем в качестве возможных аналогов нужно рассматривать не народное жилище, а дворцы, замки и богатые усадебные дома.

Прежде всего, имеет смысл сравнить богатые усадебные здания Золотой Орды с дворцами самой Монголии. Описание дворца Угедея в Каракоруме было оставлено Г. Рубруком. Рубрук пишет, что «дворец этот напоминает церковь, имея в середине корабль, а две боковые стороны его отделены двумя рядами колонн; во дворце три двери, обращенные к югу. Перед средней дверью внутри стоит описанное дерево [фонтан для разлива вина], а сам хан сидит на возвышенном месте с северной стороны, так что все могут его видеть. К его престолу ведут две лестницы... Пространство, находящееся в середине между деревом и лестницами... остается пустым; именно там ставится подающий ему чашу, а также послы, подносящие дары; сам же хан сидит там вверху, как бы некий бог. С правого от него боку, то есть с западного, помещаются мужчины, а с левого – женщины. Дворец простирается с севера на юг» (Путешествия..., 1957. С. 159). Таким образом, у Рубрука описывается здание, внутреннее пространство которого разделено на нефы рядами колонн (рис. 173.3). Раскопки предполагаемого дворца Угедея в Кара-

коруме экспедицией С.В. Киселева, а также исследования синхронных по времени дворцовых зданий на р. Хирхира, в Кондуйском городке и на городище Дён-терек показали, что они были построены в китайских традициях (Древнемонгольские..., 1965. С. 138-165, 329-369). Исследованные здания представляли собой многоколонные композиции, поставленные на высокие земляные платформы, облицованные кирпичом и камнем (рис. 171). Базами деревянных колонн, поддерживающих крышу, служили массивные гранитные блоки, квадратные или с цилиндрическими выступами. Крыша была из поливной черепицы с характерными концевыми дисками и отливами. Здания не имели отопления и использовались только для церемониальных целей (Древнемонгольские..., 1965. С. 159). Правда, современные исследователи считают «дворец Угедая» в Каракоруме буддийским храмом XIII в. (Hüttel, 2005. S. 145-146), но назначение других дворцовых зданий не вызывает сомнений.

Планировочные и конструктивные принципы китайской архитектуры сложились уже к III в. и сохранялись на протяжении всей истории Китая. При планировке большое значение имело правило «фэншуй», по которому здания располагались вдоль оси С-Ю с обязательной южной ориентировкой фасада. Дворцовые комплексы строились по принципу «гун». Внутри прямоугольного пространства, ограниченного высокой стеной с богато украшенными воротами с южной стороны, находились ансамбли построек, состоящих из разных павильонов, часто соединенных пандусами и крытыми галереями. Главные (церемониальные) здания находились на оси С-Ю, остальные постройки расположены по сторонам фасадом к ним. Церемониальные здания состояли из одного помещения, разделенного колоннами на нефы, и никогда не совмещались с жилыми комнатами. Жилые покои строились на северной стороне. Обязательным было соблюдение зеркальной симметрии относительно центральной оси (рис. 172).

При возведении зданий сначала строилась глинобитная платформа, которую обкладывали жжеными кирпичами или каменными блоками, причем, чем более парадным было здание, тем большую высоту имела платформа. На платформу ставился деревянный каркас, образованный системой стоек и балок, внутри больших зданий столбы образовывали несколько нефов. Вверху стойки в продольном и поперечном направлениях связывались балками, а промежутки между наружными стойками заполнялись в нижней части деревянными панелями, а выше – деревянными решетками. Крыша делалась без стропил и соединялась с опорами каркаса кронштейнами – «доу-гун» (рис. 173.1). Крыши имели различную конструкцию, но для всех характерна значительная высота и большой вес, так как перекрывались они тяжелой черепицей (ВИА, 1971. С. 332, 348, 351-363., 389-392; Лоу Цинси, 2002. С. 4-21; Xiao Mo, 1999. P. 7-24). Исходя из этих канонов, исследователи реконструируют и монгольские дворцовые комплексы (Майдар, 1971. С. 90-91; Майдар, Пюрвеев, 1980. С. 58-62; Минерт, 1990. С. 95-104).

Китайский облик имел и дворец Хубилая в Ханбалыке, описанный Марко Поло: «...прежде всего квадратная стена; каждая сторона миля в длину, а в округе, значит, четыре мили; стена толстая, в высоту добрых десять шагов, белая и кругом зубчатая; в каждом углу по красивому и богатому дворцу, у каждой стены такие же, как угольные; всего по стенам восемь дворцов... В стене на юг пять ворот; посередине большие, открываются, только когда великий хан выезжает или въезжает; после них с двух сторон по воротам; ими входят все прочие люди; а по углам есть еще по большим воротам, ими входит всякий. За стеной этой есть другая, в поперечнике поменьше, нежели в длину; и тут восемь дворцов, таких же, как и первые... На юг в этой стене, как и в первой пять ворот; и по углам ворота, так же, как и там; посередине дворец великого хана, выстроен он вот как: такого большого нигде не видано; второго этажа нет, а фундамент над землей десять пядей; крыша превысокая. Стены в больших и малых покоях покрыты золотом и серебром, и разрисованы по ним драконы и звери, птицы, кони и всякого рода звери... Зала такая просторная, более шести тысяч человек может там быть... А крыша красная, зеленая, голубая, желтая, всех цветов, тонко да искусно выложена, блестит как кристалльная и светится издали кругом дворца» (Книга Марко Поло, 1997. С. 250-251). В этом отрывке говорится о том, что дворец занимал значительную площадь, огороженную двумя рядами стен с воротами с южной стороны. Внутри находились различные павильоны, а в центре располагалось главное здание с высокой крышей из поливной черепицы разных цветов (рис. 173.2).

В главном здании происходили приемы и пиры, о которых также подробно пишет Марко Поло: «На пиру великий хан за столом сидит вот как: его стол много выше других столов; садится он на северной стороне лицом на юг; с левой стороны возле него сидит старшая жена, а по правую руку, много ниже, сыновья, племянники и родичи императорского роду; а головы их приходится у ног великого хана; а прочие князья садятся за другие столы, еще ниже. Жены рассаживаются точно так же. Жены сыновей великого хана, его племянников и родичей – с левой стороны, пониже, а за ними, еще ниже садятся жены баронов и рыцарей. Всякий знает свое место, где он должен сидеть по порядку, установленному великим ханом» (Книга Марко Поло, 1997. С. 255-256).

В зданиях с парадным залом в Золотой Орде нет ничего китайского. Это многокомнатные постройки, состоящие парадных, жилых и хозяйственных помещений. Сложены они из сырцового и обожженного кирпича. Тем не менее, описания Рубрука и Марко Поло, возможно, проливают свет на характер приемов, происходивших в главном зале. Показательно, что вход в него находился с южной стороны, а возвышение, на котором, вероятно, восседал владелец дома – в северной части. Гости и домочадцы располагались по сторонам (об этом свидетельствуют, например, суфы с восточной и западной сторон зала в усадьбе Сг3). То есть, организация пространства

парадного зала в усадебных домах Золотой Орды соответствует таковой во дворцах Монголии. Кстати говоря, такая организация пространства характерна для любого монгольского жилища. Монгольские юрты и поныне ставят дверь на юг, а северная их часть считается наиболее почетной, в то время как юрты тюрков ориентированы входом на юго-восток (Кондратьева, 1935. С. 28; Щепетильников, 1960. С. 23; Жуковская, 1988. С. 16). На то, что в ориентировке золотоордынских домов входом на юг, сказалась монгольская традиция, указывал и В.Л. Егоров (Егоров, 1970. С. 187). Китайская форма дворцовых зданий и их ориентировка была перенята монголами практически в неизменном виде, так как она соответствовала их пространственным представлениями не противоречила традициям (Минерт, 1990. С. 95).

Сходство планировки дворцов высшей знати и жилищ представителей других слоев населения прослеживается и в архитектуре других народов. С.Г. Хмельницкий отмечает, что «планировочное единство жилой архитектуры Средней Азии доисламского времени имело своей основой патриархальное устройство общества, в котором власть правителя и главы семьи или рода зиждилась на общем моральном основании и отличалась лишь широтой и способом проявления. Взаимоотношения власти и подданства на всех уровнях общества были подобными, – в этом причина частого, странного, на первый взгляд, совпадения планировочных приемов во дворцах и скромных рядовых жилищах. В этом нашла отражение и ритуальность личных и общественных отношений, органически свойственная средневековью... – ритуальность, пронизывавшая всю жизнь и выходявшая далеко за пределы ее чисто культовых институций» (Хмельницкий, 2000. С. 140).

Другим регионом, в котором следует искать прототипы золотоордынских дворцовых зданий, является Средний Восток и, прежде всего, Средняя Азия. Большинство исследователей, занимавшихся изучением архитектуры и строительства в городах Золотой Орды, отмечали влияние Ирана и Средней Азии на их формирование (Баллод, 1923. С. 118; Греков, Якубовский, 1950. С. 268; Айдаров, 1975. С. 139, 142; Смирнов, 1976. С. 3-7). На это указывают, прежде всего, материалы, из которых они построены и строительная техника. Сырцовый кирпич применялся в средневековье повсеместно, но размеры большеформатных сырцов в кладке стен зданий (например, в усадьбах Сг1 и Сг2) и система кладки в точности соответствуют среднеазиатским (Воронина, 1950. С. 3-36; 1964. С. 74, рис. 19). Архитектурный декор в виде поливных кирпичей, резного ганча и терракоты, решеток-панджара также заимствованы из среднеазиатского зодчества (Федоров-Давыдов, 1994. С. 166).

Планировка дворцовых и типологически близких к ним усадебных зданий Среднего Востока с II тыс. до н.э. вплоть до XII в. была разобрана и проанализирована С.Г. Хмельницким (Хмельницкий, 1992. С. 211-231; 1997. С. 9-84; 2000. С. 169-190; 2004. С. 252-265; 2006. С. 13-32). Исследователь признает, что классификация этой категории зданий достаточно сложна и не очень надежна. Объясняется это в частности тем, что функции их многооб-

разны и не всегда четко определены. Кроме представительско-репрезентативной они включают в себя функции аристократического жилища, зданий общественно-административного и культового назначения, места размещения гарнизонов и т.д. При этом все же определяющей является функция «средоточия власти». Планировочной структурой, которая способствовала наилучшему выражению взаимоотношений власти и подданства, являлась дворово-айванная композиция, которая состояла из большого прямоугольного двора и открытого во двор айвана, лежащего на продолжении дворовой оси. В камерном варианте двор заменялся залом, а айван – нишей. По мнению С.Г. Хмельницкого «противостояние двора и айвана было вещественным выражением взаимоотношений власти и подданства: перед заполнившим двор народом на троне-«тахте» под высоким сводом и как бы в его обрамлении восседал окруженный свитой правитель, исполняющий свои государственные, административные или сакральные функции» (Хмельницкий, 2004. С. 254; 2006. С. 13). С IX в. с двух сторон от айвана устраивают две небольшие комнаты, которые также открываются во двор арочными проходами и образуют таким образом трехчастную группу. Часто за центральным айваном находится небольшое купольное помещение, которое С.Г. Хмельницкий интерпретирует как своеобразные «кулисы» или малый приемный зал (Хмельницкий, 2004. С. 255; Он же, 2006. С. 16).

Дворцовые комплексы дворово-айванной композиции исследователь делит на две большие группы. К первой относятся здания с большим двором, обстроенным со всех сторон различными помещениями. Дворцы этого «имперского» типа характерны для сасанидского Ирана (Фирузабад, Дамган) и арабского Халифата (Ухайдир, Мшатта), встречаются в Средней Азии (усадебная А в Якке-Парсанском оазисе, дворец Термезшахов). В зданиях второй группы также присутствуют дворово-айванные комплексы, но они не являются композиционным центром здания, а включены в его сложную и часто асимметричную структуру. Дворы в них небольшие или вообще превращены в залы. К этой группе относятся не только дворцы правителей высокого ранга (Топрак-кала, Хульбук), но и замки сельских феодалов и даже жилища горожан (например, в Варахше) (Хмельницкий, 1992. С. 254-255).

Та же дворово-айванная планировка отчетливо прослеживается в золотоордынских усадебных домах типа II.2.Б. Особенно явно она выражена в планировке здания Ag1 (рис. 149.1), центральный ряд помещений которого состоит из открытого во двор айвана, квадратного (9,85 x 9,85 м) зала (пом. 1), соединенного с парадным айваном (пом. 1а) и небольшого помещения, расположенного за айваном (пом.5). Айван центрального зала фланкирован двумя небольшими комнатами (пом. 4 и 6). Очень интересен юго-восточный угол здания. Он занят помещением 16, площадь которого почти равна площади центрального зала. С севера и запада к нему примыкает помещение 14 сложной конфигурации. Здесь мы наблюдаем еще один планировочный прием, известный в архитектуре Средней Азии – приемный зал, располо-

женный в одном из углов здания и охваченный Г-образным кулуаром. Такая планировка характерна для замков доисламского времени (Джумалак-тепе, Сарык-тепе.), городских жилищ (Пенджикент), дворцов (Кафыр-кала, Варахша) (Хмельницкий, 2000. С. 59, 67, 80, 89, 144-145, 172, 175-179). В более позднее время этот прием, как будто, не встречается, но, например, в усадьбе 43 в Кават-калинском оазисе весь северо-западный угол здания охвачен Г-образным помещением кафтархоны (Неразик, 1976. С. 78-80; Хмельницкий, 1997. С. 105). Таким образом в усадьбе Аг1 присутствует сочетание дворово-айванного плана с асимметричной планировкой, характерной для замков 4 типа по С.Г. Хмельницкому (Хмельницкий, 2000. С. 67). Своеобразие этого здания заключается в том, что середина его центрального зала была перекрыта куполом, опорами которому служили четыре массивных кирпичных устоя, в то время как в большинстве зданий дворово-айванной планировки купольное помещение находится позади айвана. Аналогичную было устроено, вероятно, и здание Аг2, раскопанное частично (рис. 150). К этому же типу, скорее всего, можно отнести дом усадьбы Цг7 во втором периоде (рис. 121.2).

Исследователь зданий на Ахтубинском городище В.В. Плахов также признает, что они построены под влиянием зодчества Средней Азии. Однако он усматривает это влияние не столько в плане, сколько в применении жженого кирпича, изразцов в сочетании с кирпичной кладкой, рашеток-панджара, ганчевых сталактитов, а также таких планировочных формах как входные айваны и угловые башни-гульдаста (Плахов, 2008. С. 139). При этом исследователь считает, что здесь также применялись приемы китайского зодчества, а именно возведение построек на стилобате (Плахов, 2008. С. 138). Здесь явное недоразумение. Как уже упоминалось, китайские дворцы представляли собой деревянные стоечно-балочные каркасные конструкции, поставленные на специально сложенные платформы. В основе этого строительного приема, как и любого другого, положена целесообразность, а именно желание защитить деревянную постройку от сырости (Лоу Цынси, 2002. С. 33). Впоследствии высота постамента стала служить мерилем ранга постройки. Установка здания на высоком стилобате не является чисто китайским изобретением, она имеет давние традиции на Среднем Востоке. В Передней Азии (в Месопотамии и Ассирии), а затем и в Персии все монументальные здания возводились на платформах из глины и камня (Шуази, 2008. С. 56, 75). Строительство на платформах было распространено в Средней Азии в античности и раннем средневековье (Лавров, 1950. С. 36; Пугаченкова, 1958. С. 32, 134, 180). Платформы-стилобаты высотой до 10 м являются отличительной чертой раннесредневековых замков Средней Азии (Хмельницкий, 2000. С. 65).

В усадебных зданиях Ахтубинского городища таких платформ не наблюдается. Кирпичные стены здания поставлены не на платформу, а на материк, а внутри их объема сделана подсыпка для повышения уровня пола. То есть

фактически нижняя часть стен образует субструкционные клетки. Точно так же были устроены полы в усадьбах Сг2 и Сг3. Повышение уровня пола было необходимо, прежде всего, для защиты комнат от сырости, что наиболее актуально было на Ахтубинском городище, здания которого стоят недалеко от берега р. Ахтубы. В усадьбе Сг4 подсыпка была сделана только в северной части здания, так как оно было построено на холме и уровень полов необходимо было выровнять. При этом в нижней части здания были сделаны дополнительные субструкционные клетки (Зиливинская, 2008. С. 38-39, рис. 18, 32). Этот прием является всеобщим, и применяется везде, где необходимо выровнять полы или защитить их от сырости и грязи. В архитектуре Средней Азии он также применяется достаточно часто. В качестве примеров можно привести крепость Аяз-кала 3 в Хорезме и цитадель Джигирбента, где субструкционные клетки были заполнены не только землей, но и специально положенными туда поврежденными сосудами (Болелов, 1998. С. 119; Вишневская Н.Ю., 2001. С. 5-6). Поэтому нет никаких оснований говорить о китайских традициях в строительстве усадебных зданий на Ахтубинском городище.

Несколько сложнее реконструировать парадный зал усадьбы Сг3, так как стены постройки разобраны до основания, и от них остались только траншеи выборки. В единственной краткой публикации этого здания парадный зал рассматривается как прямоугольный в плане, размерами 7,0 x 15,2 м. В южной части его находится вымостка пола с двумя суфами по сторонам, затем следует квадрат пола с двумя суфами с восточной и западной сторон (рис. 132-133, 134.1). В северной части зала расположено прямоугольное возвышение с двумя проходами по сторонам (Федоров-Давыдов, 1995. С. 57-58). В дальнейшем эта же интерпретация была повторена мною (Зиливинская, 2006. С. 369; Зиливинская, 2008б. С. 101). Между тем, данное помещение можно рассматривать как зал с четырьмя айванами (рис. 134.2). В центре его находится квадратная вымостка пола размерами 7,4 x 7,4 м. В северной части зал соединяется с большим парадным айваном, уровень пола которого выше уровня пола в зале. По сторонам от айвана находятся узкие коридорообразные помещения, позади него – еще одна или две комнаты. То есть здесь четко выделяется весь комплекс помещений, характерный для зданий дворово-айванной планировки. Еще один айван, симметричный северному, такой же ширины, но меньшей глубины находится в южной части зала. Уровень его пола также приподнят, а с двух сторон его фланкируют две небольших комнаты, которые были приняты исследователями за суфы. Два айвана расположены с восточной и западной сторон зала. Глубина их совсем небольшая (около 80 см), а уровень пола также приподнят. Возможно, они действительно использовались как скамьи для посетителей во время приемов.

Четырехайванная планировка, как развитие дворово-айванной схемы, встречается в жилой архитектуре Среднего Востока с раннего средневеко-

вья. Внутренний двор с четырьмя айванами был распространен в жилой архитектуре Хорасана. Этот планировочный прием представлен во дворце Акыр-Таш VIII в. на юге Казахстана, дворце в Шахрияр-арке Мерва XII в., Южном дворце газневидского комплекса Лашкари Базар XI-XII вв. (Хмельницкий, 1992. С. 214-216; 1997. С. 9-13, 30-33; 2000. С. 55-56; 2006. С. 20). В дальнейшем четырехайванная планировка стала традиционной для общественных зданий, таких как мечети, медресе, караван-сарай.

Несмотря на очевидное сходство золотоордынских домов типа П.2Б с дворцовыми и усадебными постройками Среднего Востока, нельзя не отметить существенное отличие в ориентировке парадных помещений. В Золотой Орде парадные помещения организованы по «монгольским» принципам, то есть вход всегда находится с южной стороны, а парадный айван – с северной. В зодчестве других стран этот принцип не имеет значения, и парадные помещения ориентированы произвольным образом. Например, в северном комплексе «верхнего дворца» в Хульбуке было несколько дворово-айванных групп, и все они имели различную ориентировку (Хмельницкий, 1997. С. 28-29).

Дома типа П.2.А – небольшие, квадратные в плане, сложенные из сырцового кирпича. Внутреннее пространство их разделено меридиональными стенами на три ряда помещений, а парадные залы, занимающие центральную часть среднего ряда, имеют прямоугольную, сильно вытянутую форму. Айваны здесь не прослеживаются, но зал в целом имеет такую же структуру, как и у домов типа П.2.Б: центральная часть его занята фигурной вымосткой квадратной или близкой к квадрату формы, а южная и северная части выделяются другой системой кладки пола. В усадьбе Сг2 южная часть зала занята вымосткой П-образной формы, что может символизировать некий намек на айван. Почетное место хозяина в северной части зала представлено суфой (Сг2) или подиумом с балдахином (Сг1). Подобное возвышение, «эстрада» в парадном помещении, на которой располагалась тахта хозяина, встречается в раннем средневековье столь же часто, как и тронный айван. Эстрада с балдахином была найдена в «красном зале» раннесредневекового дворца Варахши и в замке Урта-Курган (Хмельницкий, 2000. С. 57, 174-175). Аналогии небольшим, компактным постройкам типа П.2.А можно найти среди сельских усадеб средневекового Хорезма.

Несколько домов похожего плана раскопал П.Н. Кожемяко на Краснореченском городище в Киргизии (Кожемяко, 1967. С. 53-90; Байпаков, 1986. С. 154). Дома принадлежали зажиточным слоям населения и датируются X-XII вв. В плане они близки к квадрату (рис. 174). Вход в здание ведет в небольшой тамбур, который при помощи узкого коридора соединяется с залом. В зале вдоль стен были сделаны суфы, а стены были украшены резными алебастровыми панелями и резной штукатуркой, окрашенной в разные цвета. По периметру здания расположены жилые помещения, также выходящие в центральный зал. Автор раскопок опре-

деляет зал, как парадное помещение для приемов гостей (Кожемяко, 1967. С. 85, 86).

Некоторое сходство наблюдается у домов Золотой Орды типа 2А с сельскими усадебными постройками Хорезма XII-XIII вв. (Неразик, 1976. С. 74-81, 89-90, 94-96). Среди этих построек Е.Е. Неразик выделяет дома с центральным залом и дома с центральным коридором. (Неразик, 1976. С. 182-183). Первый тип представляют дома центрического плана, основой композиции которых был центральный зал, квадратный или прямоугольный в плане. Размеры центрального зала в усадебных домах Хорезма обычно не превышают размеров других помещений, а функционально он выполняет роль распределительного тамбура, коридора или хозяйственного помещения с очагами. В некоторых случаях центральный зал мог быть богато украшен. По пропорциям и расположению комнат к золотоордынским домам более близки дома «с центральным коридором» (рис. 175, 176). Они разделены стенами на три примерно равные части. Среднюю линию помещений занимает сильно вытянутый широкий коридор, с двух сторон которого находятся входные тамбуры. Остальные комнаты, как и в золотоордынских домах, расположены с двух сторон от коридора и соединяются с ним. То есть структура этих домов такая же, как в Золотой Орде, и помещения, названные Е.Е. Неразик «коридорами», по своему расположению и пропорциям идентичны их «центральному залу». Неточность определения широкого вытянутого центрального помещения как коридора, отмечал С.Г. Хмельницкий. Он предложил называть эти постройки домами трехдольной планировки (Хмельницкий, 1997. С. 100-103). К ним относятся дома № 1, № 43 и № 60, в оазисе Кават-кала, часть большого жилого комплекса дома № 2 в урочище Дарьялык-куль, дом 2 в поселении Айгельды и дом 18 в поселении Акча-Гелин (Неразик, 1976. С. 77-79, 94-95, 97-99, 133-134; Хмельницкий, 1997. С. 100-106).

Несмотря на отчетливое сходство в планировке, между золотордынскими и хорезмийскими домами существует ряд отличий. Они выражаются в применении разных строительных материалов (сырца и пахсы), различном оформлении интерьера. Но главным является различное восприятие организации пространства здания. Как уже упоминалось, в Золотой Орде усадебные дома были обращены входом на юг, а центральная ось здания проходила по линии С-Ю, что является монгольской традицией. Иначе обстояло дело в Хорезме. В домах на Краснореченском городище главный вход в усадебные дома мог находиться с западной стороны (дом № 1), с северо-восточной или северо-западной сторон (дома № 3 и № 5) (Кожемяко, 1967. С. 55, 77, 85). В сельских усадьбах Хорезма коридор имеет направление С-Ю или СЗ-ЮВ, но главный из двух входов может находиться как с южной и юго-восточной сторон (дом № 60 в Кават-калинском оазисе, дом № 1 в Дарьялык-куль, дом № 18 в Акча-Гелин), так и с северной или северо-западной (дом № 43 в Кават-калинском оазисе, дом № 2 в Айгельды) (Неразик, 1976. С. 74, 79,

90, 94, 97, 133). В доме № 41 в Кават-кале коридор был вытянут в широтном направлении, а парадный вход находился с западной стороны (Неразик, 1976. С. 79).

Различным было и использование центрального помещения. В Хорезме центральный зал или коридор использовался как хозяйственное или распределительное помещение, а комната для гостей (михман-хана) находилась в одном из боковых помещений. В Золотой Орде он являлся парадно-репрезентативной частью здания, залом для больших приемов, хотя среди других комнат также выделялись парадные помещения для менее торжественных мероприятий. Возможно, эти малые залы были сходны по назначению с михман-ханой среднеазиатских домов.

В связи с этим очень показательна перепланировка, которая была сделана в одном из зданий с центральным коридором в Кават-калинском оазисе (дом № 43) в золотоордынское время (Неразик, 1976. С. 80-82). В домонгольское время парадный вход в здание находился с северной стороны. Он вел в нарядно украшенный тамбур, который соединялся с вытянутым распределительным залом. В южной части зала находился выход во двор через небольшой тамбур. В XIII-XIV вв. здание было перестроено: проход через парадный северный вестибюль был заложен, и здание стало соединяться с улицей только через южный, маленький и узкий вестибюль. В северной части зала было возведено П-образное сооружение со стенками из обожженного кирпича (рис. 176.3). Е.Е. Неразик рассматривает эту конструкцию, как «почетное место» хозяина дома (Неразик, 1976. С. 82). Мне представляется, что эта П-образная стенка является своеобразной имитацией парадного айвана. Интересно, что такое же сооружение было открыто в парадном зале дворцового комплекса XIV-XV вв. на городище Акчий в Киргизии (Заурова, 1970. С. 32-34; Заурова, 1977. С. 106-126). Здесь была исследована усадьба, которая по своей планировке также очень напоминает дома типа П.2.А (рис. 177). Сходство этого памятника с усадебными домами Нижнего Поволжья отмечал и Г.А.Федоров Давыдов (Федоров-Давыдов, 1994. С. 76), но поздняя его датировка позволяет видеть здесь золотоордынское влияние.

Таким образом, истоки планировки золотоордынских домов с центральным залом находятся в Средней Азии, причем, если дворово-айванная (в данном случае зально-айванная) планировка домов типа П.2.Б характерна для всего Среднего Востока, то дома типа П.2.А происходят, скорее всего, именно из Хорезма.

Связь со среднеазиатским зодчеством прослеживается помимо всего перечисленного и в оформлении полов в парадных помещениях. В усадьбе Сг1 пол средней части зала был выложен рядами кирпичей, положенными параллельно стенам, а вокруг этой вымостки сделан узкий бордюр из кирпичей, поставленных на ребро. В центре его находился квадратный бассейн. В усадьбе Сг2, как в центральном зале, так и в парадных помещениях 3 и 6 основная площадь пола состоит из диагонально положенных кирпичей

в обрамлении бордюров из кирпичей, лежащих рядами. В помещении 6 в центре пола сделана тошна, которую окружают три рамки из прямоугольных изразцов бирюзового цвета. Пространство между рамками заполнено рядами кирпичей и диагонально положенными кирпичами. В усадьбе Сг4 с асимметричной планировкой пол зала выстлан кирпичами, положенными параллельно стенам. В полу сделан круглый водосток и прямоугольное углубление с кирпичными стенками (бассейн?). Наиболее сложную структуру имел пол парадного зала в усадьбе Сг3. В центре его находился круглый колодец водостока (тошна). Пол был вымощен плитами двух видов: из крупногабаритных квадратных плит выложен бордюр по краю пола, квадрат, окаймляющий тошну в центре и дорожки, идущие от углов квадрата и образующие крестовидную фигуру. Зоны между дорожками были заполнены шестиугольной кирпичной плиткой, квадрат вокруг тошны заложен обычными кирпичами.

Подобные и еще более усложненные приемы фигурной кладки полов широко применялись в гражданских и культовых постройках Средней Азии (рис. 178). Чередование бордюров и дорожек из рядов кирпичей и квадратов или полос, заполненных диагонально положенными кирпичами можно видеть во дворе «нижнего дворца» X в. в Хульбуке (Хмельницкий, 1992. С. 218; 2006. С. 44). В здании X – начала XI вв. на цитадели Варахши, дорожки, крестообразно отходящие от центра двора, были выложены диагональными кирпичами, а остальное пространство двора – рядами кирпичей со сдвигом (Хмельницкий, 1992. С. 206-209). В центре двора и в том, и в другом здании находился круглый в плане водосток, стенки которого сложены из кирпичей. Очень характерной является свастикообразная фигура, образованная дорожками из плит, отходящими от обрамления водостока в зале усадьбы Сг3. Это так называемый «вертун» – фигура, создающая оптический эффект вращения, очень часто применяемая в X-XII вв. в Средней Азии для декоративного оформления полов и потолочных перекрытий (Хмельницкий, 2006. С. 43-44, 98-99). Эти же приемы кладки, а также вымостка отдельных частей пола шестиугольными кирпичами встречается во многих помещениях «верхнего дворца» XI в. в Хульбуке и в усадьбе на городище Сайёд (Хмельницкий, 1992. С. 245; 1997. С. 28; 2006. С. 52, 96).

Устройство в центре двора или зала круглого водостока типа тошнау или квадратного декоративного бассейна также весьма типично для среднеазиатского зодчества домонгольского периода. Кроме уже упомянутых зданий, круглый водосток имелся в центральном дворе «верхнего дворца» в Хуттале (Хмельницкий, 2006. С. 70-71). На городище Султан-кала раскопана часть дома домонгольского времени (XII-начало XIII вв.), в котором имелся большой зал или двор, вымощенный кирпичом с тошной посередине (Лунина, 1969. С. 119-122). Большой (10 x 10 м) квадратный бассейн находился в центре внутреннего двора дворца правителей Термеза XI в. (Хмельницкий, 1997. С. 14-15). Аналогичный бассейн был сделан в центре крыто-

го двора или зала усадьбы А в Якке-Парсанском оазисе (Неразик, 1998. С. 173, 179).

В отличие от устройства полов оформление стен в усадебных зданиях Золотой Орды и Средней Азии было различным. Для раннего средневековья и домонгольского периода в Средней Азии характерно украшение стен резным ганчем и терракотой, а также настенными росписями (ВИА, 1969. С. 194-197, 210-211, 226-227, 247-249). Наиболее яркие образцы ганчевого декора происходят из Хульбука, Сайёда, Термеза (Хмельницкий, 2006; Алпаткина, 2008). Всемирно известны росписи дворцов в Пенджикенте и Афрасиабе. В Золотой Орде эти приемы почти не применялись: здесь для декорирования стен использовались мозаики и майолики с подглазурной и надглазурной росписью и золочением. В Средней Азии первые майолики появляются в начале XIV в., а наборная мозаика только в 70 г. XIV в. (Пугаченкова, Ремпель, 1965. С. 248-249; Пугаченкова, 1976. С. 33-35). По мнению исследователей, этот вид архитектурного декора проник в Золотую Орду из Ирана через Закавказье и Малую Азию и получил здесь оригинальное развитие (Носкова, 1976. С. 25-29; Федоров-Давыдов, 1995. С. 163-166). Принцип сплошной мозаичной облицовки стен, также характерный для иранского зодчества XII-XIII вв., нашел в Золотой Орде широкое применение. После ее разгрома войсками Тимура, золотоордынские ремесленники были вывезены в города Мавераннахра и приняли участие в создании величественных тимуридских построек (Носкова, 1976. С. 28; Федоров-Давыдов, 1995. С. 164).

Капитальные дома линейной планировки (тип II.3) пока известны только в Западном Казахстане и Маджаре. Можно предположить, что этот тип генетически связан с типом I.2 и представляет линию дальнейшего его развития. Но при некотором внешнем сходстве построек, относящихся к этим типам, между ними имеется принципиальное различие. Если в домах типа I.2 комнаты функционально идентичны, не связаны между собой и каждая из них может являться жилищем отдельной семьи, то в домах типа II.2 сохраняется только формальный принцип соединения помещений вдоль одной оси. Содержание же пространственной организации здания принципиально меняется. Комнаты связаны между собой, выполняют различные функции, и соответственно имеют различное наполнение. Особенно четко это видно в зданиях анфиладной планировки, где все соединенные между собой помещения образуют единое жилое пространство одной семьи. По мнению Е.А. Смагулова, такой принцип организации жилища характерен для бывших кочевников и является оседлой трансформацией кибитки (Смагулов, 2010. С. 88-90).

Тип III.1 представлен домами-конгломератами, которые не имеют четкой планировочной структуры. В их плане просматривается тот же принцип, что и в зданиях типа I.2, состоящих из беспорядочно пристроенных друг к другу элементарных ячеек. То есть, примитивизм архитектурных реше-

ний встречается, как в планировке домов небогатых ремесленников, так и в крупных усадьбах, принадлежащих городским верхам. В домах типа III.1 ячейки многокомнатные, с капитальными стенами, но и здесь видно то же отсутствие единого замысла, хотя отдельные части таких зданий могут иметь вполне упорядоченную планировку. Так, дом усадьбы Кг1 (в том случае, если он исследован полностью) состоит из хорошо организованного западного жилого блока, близкого по структуре домам типа II.1 и восточного блока, который является точной копией среднего ряда помещений домов типа II.2А. Дом усадьбы Сг4 сначала состоял из двух помещений, пристроенных друг к другу, то есть имел линейную планировку. Во втором периоде с южной стороны пристраивается еще одна жилая комната, а с северной стороны – хорошо спланированный блок из трех пар жилых комнат, разделенных коридором. В целом же линейная планировка дома сохраняется. В третьем периоде здание расширяется на запад путем возведения большого парадного зала и связанных с ним помещений, а с восточной стороны пристраивается еще одна жилая комната. При этом здание утрачивает упорядоченную структуру и получает сложную конфигурацию. Постепенное расширение этого домовладения может свидетельствовать об улучшении имущественного положения хозяина, а пристройка парадного зала о повышении его социального статуса.

Подводя итог, можно отметить, что в планировке усадебных зданий Золотой Орды так же, как и во всей культуре, прослеживается синтез различных компонентов. В основе домов первой группы лежит так называемый «дом монгольского типа», хотя строение его типично для жилищ бывших кочевников различных регионов, а большинство деталей интерьера имеет среднеазиатское происхождение. Однозначно монгольской (джурдженьской) можно считать только отопительную систему в виде канов, но и она могла попасть в Золотую Орду двумя путями – непосредственно из Монголии или также через Среднюю Азию. Дома типов I.1, I.2, I.3, I.4 с простой планировочной структурой типичны для стационарных жилищ бывших кочевников, независимо от района их проживания. Они могли возникнуть в Золотой Орде самостоятельно и представляют «кочевническую» традицию домостроительства в архитектуре этого государства.

Типы домов с айваном (I.5) и внутренним двором (I.6), распространенные на всем Востоке, были принесены, скорее всего, из Средней Азии. Усадебные здания с парадным залом (тип II.2), принадлежавшие, скорее всего, социальным верхам золотоордынского общества, имеют наиболее сложную и разработанную планировку, которая также возникла под влиянием Средней Азии (тип II.2А – Хорезма). На тесную связь этих построек со среднеазиатским зодчеством указывают также некоторые строительные приемы (применение большеформатного сырца, обожженного кирпича, системы кладки, оформление углов зданий трехчетвертными колонками), а также элементы декора (фигурные выстил-

ки полов, решетки-панджара с цветными стеклами, ганчевые архитектурные детали)⁴.

Тем не менее, несмотря на столь сильное среднеазиатское влияние, здесь нельзя видеть прямое заимствование. Дома с внутренним двором и центральным залом имеют выраженную ось симметрии, направленную по линии С-Ю. Жилые комнаты в них расположены с восточной и западной сторон от двора или зала, а с юга и севера находятся небольшие тамбурные или хозяйственные помещения. В случае наличия репрезентантного ядра, вход в него расположен с южной стороны, а почетное место хозяина – с северной. То есть, взяв за основу здания типично среднеазиатской планировки, жители золотоордынских городов, применили к ним свои принципы организации пространства, принесенные из Монголии и, возможно, из Китая. В результате возникли постройки, которые можно считать оригинальным вариантом хорошо известных на Среднем Востоке планировочных схем. Следует, правда, оговориться, что данные выводы относятся в основном к центральной части Золотой Орды (Нижнему Поволжью), откуда происходит наибольшее количество усадебных домов.

В других районах усадьбы почти не изучены. Исключение составляет территория Западного Казахстана, где встречаются те же типы зданий, что и в Поволжье (с внутренним двором, конгломераты), но существуют и специфические, характерные для данной территории типы (линейные здания анфиладной планировки). Ситуацию в других регионах Золотой Орды смог прояснить только дальнейшие археологические исследования.

---

⁴ Дома с центральным залом являются дворцовыми постройками, но, скорее всего, ни один из исследованных, не является дворцом хана. В связи с этим довольно странным кажется утверждение В.Л. Мыца о том, что ханский дворец в Сарае был построен из дерева (Мыц, 2013. С. 140-141, 171). В качестве археологического обоснования автор ссылается на статью В.Л. Егорова (Егоров, 1970), где говорится о деревянных домах беднейших слоев населения. Для среднеазиатской и золотоордынской (в Нижнем Поволжье) строительных традиций характерно применение сырцового и обожженного кирпича, который производился на месте. Что касается дерева, то его нужно было доставлять в Сарай из более лесистых районов. Кроме того, деревянные постройки не украшали изразцами и не перекрывали кирпичными куполами. Исходя из версии о деревянном дворце, В.Л. Мыц описывает драматическую историю покушения на хана Узбека. Зная, что хан болен подагрой, заговорщики обстреляли дворец зажженными стрелами, в результате чего начался пожар. Чудом спасшийся хан Узбек обвинил в поджоге францисканцев и казнил их. Конечно, пожар может произойти и в кирпичном здании, так как внутри находилось много предметов из дерева и текстиля. Но поджог такой постройки при помощи горящих стрел кажется довольно фантастическим.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Объекты монументальной архитектуры достаточно четко отражают различные традиции в сложении городской культуры Золотой Орды.

Проведенный ранее анализ планировки мечетей, главных сооружений мусульманского города, показал, что все известные на данный момент Джума-мечети Золотой Орды имели базиличную планировку, то есть представляли собой прямоугольные в плане здания, внутреннее пространство которых разделено на нефы рядами колонн. Такая планировка, без сомнения, была заимствована в Малой Азии, а именно, в Анатолии, где подобные мечети получили распространение в сельджукский период. Малоазийский облик имели и минареты, связанные с мечетями и соответственно образующие с ними единый архитектурный ансамбль. Планировка мемориальных построек достаточно разнообразна. В Волжской Болгарии и Крыму наиболее выраженным было армяно-малоазийское влияние. В Болгаре также заметно присутствие элементов ширвано-апшеронской школы Азербайджана. В то же время в близких к Волжской Болгарии мордовских землях известен памятник практически идентичный хорезмийскому мавзолею Наджмеддина Кубра. Среднеазиатские традиции превалировали в Нижнем Поволжье и степной части Северного Кавказа. В этих же регионах среди мемориальных построек присутствуют формы характерные для кочевнических (кипчакских) надгробных памятников. На некоторых памятниках Поволжья и в предгорьях Северного Кавказа отчетливо прослеживаются традиции азербайджанского зодчества, представленного нахичеванской школой. Анализ архитектуры культовых общественных зданий указывает на значительную роль выходцев из Малой Азии в формировании золотоордынской культуры (Зиливинская, 2014).

Объекты гражданской архитектуры, к сожалению, не дают такой широкой картины. Это связано, прежде всего, с тем, что они не столь хорошо изучены: некоторые категории зданий известны далеко не во всех частях золотоордынского государства. Так, золотоордынские караван-сарай исследованы только на Устюртском караванном пути. Все они относятся к одному типу, и планировку их можно связывать со среднеазиатской (хорезмийской) архитектурной школой. В возведении каменных караван-сараяев могли принимать участие армянские мастера, косвенным свидетельством чему являются зооморфные барельефы на тимпане караван-сарая Белеули. Здание «караван-сарая» в Солхате (Крым) точно не атрибутировано. По строительной технике оно сходно с другими каменными постройками Крыма. Исследователи отмечают, что сохранившаяся башня напоминает подобные в гунезских крепостях Кафы и Судака (Гаврилов, Майко, 2014. С. 152). Каковы были резные детали ворот здания не известно. Можно предполагать, что они были выполнены в характерном для Крыма XIV в. «сельджукском» стиле, но это не доказуемо.

Здание городского базара изучено только в Болгаре. Архитектура центрального рынка города Болгара была простой и предельно функциональной. Здание, построенное из сырцового кирпича, представляло собой слегка вытянутый призматический объем с глухими стенами, посередине которых были сделаны широкие входы. Перекрытие было плоским со световыми отверстиями. По планировке более всего болгарский базар напоминает среднеазиатские типы линейной планировки и турецкие бедестаны, но исполнение его более примитивно. Своеобразие плану здания в Болгаре придает наличие внутренних павильонов. Монументальное каменное здание в Старом Орхее (Молдова), находящееся в центре города рядом с Джума-мечетью, может считаться базаром только условно. Об этом косвенно свидетельствует его прямоугольная сильно вытянутая форма, наличие сквозного прохода и деревянные конструкции внутри периметра стен, которые могут быть остатками перегородок, разделяющих отдельные лавки.

Ярким примером отчетливо выраженного сельджукского влияния на архитектуру Золотой Орды являются общественные бани-хаммам, предназначенные для обслуживания социальных верхов золотоордынского города. Форма их массажного зала в виде креста с четырьмя мыльнями по углам и открытым водоемом в центре характерна именно для сельджукской Малой Азии. В то же время частные бани и общественные, предназначенные для городских низов, имели более простую планировку. Они состояли из одного или нескольких рядов помещений прямоугольной формы. Это достаточно распространенная планировка, которая относится к античной традиции.

Совершенно иная картина наблюдается в архитектуре усадебных зданий, исследованных преимущественно в Нижнем Поволжье. В планировке этой категории зданий прослеживается значительное разнообразие форм, отражающее пестрый этнический состав населения золотоордынских городов. К первой группе относятся здания различной планировки, в основе которых лежит модуль в виде квадратного в плане «монгольского» дома, возникшего в результате трансформации юрты в стационарное жилище и характерного для всех, оседающих на землю кочевых народов. Многообразие типов построек этой группы определяется различными композиционными решениями. В сложении типов жилищ этой группы прослеживается влияние архитектур Центральной Азии (Монголия и Китай) и Среднего Востока (Средняя Азия, Хорезм). Некоторые типы жилищ присущи всем перешедшим к оседлости кочевникам и могут иметь местное происхождение.

Вторую группу составляют здания регулярной планировки, созданные умелыми зодчими. Среди них выделяются богатые усадебные дома с парадным залом, принадлежавшие социальным верхам золотоордынского общества, планировка которых возникла под влиянием Среднего Востока (Средней Азии). Тем не менее, и здесь не произошло прямого заимствования. Типично среднеазиатская планировка была соединена с монгольски-

ми принципами организации пространства, в результате чего возник новый, оригинальный, тип зданий, характерный только для Золотой Орды. К этой же группе относятся исследованные в Западном Казахстане и Маджаре капитальные дома линейно-анфиладной планировки. Для Казахстана исследователи связывают этот тип с недавним кочевым прошлым и считают реминисценцией кочевнической кибитки. Постройки третьей группы являются свидетельством примитивного пространственного мышления и недостаточного развития строительных навыков.

Таким образом, архитектура усадебных зданий городов Золотой Орды отражает не только многокомпонентность этнического состава населения. В ней также прослеживается наличие двух составляющих золотоордынского общества – кочевой и оседлой.

На примере культового монументального зодчества внутри государства выделяются регионы, которым присущи различные строительные и архитектурные традиции. В Крыму, Волжской Болгарии, Поднестровье были сильны традиции каменного строительства. Архитектурный декор здесь представлен резьбой по камню. В городах степной зоны (города Нижнего Поволжья, Маджар) применялась среднеазиатская строительная техника. Здания здесь возводились из сырцового и обожженного кирпича, а в качестве архитектурного декора применялись изразцовые кирпичи, мозаики, и майолики, терракота и детали, выточенные из кирпича. В интерьере присутствовали элементы декора из резного и штампованного ганча, а также изразцы с полихромной надглазурной росписью и позолотой. В Бельджамене, Мохше, Азове, на Кучугурском городище применялась смешанная техника строительства из кирпича и камня. На Северном Кавказе были сильны местные традиции. Особую архитектурную провинцию Золотой Орды составляли присырдарьинские города Южного Казахстана. Здесь наиболее ощутимым было влияние среднеазиатского зодчества. Эти выводы в общем и целом применимы и к гражданскому строительству.

Рассматривая памятники архитектуры в целом, можно утверждать, что их анализ помогает реконструировать сложный процесс становления и развития многокомпонентной городской культуры в Золотой Орде.

ЛИТЕРАТУРА

- Абусейтова М.Х. Джувайни об «Отрарской катастрофе» // Вопросы истории (КазГУ). Вып. 7. Алматы, 1975.
- Агеева Е.И. Памятники Средневековья (раскопки на городище Баба-Ата) // Археологические исследования на северных склонах Каратау. Труды АН Каз. ССР. Т. 14. Алма-Ата, 1962.
- Айдаров С.С. Архитектурные комплексы средневекового Болгара // Архитектурное наследство, XXIV. М., 1975.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972.
- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII-XV вв. Алма-Ата, 1987.
- Алиев М. Баня Гаджи-хаммам // Памятники архитектуры Азербайджана. Москва-Баку, 1946.
- Алихова А.Е. Постройки древнего города Мохши-Наровчата // СА, № 4. 1976.
- Алпаткина Т.Г. Дворец правителей Термеза XI-XII вв. М., 2008.
- Аманбаева. Б., Кольченко В., Сатаев К. Кыргызстан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX-XV вв. Том IV Архитектура. Самарканд-Ташкент: МИЦАИ, 2013.
- Анарбаев А. Благоустройство средневекового города Средней Азии. Ташкент, 1981.
- Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции / ред. Кузищина. СПб.: Алтейя, 2000 г.
- Аржанцева И.А. Хорезм. История открытий и исследований. Этнографический альбом. Ульяновск, 2016.
- Архитектура античного мира. М., 1940.
- Архитектура туркменского народного жилища (ред. М.Е.Массон) // Труды ЮТАКЭ. Т.3. М., 1953.
- Асанов А.А. Предварительная реконструкция сооружения // Художественная культура Средней Азии IX-XIII вв. Ташкент, 1983.
- Астафьев А.Е. Пути торговых сообщений эпохи средневековья на территории Арало-Каспийского водораздела. Мангистау, 2010.
- Ахинжанов С.М., Ерзакович Л.Б. К вопросу о происхождении канов на Сырдарье // Известия АН КазССР. Вып.2. Алма-Ата, 1972.
- Ащепков Е.А. Архитектура Китая. М., 1959.
- Бабур-намэ. Ташкент, 1993.
- Бадеев Д.Ю. Городская планировка Болгара к юго-западу от Соборной мечети в 30–70 гг XIV в. // КСИА. Вып. 237. М., 2015.
- Байпаков К.М. По следам древних городов Казахстана (Отрарский оазис). Алма-Ата, 1981.

Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1986.

Байпаков К.М. По следам древних городов Казахстана (Отрарский оазис). Алма-Ата, 1990.

Байпаков К.М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана. Книга III часть I. Урбанизация Казахстана в XIII – первой половине XV в. Алматы, 2016.

Байпаков К.М., Смағұлов Е.А., Ахатов Ғ.А. Ортағасалық Жайық қала жұрты. Средневековое городище Жайык. The Medieval Jaiyk Site. Алматы: «Credo», 2005.

Байпаков К.М., Смағұлов Е.А. Ортағасырлық Сауран шаһары. Средневековый город Сауран. The medieval town Saugan. Алматы, 2005.

Байпаков К.М., Воякин Д.А. Ортағасырлық Қиялық шаһары. Средневековый город Каялык. The medieval town Kayalyk. Алматы, 2007.

Байтанаев Б.А., Богомоллов Г.И. Средневековая баня из Екпинды (предварительные итоги) // Международная научная конференция «Кадырбаевские чтения – 2007». Актобе, 2007.

Баллод Ф.В. Приволжские «Помпеи». М.-Петроград, 1923.

Баллод Ф. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды (Результаты археологических работ летом 1922 года) // Татарская археология, № 2 (3). Казань, 1998.

Баранов В.С., Кавеев М.М. Археологическое исследование мавзолеев центральной части Болгарского городища // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М.: Наука, 2001.

Баранов В.С., Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю. Исследование остатков монументальной постройки к юго-западу от Соборной мечети в Болгаре // Поволжская археология. № 1. 2012.

Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927.

Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. 1. М., 1963.

Бартольд В.В. Улугбек и его время // Сочинения. Т. 2, ч.2 М., 1964.

Башкиров А.С. Сельджукизм в древнем татарском искусстве. // Крым, 1926, № 2.

Башкиров А.С. Художественные памятники Солхата // Крым, 1927. № 1.

Башкиров А.С. Памятники Булгаро-татарской культуры на Волге. Казань, 1928.

Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.

Бернштам А.Н. Археологические работы в Казахстане и Киргизии // ВДИ, 1939. № 4.

Бернштам А.Н. Баня древнего Тараза и ее датировка // Труды отдела культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа, т. II. Л. 1940.

Бижанов Е. Юго-восточный Устюрт. Некоторые итоги и перспективы археологического изучения. // Вестник Каракалпакского филиала АН Уз. ССР. Нукус 1970, № 3.

Бижанов Е., Лоховиц В. Устюртский караванный путь из Хорезма в Восточную Европу и Поволжье. // Вестник Каракалпакского филиала АН Уз. ССР. Нукус, 1969. № 2(36).

Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока. VII-середина XIII в. М., 1984.

Болелов С.Б. Крепость Аяз-кала 3 в левобережном Хорезме // Приаралье в древности и средневековье. М., 1998.

Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока. М., 1984.

Борозна Н.Г. Материальная культура узбеков Бабатага и долины Кафирнигана // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966.

Бретаницкий Л.С. Зодчество Азербайджана XII-XV вв. и его место в архитектуре Переднего востока. М., 1966.

Бубнова М.А. Средневековое поселение Ак-тобе I у с. Орловка // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.

Булатов М.С. Анализ соразмерности плана караван-сарая // Художественная культура Средней Азии IX-XIII вв. Ташкент, 1983.

Буряков Ю.Ф. По древним караванным путям Ташкентского оазиса. Ташкент, 1978.

Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.

Буряков Ю.Ф., Садиев М., Федоров М.К. Соборная мечеть Самарканда в IX- нач. XIII вв. // Афрасиаб. Вып. IV. Ташкент, 1975.

Бырня П.П. Каменное сооружение 1 в Старом Орхее. // Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинев, 1985.

Бырня П.П., Зиливинская Э.Д. Бани Старого Орхее // Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев, 1988.

Бырня П.П., Рябой Т.Ф. Монументальная архитектура золотоордынского города XIV в. Шехр ал-Джедид // СА, 1997. №2.

Вайнберг Б.И. К истории туркменских поселений XIX в. в Хорезме // СЭ, 1959. № 5.

Вайнберг Б.И. Туркменские поселения по Дарьялыку // МХЭ. Вып. 4. М., 1960.

Вайнберг Б.И. Жилые и хозяйственные постройки туркмен левобережного Хорезма в XIX в. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982.

Вактурская Н.Н. Раскопки городища Ургенч в 1952 г. // Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949-1953. Труды ХАЭЭ. Т. II. М., 1958.

Вактурская Н.Н., Воробьева М.Г. Хроника работ Хорезмской экспедиции Академии наук СССР // ТрудыХАЭЭ. Т. I. 1952.

Валеев Ф.Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1975.

Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде. Историко-археологическое исследование. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2007.

Васильев Д.В. Некоторые результаты исследований на раскопе №2 // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации. – Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2011.

Васильев Д.В. Город и область Саксин в свете новых данных археологии // Поволжская археология. №2 (12), 2015 г.

Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д. Городище Самосделка – памятник домонгольского периода в Низовьях Волги // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Донецк, 2003.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев, 1986.

Васильева Г.П. Формы оседлого жилища Южной Туркмении в XIX – начале XX в. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982.

Витрувий. Об архитектуре. 10 книг. Л., 1936.

Вишневская О.А. Раскопки караван-сараев Ак-яйла и Талайхан-ата // Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949-1953. Труды ХАЭЭ. Т. II. М., 1958.

Вишневская О.А. Археологические разведки на средневековых поселениях левобережного Хорезма // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958-1961 гг. Вып. 7. Ч. II. Памятники средневекового времени, этнографические работы. М.: Из-во АН СССР, 1963.

Вишневская Н.Ю. Ремесленные изделия Джигирбента. М., 2001.

Воронина В.Л. Древняя строительная техника Средней Азии// Архитектурное наследство, 1950. № 3.

Воронина В.Л. Об узбекских банях // СЭ, 1951а. № 1.

Воронина В.Л. Народные традиции архитектуры Узбекистана. М., 1951б.

Воронина В.Л. Заметки по народному зодчеству таджиков бассейна Зеравшана// СЭ, 1953. № 3.

Воронина В.Л. Народная архитектура Северного Таджикистана. М., 1959.

Воронина В.Л. Архитектура древнего Пянджикента // МИА 124. М.-Л., 1964.

Воронина В.Л. Черты раннесредневекового жилища Средней Азии // СЭ, 1963. № 6.

Воронина В.Л. Народное жилище арабских стран. М., 1972.

Воронина В.Л. Жилище народов Средней Азии и климат // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982.

Воронина В.Л. Бани-хаммам у народов Советского Союза и стран зарубежного Востока // Архитектурное наследство, 1983. № 31.

Всеобщая история литературы (ред. Ю.С. Яралов). Т.3. Л.-М.: Стройиздат, 1966.

Всеобщая история архитектуры. (ред. А.М. Прибыткова) Т. 8. М.: Стройиздат, 1969.

Всеобщая история архитектуры (ред. О.Х. Халпахчян). М.: Стройиздат, 1970. Т. 1.

Всеобщая история архитектуры. Л.-М.: Стройиздат, 1971. Т. 9.

Всеобщая история архитектуры (ред. В.Ф. Маркузон). М.: Стройиздат, 1973. Т. 2.

Вялов О.С. Колодцы и источники Устюрта // ИГГО. Т. 66, вып. 1. 1934.

Вяткин В.Л. Афрасиаб - городище бывшего Самарканда. Ташкент, 1926.

Гаврилов А.В., Майко В.В. Средневековое городище Солхат-Крым: материалы к археологической карте города Старый Крым / Крымский филиал Института археологии НАН Украины. Симферополь: Бизнес Информ 2014.

Гарифолла А. Г., Кольцов П. М. Археологические раскопки средневекового городища Таскешу // Атырауский государственный университет им. Х. Досмухамедова — служение образованию и науке региона больше полувека. Сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф. посвящ. 60-летию юбилею вуза (29–30 октября). Том 1. Атырау: Изд-во Атырауского ГУ, 2010.

Георгиев П.П. К вопросу о древнерусских банях // СА, 1981. № 1.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950.

Григорьев А.П. «Книга путешествий» Эвлии Челеби – источник по истории Крыма XII-XVII вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии. Л., 1974, вып. III.

Григорьев В.В. Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковой крепости // ЗРГО, кн.2. 1861.

Гудкова А.В. Ток-кала. Ташкент, 1964.

Гульмурадов Д. Возникновение и развитие обмена и торговли в Южном Туркменистане. СА № 1, 1978.

Гулямова Э. О работах Кулябского отряда на городище Хульбук в 1959 г. // Труды Института истории АН Тадж. ССР, т. XXXI. Душанбе, 1961.

Гулямова Э. Раскопки городища Хульбук в 1959 г. // Труды Института истории АН Тадж. ССР, т. XXXIV. Душанбе, 1962.

Давыдов Г.А. Традиционное жилище таджиков верховьев Зеравшана// СЭ, 1969. №6.

Давыдова А.В. Иволгинское городище// СА, 1956. XXV.

Довженок В.Й. Татарске місто на Нижньому Дніпрі часів пізнього Середньовіччя // Археологічні пам'ятки УРСР, т. 10. Киев, 1961.

Долбе В. О скорости и маршруте передвижения путешественников середины XIII века на пути из Сарая-Бату в Каракорум и обратно. Рига, 2012. URL: <http://annales.info/step/dolbe/2karakorum.htm>

Дополнительные сведения о пути в Среднюю Азию от залива Цесареви-на по Устюрту и Амударье 1855 г. полковника Белявского //Сборник геогра-

фических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXV. СПб, 1887.

Древнемонгольские города. М., 1965.

Евтюхова Л.А., Левашова В.П. Раскопки китайского дома близ Абакана (Хакасская АО) // КСИА XII, 1946.

Егоров В.Л. Причины возникновения городов у монголов в XIII-XIV вв. // История СССР, 1969. № 4.

Егоров В.Л. Жилища Нового Сарая // Поволжье в средние века. М., 1970.

Егоров В.Л. Золотоордынский город (причины возникновения, историческая география, домостроительство). Автореферат дис. ... канд. истор. наук. М., 1973.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М.: «Наука», 1985.

Егоров В.Л. Отчет о раскопках Селитренного городища в 1987 г. // Ахив ИА РАН, Р 1, №№ 14715, 14716.

Егоров В.Л. Города Руси и Золотой Орды в XIII-XIV вв. – общее и особенное // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы научной конференции. М., 2000.

Егоров В.Л., Полубояринова М.Д. Археологические исследования Водянского городища в 1967-1971 гг. // Города Поволжья в средние века. М., 1974.

Егоров В.Л., Жуковская Н.Л. Жилища населения Монгольской народной республики // Типы традиционного народного жилища народов Юго-восточной, Восточной и Центральной Азии. М., 1979.

Егоров В.Л., Яблонский Л.Т., Булатов Н.М. Отчет Поволжской археологической экспедиции о раскопках на Селитренном городище Астраханской области в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 6168.

Ерзакович Л.Б. Жилище Отрара и некоторые этнокультурные и хозяйственные процессы на юге Казахстана в XIII-XVIII вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983.

Жилина А.Н. Традиционные поселения и жилище узбеков Южного Казахстана // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982.

Жилина А.Н. Новое и традиционное в современном сельском жилище Узбекистана (вторая половина 19-20 вв.). М., 1995.

Житецкий И.А. Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884-1886 г. М., 1893.

Жукова Л., Лефтеева Л. Экспедиция в Среднюю Азию // Памятники Туркменистана. 1976, № 1.

Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры. М., 1988.

Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым, 1927. № 2.

Засыпкин Б.Н. Памятники монументального искусства Советского Востока // Художественная культура Советского Востока. М.-Л., 1934.

Заурова Е.З. Дворцовое здание XIV-XV вв. на городище Акчий в Киргизии // Средневековые города Средней Азии и Казахстана. Л., 1970.

Заурова Е.З. Раскопки на городище Акчий // Кетмень-Тюбе. Фрунзе, 1977.

Зиливинская Э.Д. Дома с подпольным отоплением в Волжской Булгарии // СА, 1989а. № 4.

Зиливинская Э.Д. Средневековые бани Нижнего Поволжья // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989б.

Зиливинская Э.Д. Жилые постройки Сарая по материалам раскопок 1984 года. // Историко-археологическое изучение Поволжья. – Ред. Ю.А.Зеленева. Йошкар-Ола, 1994.

Зиливинская Э.Д. Бани Золотой Орды // Практика и теория археологических исследований. М., 2001.

Зиливинская Э.Д. Усадебные дома в городах Золотой Орды // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. М., 2006.

Зиливинская Э.Д. Раскопки усадьбы на Красном бугре Селитренного городища // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.6. Донецк, 2008а.

Зиливинская Э.Д. Усадьбы золотоордынских городов. Астрахань, 2008б.

Зиливинская Э.Д. Влияние архитектуры Средней Азии на формирование усадебных зданий в Золотой Орде // Отзвуки Великого Хорезма. М., 2010в.

Зиливинская Э.Д. Усадебные и дворцовые здания Золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Планировка, традиции, инновации // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 8. Донецк, 2010г.

Зиливинская Э.Д. Традиции архитектуры Среднего Востока в усадебном домостроительстве Золотой Орды // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011а. № 2.

Зиливинская Э.Д. Домостроительство в Золотой Орде: синтез кочевнических и оседлых традиций // Этнографическое обозрение. 2011б. № 5.

Зиливинская Э.Д. Очерки культового и гражданского зодчества Золотой Орды. Астрахань, 2011в.

Зиливинская Э. Архитектура Золотой Орды. Часть I. Культовое зодчество. Москва-Казань: «Отечество», 2014.

Зиливинская Э.Д. Маджар // Маджар и Нижний Джулат. Из истории золотоордынских городов Северного Кавказа. Нальчик, 2015.

Зиливинская Э.Д., Алексейчук С.Н. Усадебное здание на XV раскопе Селитренного городища // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2003. Т. 3.

Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В. Раскопки общественного центра в аристократическом районе Сарая // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 1.

Золотоордынская (Старокрымская) археологическая экспедиция // Отчет Государственного Эрмитажа, 1997-1998 год / под ред. М.Б. Пиотровского. СПб.: Славия, 1999.

Ибн Сина Абу Али. Канон врачебной науки. Кн. I. Ташкент, 1954.

- Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М., 1988.
- Иванов Н.П. Хивинская экспедиция 1889-1840 гг. СПб., 1873.
- Иванин М.И. Хива и река Амударья. СПб., 1873.
- Искусство Азербайджана. Т. VIII. Баку, 1949.
- История татар с древнейших времен в семи томах. Т. II. Казань, 2006.
- История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Казань, 2009.
- Кабус-намэ. М., 1953.
- Калинин А.Ф., Смирнов А.П. Реконструкция болгарской бани XIV в. // КСИИМК. Вып. XIII. М., 1946.
- Калменов М.Д. Средневековые караван-сарай, расположенные на территории Мангистау // Материалы международной научной конференции «Кадырбаевские чтения – 2007». Актобе, 2007.
- Калменов М.Д. Караванный тракт через плато Устюрт (анализ письменных источников) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана, 2012. № 1.
- Калменов М.Д. Золотоордынские караван-сарай Мангистау // Приаралье на перекрестке культур. Самарканд, 2013.
- Калменов М.Д. Исследования городища Жайык в 2012-2014 гг. // Средневековые города бассейна реки Урал. Уральск. 2014.
- Камерон Ч. Термы римлян. М., 1939.
- Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края // Труды ОУАК, вып. XXII. Оренбург, 1910.
- Кдырниязов М.-Ш. Городище Пульжай (Город и степь Арало-Каспия) // Казахское ханство в потоке истории. Алматы, 2015.
- Кдырниязов О.-Ш. Мечеть и караван-сарай Пульжая // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань–Ялта–Кишинев, 2016.
- Кирилко В.П. Золотоордынская архитектура Крыма (общее и особенное) // Средневековая Евразия: симбиоз городов и степи. Материалы II Международного Болгарского форума. 21-23 мая 2011 г. Казань, 2013.
- Клавихо Руи Гонсалес де. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403-1406). М.: Наука, 1990.
- Книга Марко Поло // Джованни дель Плано Карпини. История монголов; Гильем де Рубрук. Путешествие в восточные страны; Книга Марко Поло. М., 1997.
- Кожемяко П.Н. Раскопки жилищ горожан X-XII вв. на Краснореченском городище // Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967.
- Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956.
- Коваль В.Ю. Торговый инвентарь из раскопок базара середины XIV в. в Болгаре // Поволжская археология. № 2. 2013.

Коваль В.Ю. Фламандские текстильные пломбы из раскопок средневекового базара в Болгаре и некоторые аналогии с территории Руси // КСИА. Вып. 237. М., 2015.

Коваль В.Ю., Бадеев Д.Ю. Исследования центрального базара Болгара в 2012-2014 гг. // КСИА. Вып. 237. М., 2015.

Кожа М., Самашев З. О раскопках караван-сарая Белдеули // Восхождение к вершинам археологии. Сборник материалов международной научной конференции «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвященной 90-летию со дня рождения К.А.Акишева. Алматы, 2014.

Козлов П.К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. М., 1948.

Кольцов П. М., Кольцова К. П., Касенов М. С., Куаныш С. О. Раскопки международной археологической экспедиции средневекового караван-сарая Таскешу в Западном Казахстане // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. Вып. 3. Элиста: Изд-во Калм ГУ, 2012.

Кольцов П.М., Кольцова К.П. Средневековый караван-сарай Таскешу в Западном Казахстане // музея // Материалы первого Маджарского археологического форума. Археология Евразийских степей. Вып. 23. Казань, 2016.

Кондратьева М.И. О юртообразных зданиях Внешней Монголии // СЭ, 1935. № 3.

Крамаровский М.Г. Солхат-Крым: ремесленная мастерская на объекте XII // Отчетная археологическая сессия: тез докл. / Гос. Эрмитаж. СПб.: Из-во Гос. Эрмитажа, 1992.

Крамаровский М.Г. Работы на городище средневекового Солхата (Крым) в 1992 г. // Отчетная археологическая сессия: тез докл. / Гос. Эрмитаж. СПб.: Из-во Гос. Эрмитажа, 1993.

Кубанкин Д.А. Золотоордынская баня на Увекском городище // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. II Международная Нижневолжская археологическая конференция. Волгоград, 2007.

Кызласов Л.Р. Ранние монголы // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975.

Кызласов Л.Р. Гуннский дворец на Енисее. М., 2001.

Кызласов И.Л. Пратюркские жилища. Обследование Саяно-алтайских древностей. Москва-Самара, 2005.

Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. Древнетюркские обиталища // Природное окружение и материальная культура пратюркских народов. М.: Восточная литература, 2008.

Лавров В.А. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950.

Лапиров-Скобло М.С. Портал развалин караван-сарая на городище Таш-кала в Куня Ургенче // Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949-1953. Труды ХАЭЭ. Т. II. М., 1958.

Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. I. СПб, 1832.

- Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджина-тепа. СПб., 2010.
- Ломакин Д.А. «Какое-то укрепление, на краю города стоявшее...»: караван-сарай в Старом Крыму как образец гражданского зодчества Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. 2017, № 10.
- Лоу Цинси. Традиционная архитектура Китая. Пекин, 2002.
- Лоховиц В.А. Раскопки караван-сарая на пути из Хорезма в Бухару. АО 1974. М., 1975.
- Лоховиц В.А. Караван-сарай Верхнего Хорезма // Этнография и археология Средней Азии. М. 1979.
- Лунина С.Б. Археолого-стратиграфическое изучение городища Султан-Кала, его обводов и западной части пригородов // Труды ЮТАКЭ. Т. IV. Ашхабад, 1969.
- Лунина С.Б. Изучение жилых домов Мерва X – начала XIII в. // Культура Туркмении в средние века. Труды ЮТАКЭ. Ашхабад., 1980. Т. XVII.
- Майдар Д. Архитектура и градостроительство в Монголии. М., 1971.
- Майдар Д., Пюрвеев Д. От кочевой до мобильной архитектуры. М., 1980.
- Мамаджанова С. Некоторые принципы и приемы организации жилой архитектуры Верхнего Зеравшана // Материалы по истории и истории культуры Таджикистана. Душанбе, 1981.
- Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии. IX-начало XX в. – Ташкент, 1980.
- Маньковская Л.Ю. Формообразование и типология зодчества Средней Азии. IX - начало XX века. Ташкент: Vaktria Press, 2014.
- Маньковская Л.Ю. О пути Ибн Фадлана из Хорезма через плато Устюрт // СА, 1979. № 2.
- Маньковская Л.Ю. Археологическое исследование караван-сарая центрального Устюрта // Археология Приаралья. Ташкент, 1982. вып. 1
- Маньковская Л.Ю., Юсупов Н.Ю. Караван-сарай Центрального Устюрта // СА, 1982. № 1.
- Марр Н.Я. Ани. Л-М., 1934.
- Масловский А.М. Археологические исследования в Азове и Азовском районе в 2005 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Вып. 22. Азов, 2006.
- Массон В.М. Древние земледельцы на юге Туркменистана. Ашхабад, 1959а.
- Массон В.М. Древнеземледельческие поселения Маргианы // МИА., 1959б. № 73.
- Матвеева Г.И. Изучение болгарских памятников домонгольского периода на Самарской Луке // Самарская Лука в древности, вып. III. Куйбышев, 1975.
- Мец А. Мусульманский ренессанс. М.: ВиМ, 1996.
- Минерт Л.К. Монгольское градостроительство XIII-XIV веков // Центральная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1990.

- Мухелишвили Л. Раскопки в Дманиси // СА, 1946. № VI.
- Мухамадиев А.Г. Раскопки двойного дома на Водянском городище в 1970 г. // Города Поволжья в средние века. М., 1974.
- Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки богатой усадьбы в Новом Сарае // СА, 1970. № 3.
- Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки усадьбы на Царевском городище // Вестник МГУ, 1978. № 3.
- Мухамеджанов А.Р., Адылов Ш.Т., Мирзахмедов Д.К., Семенов Г.Л. Городище Пайкенд. К проблеме изучения средневекового города Средней Азии. Ташкент, 1988.
- Мухиддинов И. Традиционное жилище таджиков среднего течения р. Вахш в зоне затопления Нурекским водохранилищем. XIX – начало XX в. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982.
- Мыц В.Л. Художественный образ хана Узбека на фреске Амброджо Лоренцетти «Мученичество францисканцев» // Золотоордынская цивилизация. № 6. Казань, 2013.
- Наршахи. История Бухары. Ташкент, 1987.
- Наумова О.Б. Развитие жилища у казахов северо-восточного Казахстана в процессе их перехода к оседлости (конец XIX – начало XX века) // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 2000.
- Небольсин П.И. Очерки торговли России со Средней Азией // ЗРГО, кн. X, 1855.
- Недашковский Л.Ф. Международная и внутренняя торговля // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII- середина XV в. Казань, 2009.
- Недашковский Л.Ф. Международная и внутренняя торговля // Золотая Орда в мировой истории. The Golden Horde in World History. Казань, 2016
- Немцева Н.Б. Среднеазиатские караван-сарай в генетическом аспекте // Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана (тез. всесоюзн. научн. конф в г. Пенджикенте). Душанбе, 1977.
- Немцева Н.Б. Рабат-и Малик // Художественная культура Средней Азии IX-XIII вв. Ташкент, 1983.
- Немцева Н.Б. Рабат-и Малик: материалы раскопок // Отзвуки Великого Хорезма. К 100-летию со дня рождения С.П. Толстова. М., 2010.
- Неразик Е.Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966.
- Неразик Е.Е. О некоторых направлениях этнических связей населения Южного и Юго-Восточного Приаралья // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
- Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (X-XIV вв.). М., 1976.
- Неразик Е.Е. Средневековые сельские постройки Хорезма в связи с проблемами формирования некоторых типов жилищ оседлого населения Средней Азии // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982.

Неразик Е.Е. Усадьба в Якке-Парсанском оазисе// Приаралье в древности и средневековье. М., 1998.

Никитин С.Н. Отчеты экспедиции 1892 г. в Зауральские степи Уральской области и Усть-Урт. СПб, 1893.

Нильсен В.А. Архитектура Бухарского оазиса XI-XII вв. Ташкент, 1956.

Носкова Л.М. Мозаики и майолики из средневековых городов Поволжья // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976.

Орбели И.А. Баня и скоморох XII в. // Сборник памятников эпохи Руставели. Л., 1939а.

Орбели И.А. Проблемы сельджукского искусства // Иранское искусство и археология. III-й Международный конгресс. Доклады. М.-Л., 1939б. С. 150-162.

Очерки истории распространения исламской цивилизации. Т. 2. Эпоха великих мусульманских империй и Каирского Аббасидского халифата (середина XIII – середина XVI вв.). М., 2002.

Паллас. П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3, половина 2. СПб., 1788.

Паллас П.С. Поездка во внутренность Крыма вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань (продолжение) // ЗООИД, 1883. Т. 13. С. 35-108.

Пачкалов А.В. Сведения о золотоордынском населенном пункте, располагавшемся в с. Комсомольский (Аксарайский) Астраханской области // Восток – Запад: Диалог культур и цивилизаций Евразии. Вып. 8. Казань, 2001.

Пачкалов А.В. Топография поселений и городищ XIII-XV вв. на территории Волгоградской области // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. № 1. Уральск 2009.

Перевозчиков В.И., Масловский А.Н. И в Азаке бани строились // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в. 1998 г. Вып. 16. Азов, 2000.

Плахов В.В. Научный отчет о раскопках Хаджитархана в 1984-86 гг. // Архив ИА РАН, Р-1, № 11416.

Плахов В.В. Предварительные результаты исследования остатков административного здания конца XIV в. у пос. Комсомольский в Астраханской области// Средневековая археология евразийских степей. Казань, 2007. Т. 2.

Плахов В.В. Дворцовые здания конца XIV в. у пос. Комсомольский в Астраханской области // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2008. Т.6.

Поло Марко. Книга Марко Поло. Москва, 1955.

Прибыткова А.М. Караван-сарай Дая-Хатын // Архитектурное наследство. № 3. М., 1953.

Прибыткова А.М. О некоторых местных традициях в зодчестве Средней Азии в IX-X вв. // Архитектурное наследство, 1958, № 11.

- Прибыткова А.М. Строительная культура Средней Азии IX-X вв. М., 1973.
- Приднев С.В. Турецкие бани в Евпатории // Археология Крыма. Симферополь, 1997. Т. I, № 1.
- Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950.
- Пугаченкова Г.А. Архитектурные памятники Нисы // Труды ЮТАКЭ. Т. I. Ашхабад, 1949.
- Пугаченкова Г.А. О Таш-рабате. // Известия Киргизского филиала АН СССР, 1952. Вып. III.
- Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958а.
- Пугаченкова Г.А. Новые материалы к истории архитектуры Туркменистана. Труды ЮТАКЭ. Т. 8. Ашхабад, 1958б.
- Пугаченкова Г.А. Новое об архитектуре средневекового Мерва. Труды ЮТАКЭ. Т. 12. Ашхабад, 1963.
- Пугаченкова Г.А. Халчаян. Ташкент, 1966.
- Пугаченкова Г.А. Зодчество Центральной Азии. XV век. Ведущие тенденции и черты. Ташкент, 1976.
- Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. Ташкент, 1958.
- Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины XIX в. М., 1965.
- Путешествие в восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука. М.: Изд-во географической литературы, 1957.
- Пушкин А.С. Сочинения, Л., 1936.
- Распопова В.И. Один из базаров Пенджикента VII-VIII вв. // Страны и народы Востока. Вып. X. М, 1971.
- Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т.I, книга вторая. М.-Л., 1952.
- Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т.II. М.-Л., 1960.
- Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т.III. М.-Л., 1960.
- Рычков П.И. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное Петром Рычковым. Ч. II. СПб, 1762.
- Рябинин А.Н. По Прикаспийским степям и Устюрту от р. Урала до устья Аму-дарьи (Путевые наблюдения 1899 г.) // Горный журнал. Т. I. 1905 февраль.
- Савельева Т.В., Кузнецова О.В. Средневековый Талгар – город мастеров // Международная научная конференция «Кадырбаевские чтения – 2007». Актобе, 2007.
- Сдыков М.Н., Лукпанова Я.А. Сарайшык // Средневековые города бассейна реки Урал. Уральск. 2014.
- Семенов Г.Л. Пригороды Пайкенда // Эрмитажные чтения памяти В.Л. Луконина 2000-2006 г. ТГЭ, СПб, 2008. Т. 30.
- Семькин Ю.А. Исследование бани на I Красносундюковском городище // Археологические исследования в Поволжье. Самара, 1993.

- Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972.
- Смагулов Е.А. К истории происхождения и развития «жилища отрарского типа» // Известия НАН РК. Серия общественных наук. № 1. 2010.
- Смагулов Е.А. Древний Сауран. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2011. 434 с.
- Смирнов А.П. Баня XIV в. в Великих Болгарах // КСИИМК. Вып. VI. М., 1940.
- Смирнов А.П. Сувар // Труды ГИМ, вып. XVI. М., 1941.
- Смирнов А.П. Волжские Булгары // Труды ГИМ. Вып. XIX. М., 1951.
- Смирнов А.П., Каховский В.Ф. Хулаш // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1972.
- Смирнов А.П. Среднеазиатские элементы в архитектуре и строительном деле Волжских Булгар // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976.
- Смирнов В.Д. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 г. // ЗВОИ-РАО. Т. I. СПб, 1887.
- Смирнов Г.Д. Археологические исследования Старого Орхоя // КСИИМК. Вып. 56. 1954.
- Смирнова О.И. Очерки по истории Согда. М., 1970.
- Смолин В.Ф. По развалинам древнего Булгара. Казань, 1926.
- Собиров Н.Д. Южный пригород Пайкенда // Бухарский оазис и его соседи в древности и средневековье. ТГЭ, Т. LXXV. СПб, 2015.
- Сокровенное сказание монголов (перевод С.А. Козина). М, 2002.
- Старокрымская (Золотоордынская) археологическая экспедиция // Сообщения Государственного Эрмитажа, 1997-1998 год. Л.: Искусство, 1991. № 55.
- Старокрымская археологическая экспедиция // Сообщения Государственного Эрмитажа. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1999. № 58.
- Сумбадзе Л.З. Колхидское жилище по Витрувию // АН, № 11, 1958.
- Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Арабские источники. СПб, 1884.
- Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Персидские источники. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1941.
- Типы традиционного сельского жилища Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М., 1979.
- Толстов С.П. Хорезмская археолого-этнографической экспедиция АН СССР в 1946 г. // ИАН СИФ, т. IV. 1947, № 2.
- Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948а.
- Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948б.
- Толстов С.П. Хорезмская археолого-этнографической экспедиция АН СССР в 1950 г. // СА. Вып. XVIII. 1953.
- Толстов С.П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949-1953 гг. // Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949-1953. Труды ХАЭЭ. Т. II. М., 1958.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Изд-во вост. литературы, 1962.

Тункина И.В. Открытие Феодосии: Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771-1871. Киев: Болеро, 2011.

Туркестанский альбом, 1871–1872. Часть промысловая / Сост А.Л. Кун, М.И. Бродовский. Ташкент: Гл штаб туркестанского военного округа. 1871-72.

Уссейнов М.А. Памятники азербайджанского зодчества. М., 1951.

Уссейнов М.А., Бретаницкий Л.С., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М., 1963.

Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки квартала XV-XVII вв. на городище Таш-кала // Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949-1953. Труды ХАЭЭ. Т. II. М., 1958.

Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки городища у села Большая Тояба Чувашской АССР в 1957 году // Вопросы археологии и истории Чувашии. Чебоксары, 1960.

Федоров-Давыдов Г.А. Культура и общественный быт золотоордынских городов. // Труды VII МКАЭН. М., 1964а.

Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки Нового Сарая в 1959-1962 гг.// СА, 1964б. №1.

Федоров-Давыдов Г.А. Города и кочевые степи в Золотой Орде в XIII в. // Вестник МГУ, 1965. № 6.

Федоров-Давыдов Г.А. Новый Сарай по раскопкам 1963-1964 гг.// СА, 1966. № 2.

Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

Федоров-Давыдов Г.А. Исследование большой аристократической усадьбы на Царевском городище // Вестник МГУ, 1981. № 1.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. Керамика, торговля, быт. М., 2001.

Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г. Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959-1966 гг. // Поволжье в средние века. М., 1970.

Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В. Исследование трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в средние века. М., 1974.

Федоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л., Яблонский Л.Т., Булатов Н.М. Отчет Поволжской археологической экспедиции о раскопках на Селитренном городище Астраханской области в 1978 г.// Архив ИА РАН. Р-1, № 8263.

Федоров-Давыдов Г.А., Егоров В.Л., Яблонский Л.Т., Булатов Н.М., Паромов Я.М. Отчет Поволжской археологической экспедиции о раскопках

на Селитренном городище Астраханской области в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 8266.

Халиков А.Х., Шарифуллин Р.Ф. Караван-сарай древнего Биляра // Исследования Великого города. М., 1976.

Халиков А.Х. Кирпичное здание на XVII раскопе // Новое в археологии Поволжья. Казань, 1979.

Халиков А.Х., Шарифуллин Р.Ф. Исследование комплекса мечети // Новое в археологии Поволжья. Казань, 1979.

Халпахчян О.Х. Караван-сарай Армении // АН, № 11. М., 1959.

Халпахчян О.Х. Средневековые бани Армении. СА, 1960. № 1.

Халпахчян О.Х. Гражданское зодчество Армении (жилые и общественные здания). М., 1971.

Хамиджанова М.А. Жилище таджиков Ягноба // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982.

Харузин Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. М., 1896.

Хилал ас-Саби. Установления и обычаи двора халифов. М., 1983.

Хлебникова Т.А. История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Город Болгар. Очерки истории и культуры. М., 1987.

Хмельницкий С. Между арабами и тюрками. Архитектура Средней Азии IX-X вв. Берлин-Рига, 1992.

Хмельницкий С. Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI-начала XIII вв. Часть I. Берлин-Рига, 1996.

Хмельницкий С. Между Саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI – начала XIII вв. Часть II. Берлин-Рига, 1997.

Хмельницкий С. Между кушанами и арабами. Архитектура Средней Азии V-VIII вв. Берлин-Рига, 2000.

Хмельницкий С. Архитектура средневековых дворцов Центральной Азии // Transoxiana. Ташкент, 2004.

Хмельницкий С. Дворцы Хутталя. Идеи и формы гражданской архитектуры Средней Азии IX-XII веков. Берлин, 2006.

Хованская О.С. Бани города Болгара // МИА № 42, 1954.

Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X-начале XIII вв. Казань, 2001.

Челеби Эвлия. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. Симферополь, 2008.

Чернецовы Г. и Н. Путешествие по Волге. М., 1970.

Чуйская долина. Труды Семиреченской археологической экспедиции // МИА, 1950. № 14.

Шамильоглу Ю. Торговля Улуса Джучи со странами Средиземноморья // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII- середина XV в. Казань, 2009.

Шарифуллин Р.Ф. Второе кирпичное здание в центре Биляра // Археологическое изучение болгарских городов. Казань, 1999.

Шарифуллин Р.Ф. Бани Болгара и их изучение // Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М., 2001.

Шишкин В.А. Варахша. М., 1963.

Шишкина Г.В. Городской квартал VIII-XI вв. на северо-западе Афрасиаба // Афрасиаб, вып. II. Ташкент, 1973.

Шуази О. Всеобщая история архитектуры. М., 2008.

Щепетильников Н.М. Архитектура Монголии. М., 1960.

Эссад Дж. Константинополь. От Византии до Стамбула. М., 1919.

Якобсон А.Л. Из истории средневековой архитектуры в Крыму // СА, 1946. № VIII.

Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес XII-XIV вв. // МИА, 1950. № 17.

Якобсон А.Л. Раскопки на городище Орен-Кала в 1953-55 гг. // МИА, 1959. № 67.

Якобсон А.Л. Средневековый Крым. М.-Л.:Наука, 1964.

Якубов Ю. Раннесредневековые бытовые очаги из поселения Гардани Хисор // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982.

Якубовский А.Ю. Развалины Ургенча // Известия ГАИМК. Т.6, вып. 2. Л., 1930.

Bartold V. Der iranische Buddhismus und sein Verhältnis zum Islam // Oriental studies in honour of C.E. Pavry. London, 1933.

Barrucand M., Bednorz A. Maurische Architektur in Andalusien. Köln, 1992.

Creswell K.A.C. A short account of early muslim Architecture. Middlesex, 1958.

Erdenebat U., Pohl E. Aus der Mitte der Hauptstadt – Die Ausgrabungen der Universität Bonn im Zentrum von Karakorum // Dschingis Khan und seine Erben. Das Weltreich der Mongolen. Bonn, München, 2005.

Ettinghausen R., Grabar O. The Art and Architecture of Islam: 650-1250. New Haven and London, 1987.

Godard A. L'Art de Iran. Paris, 1962.

Grabar O., Holod R., Knustad Y., Trousdale W. City in the desert. Casr al-Hair East. Cambridge Harvard University Press, 1978. V.1.

Herzfeld E. Damaskus. Studies in Architecture. Ars Islamica.Vol.10. Ann Arbor, 1943.

Hillenbrand R. Islamic Architecture. New-York, 1994.

Hüttel H.-G. Der Palast des Ögedei Khan – Die Ausgrabungen des Deutschen Archäologischen Instituts im Palastbezirk von Karakorum // Dschingis Khan und seine Erben. Das Weltreich der Mongolen. Bonn, München, 2005.

Kleiss W. Karawanenbauten in Iran. T.I // Materialien zur Iranischen Archäologie, B. 2. Deutsches Archäologisches Institut. Abteilung Teheran. Berlin, 1996.

L'Art en Turquie. Friborg, 1981.

Nesterov T. Situl Orheiul Vechi. Monumente de arhitectura. Moldova, Epigraf, 2003.

Stierlin H. Islam. Early Architecture from Baghdad to Cordoba. Vol.1. Köln, 1996.

Stierlin H. Turkey from the Selçuks to the Ottomans. Köln, 1998. 238 p.

The World of Khubilai Khan. Chinese Art in the Yuan Dynasty. The Metropolitan Museum of Art, New York, 2010.

Xiao Mo. Chinese Architecture. Beijing, 1999.

ABSTRACT

The Golden Horde state, which stretched over vast territories from Western Siberia to Transdnestria and from Southern Kazakhstan and Left-bank Khoresm to southern borders of Russian princedoms, represented a unique historic phenomenon. The largest part of its population lived in steppe and forest-steppe regions and led nomadic or semi-nomadic lives. However, in Golden Horde, especially in the 14th century, there were a lot of cities whose distinctive culture defined the uniqueness of the state.

In traditionally sedentary regions, such as Southern Kazakhstan, Left-bank Khorezm, Crimea and Volga Bulgaria, cities with developed infrastructure existed long before the Mongolian invasion. The steppe and forest-steppe territories of Western Siberia, Western Kazakhstan, Volga-Ural interfluve, Volga, Don and Dnieper basin regions were inhabited by nomads, such as Kipchaks and Polovtsians.

Already in the 1240-s by the order of khan Batu the building of new cities started in the steppe region. They were conceived as administrative centres for management of the conquered territories, which were inhabited by both sedentary population and nomads. In the 13th century the Golden Horde cities were not numerous. But in the first half of the 14th century cities and smaller settlements appear in all its parts and the uninhabited in the pre-Mongolian period Volga basin region became a zone of a completely settled way of life. Presently we are aware of the existence of 110 cities and settlements, but exploratory activities continue to identify new sites. Consequently, the state founded by nomads and whose population was formed mainly by nomads within several decades became “the country of cities”.

The Golden Horde cities were populated by both peoples that had lived on their territory since olden days and those that had moved there as a result of the conquest. The multiethnicity and, consequently, multiculturalism of the Golden Horde population can be particularly traced in the cities, which were populated by builders, artisans and merchants from different countries, as compared to the steppe population, which was much more homogeneous.

The most expressive embodiment of the city culture is represented by monumental constructions, which determine the exterior of the cities. Therefore the study of the monumental architecture allows to trace the interaction of different traditions in the composition of the Golden Horde city culture quite fully and accurately.

The Golden Horde religious buildings were studied in the first part of the monograph “Architecture of the Golden Horde” (Zilivinskaya, 2012). The present study is concentrated on the analysis of the civil architecture. It regards such categories of buildings as caravanserais, markets, hammam baths and manor buildings. The Golden Horde civil buildings are studied in the context of the architecture of Central Asia, Transcaucasia and Asia Minor, which allows

to distinguish different cultural traditions in the Golden Horde architecture composition. The timeframe of the study was set from the appearance of Ulus Juchi in the 1240-s to the final disintegration of the state in the middle of the 15th century.

Unfortunately, the civil architecture objects do not give such a broad picture as the religious buildings. It is primarily connected with the fact that they are not studied so well. Some categories of buildings are not explored in all the parts of Golden Horde state, e.g. the Golden Horde caravanserais are studied only on the Ustyurt caravan route. All of them belong to one type of layout. These are one-yard square or close to square buildings with one entrance. The entrance is mounted by means of a portal with a lancet arch. The angles of the building are flanked by towers and half-towers can be added to the walls. Inside, around a large yard, you can see section and gallery building along four walls in a row. At that, three walls are adjoined with living sections and public premises (mosque) and the wall opposite to the entrance is adjoined with a household gallery. The Ustyurt caravanserais layout can be compared with Central Asian (Khoresmian) architecture school. Armenian architects could take part in construction of stone buildings, which is indirectly proved by zoomorphic bas-reliefs on the tympanum of Beleuli caravanserai. The caravanserai building in Solkhat (Crimea) is not accurately attributed. Its construction technique is similar to other stone buildings in Crimea. Researchers point out that the extant tower reminds of those in Genovese fortresses of Kafa and Sudak.

The building of the city market (bazaar) was studied only in Bolgar. The architecture of the central market of the city of Bolgar was very simple and ultimately functional. The building, which was constructed of adobe brick, represented a slightly elongated prismatic volume with blank walls and wide entrances in the middle of them. The ceiling was flat and contained light holes. Most of all, the Bolgar bazaar layout reminds of that of Central Asian “tims” and Turkish “bedestans”(covered markets). But its implementation is more primitive. An originality of the Bolgar building layout is achieved by internal pavilions. A monumental stone building in Sary Orkhey (Moldova), located in the city centre near the Great mosque, can be considered a market only symbolically.

A vivid example of a pronounced effect of Seljuk influence on the Golden Horde architecture is the existence of hammam public baths, which provided service for the Golden Horde city social elite. Their cross-shaped massage hall with four washrooms in the corners and an open water basin in the centre of dressing-room is characteristic exactly of the Seljuk Asia Minor. At the same time private baths as well as public baths, which served the urban lower classes, had a simpler layout. They consisted of one or several rows of rectangular rooms. It is a quite common layout, which refers to the antique tradition.

A completely different picture is observed in the architecture of estate houses, which were mainly studied in the lower Volga region. In the layout of that category of buildings one can trace a considerable variety of forms, reflecting a high level

of ethnic diversity of the Golden Horde cities population. The first group includes the buildings with different types of layout, the basis of which represents a module in the shape of a rectangular in the plan “Mongolian” house, which arose as a result of the transformation of a yurt into a stationary housing and is characteristic of all nomads, settling on the ground. The diversity of building types, belonging to this group, is characterized by different composition approaches. In this group composition one can trace the influence of the architecture of Inner Asia (Mongolia and China) and Central Asia (Khorezm). Some types of buildings are typical of all the nomads, that passed to the settled lifestyle and may have a local origin.

The second group is represented by the buildings with a regular layout, which were created by skillful architects. Among them, we can distinguish rich manor buildings with a stateroom, which belonged to the Golden Horde social elite and the layout of which arose under the influence of Central Asia. However, there was no direct borrowing there, too. A typical Central Asian layout was connected with Mongolian principles of space arrangement as a result of which a new original type of building, characteristic of only the Golden Horde, appeared. Capital buildings with a linear-enfilade layout, which were studied in Western Kazakhstan and Madjar, belong to the same group. For Kazakhstan researchers connect that type of buildings, with the recent nomadic past and consider it reminiscence of a nomad tent. Conglomerate buildings, which refer to the third group, are the evidence of primitive spatial thinking and insufficient development of building skills.

Thus, the Golden Horde architecture of the estate houses not only reflects the complexity of the ethnic composition, but also the existence of two Golden Horde state components – nomadic and settled.

As an example of cultic monumental architecture inside the state we can distinguish the regions with different construction and architecture traditions. In Crimea, Volga Bulgaria, Transdnestrria traditions of stone construction were very strong. Here architectural decor is represented by stone carving. In the steppe region cities (the cities of Lower Volga region, Madjar) the Central Asian construction technique was used. Here the buildings were made of both adobe and burnt brick and tile brick, mosaic inlay, majolica, terracotta and components, carved of brick, were used as architectural decor. The interior contained decor elements made of carved and stamped ganj (mix of gypsum and clay) and also ceramic tiles with polychrome overglaze painting and gilding. Mixed construction technique of both brick and stone was used in Beljamen, Mokhsa, Azov and in the Kuchugur settlement. Local traditions were strong in the North Caucasus. A peculiar architectural province of the Golden Horde was represented by the cities of Syr Darya in South Kazakhstan. The influence of the Central Asian architecture was especially noticeable there. On the whole these conclusions can be applied to the civil architecture, too.

Looking upon architectural monuments as a whole, we can assert that their analysis helps to restore a complex process of formation and development of the multi-component city culture in the Golden Horde state.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГОИАМЗ – Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник, Астрахань

АН – Архитектурное наследство, М.

ВИА – Всеобщая история архитектуры, М.-Л.

ВКФ – Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР

ЗВОИРАО – Западно-Восточное отделение Исторического Российского Археологического Общества.

ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей, Одесса

ЗРГО – Записки Русского географического общества

ИАН СИФ – Известия Академии наук СССР, серия истории и философии. М.

ИГГО – Известия государственного географического общества

ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии Российской академии наук

КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры, Л.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР, М.-Л.

МИЦАИ – Международный Институт Центральноазиатских исследований, Самарканд

МКАЭН – Международный конгресс антропологических и этнографических наук

ИАН – Материалы Хорезмской экспедиции, Москва

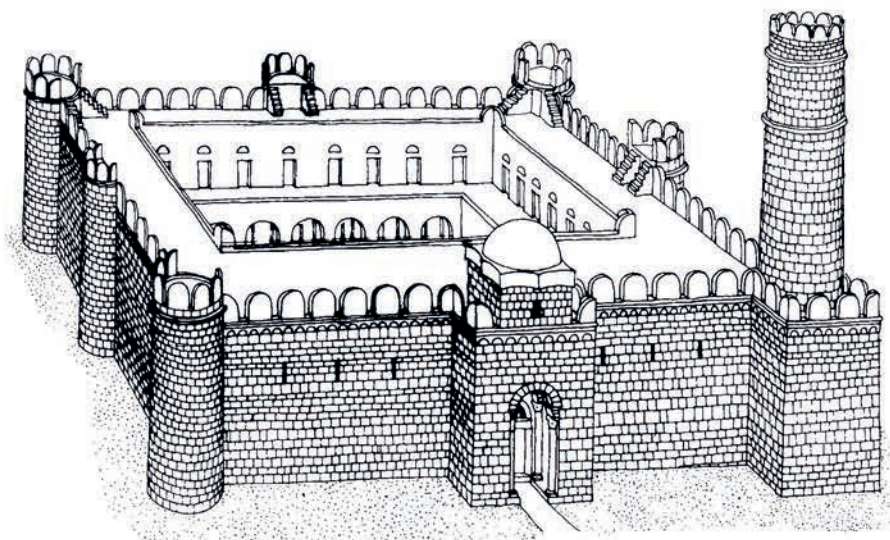
СА – Советская археология, М.

СЭ – Советская этнография, М.

ХААЭ – Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция

ЮТАКЭ – Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция, Ашхабад

1

2

3

Рис. 1. Рибат Суса, IX в.: 1 – аксонометрия (по Р. Хилленбрандту) ; 2-3 – фото.
Fig. 1. Ribat of Susa, IX century: 1 – axonometry (according to R. Hillenbrandt); 2-3 – photo.

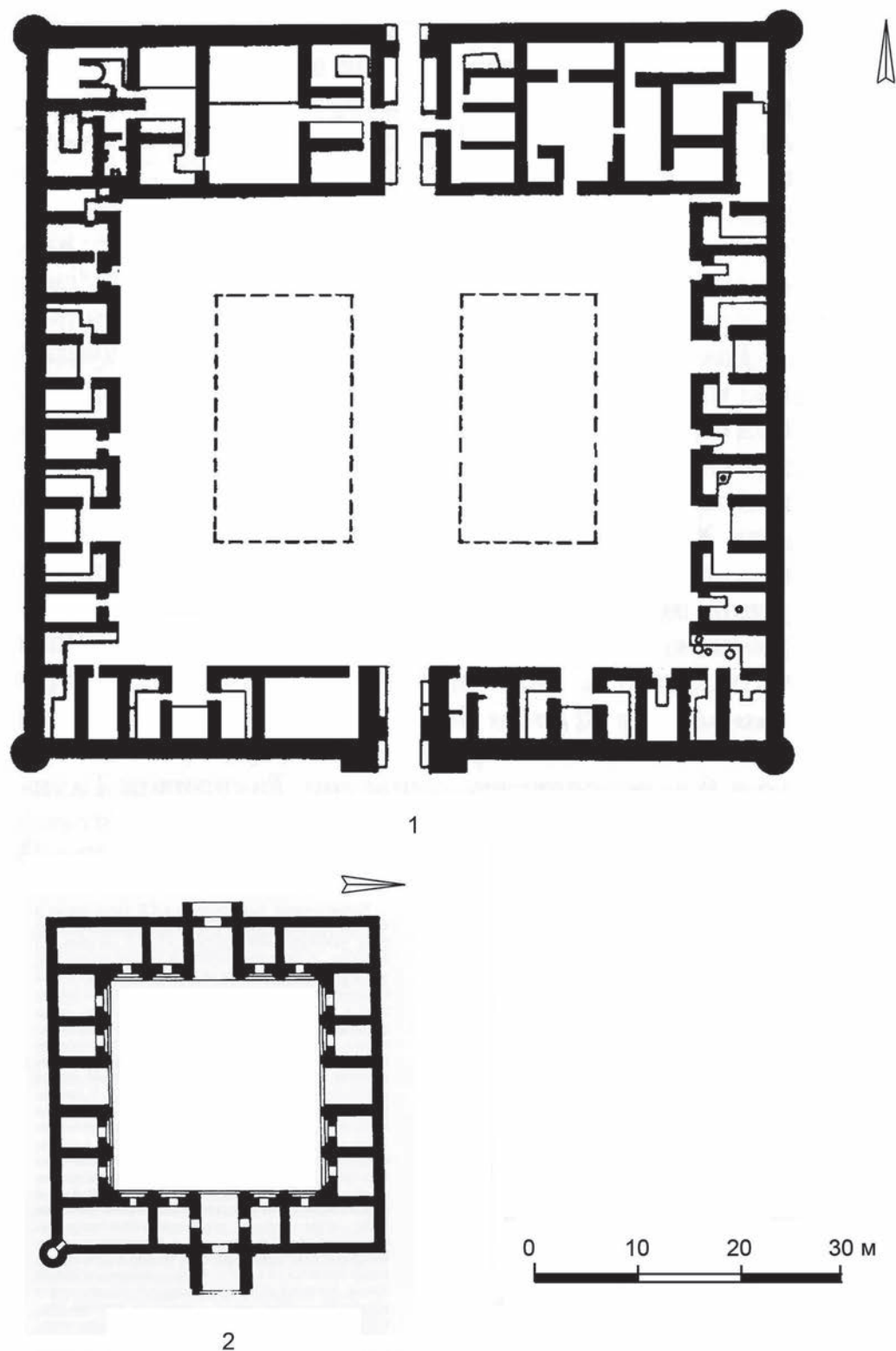

Рис. 2. Однодворовые караван-сарай Средней Азии: 1 – Пайкенд, IX в.;
 2 – Суран, XI-XII вв. (по С.Г.Хмельницкому)
 Fig. 2. Caravanserai of Central Asia with one court: 1 – Paikend, IX century;
 2 – Suran, XI-XII centuries (according to S.G. Khmelnitsky)

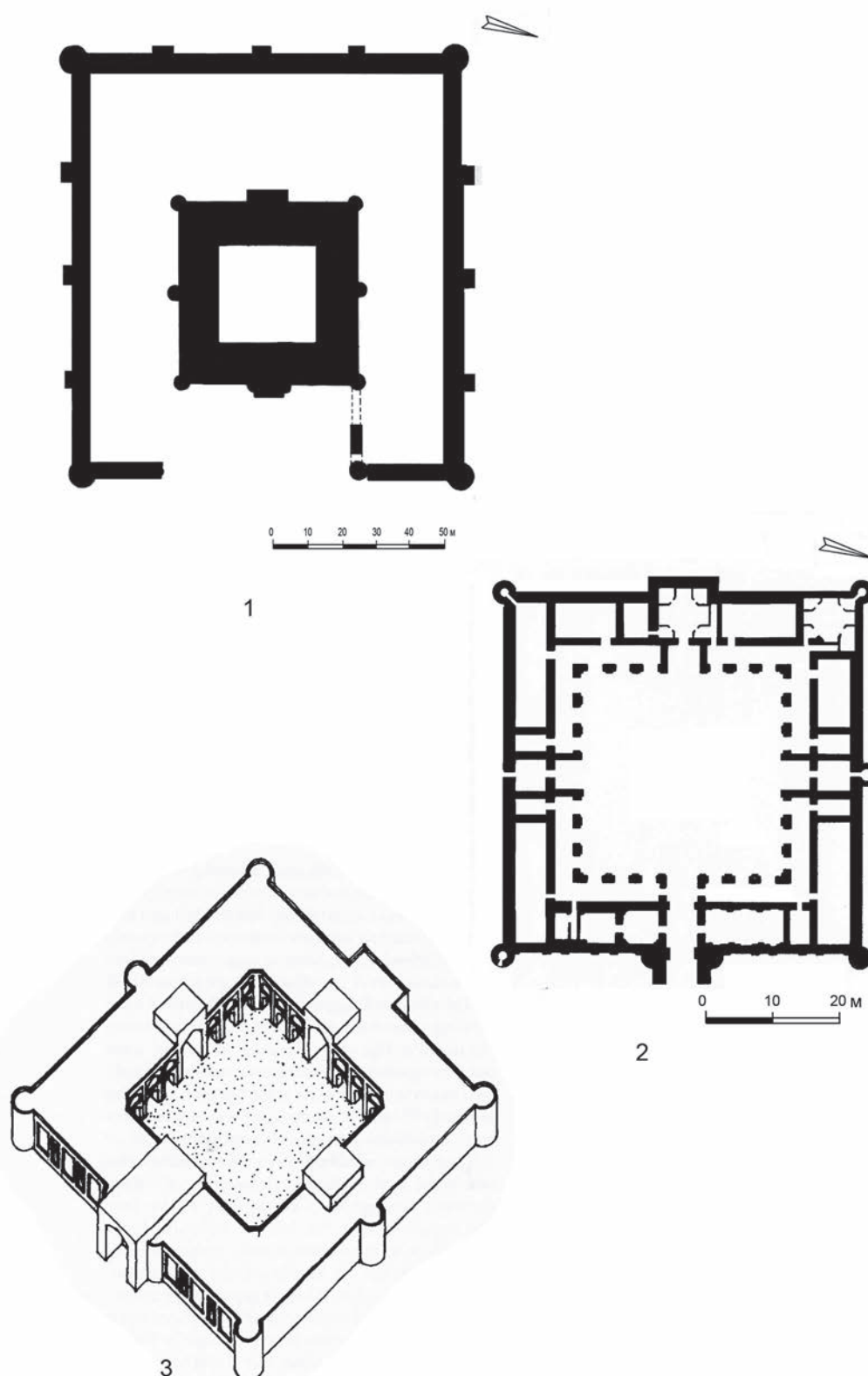

Рис. 3. Дая-Хатын: 1 – план комплекса; 2 – план здания караван-сарая;
 3 – аксонометрия здания караван-сарая (по С.Г. Хмельницкому и Р. Хилленбрандту).
 Fig. 3. Daya-Khatyn: 1 – the plan of the complex; 2 – plan of the caravanserai building;
 3 – axonometry of the caravanserai building (according to S.G. Khmel'nitsky
 and R. Hillenbrandt)

1

2

3

4

5

Рис. 4. Дая-Хатын: 1 – фотография М.Н. Чернышевского 1899 г.; 2,4 – детали кладки; 3 – фасад; 5 – внутренний двор.

Fig. 4. Daya-Khatyn: 1 – photograph of M.N. Chernyshevsky in 1899; 2,4 – details of masonry; 3 – facade; 5 – courtyard.

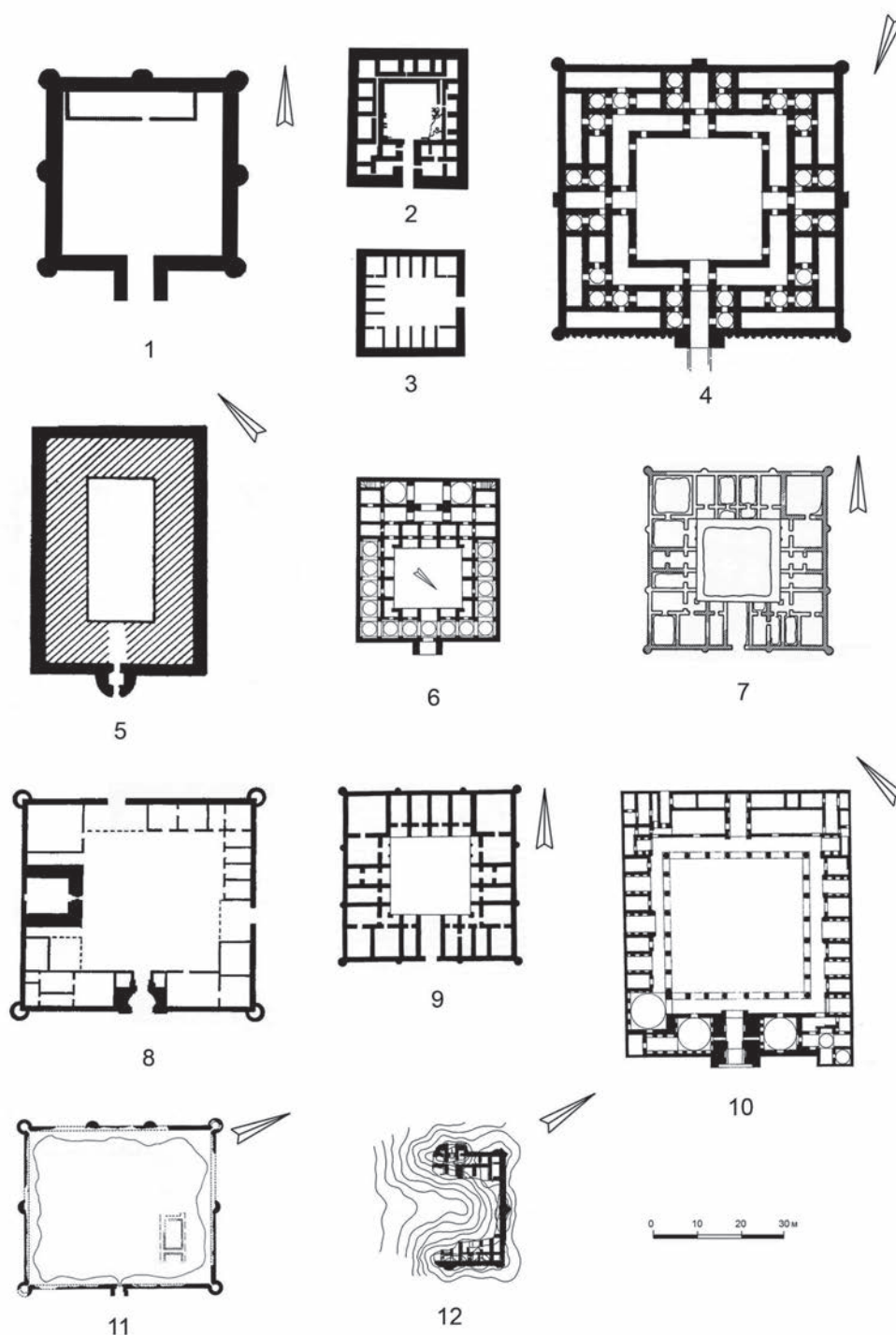

Рис. 5. Однодворовые караван-сарай Средней Азии: 1 – Сан-Таш, X-XII вв.; 2 – Сары-Булун, XI-XII вв.; 3 – Май-Тор, X-XII вв.; 4 – Чалдыквар, X-XII вв.; 5 – Сули-тепе, X-XII вв.; 6 – Ал Аскер, X-XII вв.; 7 – в Дахистане, X-XII вв.; 8 – в Дербенте, X-XII вв.; 9 – южный в Мисриане, X-XII вв.; 10 – восточный в Мисриане, X-XII вв.; 11 – Даш-кала, X-XII вв.; 12 – Ишан-рабат, IX-XI вв. (по Г.А. Пугаченковой, С.Г. Хмельницкому, В. Лоховицу).

Fig. 5. Caravanserai of Central Asia with one courtyard: 1 – San Tash, X-XII centuries; 2 – Sary-Bulun, XI-XII centuries; 3 – May-Thor, X-XII centuries; 4 – Chaldykvar, X-XII centuries; 5 – Suli-tepe, X-XII centuries; 6 – Al Asker, X-XII centuries; 7 – in Dakhistan, X-XII centuries; 8 – in Derbent, X-XII centuries; 9 – southern in the Misrian, X-XII centuries; 10 – east in the Misrian, X-XII centuries; 11 – Dash-kala, X-XII centuries; 12 – Ishan-Rabat, IX-XI centuries. (according to G.A. Pugachenkova, S.G. Khmel'nitsky, V. Lokhovits).

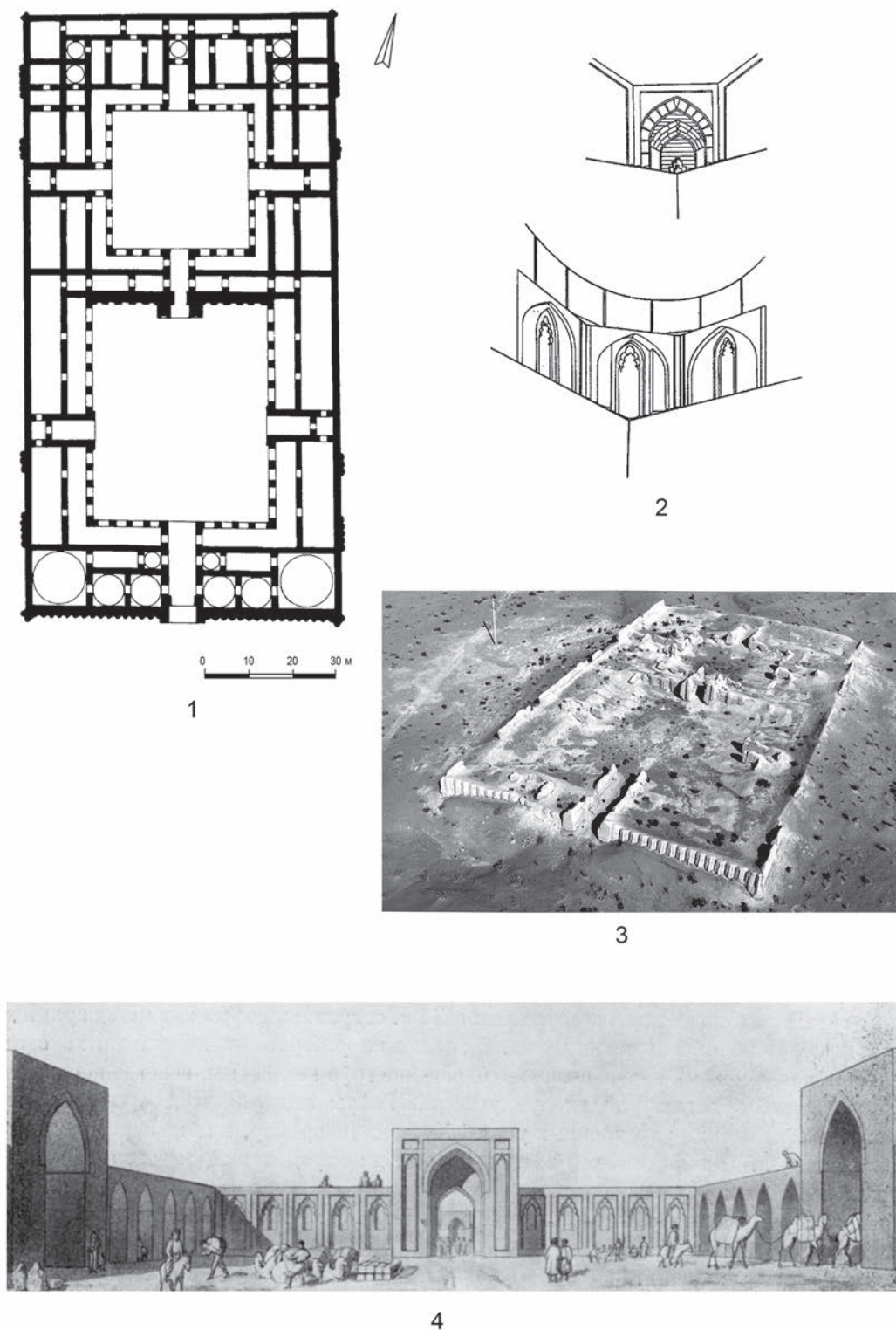

Рис. 6. Караван-сарай Акча-кала XI-XII вв.: 1 – план; 2 – тромпы в помещениях;
 3 – аэрофото; 4 – реконструкция (по Г.А. Пугаченковой).
 Fig. 6. Caravan-Sarai Akcha-kala XI-XII centuries: 1 – the plan; 2 – indoor throbosis;
 3 – aerial photo; 4 – reconstruction (according to G.A. Pugachenkova).

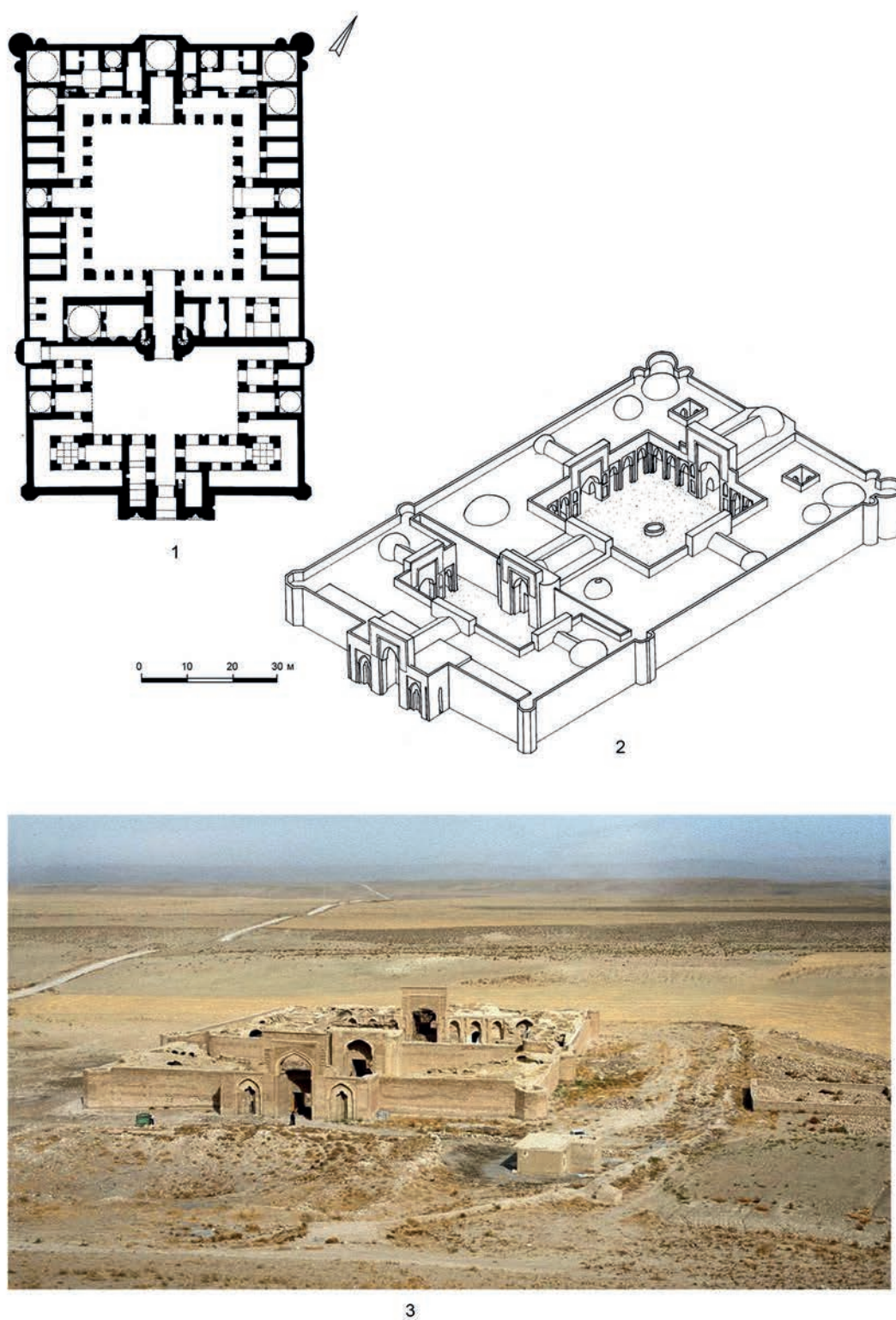

Рис. 7. Рабат-и Шараф: 1 – план; 2 – аксонометрия (по Р. Хилленбрандту); 3 – аэрофото.
Fig. 7. Rabat-i Sharaf: 1 – the plan; 2 – axonometry (according to R. Hillenbrandt);
3 - aerial photo.

1

2

3

4

5

Рис. 8. Рабат-и Шараф: 1 – портал; 2 – тромп; 3 – купольное помещение; 4 – тимпан арки портала; 5 – второй двор.
 Fig. 8. Rabat-i Sharaf: 1 – the portal; 2 – tromp; 3 – dome building; 4 – tympanum arch of the portal; 5 – second courtyard.

1

2

Рис. 9. Рабат-и Малик: 1-2 – фотографии фасадной части.
Fig. 9. Rabat-i Malik: 1-2 – photographs of the facade.

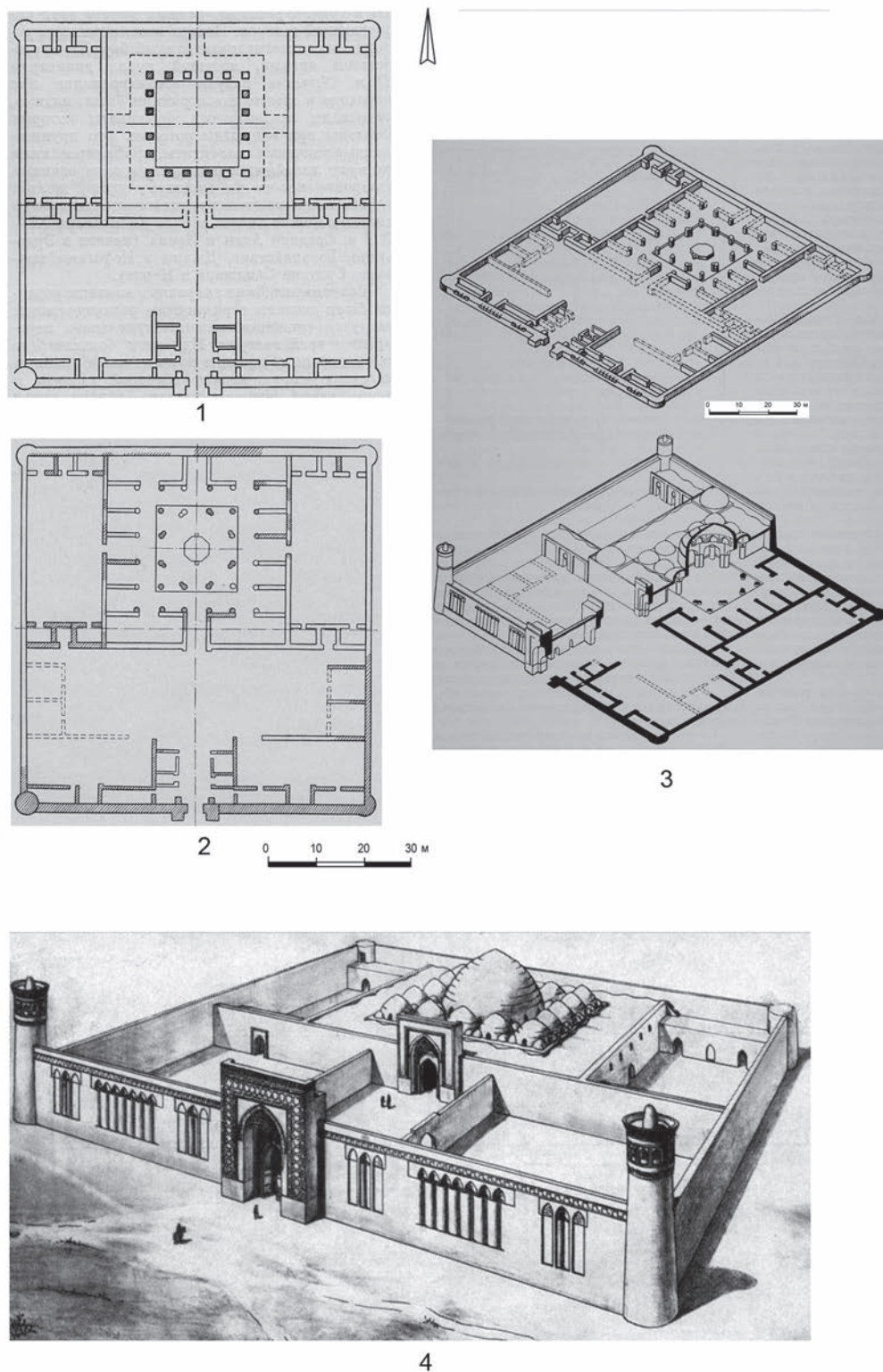

Рис. 10. Рабат-и Малик: 1 – план I периода; 2 – план II периода; 3 – аксонометрия II периода; 4 – реконструкция II периода (по Н.Б. Немцевой).
 Fig. 10. Rabat-i Malik: 1 – plan of the I period; 2 – plan of the II period; 3 – axonometry II period; 4 – reconstruction of the II period (according to N.B. Nemtseva).

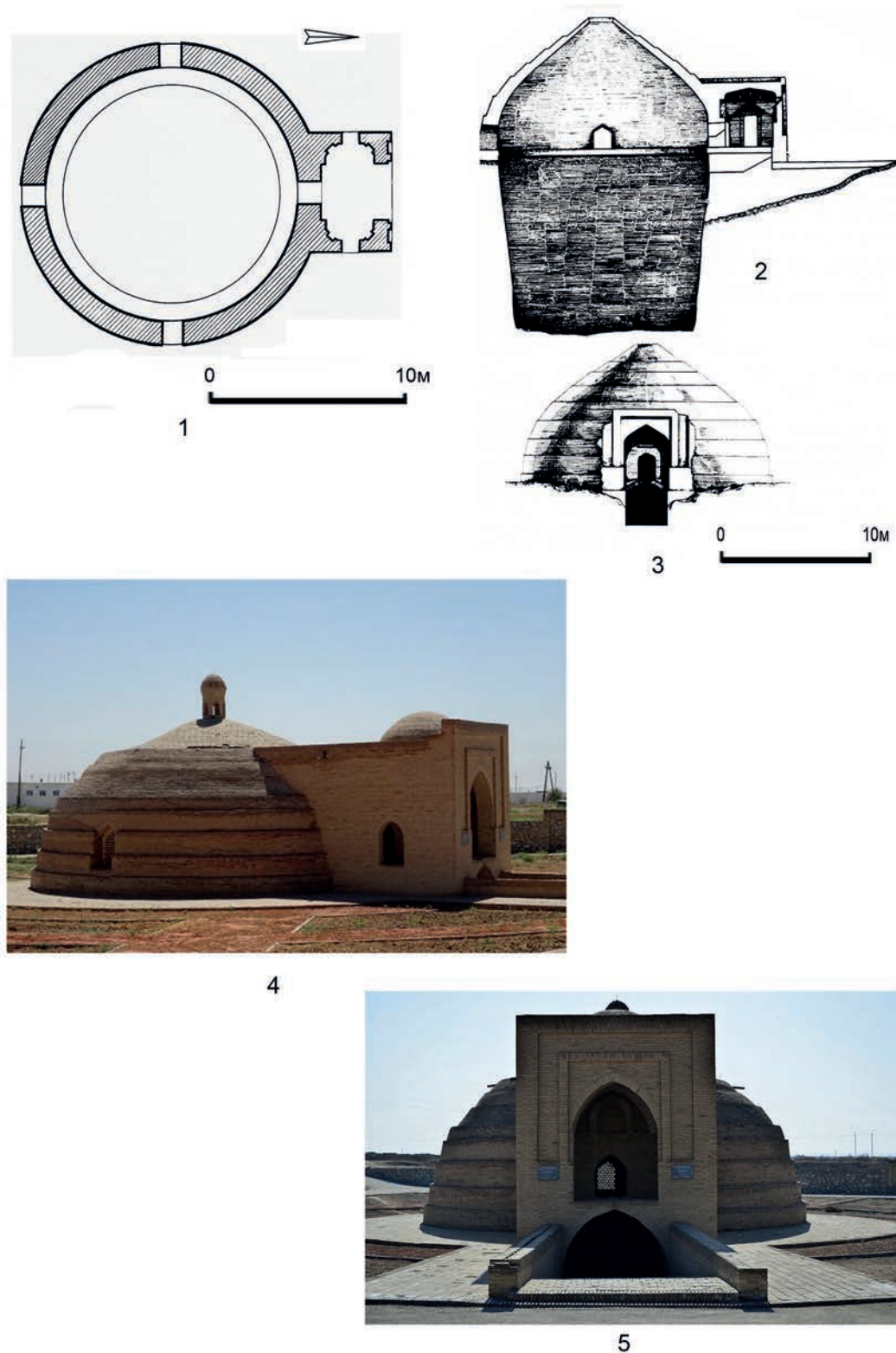

Рис. 11. Сардоба у Рабат-и Малик: 1 – план; 2 – разрез; 3 – фасад (по Н.Б. Немцевой);
4 – вид сбоку; 5 – портал.

Fig. 11. Sardoba at Rabat-i Malik: 1 – the plan; 2 – section; 3 – facade
(according to N.B. Nemtseva); 4 – is a side view; 5 – portal.

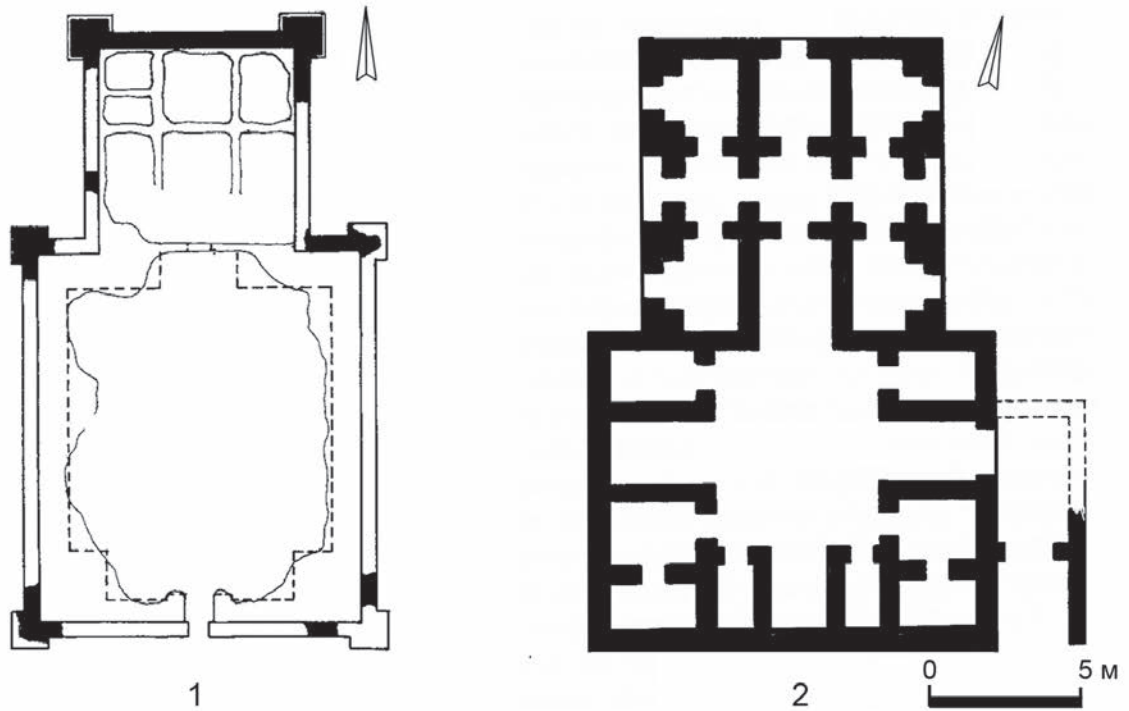

Рис. 12. Двухчастные караван-сарай: 1 – Чаш-кала, X в.; 2 – Куртлы, XI в.
(по С.Г. Хмельницкому).

Fig. 12. Two-part caravan-sheds: 1 – Chash-kala, X century; 2 – Courts, XI century
(according to S.G. Khmel'nitsky).

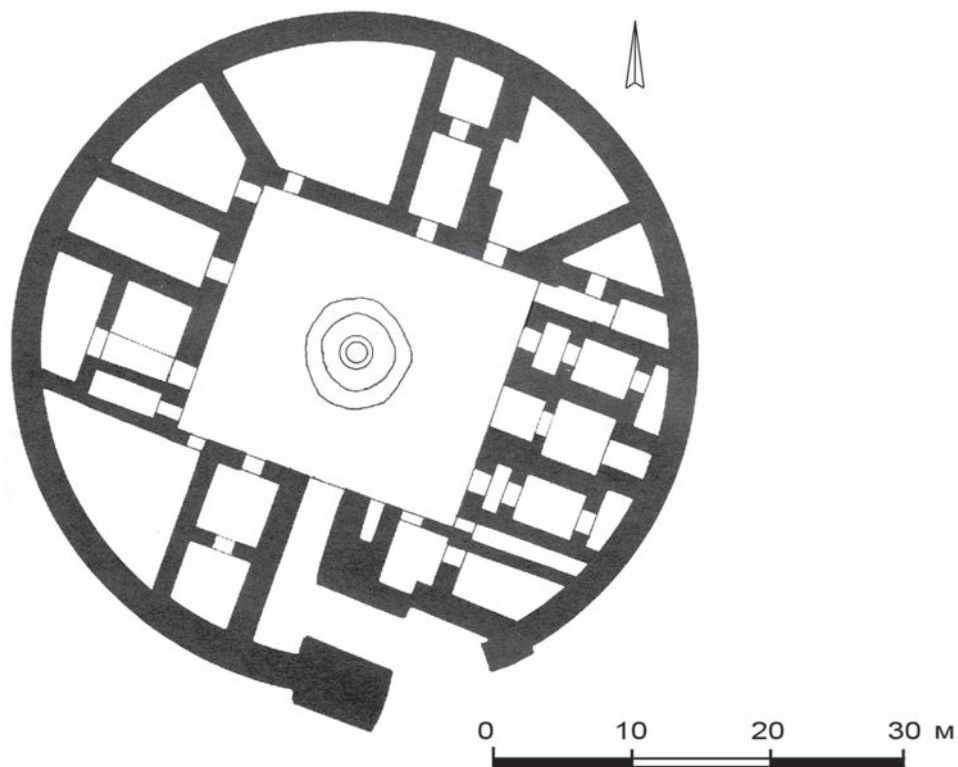

Рис. 13. Караван-сарай Дэу-кала, XI-XIII в. (по С.П. Толстову).

Fig. 13. Caravanserai of Daewoo kala, XI-XIII century. (according to S.P. Tolstov).

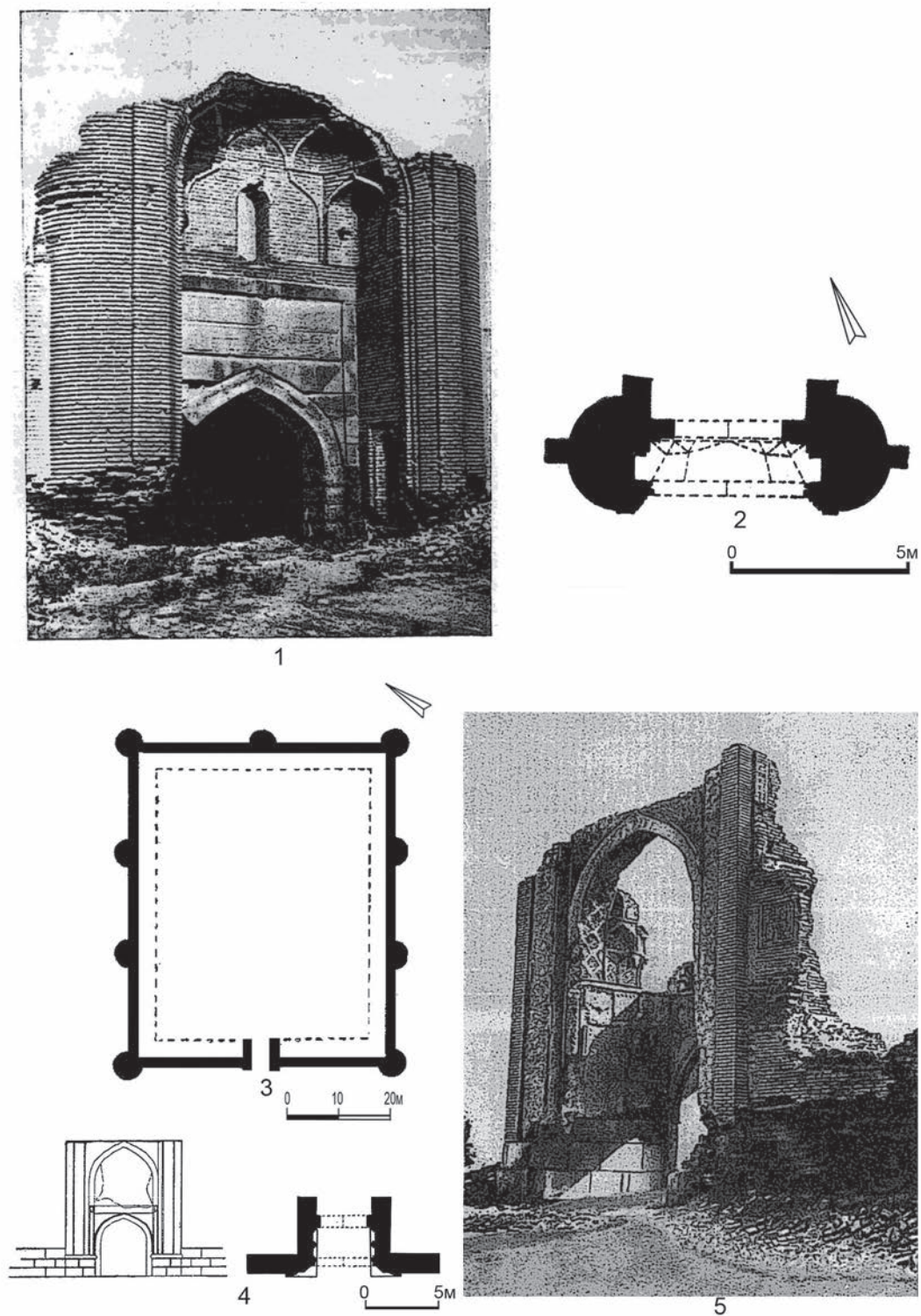

Рис. 14. Караван-сарайи Азербайджана: 1-2 – в Сарчаме, 1332-1333 г. (фото и план портала); 3-5 – у Маранда 1330-1335г. (план, портал и фото портала) (по М. Усейнову и др.).

Fig. 14. Caravanserais of Azerbaijan: 1-2 – in Sarcam, 1332-1333 (photo and portal plan); 3-5 – in Marande 1330-1335g. (a plan, a portal and a photo of the portal) (according to M. Useynov and others).

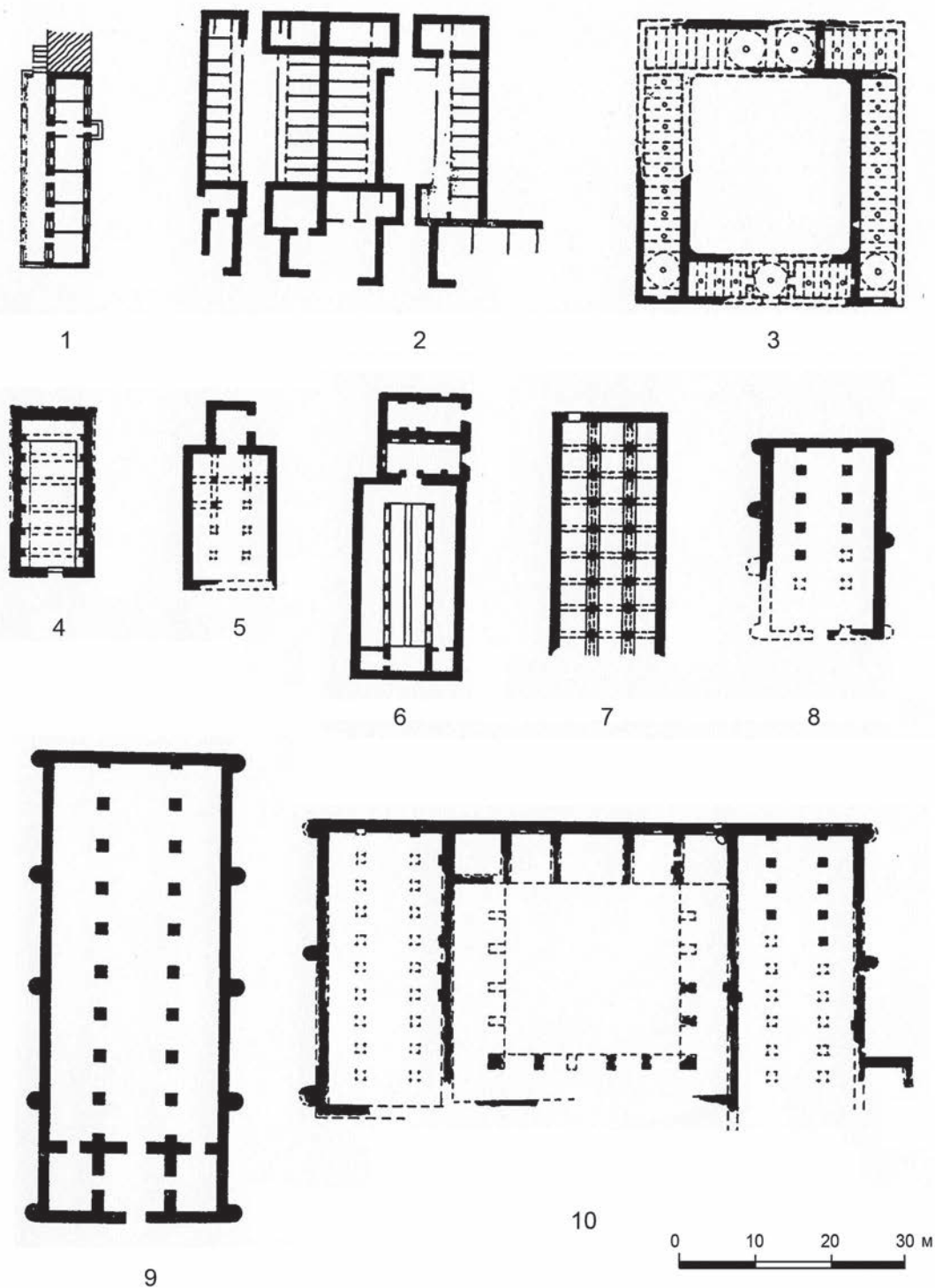

Рис. 15. Городские (1,2) и придорожные караван-сарайи Армении (3-10): 1– Гегарда, XIX в.; 2 – Ани, XIII в.; 3 – Атарбекяна, XII-XIII вв.; 4 – Ахкенда, XII-XIII вв.; 5 – Яйджи, 1343 г.; 6 – Селима, 1332 г.; 7 – Неркин Джарапи, XIII в.; Аруча, XIII в.; 8 – Аруча, XIII в.; 9 – Зора, XIII в.; 10 – Неркин Талина, XIII-XIV в. (по О.Х. Халпахчьяну).
 Fig. 15. Urban (1,2) and roadside caravan-sarays of Armenia (3-10): 1– Gegard, XIX century; 2 – Ani, XIII century; 3 – Atarbekyan, XII-XIII centuries; 4 – Akhkend, the 12th-13th centuries; 5 – Yaygi, 1343; 6 – Selima, 1332; 7 – Nerkin Jarapi, XIII century; Arucha, XIII century; 8 – Aruch, XIII century; 9 – Zora, XIII century; 10 – Nerkin Talina, XIII-XIV c. (according to O. Khalpakhchyan).

1

2

3

Рис. 16. Караван-сарай Селима, XIII в.: 1 – общий вид; 2 – портал; 3 – интерьер.
Fig. 16. Caravanserai Selima, XIII century: 1 – the general view; 2 – portal; 3 – interior.

1

2

3

4

Рис. 17. Караван-сарай Армении: 1-2 – в Аруче, XIII в.; 3-4 – Джерахийский, XIII в.
Fig. 17. Caravanserai of Armenia: 1-2 – in Aruch, XIII century; 3-4 – Jerakhy, XIII century.

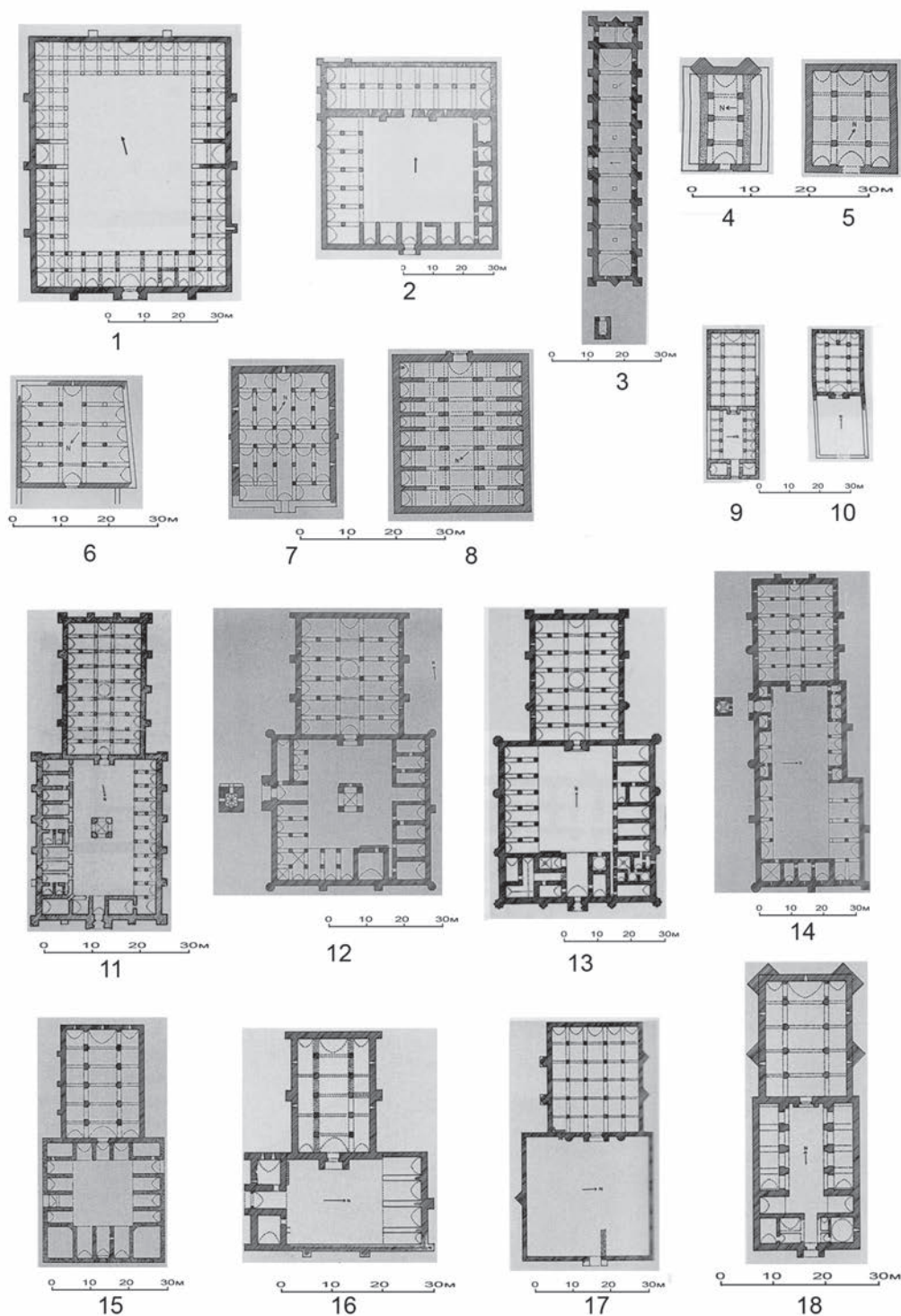

Рис. 18. Караван-сарай Малой Азии дворовые (1-2), закрытые (3-10), комбинированные (11-18): 1 – Эвдир-хан; 2 – Карджи-хан; 3 – Шарафша-хан; 4 – Енисекёй-хан; 5 – Куру-хан; 6 – Долай-хан; 7 – Оресин-хан; 8 – Зиварик-хан; 9 – Куручешме-хан; 10 – Неркийи Джрапи; 11 – Султан-хан; 12 – Аджикара-хан; 13 – Каратай-хан; 14 – Зазадин-хан; 15 – Хаким-хан; 16 – Киршехир Кесик Копрю-хан; 17 – Чардак-хан; 18 – Эртохуш-хан (по Р. Хилленбрандту).

Fig. 18. Caravanserai of Asia Minor household (1-2), closed (3-10), combined (11-18): 1 – Evdır Khan; 2 – Kargı Khan; 3 – Sharafshan Khan; 4 – Yeniseki-Khan; 5 – Kuru Khan; 6 – Doyle Khan; 7 – Oresin-Khan; 8 – Zivarık Khan; 9 – Kurucheshme-khan; 10 – Nerkiyi Jrapı; 11 – Sultan Khan; 12 – Ajıkara Khan; 13 – Karataı Khan; 14 – Zazadin Khan; 15 – Hakim Khan; 16 – Kirshehir Kesik Koprıy-khan; 17 – Chardak-Khan; 18 – Ertokhus-khan (according to R. Hillenbrandt).

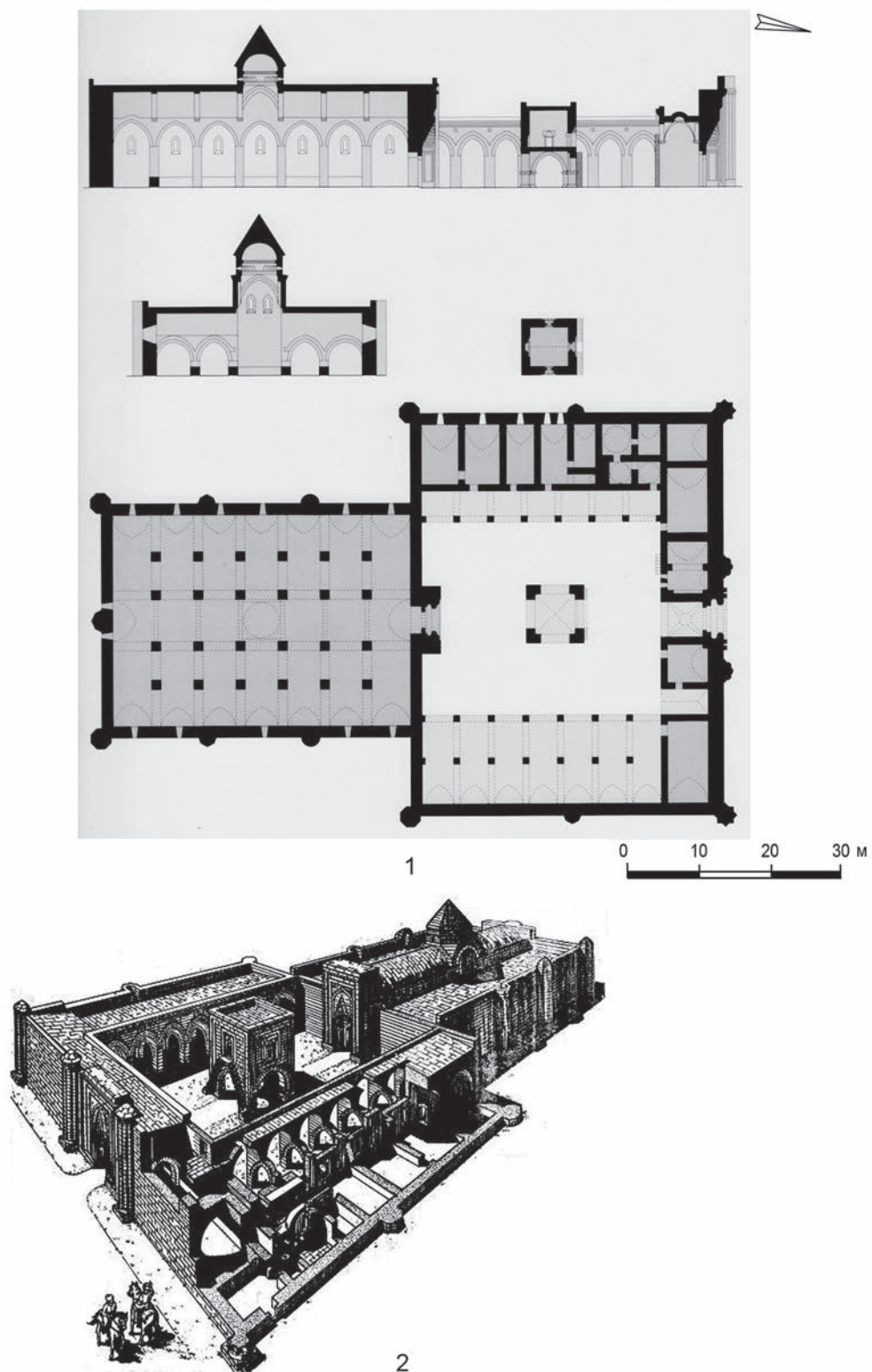

Рис. 19. Султан-хан, 1229 г.: 1 – разрез и план (по Г. Стирлину); 2 – аксонометрия.
Fig. 19. Sultan Khan, 1229: 1 – section and plan (according to G. Stirlin); 2 – axonometry.

Рис. 20. Султан-хан, 1229 г.: 1 – портал; 2-3 – резной декор портала; 4 – внутренний двор с мечетью; 5 – галереи; 6 – лестница на крышу; 7 – подкупольное пространство; 8 – общий вид.

Fig. 20. Sultan Khan, 1229: 1 – the portal; 2-3 – carved decor of the portal; 4 – courtyard with a mosque; 5 – galleries; 6 – stairs to the roof; 7 – under-dome space; 8 – a general view.

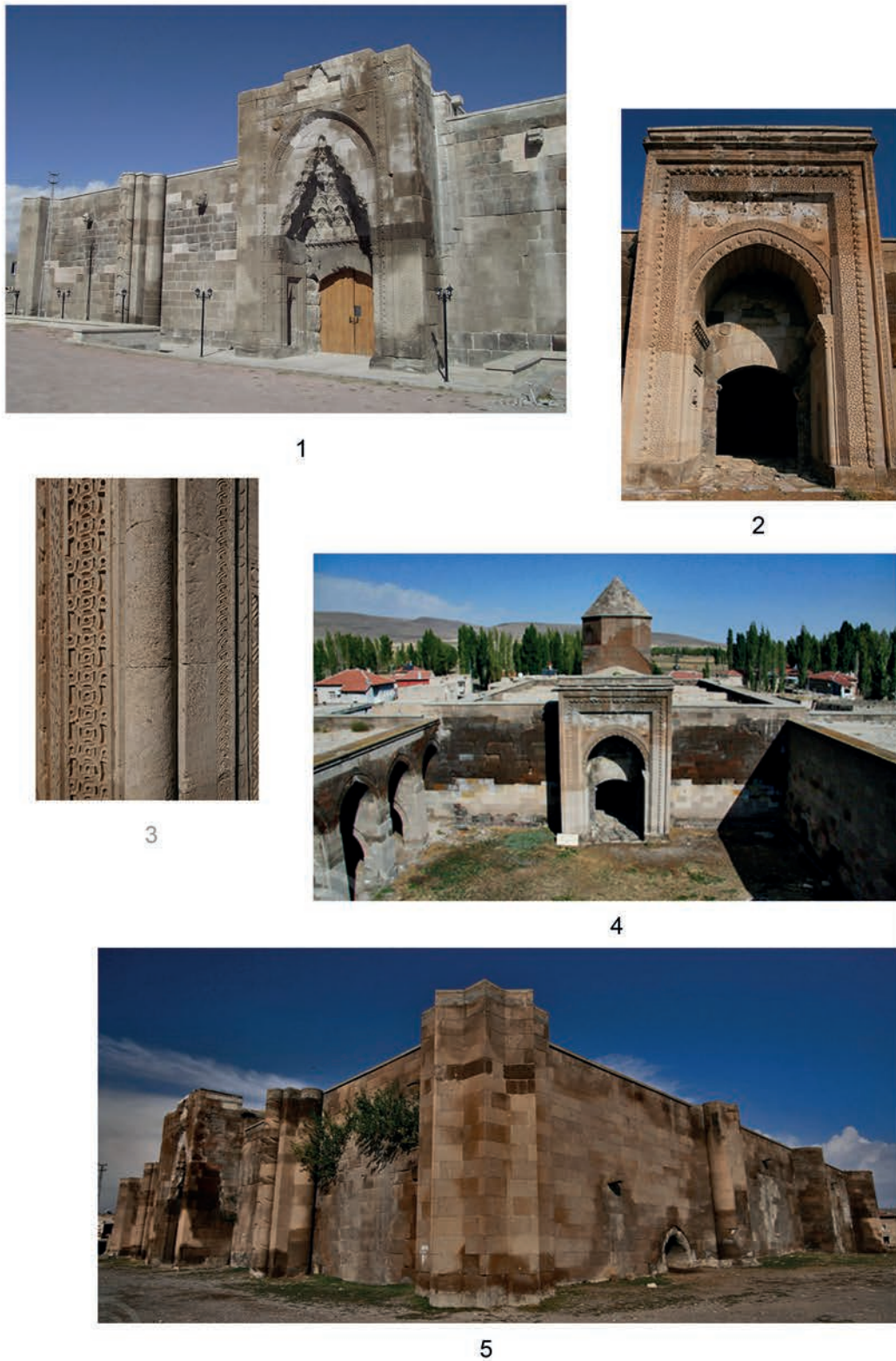

Рис. 21. Каратай-хан близ Кайсери, 1230 г.: 1 – внешний портал; 2- внутренний портал;
 3 – деталь резного декора; 4 – внутренний двор; 5 – общий вид.
 Fig. 21. Karatay-khan near Kayseri, 1230: 1 – external portal; 2 – interior portal;
 3 – detail of carved decor; 4 – courtyard; 5 – a general view.

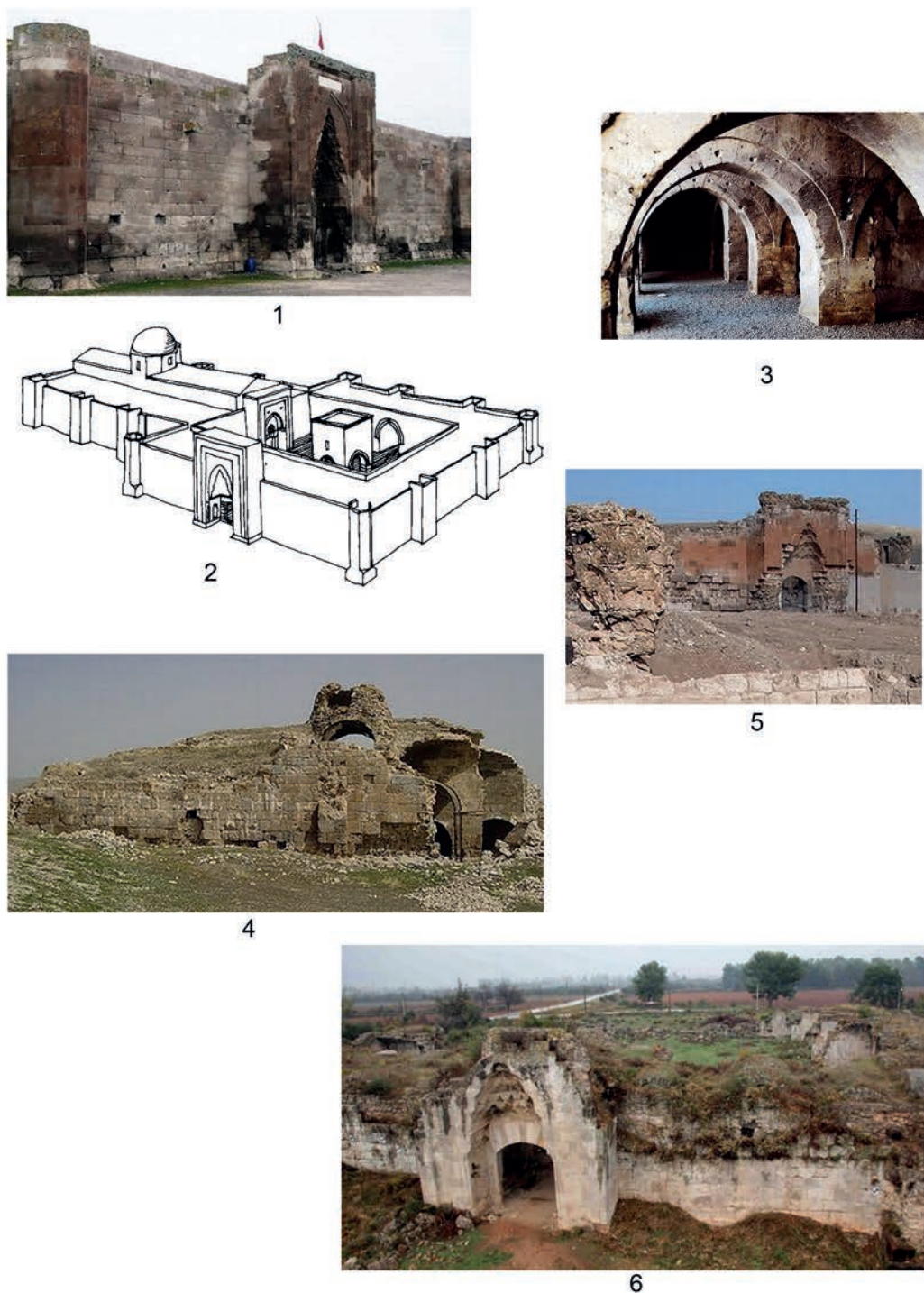

Рис. 22. Караван-сарай Анатолии:
 1-3 – Аджикара-хан, 1231-1239 (портал, аксонометрия, галереи);
 4-5 – Алай-хан, 1190-92 гг. (общий вид, портал); 5 – Эвдир-хан, 1210-1219 гг.
 Fig. 22. Caravanserai of Anatolia:
 1-3 – Ajikara Khan, 1231-1239 (portal, axonometry, galleries);
 4-5 – Alai Khan, 1190-92 years. (the general view, portal); 5 – Emdir Khan, 1210-1219.

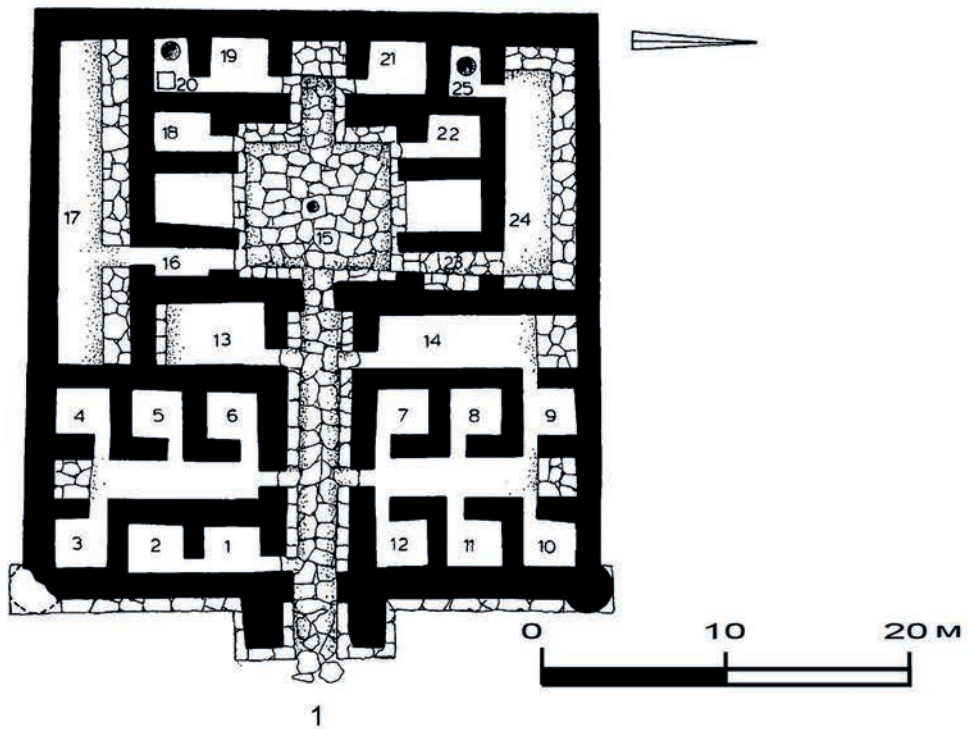

Рис. 23. Таш-рабат, X-XII в.: 1 – план (по С.Г. Хмельницкому); 2 – общий вид;
3 – портал.

Fig. 23. Tash-Rabat, X-XII century: 1 – the plan (according to S.G. Khmel'nitsky);
2 – the general view; 3 – portal.

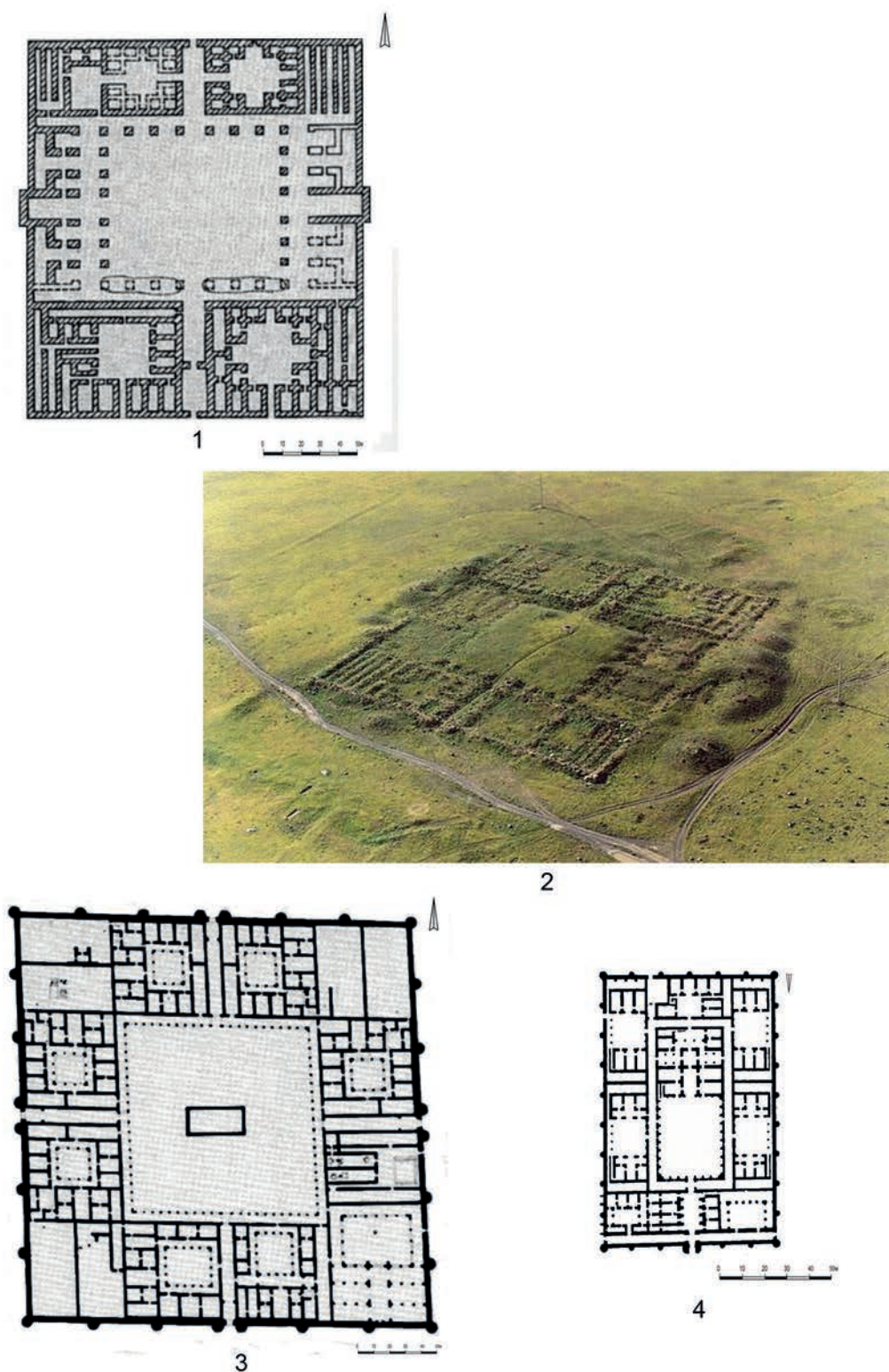

Рис. 24. Многодворовые постройки: 1 – Акыр-таш, план (по С.Г. Хмельницкому);
 2 – Акыр-таш, аэрофото; 3 – Каср ал Хайр, план; 4 – Ухейдир, план (по Хилленбрандту).
 Fig. 24. Multi-yard constructions: 1 – Akyr-Tash, plan (according to S.G. Khmel'nitsky);
 2 – Akyr-Tash, aerial photo; 3 – Kasr al Khair, the plan; 4 – Ouheidir, the plan
 (according to R. Hillenbrandt).

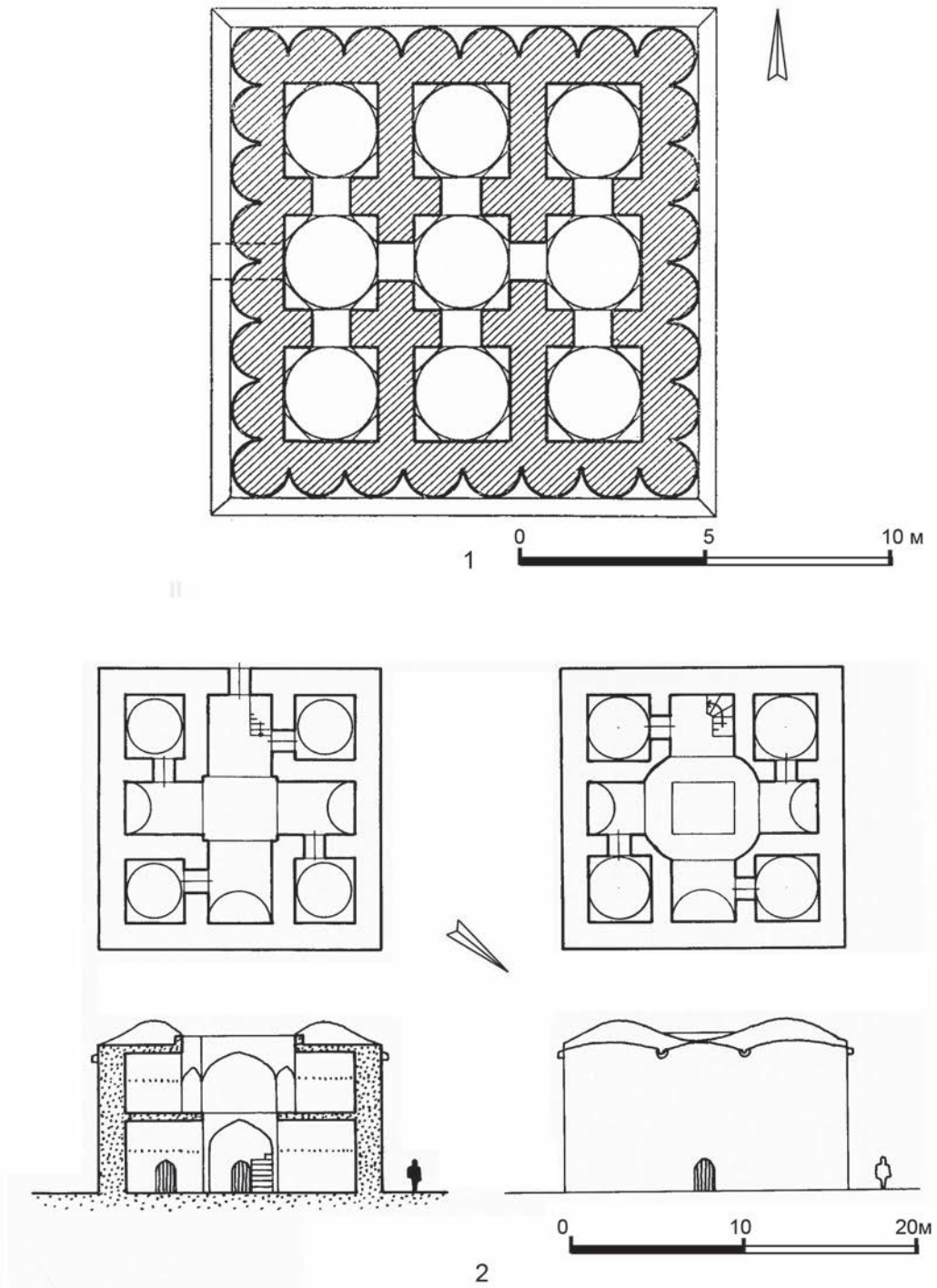
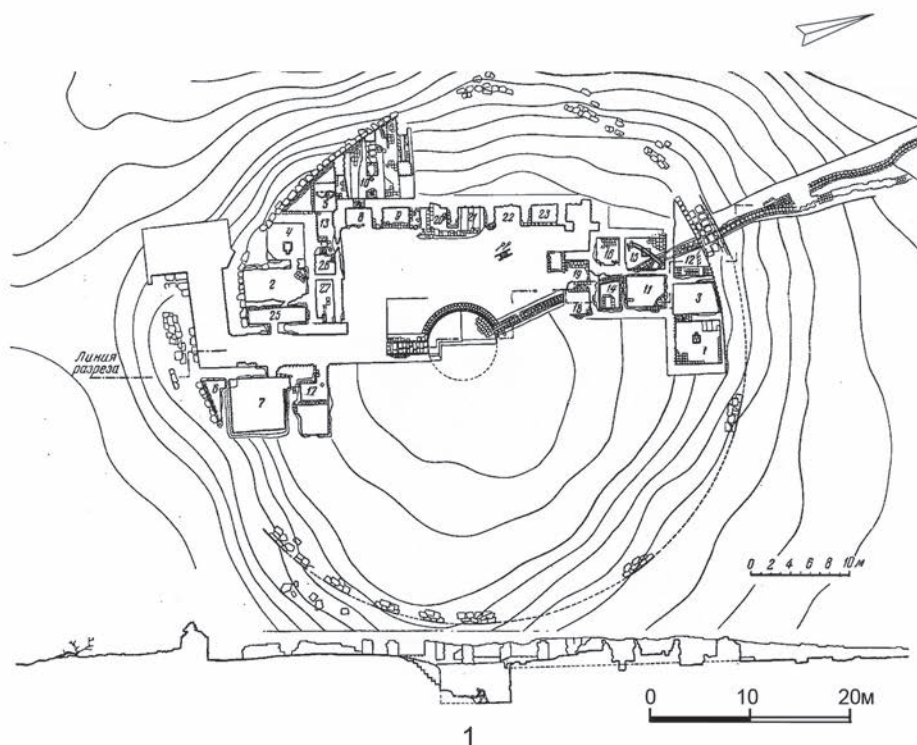

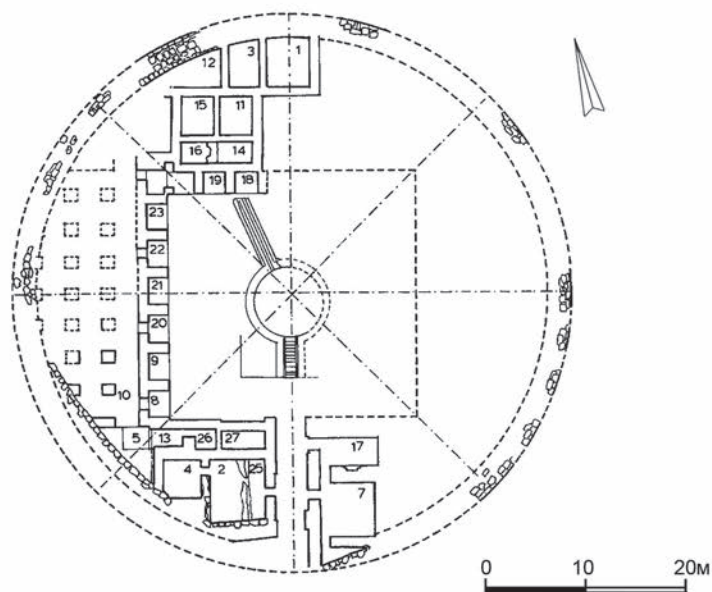
Рис. 25. Закрытые здания: 1 – Ат-Такмаладж, X-XI вв. (по Г.А. Пугаченковой);
 2 – Зиндан-и Харун аль Рашид, X-XI вв. (по В. Кляйсу).

Fig. 25. Closed buildings: 1 – At-Takhmalaj, X-XI centuries. (according to G.A. Pugachenkova); 2 – Zindan-i Harun al Rashid, X-XI centuries. (according to V. Kleiss).

1

2

Рис. 26. Караван-сарай Талайхан-ата: 1 – план и разрез (арх. М.С. Лапиров-Скобло);
 2 – реконструкция плана (С.Г. Хмельницкий).
 Fig. 26. Caravansaray Talaykhan-ata: 1 – plan and section (architect MS Lapirov-Skoblo);
 2 – reconstruction of the plan (S.G. Khmelnitsky).

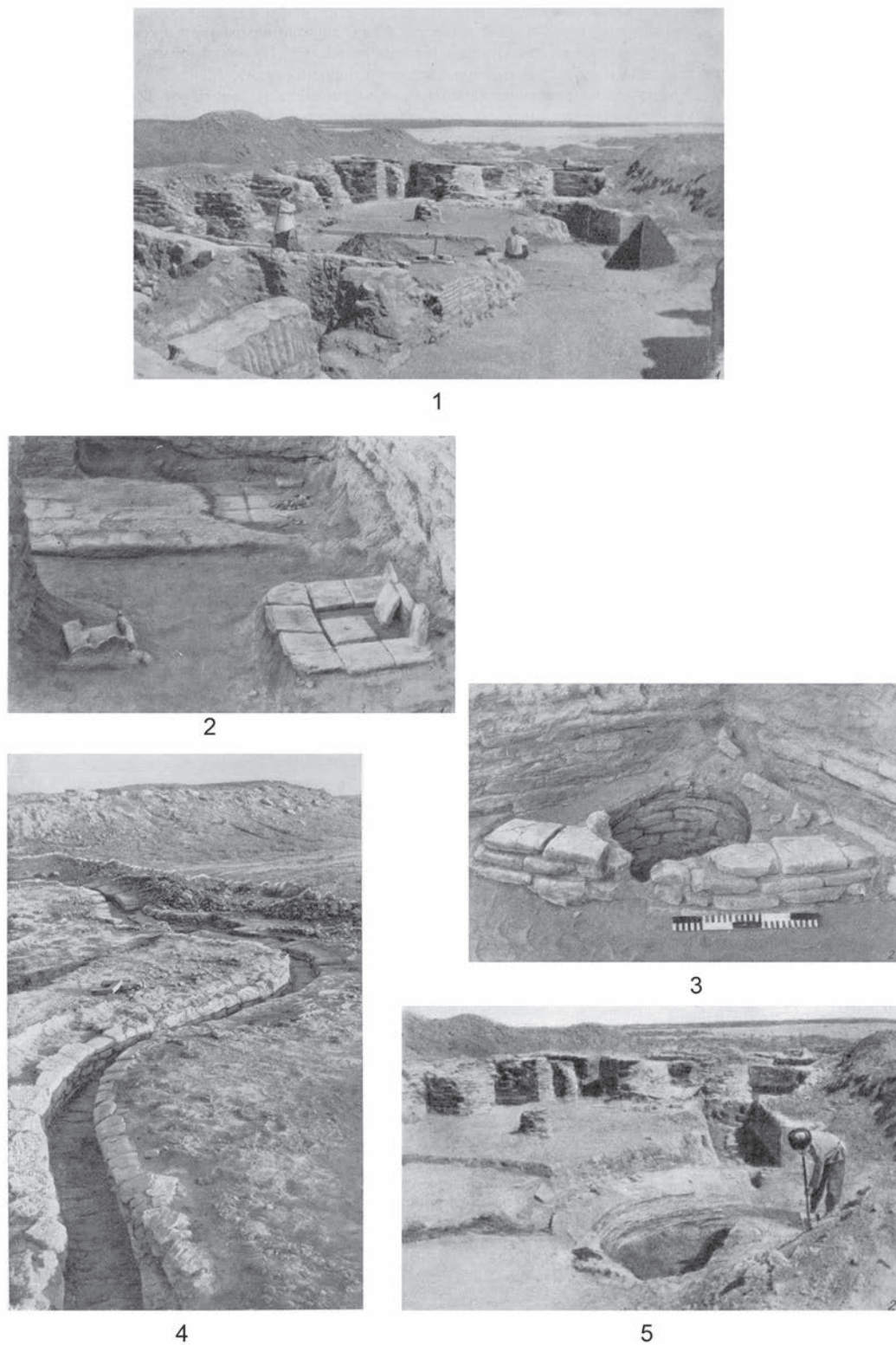

Рис. 27. Караван-сарай Талайхан-ата: 1 – внутренний двор; 2-3 – тошнау в помещениях;
4 – водосток; 5 – цистерна (по О.А. Вишневской).

Fig. 27. Caravansaraya Talaykhan-ata: 1 – the inner courtyard; 2-3 – washbasins in the premises; 4 – drainage; 5 – tank (according to O.A. Vishnevskaya).

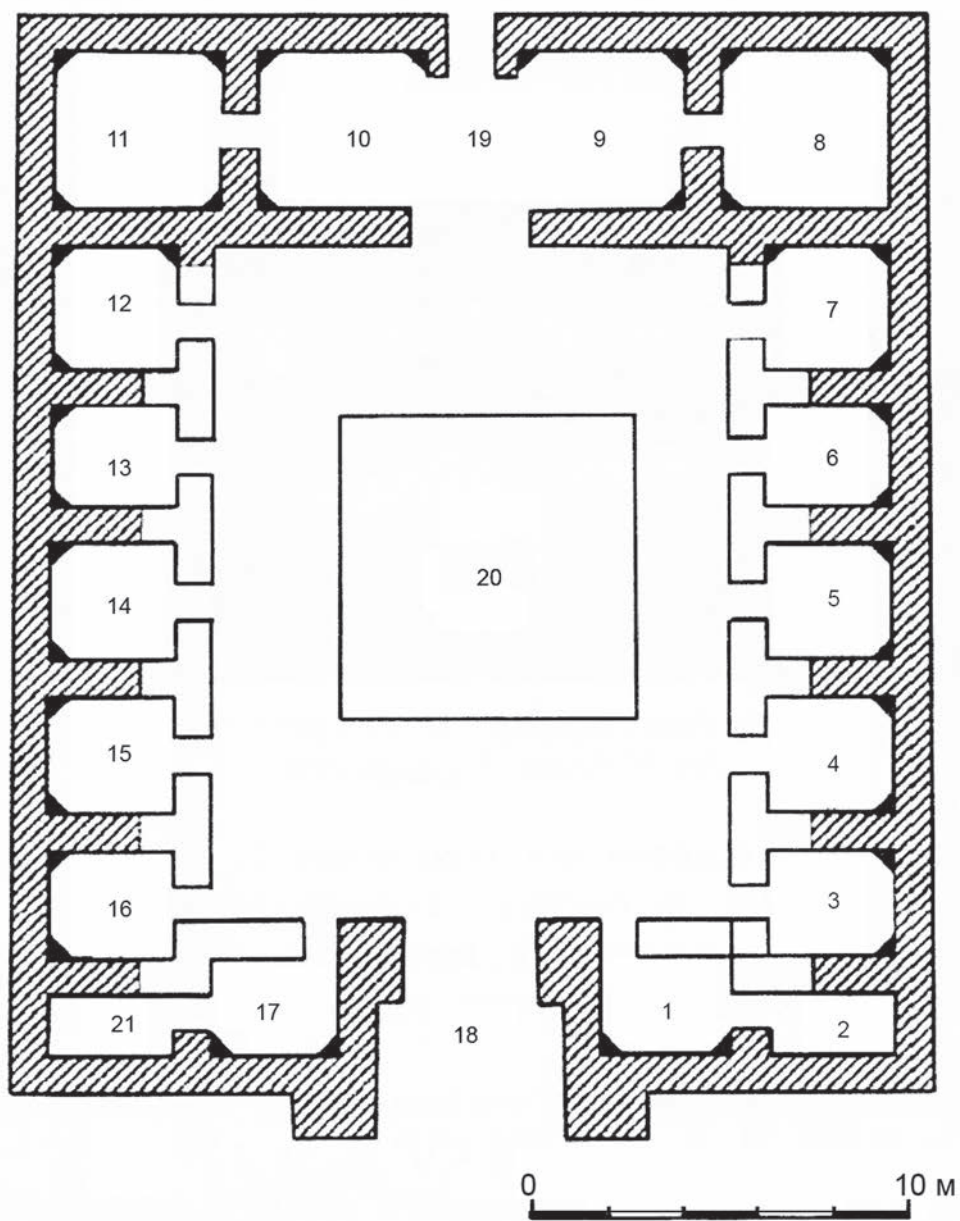

Рис. 28. Загородный караван-сарай Джанда (по К.М. Байпакову).
Fig. 28. Country Caravansaray Jend (according to K.M. Baipakov).

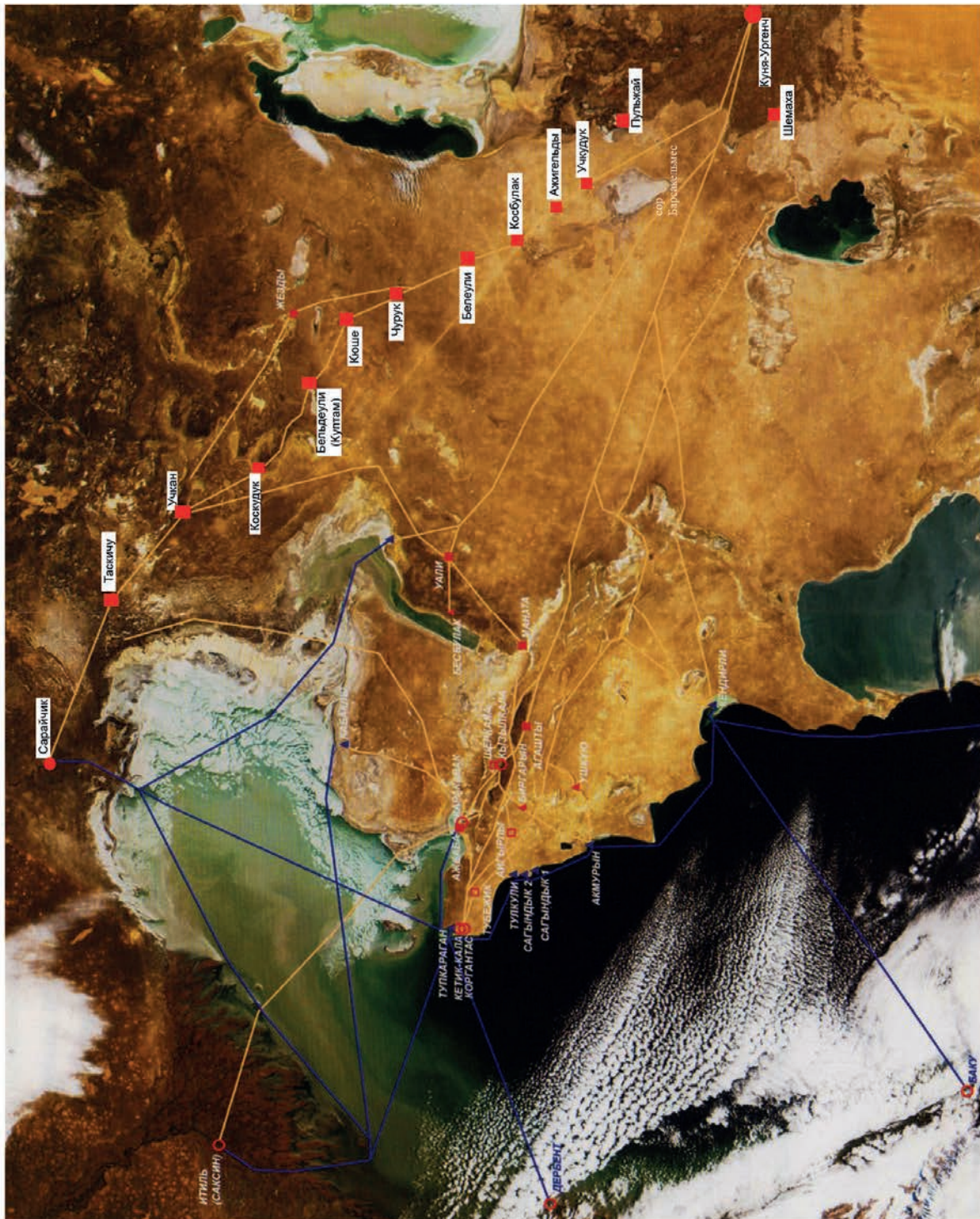
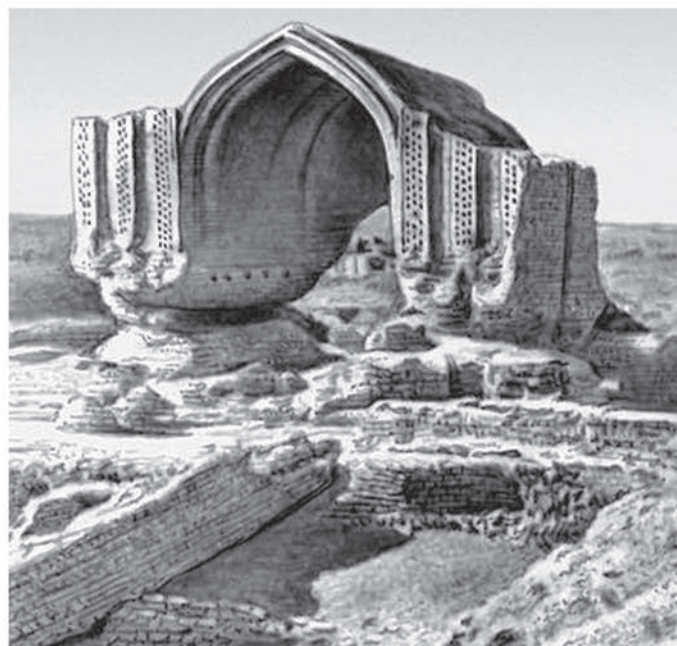
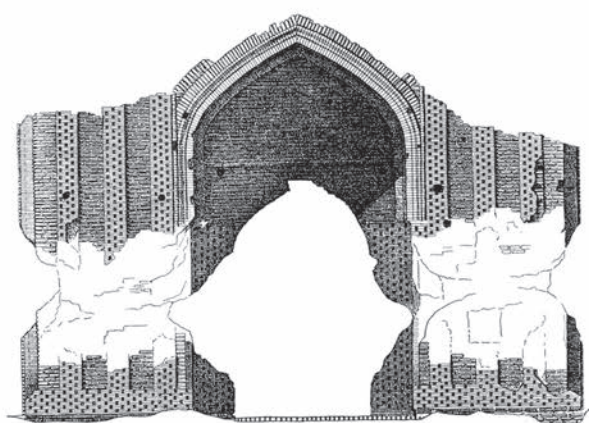

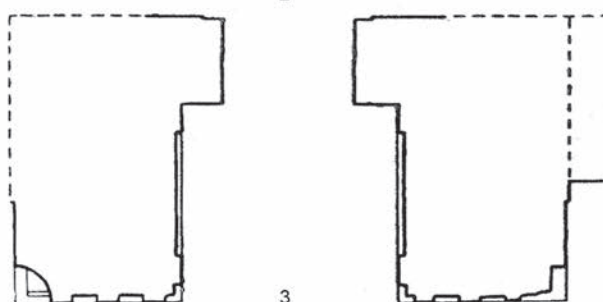
Рис. 29. Карта-схема маршрутов караванных путей через Арало-Каспийский регион в средние века (по А.Е. Астафьеву и Ю.П. Манылову).
 Fig. 29. Map-scheme of the caravan routes through the Aral-Caspian region in the Middle Ages (according to A.E. Astafyev and Yu.P. Manylov).

1

2

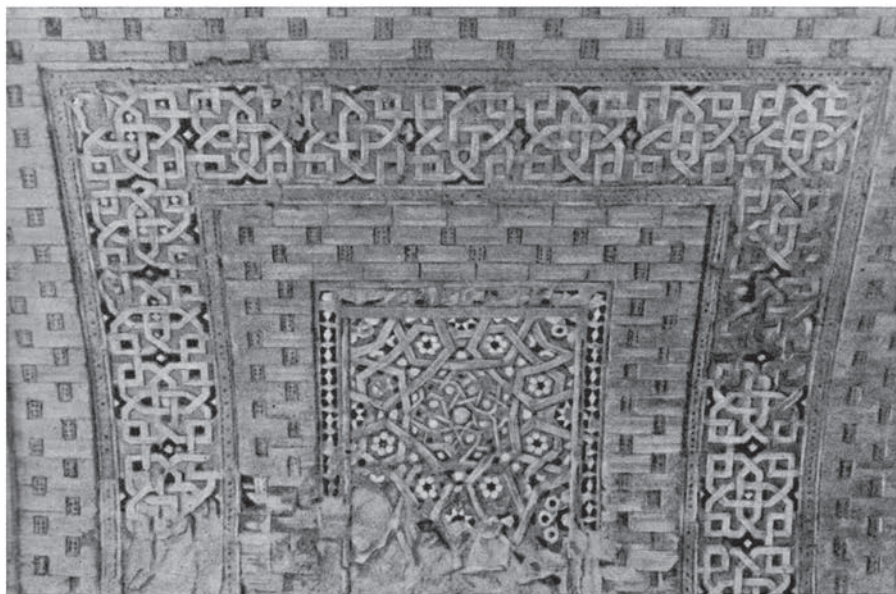

3

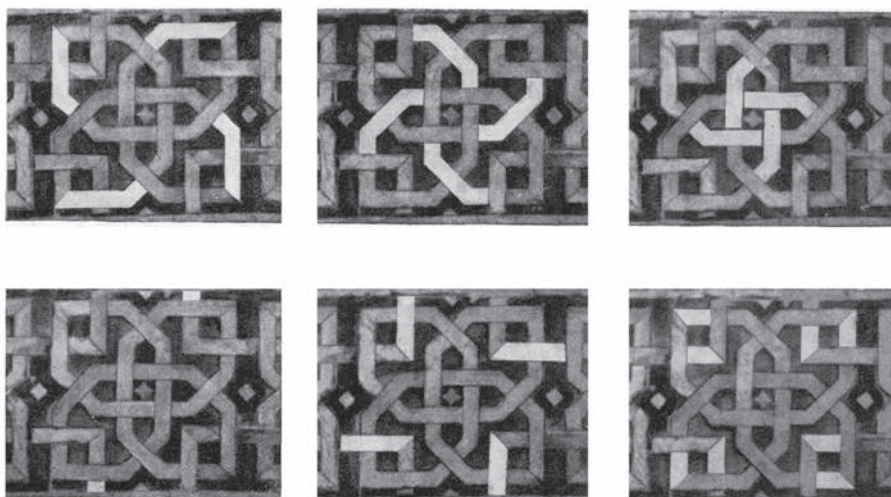
0 5m

Рис. 30. Портал караван-сарая Ургенча: 1 – общий вид; 2 – чертеж фасада;
3 – план (по М.С. Лапирову-Скобло).

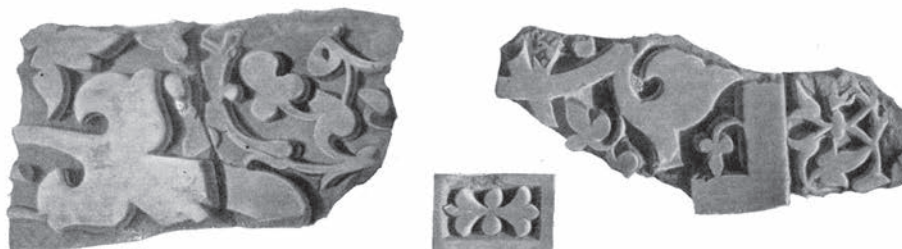
Fig. 30. Portal of the caravansaray of Urgench: 1 – general view; 2 – drawing of the facade;
3 – the plan (according to M.S. Lapirov-Skoblo).

1

2

3

Рис. 31. Архитектурный декор караван-сарая: 1 – облицовка свода арки;
2, 3 – майоликовые плитки (по М.С. Лапирову-Скобло).
Fig. 31. Architectural decor of the caravansaray: 1 – vault arch; 2, 3 – majolica tiles
(according to M.S. Lapirov-Skoblo).

Рис. 32. Копань Кокты-кудык.
Fig. 32. Kopan (pond) Cocktails-Kudyk.

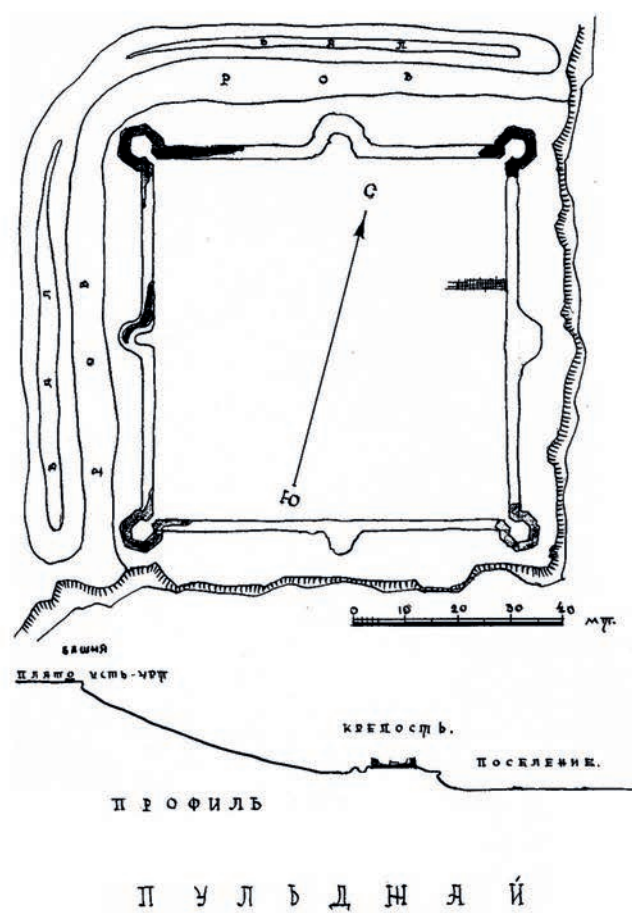

Рис. 33. Крепость Пульжай (арх. В.И. Пентман, архив ИЭА РАН, фонд 142).
Fig. 33. Fortress of Pulje (architect V.I. Pentman, archive of the IEA RAS, fund 142).

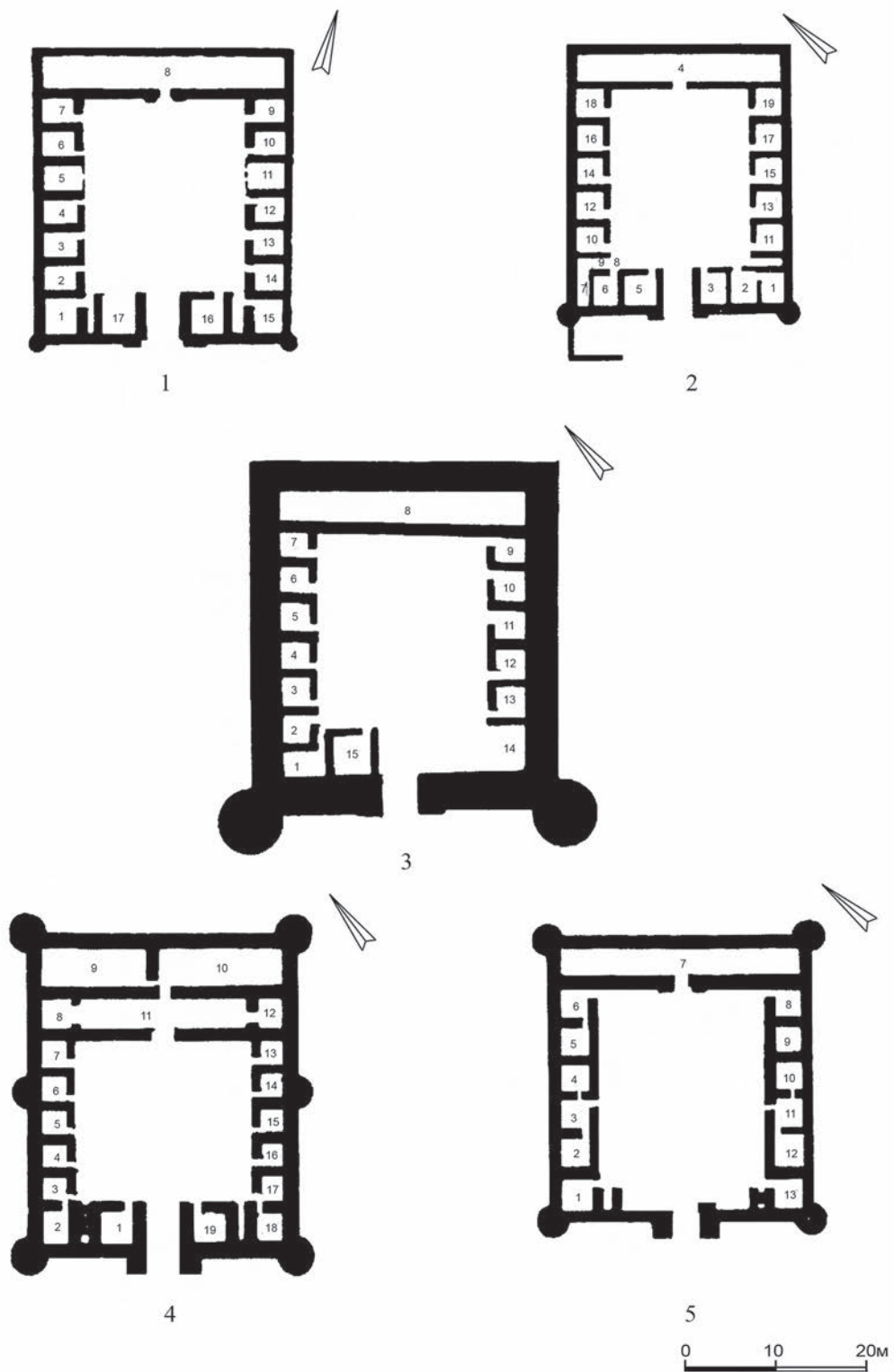

Рис. 34. Караван-сарай Устыурт: 1 – Учкудук; 2 – Ажигельды; 3 – Косбулак;
4 – Белеули; 5 – Чурук (по Ю.П. Маньлову).
Fig. 34. Caravanserais Ustyurt: 1 – Uchkuduk; 2 – Ajigeldy; 3 – Kosbulak; 4 – Beleuli;
5 – Churuk (according to Yu.P. Manylov).

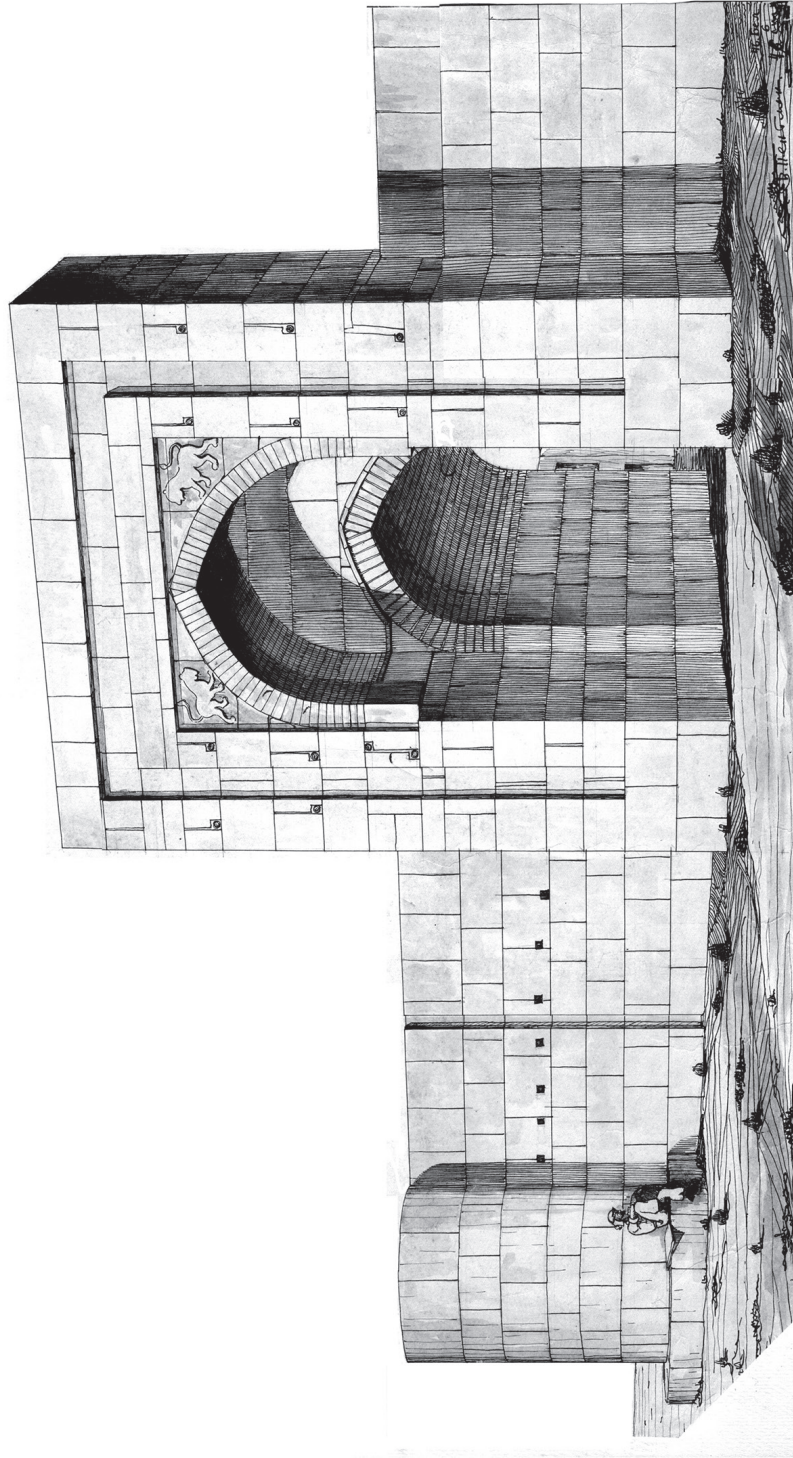

Рис. 35. Белеули, рисунок арх. В.И. Пентмана (архив ИЭА РАН, фонд 142).
Fig. 35. Beleuli, drawing of the architect. V.I. Pentman (archive IEA RAS, fund 142).

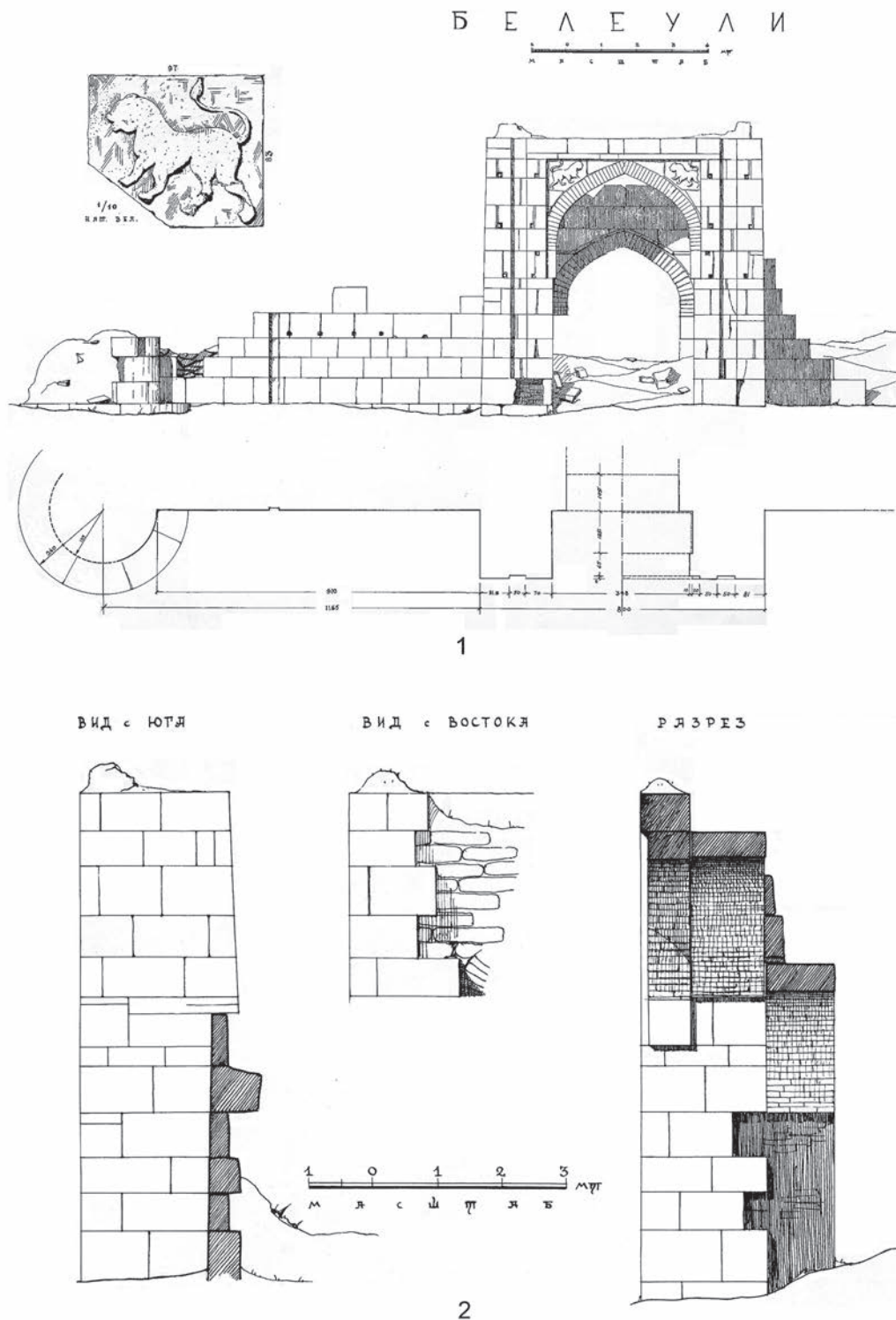

Рис. 36. Белеули: 1 – фасад и абрис порталной стены; 2 – виды сбоку и разрез портала (черт. арх. В. И.Пентмана архив ИЭА РАН, фонд 142).

Fig. 36. Beleuli: 1 – facade and outline of the portal wall; 2 – side views and section of the portal (architect V.I. Pentman archive of the IEA RAS, fund 142).

1

2

3

Рис. 37. Белеули, фото: 1 – 1899 г. (М.Н. Чернышевский); 2 – 1950 г., ХАЭЭ
(архив ИЭА РАН, фонд 142); 3 – современный вид.
Fig. 37. Beleuli, photo: 1 – 1899 (M.N. Chernyshevsky); 2 – 1950, the Khorezm expedition
(archive of the IEA RAS, fund 142); 3 – modern view.

1

2

3

4

Рис. 38. Белеули: 1 – портал; 2 – тимпан арки; 3 – башня; 4 – каменное корыто для водопоя животных (архив ИЭА РАН, фонд 142).
Fig. 38. Beleuli: 1 – portal; 2 – tympanum arch; 3 – the tower; 4 – stone trough for watering animals (archive IEA RAS, fund 142).

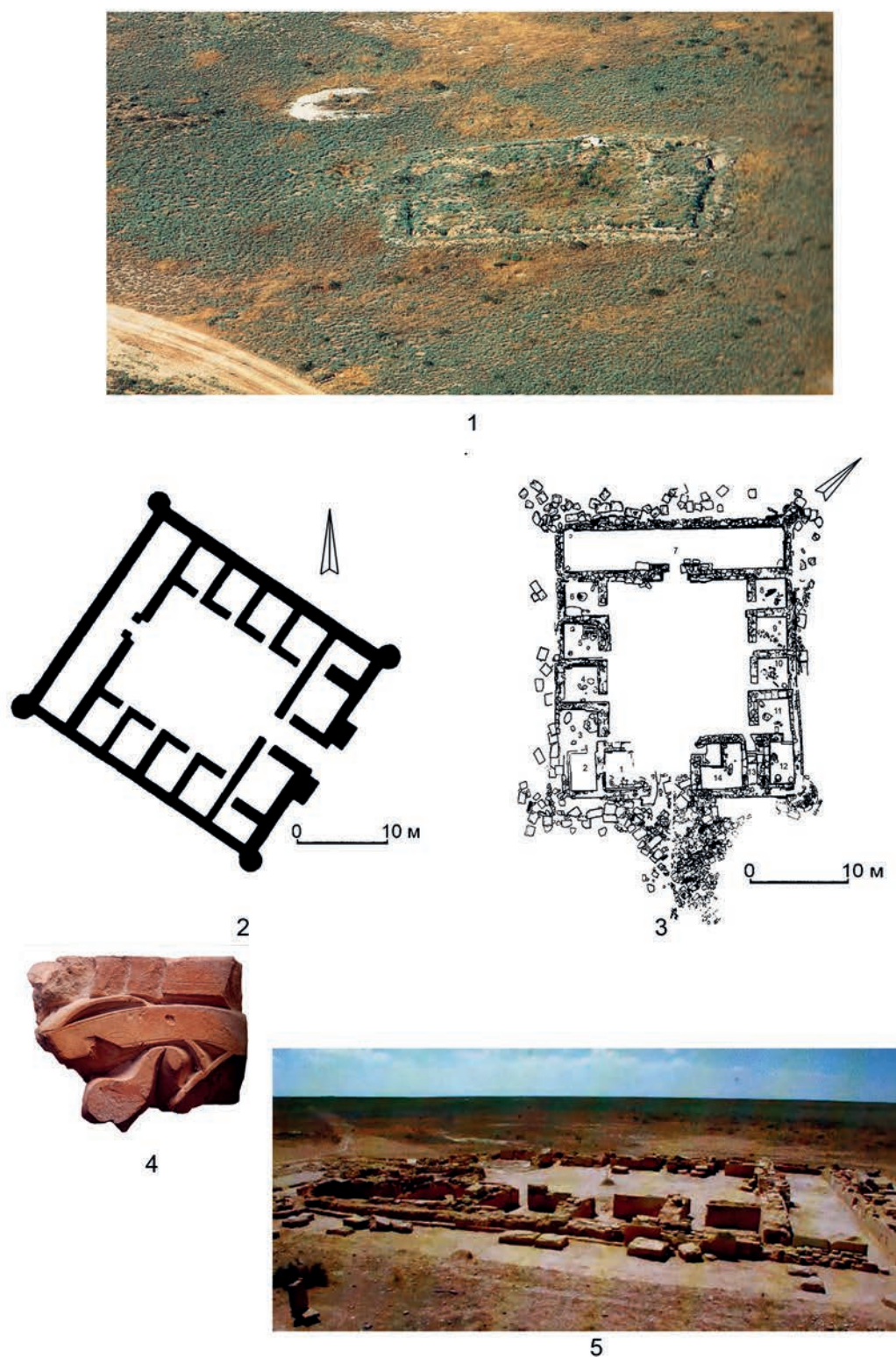

Рис. 39. Караван-сарай Бельдеули: 1 – аэрофото; 2 – план по А.Е. Астафьеву; 2 – план по З. Самашеву и М. Кожу; 4 – резная терракота; 5 – общий вид после раскопок.
 Fig. 39. Caravanserai of Beldeuli: 1 – aerial photo; 2 – plan for A.E. Astafiev; 2 – plan for Z. Samashev and M. Kozha; 4 – carved terracotta; 5 – general view after excavations.

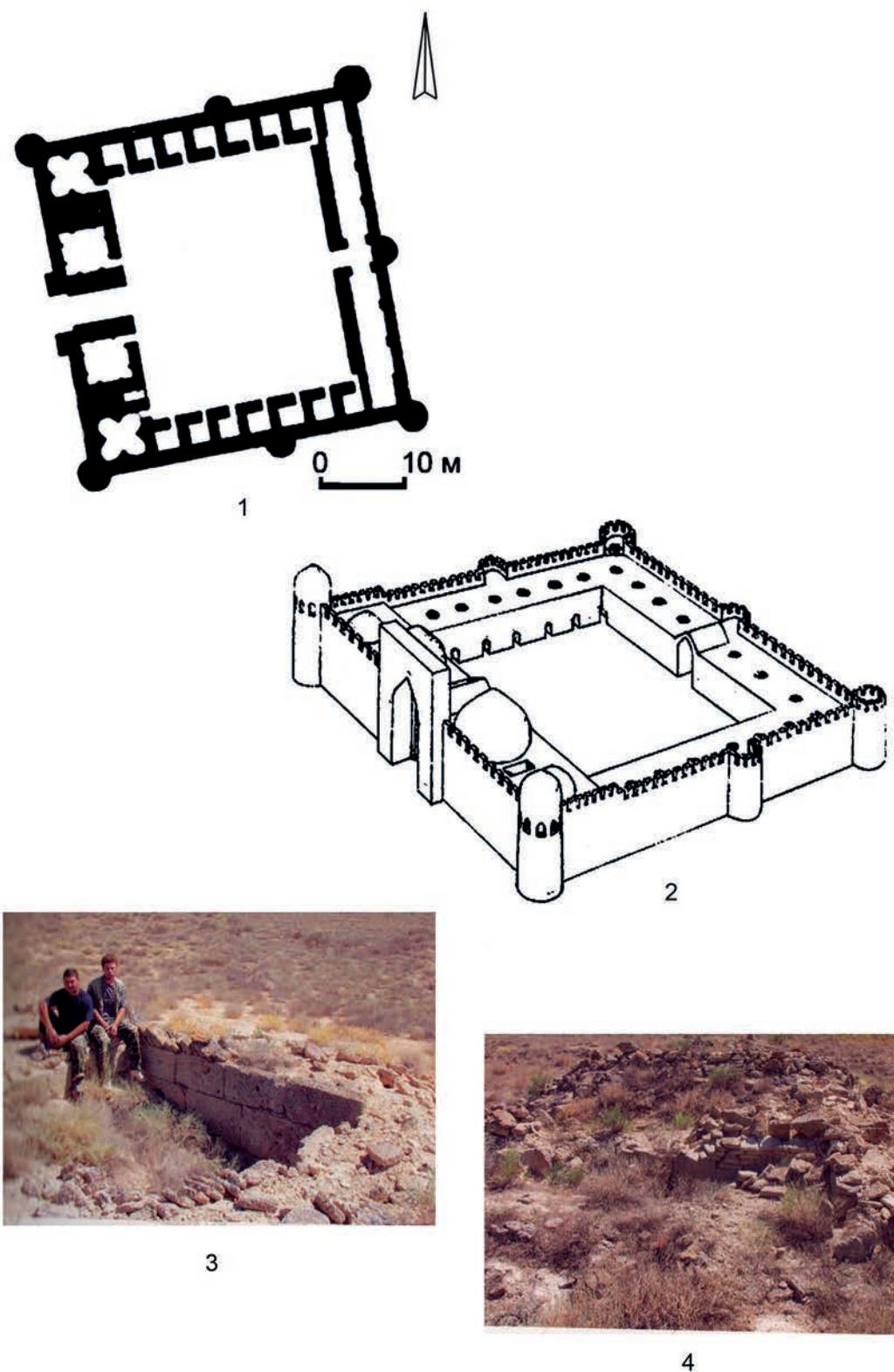

Рис. 40. Караван-сарай Коскудук: 1 – план; 2 – реконструкция (по А.Е. Астафьеву);
3-4 – помещения.

Fig. 40. Caravanserai Koskuduk: 1 – the plan; 2 – reconstruction
(according to A.E. Astafyev); 3-4 – rooms.

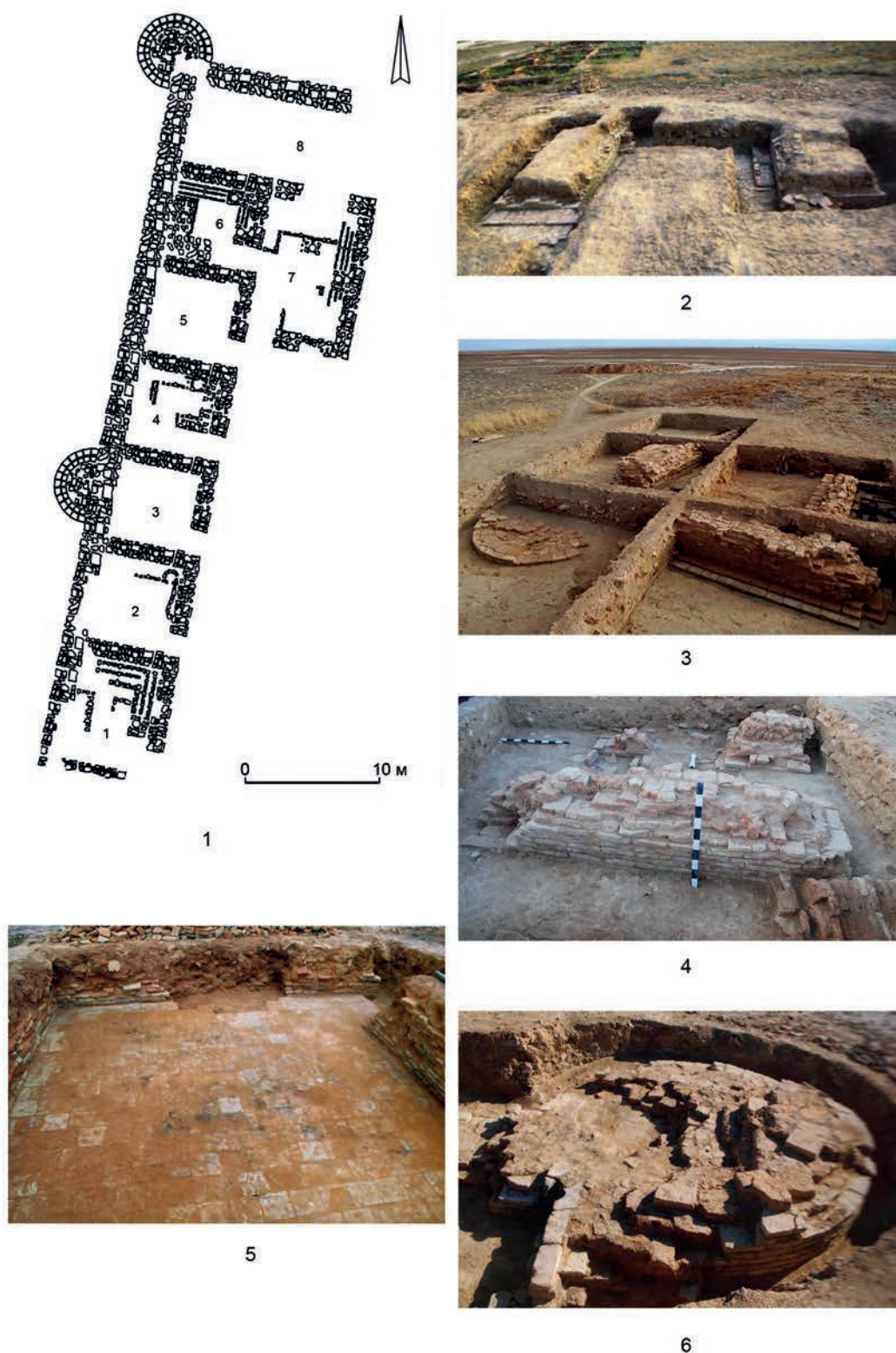

Рис. 41. Караван-сарай Тас-кичу: 1 – план; 2 – портал; 3 – раскопки башни; 3 – жилое помещение; 5 – пол в комнате; 6 – угловая башня (по П.М. Кольцову и др.).
 Fig. 41. Caravanserai Tas-kitsu: 1 – the plan; 2 – portal; 3 – excavation of the tower; 3 – living quarters; 5 – floor in the room; 6 – corner tower (according to P.M. Koltsov and others).

1

2

Рис. 42. Здание у пос. Комсомольский в Астраханской области (космо-снимки).
Fig. 42. The building near the village Komsomolsky in the Astrakhan region (cosmic images).

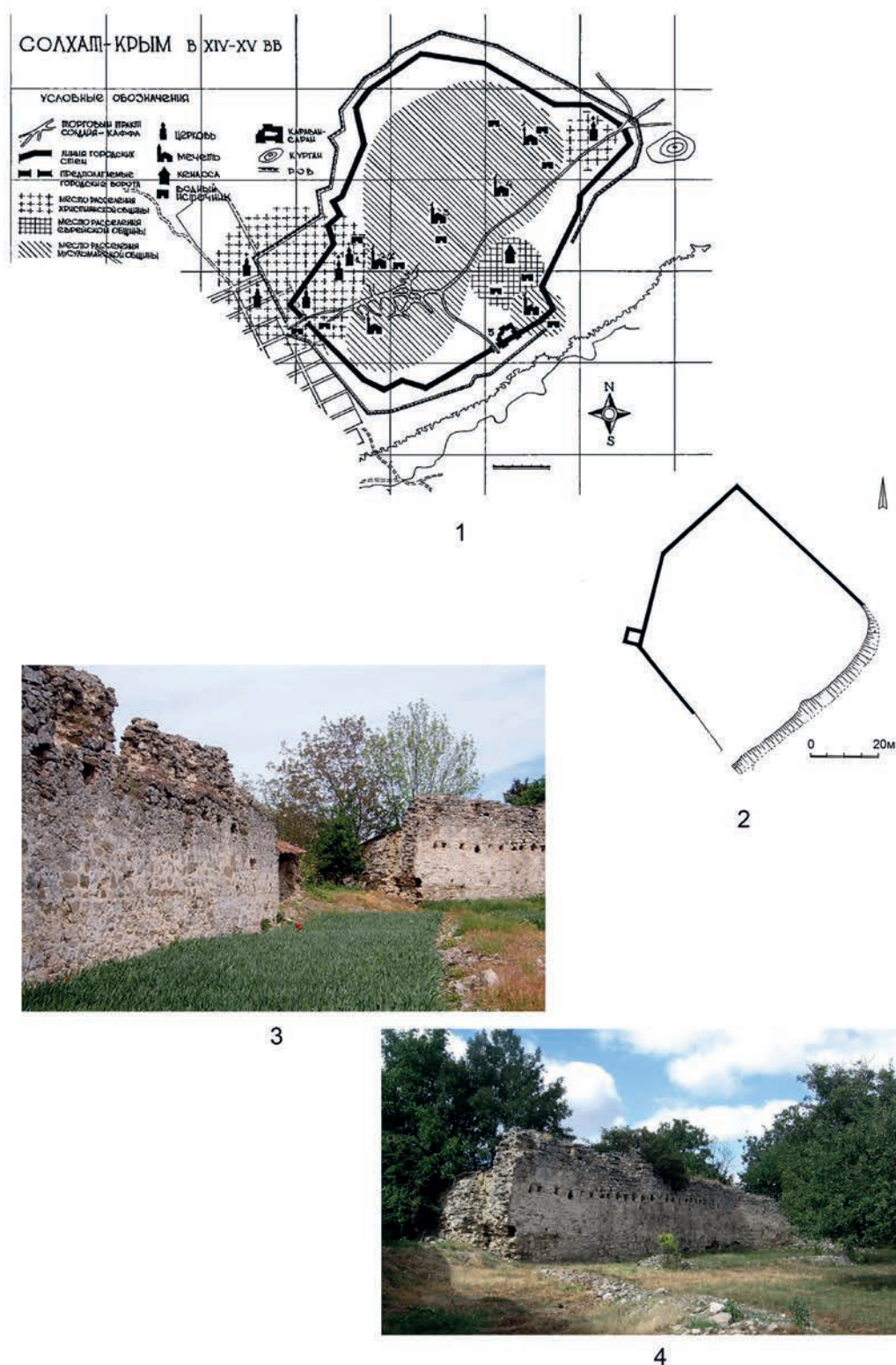
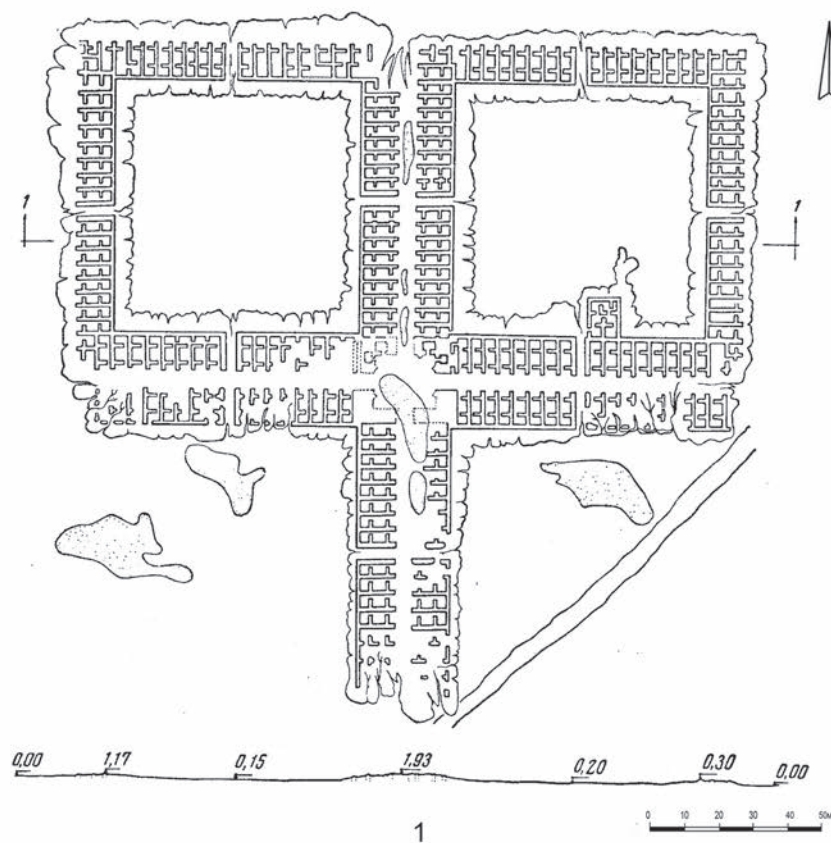

Рис. 43. Караван-сарай в Солхате: 1 – план Солхата (по М.Г. Крамаровскому);
 2 – план здания (по А.В. Гаврилову и В.В. Майко); 3-4 – стены постройки.
 Fig. 43. Caravanserai in Solkhat: 1 – plan of Solkhat (according to MG Kramarovsky);
 2 – the plan of the building (according to A.V. Gavrilov and V.V. Maiko);
 3-4 – the walls of the building.

2

Рис. 44. Здание близ Ярбекир-калы: 1 – план; 2 – аэрофото (по О.А.Вишневской).
Fig. 44. The building near Yarkbekir-kala: 1 – plan;
2 – aerial photo (according to O.A. Vishnevskaya).

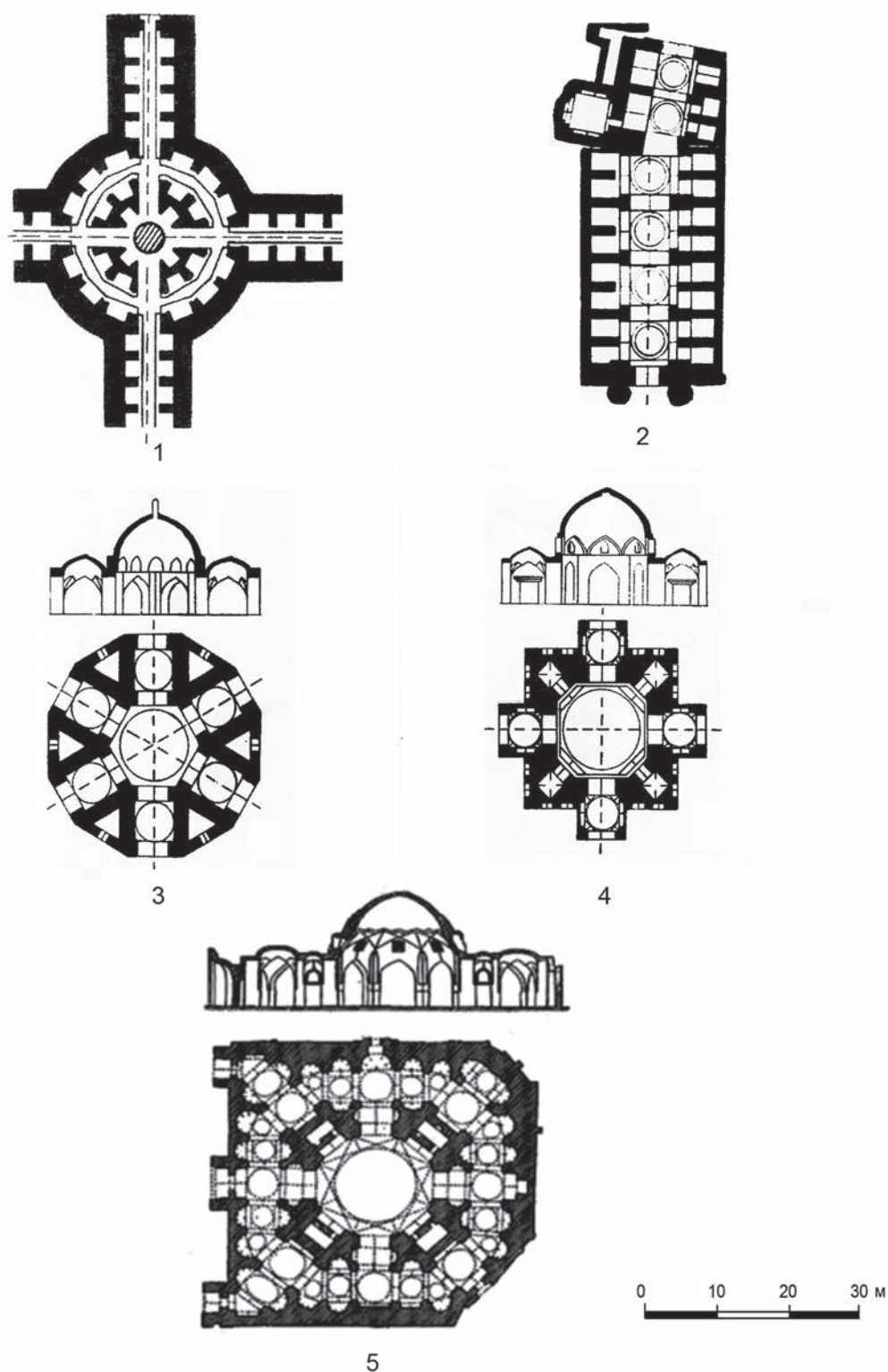

Рис. 45. Торговые здания в Средней Азии: 1 – Чорсу в Ташкургане (Афганистан); 2 – Тим Палван-Дарваза в Хиве; 3 – Чорсу в Самарканде; 4 – Чорсу в Шахриябсе; 5 – Тим Абдулла-хана, XVI в. (по Л.Ю. Маньковской).

Fig. 45. Trade buildings in Central Asia: 1 – Chorsu in Tashkurgan (Afghanistan); 2 – Tim Palvan-Darvaza in Khiva; 3 – Chorsu in Samarkand; 4 – Chorsu in Shakhrisabs; 5 – Tim Abdullah Khan, XVI century. (according to L. Yu. Mankovskaya).

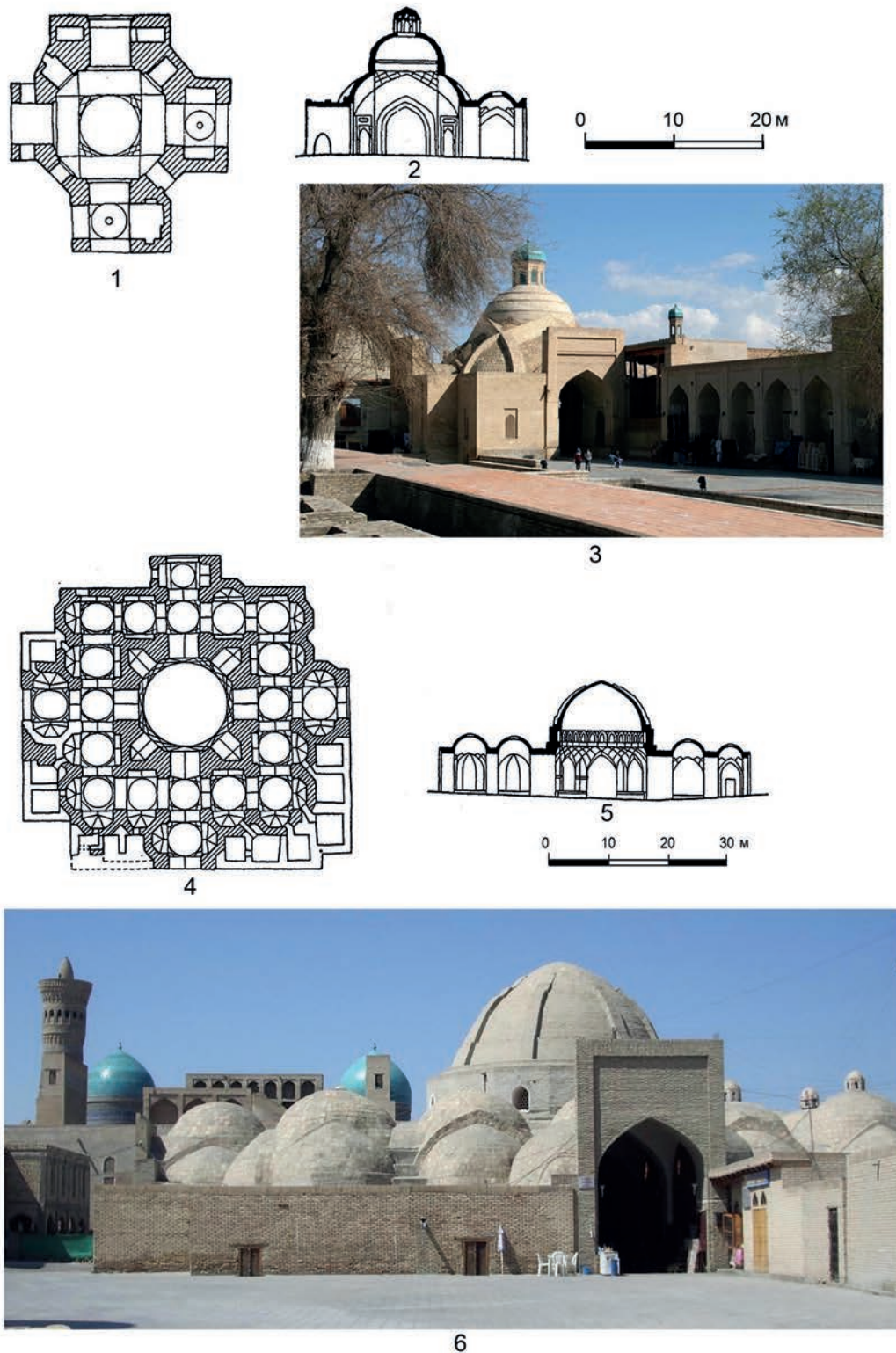
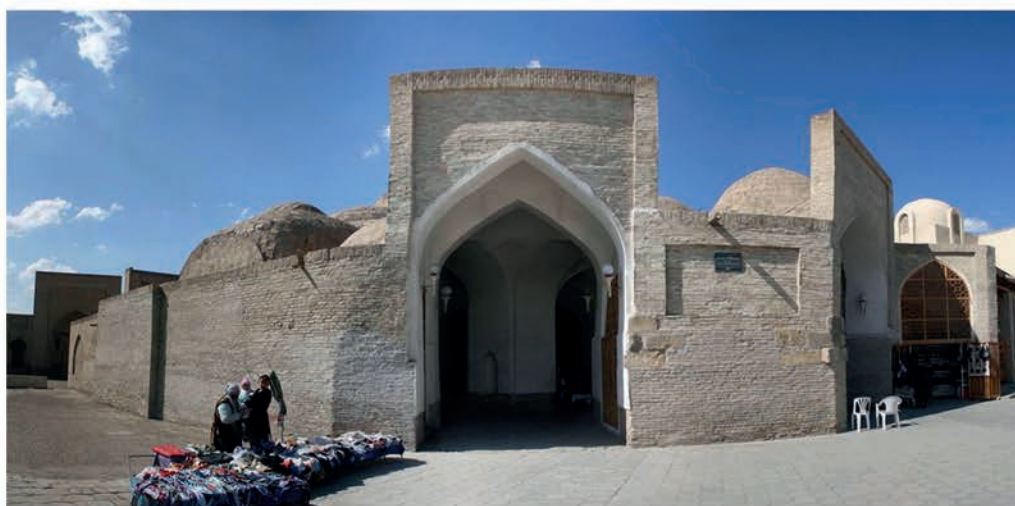
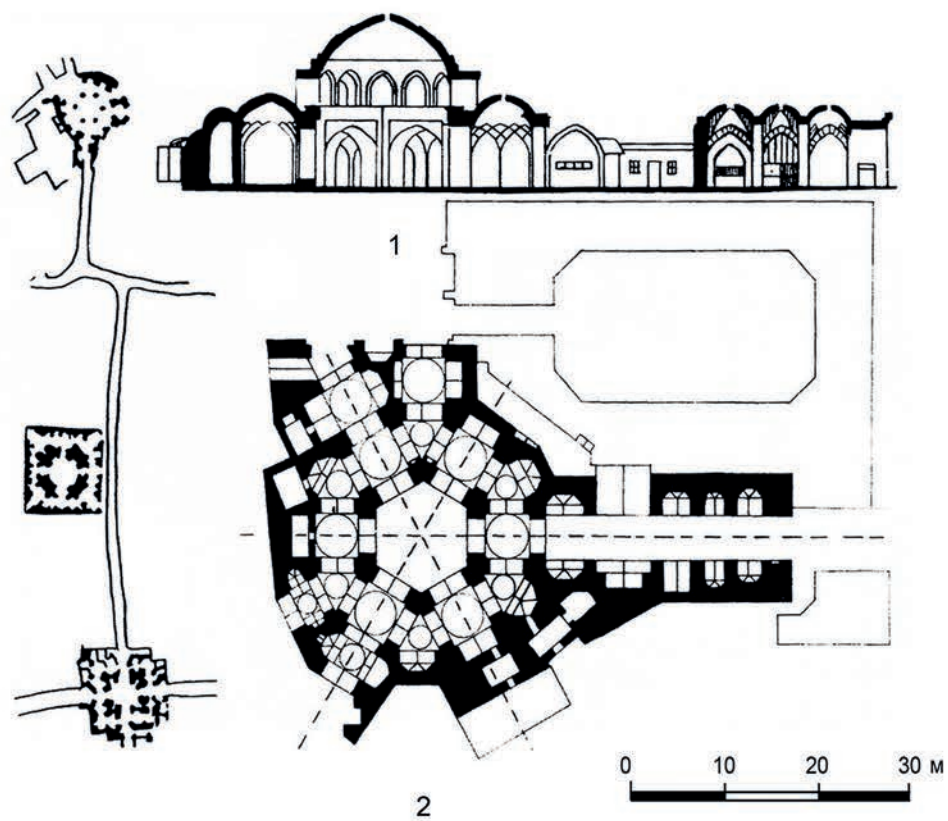

Рис. 46. Торговые здания XVI-XVII вв. в Бухаре: 1-3 – Таки Саррафон;
 4-6 – Таки Загаррон (план и разрез по Л.Ю. Маньковской).
 Fig. 46. Trade buildings of the XVI-XVII centuries. in Bukhara: 1-3 – Taki Sarrafon;
 4-6 – Taki Zaharron (according to L. Yu. Mankovskaya).

3

Рис. 47. Торговые здания XVI-XVII вв. в Бухаре:
 1-3 – Таки Тельпак Фурушон (по Л.Ю. Маньковской).
 Fig. 47. Commercial buildings of the XVI-XVII centuries. in Bukhara:
 1-3 – Taki Telpak Furushon (according to L. Yu. Mankovskaya).

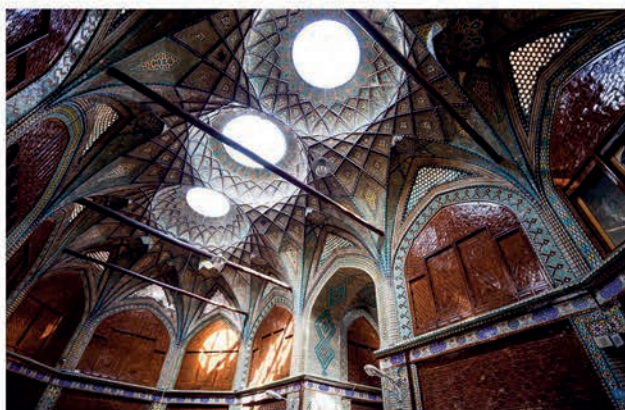
1

2

3

4

5

Рис. 48. Базар в Исфахане, XVI в.: 1 – портал; 2, 5 - пассажи; 3 – главный купол;
4 – перекрытия со световыми фонарями.

Fig. 48. Bazaar in Esfahan, XVI century: 1 – portal; 2, 5 – passages; 3 – the main dome;
4 – overlap with light lanterns.

1

2

3

4

Рис. 49. Рынки Среднего Востока: 1-2 – Вакиль в Ширазе, 1766 г.;
3-4 – базар в Тебризе, XIX в.

Fig. 49. Markets of the Middle East: 1-2 – Vakil in Shiraz, 1766;
3-4 – Bazaar in Tabriz, XIX century.

1

2

3

4

Рис. 50. Торговые ряды в Самарканде: 1 – лавки ковров; 2 – лавки веревок; 3 – лавки медных изделий; 4 – лавки тканей (Туркестанский альбом 1871-1872).
Fig. 50. Trade rows in Samarkand: 1– carpets store; 2 – ropes store; 3 – shops of copper products; 4 – textile store (Turkestan album 1871-1872).

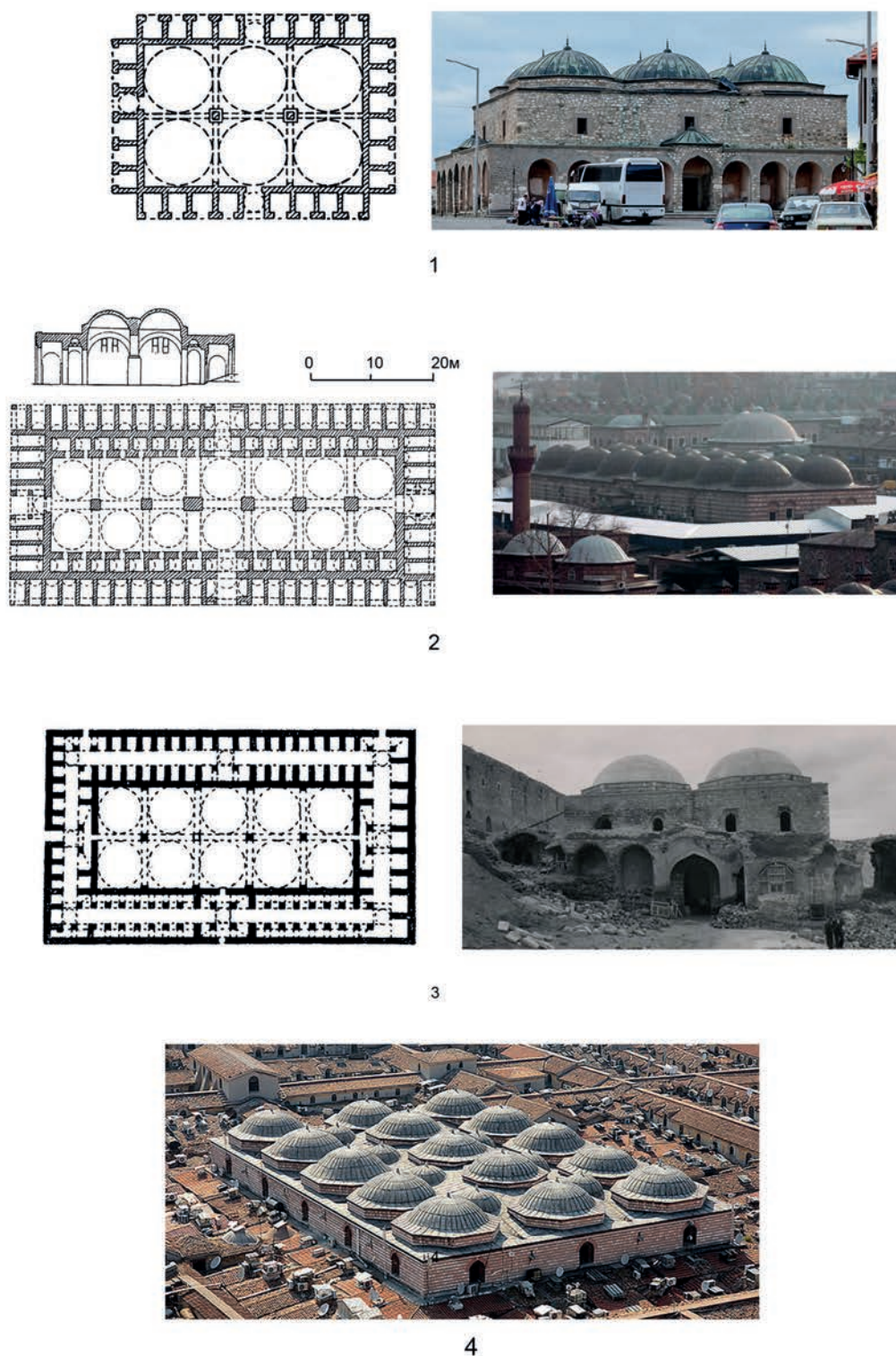

Рис. 51. Бедестаны Малой Азии: 1 – Эшрефоглу в Бейшехире, XIV в.;
 2 – в Бурсе, 1405 г.; 3 – Махмуд-паши в Анкаре, 1465 г.;
 4 – Капалы Чарши в Стамбуле, 1455 г. – XIX в. (по ВИА, т. 8).
 Fig. 51. The markets of Asia Minor: 1 – Esrefoglu in Beyşehir, XIV century;
 2 – in Bursa, 1405; 3 – Mahmud Pasha in Ankara, 1465;
 4 – Kapalı Çarşı in Istanbul, 1455 – XIX century (according to GHA, V. 8).

1

2

3

5

4

Рис. 52. Капалы Чарши (Гранд базар) в Стамбуле: 1-5 гравюры и рисунки XIX в.
 Fig. 52. Kapaly Charshi (Grand Bazaar) in Istanbul:
 1-5 engravings and drawings of the XIX century.

1

2

3

Рис. 53. Капалы Чарши (Гранд базар) в Стамбуле: 1 – фото 1880 г.;
2-3 – современный вид.

Fig. 53. Kapaly Charshi (Grand Bazaar) in Istanbul: 1 – photo of 1880;
2-3 – is a modern look.

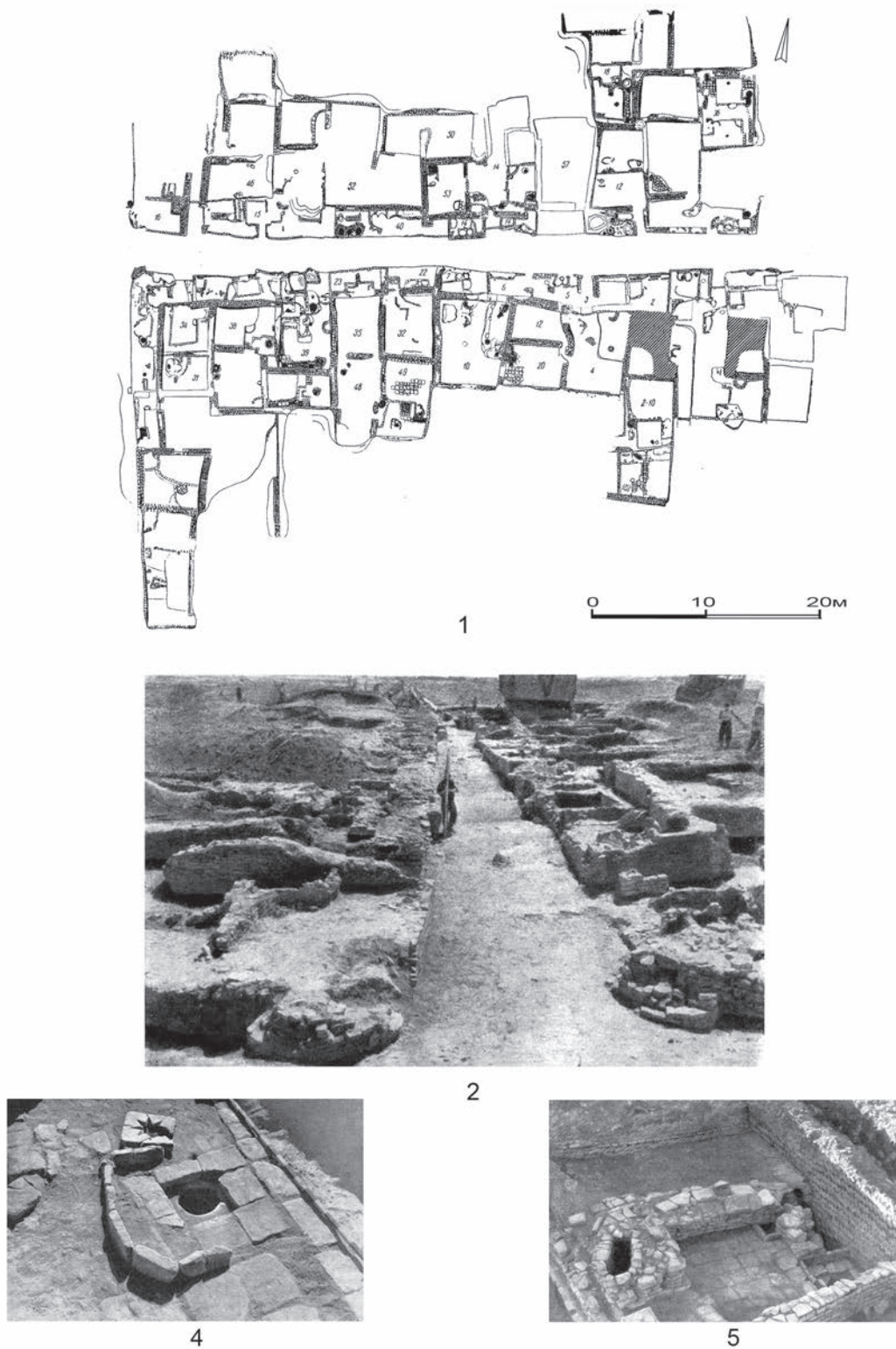

Рис. 54. «Улица караван-сарая» в Куня-Ургенче: 1 – план; 2– общий вид;
 3-4 – виды помещений (по Г.А. Федорову-Давыдову).
 Fig. 54. "Caravanserai Street" in Kunya-Urgench: 1 – the plan; 2 – general view;
 3-4 – types of rooms (according to G.A. Fedorov-Davydov).

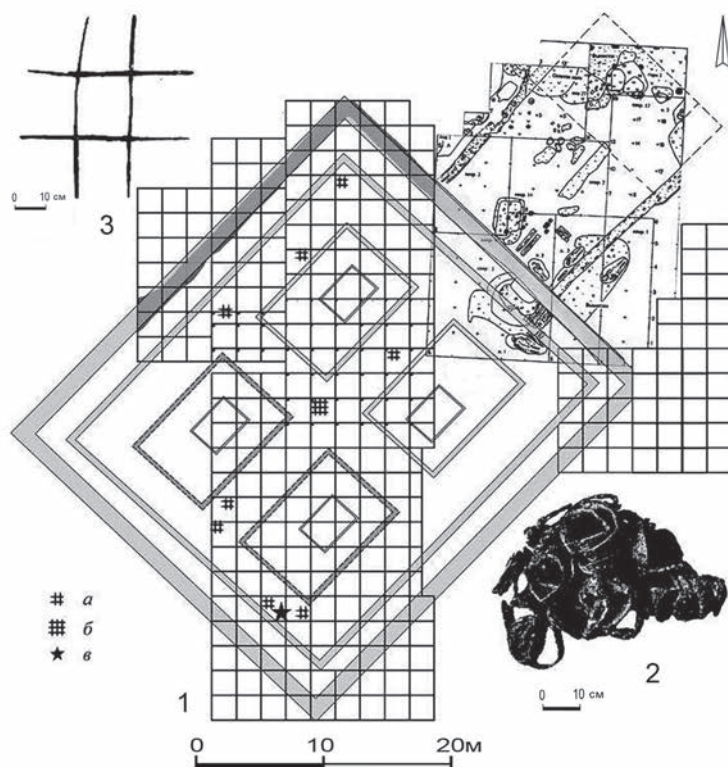

Рис. 55. Рынок в Болгаре: 1 – общий план; 2 – стремена;
3 – решетки (по В.Ю. Ковалю и Д.Ю. Бадееву).
Fig. 55. The market in Bolgar: 1 – the general plan; 2 – stirrups;
3 – gratings (according to V.Yu. Koval and D.Yu. Badeyev).

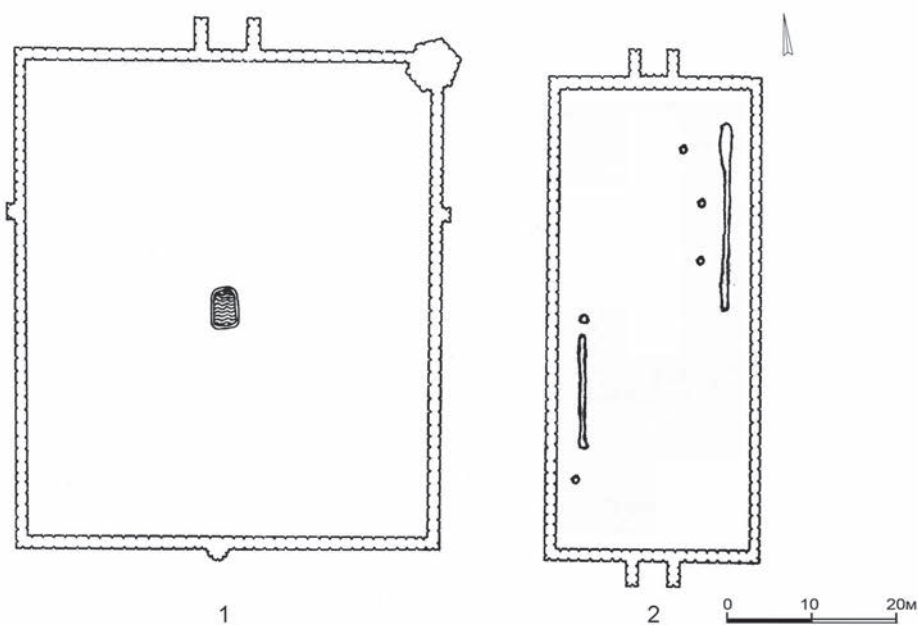

Рис. 56. Каменные сооружения в Старом Орхее: 1 – здание I;
2 – здание II (по П.П. Бырне).
Fig. 56. Stone structures in Old Orhei: 1 – building I;
2 – building II (according to P.P. Byrnya).

1

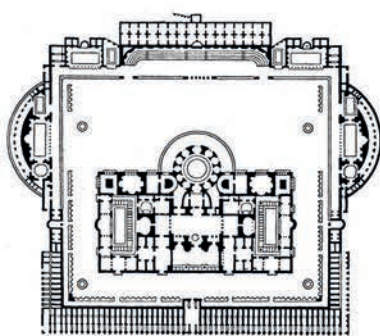

2

Рис. 57. Система гипocaustов в античности (1-2).
Fig. 57. The hypocaustic system in antiquity (1-2).

1

2

3

4

Рис. 58. Термы Каракаллы в Риме: 1 – общий вид сверху; 2 – план; 3 – вход; 4 – бассейн.
Fig. 58. The terms of Caracalla in Rome: 1 – a general view from above; 2 – the plan;
3 – entrance; 4 – swimming pool.

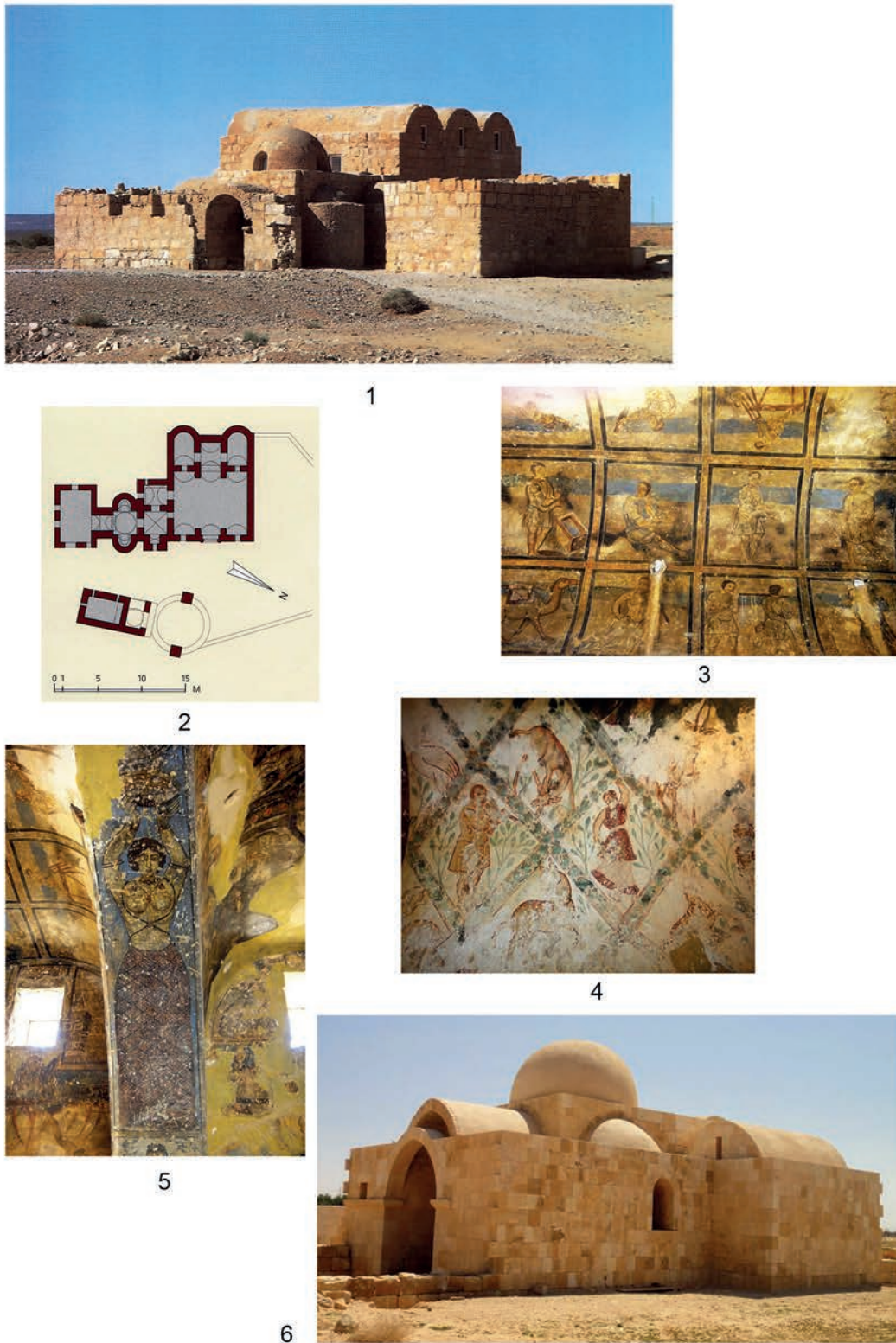
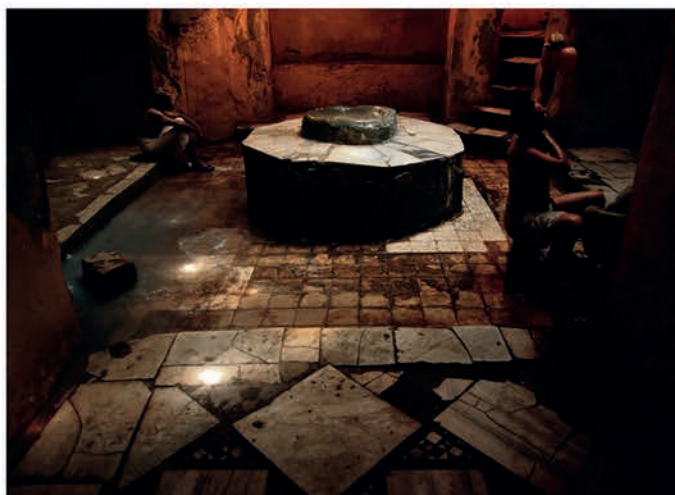

Рис. 59. Дворцы-бани омейядского периода: 1 – Кузейр Амра (711 г.), общий вид; 2 – Кузейр Амра, план; 3-5 – росписи внутри помещений; 6 – Хаммам-ас-Сарак (VIII в.) (по Г. Стирлину).
 Fig. 59. Palaces-baths of the Omayyad period: 1 – Kuseir Amra (711), general view; 2 – Kuseir Amra, the plan; 3-5 – indoor painting; 6 – Hammam-as-Sarak (VIII century) (according to G. Stirlin).

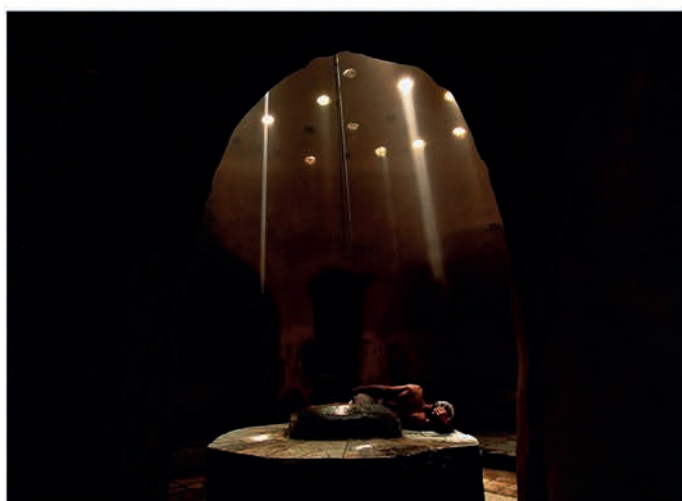

1

2

3

Рис. 60. Средневековая баня в Каире: 1 – предбанник с суфой;
2-3 – центральный зал с суфой для массажа.
Fig. 60. Medieval bath in Cairo: 1 – dressing room with a soufa;
2-3 – the central hall with a soufa for massage.

1

2

3

4

Рис. 61. Интерьеры бань Ирана и Египта: 1-3 – предбанник;
4 – центральный зал с суфой для массажа.
Fig. 61. Interiors of the baths of Iran and Egypt: 1-3 – dressing room;
4 – the central hall with a soufa for massage.

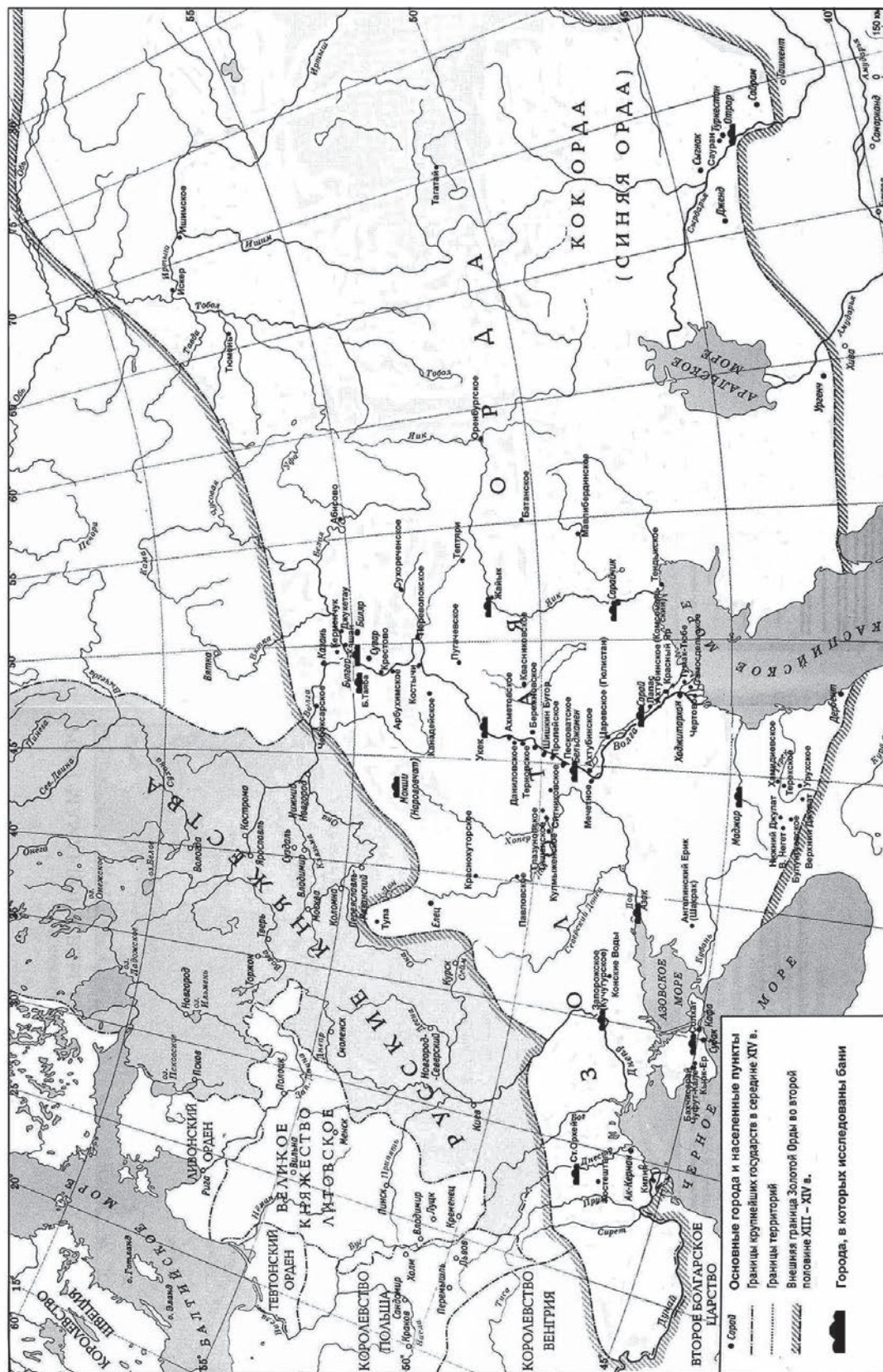

Рис. 62. Города Золотой Орды, в когорых исследованы бани.
 Fig. 62. The cities of the Golden Horde, in which baths are investigated.

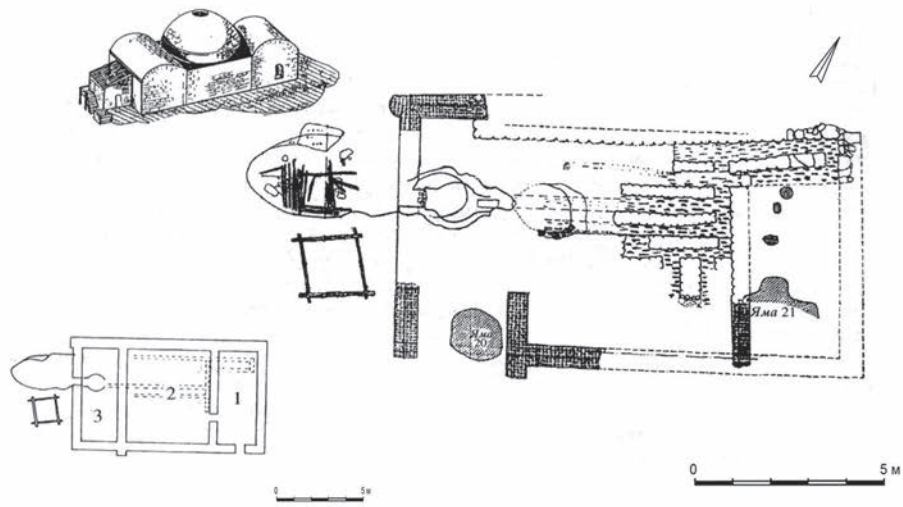

Рис. 63. Баня № 1 в Болгаре (по Р.Ф. Шарифуллину).
 Fig. 63. Bathhouse No. 1 in Bolgar (according to R.F. Sharifullin).

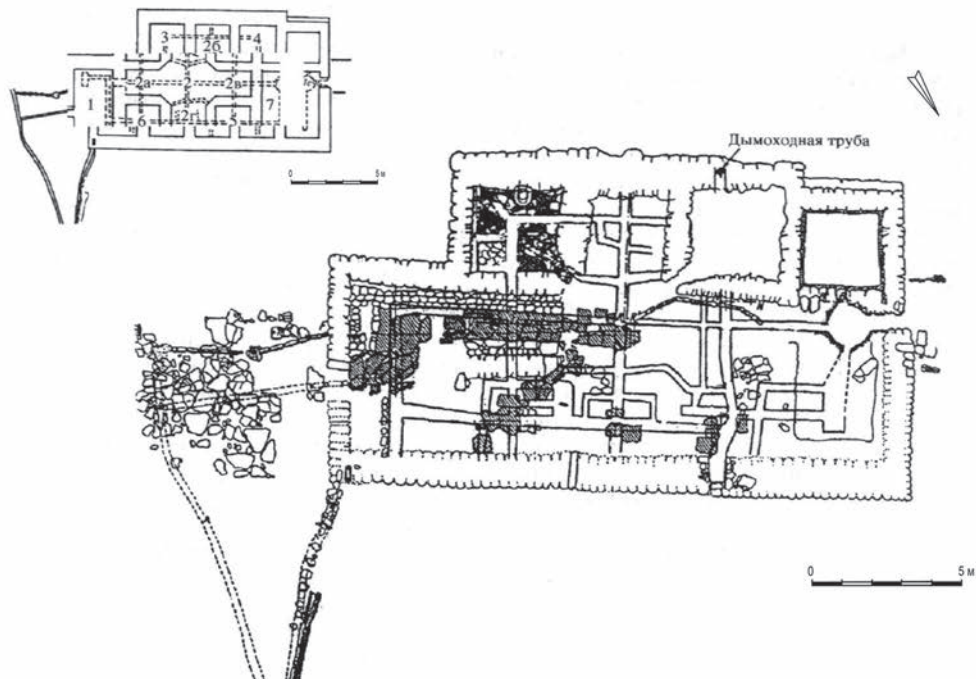

Рис. 64. Баня № 2 в Болгаре (по Р.Ф. Шарифуллину).
 Fig. 64. Bathhouse No. 2 in Bolgar (according to R.F. Sharifullin).

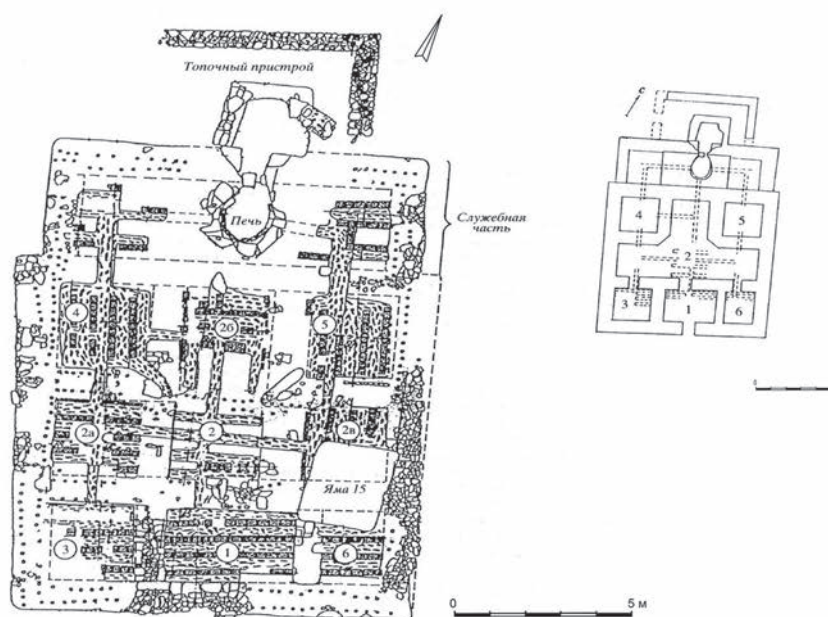

Рис. 65. Баня № 3 в Болгаре (по Р.Ф. Шарифуллину).
 Fig. 65. Bathhouse No. 3 in Bolgar (according to R.F. Sharifullin).

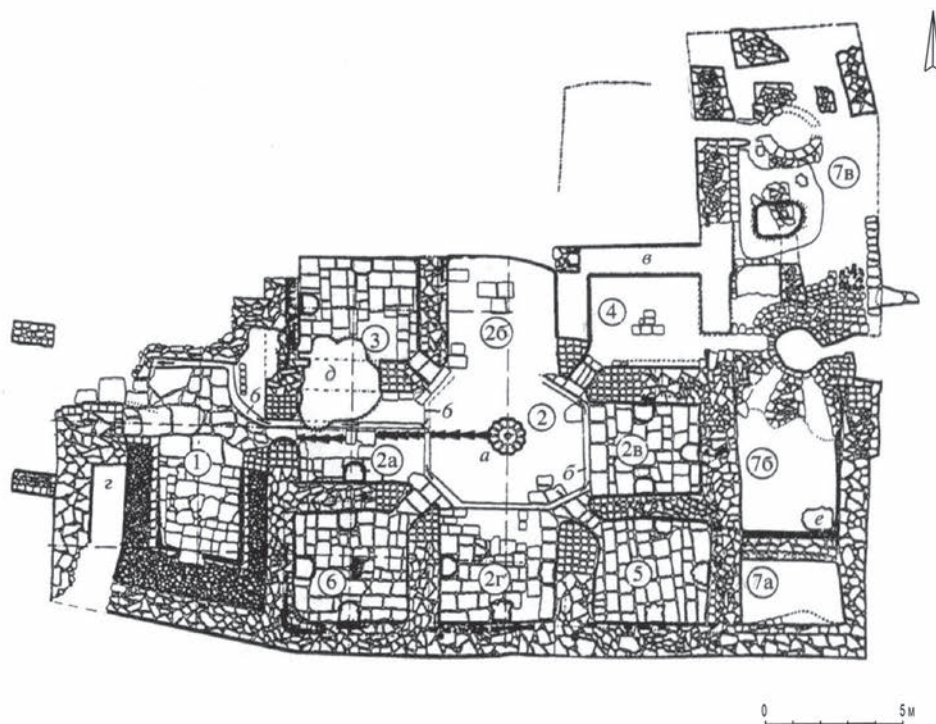
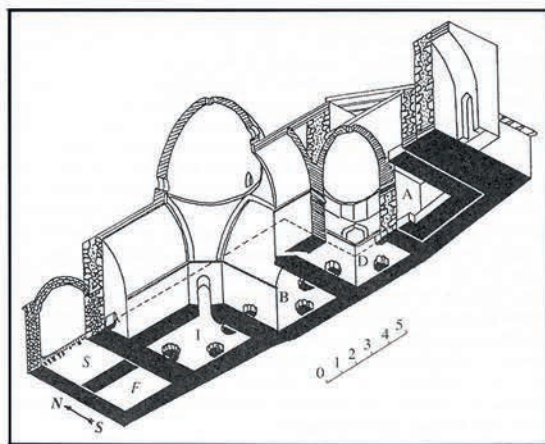

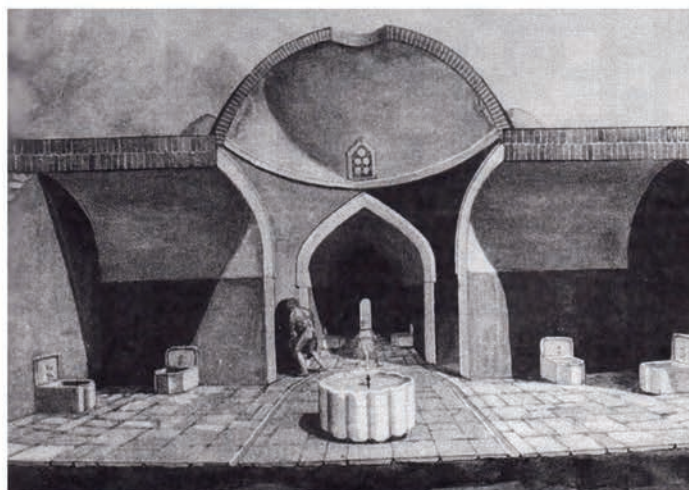
Рис. 66. Красная палата в Болгаре (по Р.Ф. Шарифуллину).
 Fig. 66. The Red Chamber in Bolgar (according to R.F. Sharifullin).

1

2

3

Рис. 67. Красная палата в Болгаре: 1 – общий вид; 2 – предбанник;
3 – чаша фонтана в центральном зале; 4 – топочное отделение и угловая мыльня;
5 – топка (по О.С. Хованской).

Fig. 67. The Red Chamber in Bolgar: 1 – the general view; 2 – dressing room;
3 – a bowl of a fountain in the central hall; 4 – furnace compartment and corner room for
washing; 5 – furnace (according to O.S. Khovanskaya).

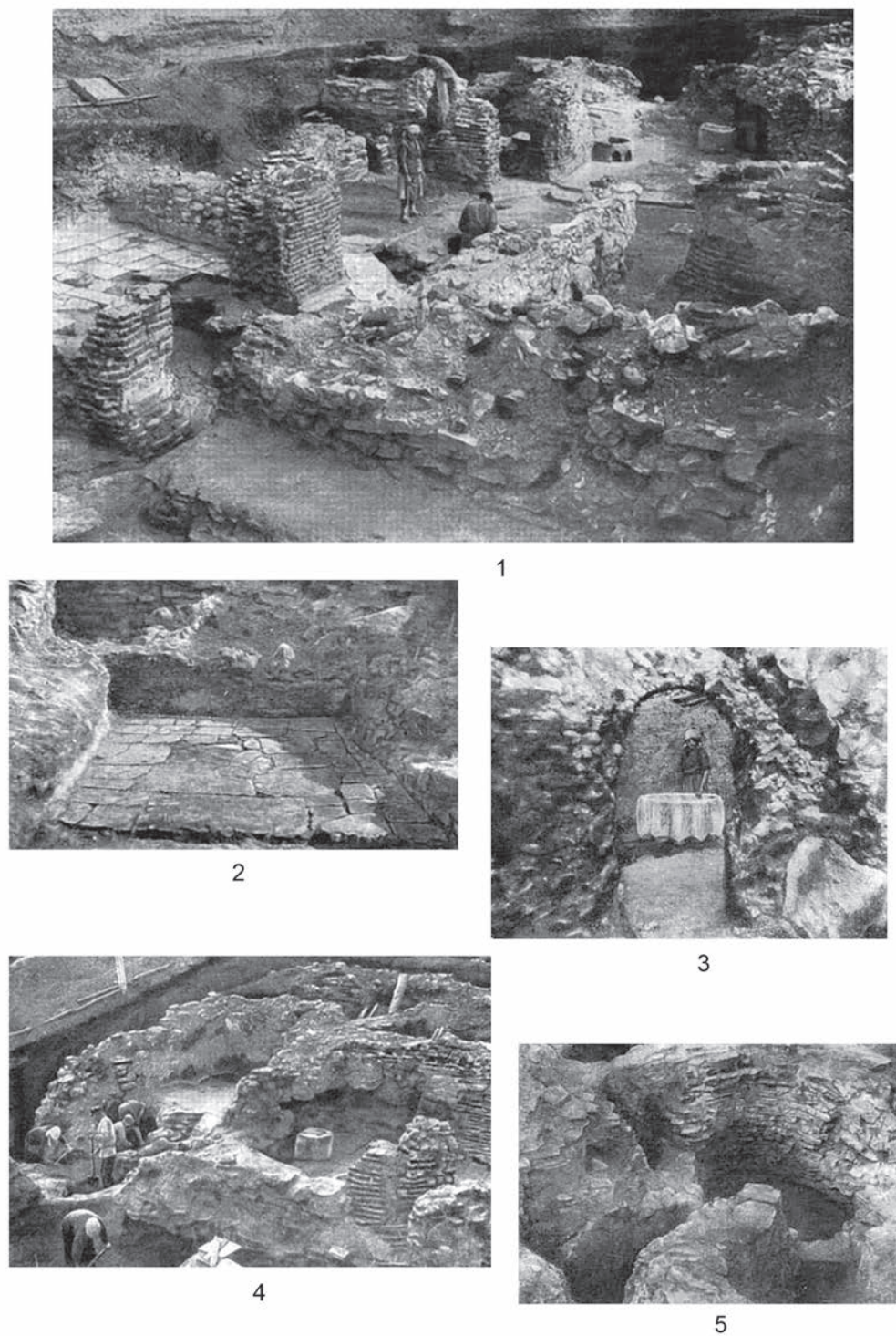
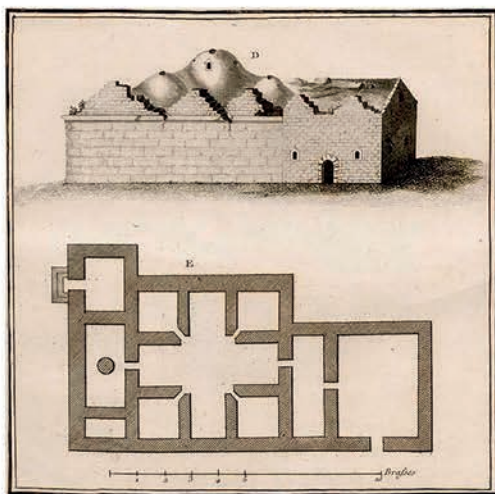

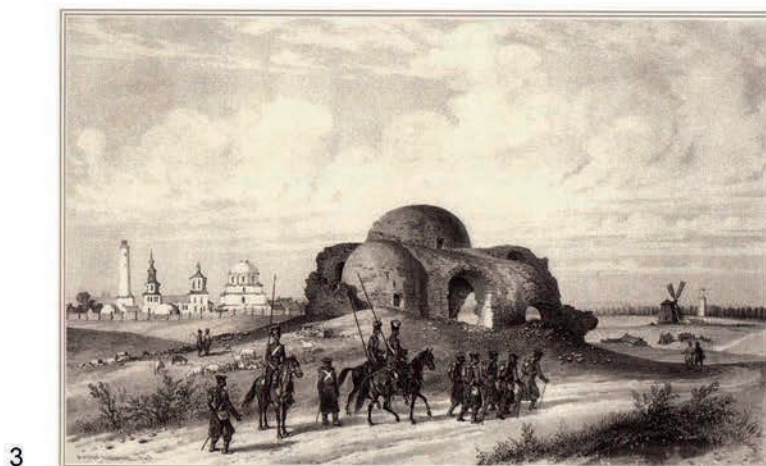
Рис. 68. Рисунки Красной палаты: 1 – интерьер в процессе раскопок (рис. Н.О. Фреймана); 2 – аксонометрическое сечение (авторы – А.П. Смирнов и Н.Ф. Калинин); 3 – реконструкция интерьера (автор – Н.О. Фрейман).
 Fig. 68. Drawings of the Red Chamber: 1 – interior in the process of excavation (figure N.O. Freiman); 2 – axonometric section (authors – A.P. Smirnov and N.F. Kalinin); 3 – reconstruction of the interior (author – N.O. Freiman).

1

2

3

Рис. 69. Изображение Белой палаты XVIII-XIX вв.: 1 – внешний вид и план (из сочинений П.С. Палласа, 1768 г.); 2 – рисунок Н.Н. Кафтанникова, 1819 г.; 3 – гравюра А. Дюранда 1839 г.

Fig. 69. Images of the White Chamber of the XVIII-XIX centuries: 1 – appearance and plan (from the works of P.S. Pallas, 1768); 2 – drawing by N.N. Kaftannikov, 1819; 3 – engraving by A. Durand in 1839.

1

2

3

Рис. 70. Белая палата, рисунки братьев Н.Г. и Г.Г. Чернецовых 1838 г.: 1 – общий вид;
2-3 – интерьер.
Fig. 70. White Chamber, drawings of brothers N.G. and G.G. Chernetsov 1838:
1 – the general view; 2-3 – the interior.

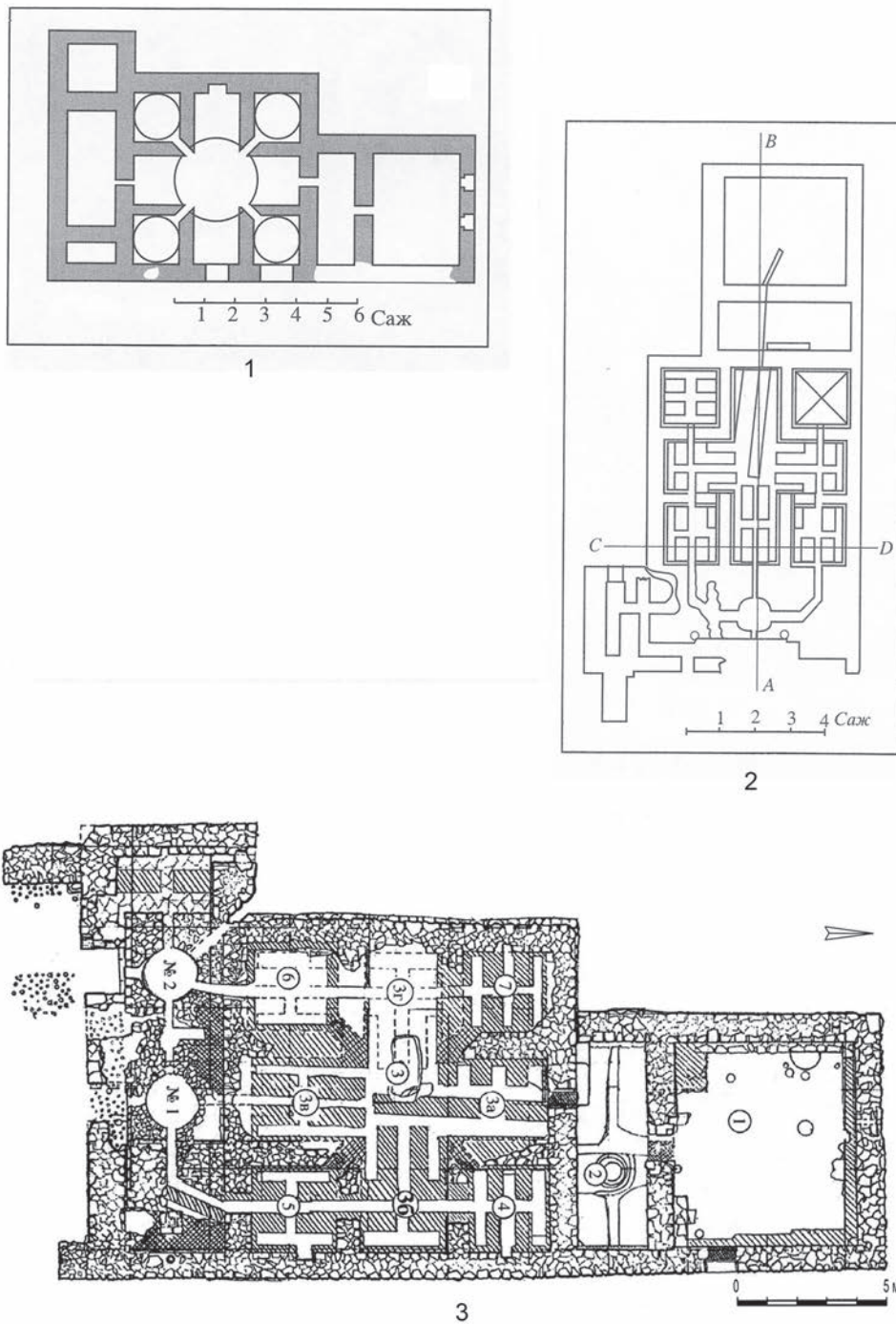

Рис. 71. Планы Белой палаты: 1 – по обмерам А. Шмита, 1827 г.; 2 – план подпольной части, снятый В.А. Казариновым, 1887 г.; 3 – план по результатам работ 1980-83 гг. (по Р.Ф. Шарифуллину).

Fig. 71. Plans of the White Chamber: 1 – according to the measurements of A. Schmitt, 1827; 2 – plan of the underground part, shot by V.A. Kazarinov, 1887; 3 – a plan based on the results of the work of 1980-83 (according to R.F. Sharifullin).

1

2

3

Рис. 72. Белая палата, современный вид (1-3).
Fig. 72. The White Chamber, a modern look (1-3).

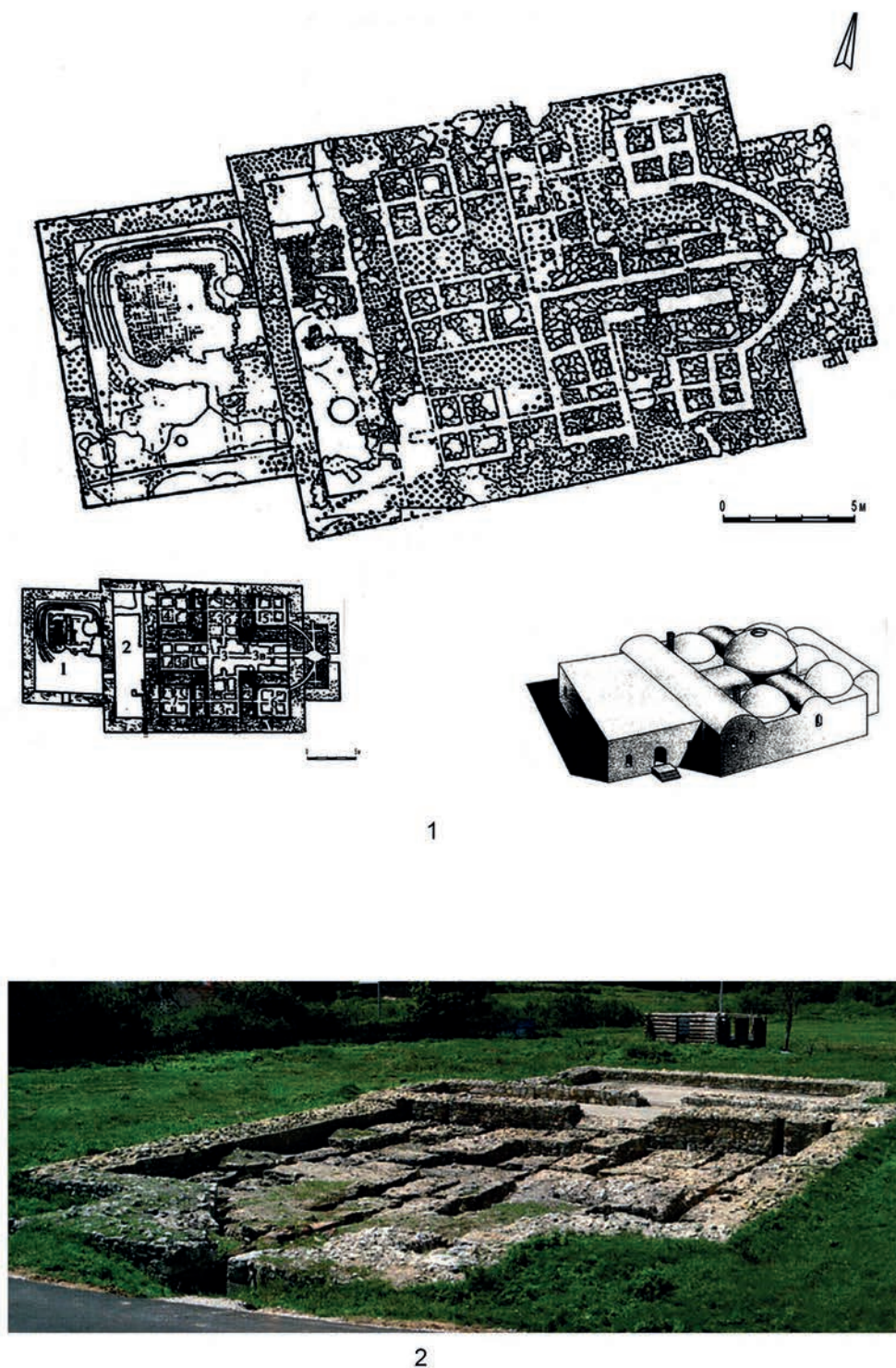

Рис. 73. Баня № 6 (Восточная палата) в Болгаре: 1– план и реконструкция (по Р.Ф. Шарифуллину); 2 – фото.
 Fig. 73. Bathhouse No. 6 (Eastern Chamber) in Bolgar: 1– plan and reconstruction (according to R.F. Sharifullin); 2 – photo.

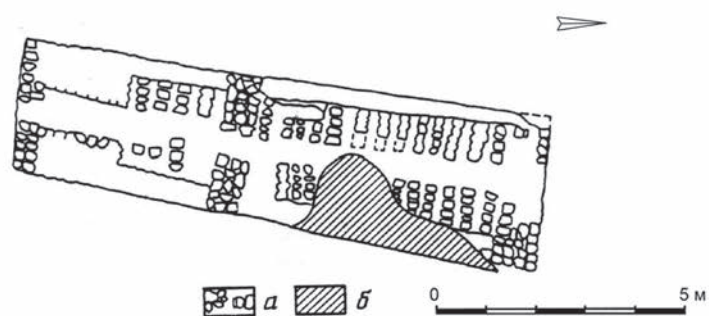

Рис. 74. Баня на городище Большая Тояба: а – кирпич; б – нарушенная часть здания
(по Г.А. Федорову-Давыдову).

Fig. 74. Bath on the site of the Big Toyaba site: a – brick; b – the disturbed part of the building
(according to G.A. Fedorov-Davydov).

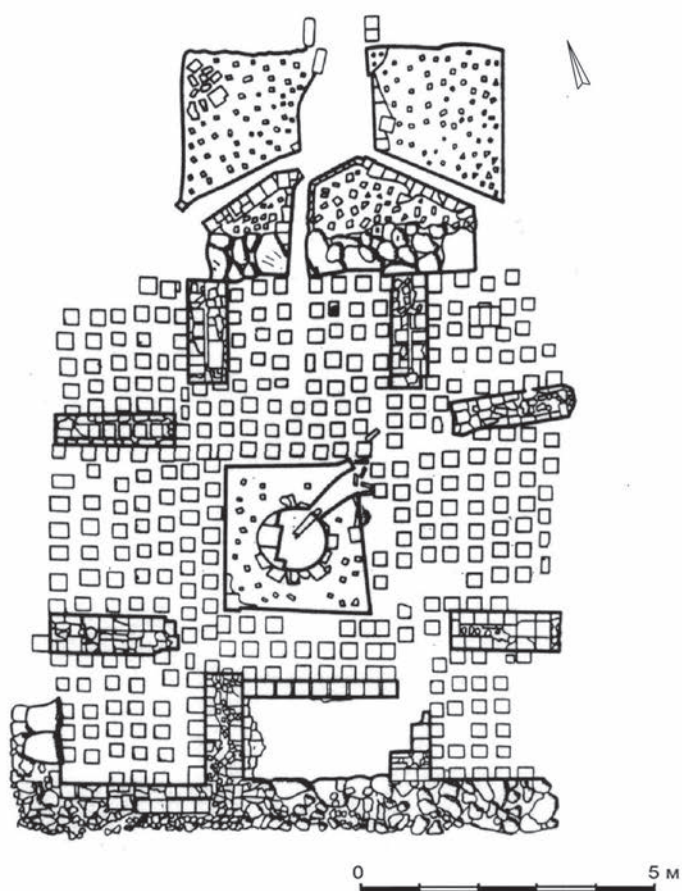

Рис. 75. Общественная баня в Мохше (по А.Е. Алиховой).
Fig. 75. Public bath in the Mohsha (according to A.E. Alikhova).

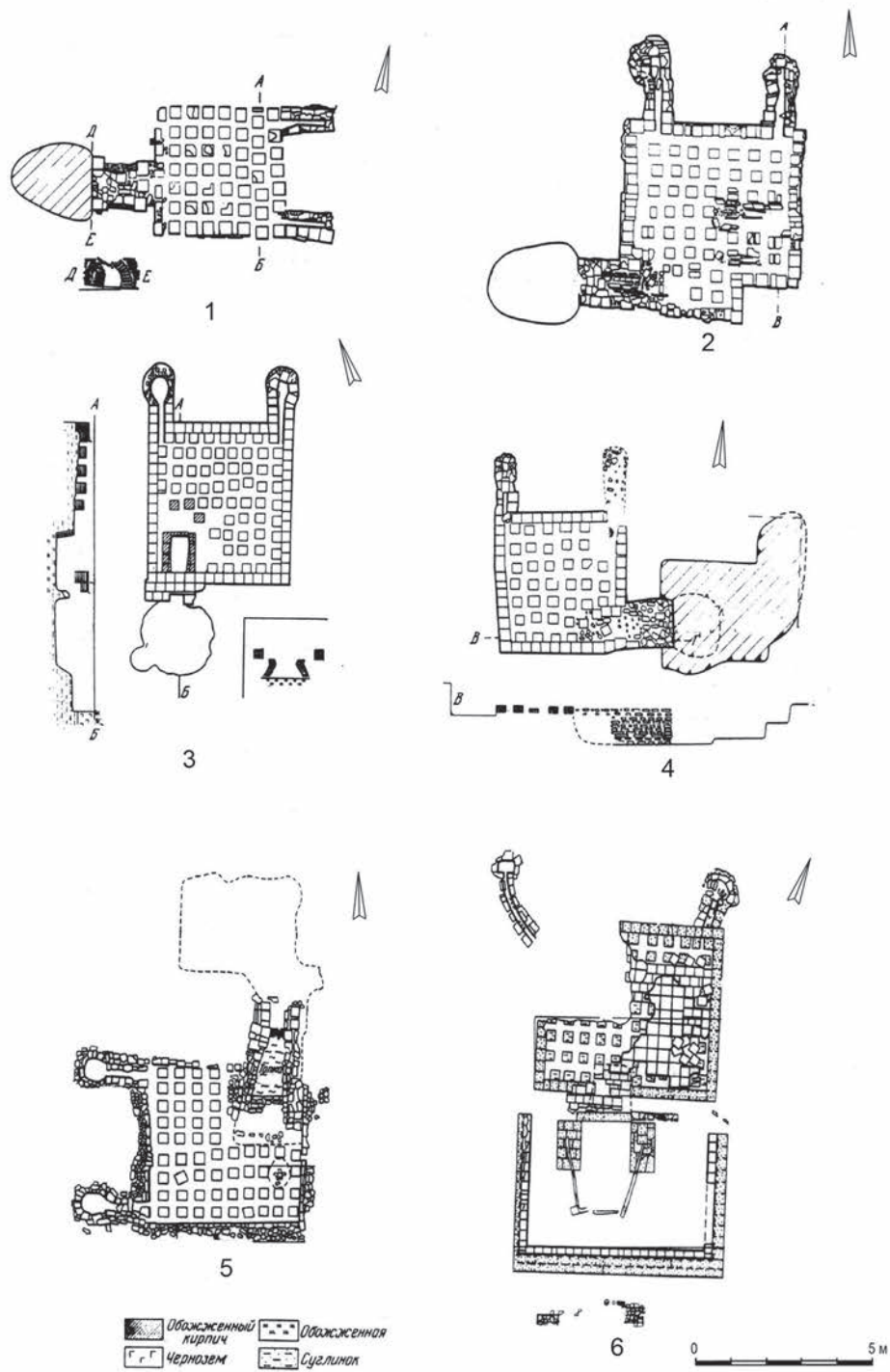

Рис. 76. Частные бани в Мохше 1-6 (по А.Е. Алиховой).
 Fig. 76. Private baths in Mohsha 1-6 (according to A.E. Alikhova).

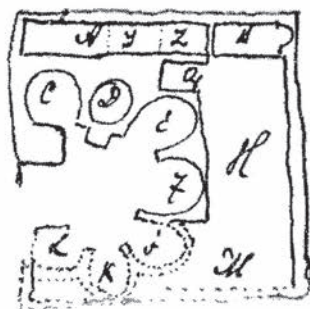

Рис. 77. Схематический план участка бани в Увеке (по Д.А. Кубанкину).
 Fig. 77. Schematic plan of the bath site in Uvek (according to D.A. Kubankin).

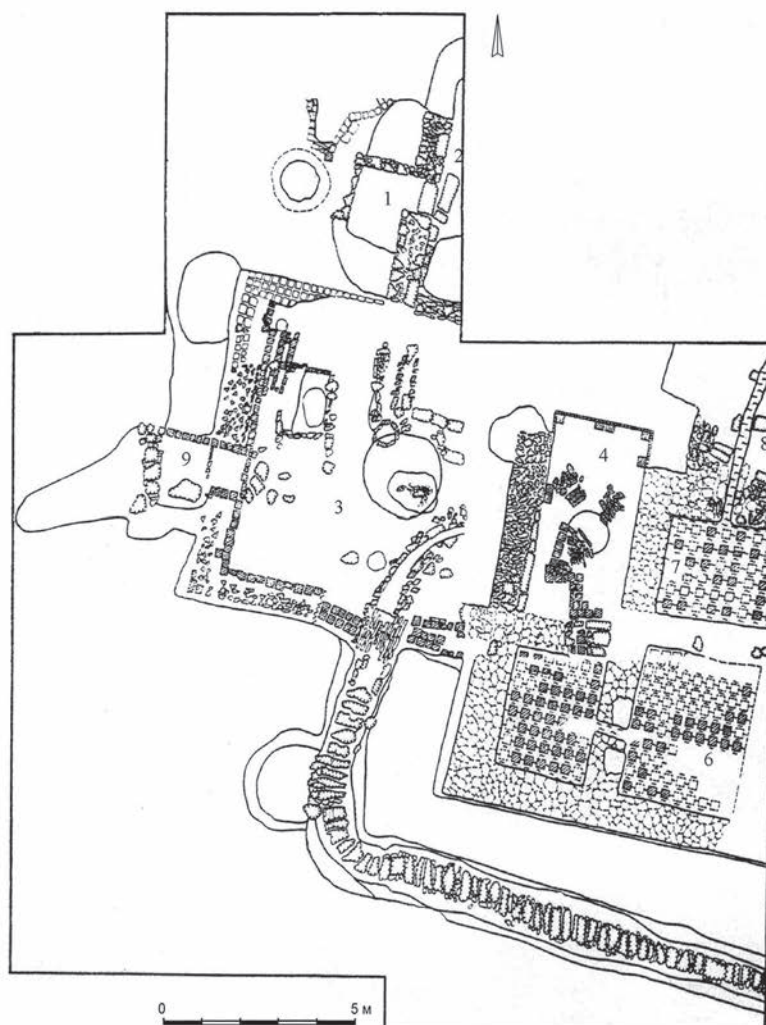

Рис. 78. Общественная баня на Водянском городище.
 Fig. 78. Public bath in the Vodyansky settlement.

1

2

Рис. 79. Общественная баня на Водянском городище:
1- помещение с подпольным отоплением; 2 – сточная канава.
Fig. 79. Public bath in the Vodyansky settlement:
1– room with underground heating; 2 – the gutter.

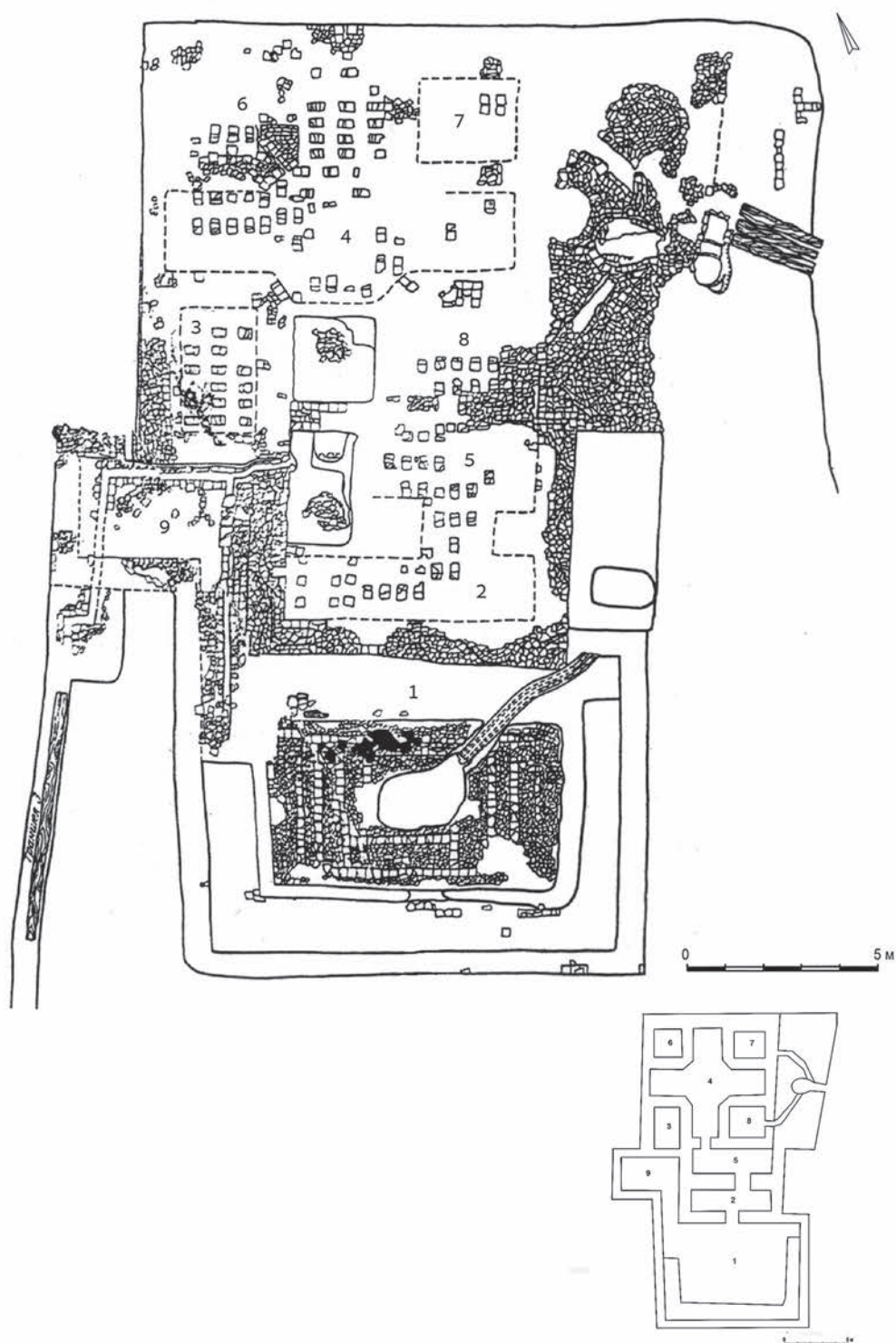

Рис. 80. Общественная баня на Селитренном городище.
Fig. 80. Public bath in the Selitrennoye settlement.

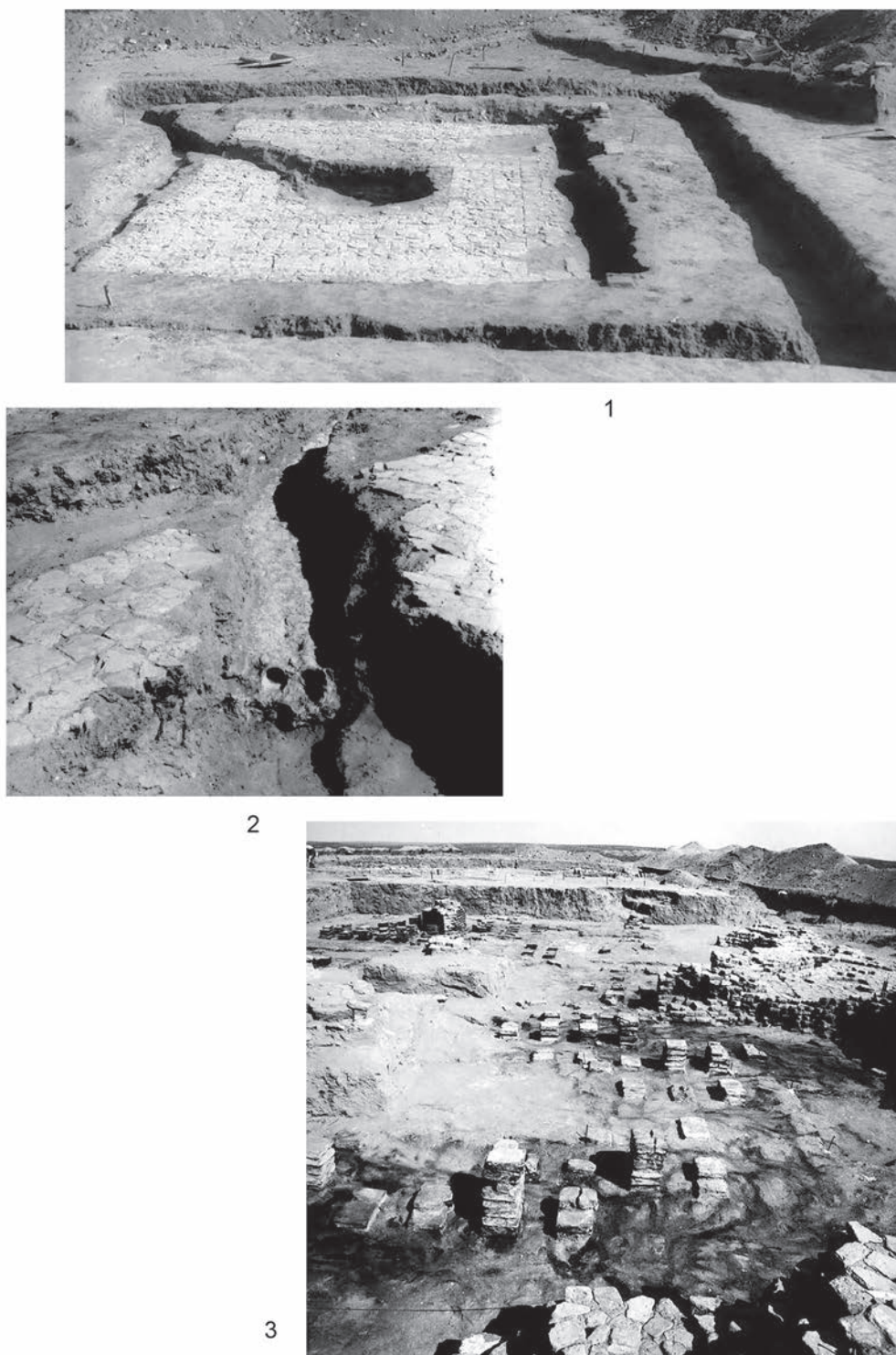

Рис. 81. Общественная баня на Селитренном городище: 1 – предбанник;
2 – трубы, идущие к фонтану; 3 – мыльное отделение, вид с юга.
Fig. 81. Public bath in the Selitrennoye settlement: 1 – dressing room;
2 – pipes going to the fountain; 3 – washing room, view from the south.

1

2

3

4

Рис. 82. Общественная баня на Селитренном городище: 1 – мыльное отделение, вид с юго-запада; 2 – печь; 3 – магистральный канал; 4 – водосток.
Fig. 82. Public bath in the Selitrennoye settlement: 1 – washing station, view from the southwest; 2 – the furnace; 3 – the main channel; 4 – the gutter.

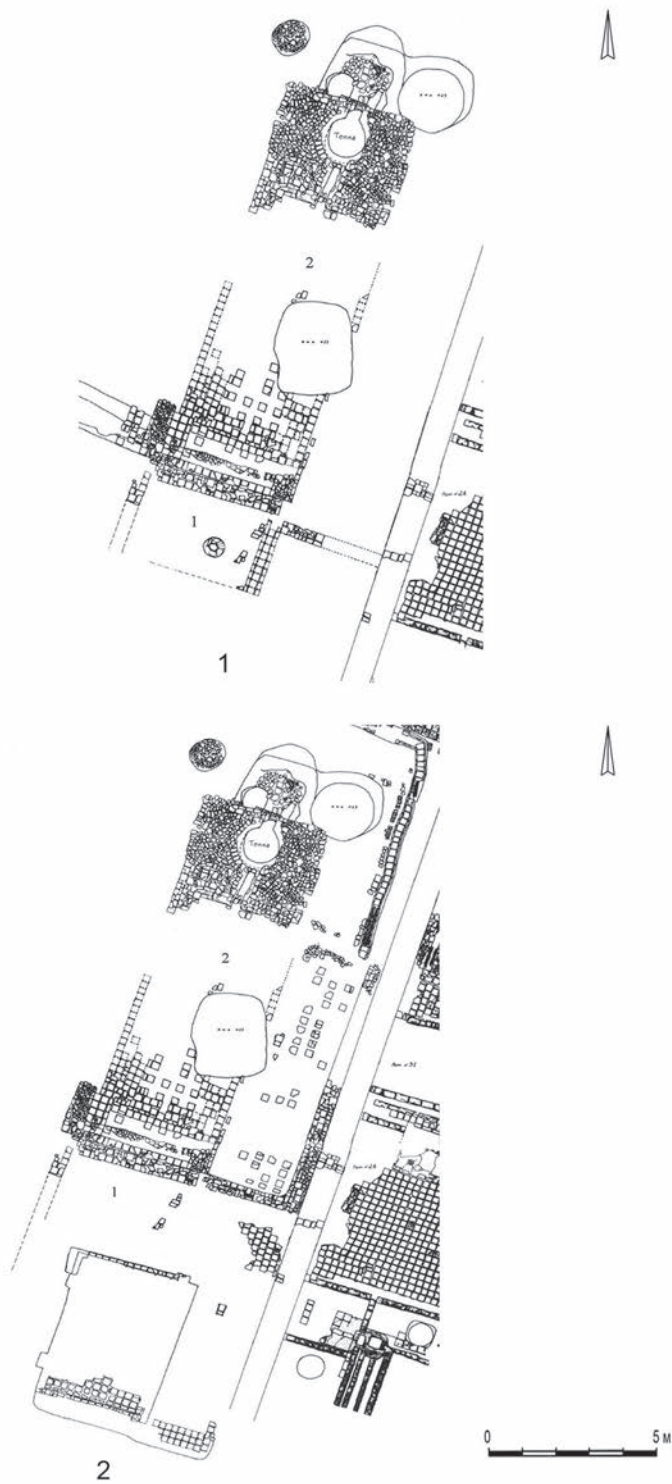

Рис. 83. Дворцовая баня на Селитренном городище:
1 – I период; 2 – II период.

Fig. 83. The palace bath at the Selitrennoye ancient settlement: 1 – I period; 2 – II period.

Рис. 84. Дворцовая баня на Селитренном городище: 1 – общий вид с севера; 2 – южная часть мыльного отделения, вид с востока; 3 – топка; 4 – водосток.
 Fig. 84. The Palace of Baths on the Selitrennoye settlement: 1 – a general view from the north; 2 – the southern part of the soap compartment, a view from the east; 3 – furnace; 4 – the gutter.

Рис. 85. Общественная баня в Маджаре.
Fig. 85. Public bath in Madjar.

1

2

3

Рис. 86. Общественная баня в Маджаре: 1 – общий вид с севера;
2 – столбики подпольного отопления; 3 – печь.
Fig. 86. Public bath in Madjar: 1 – a general view from the north;
2 – columns of underfloor heating; 3 – the furnace.

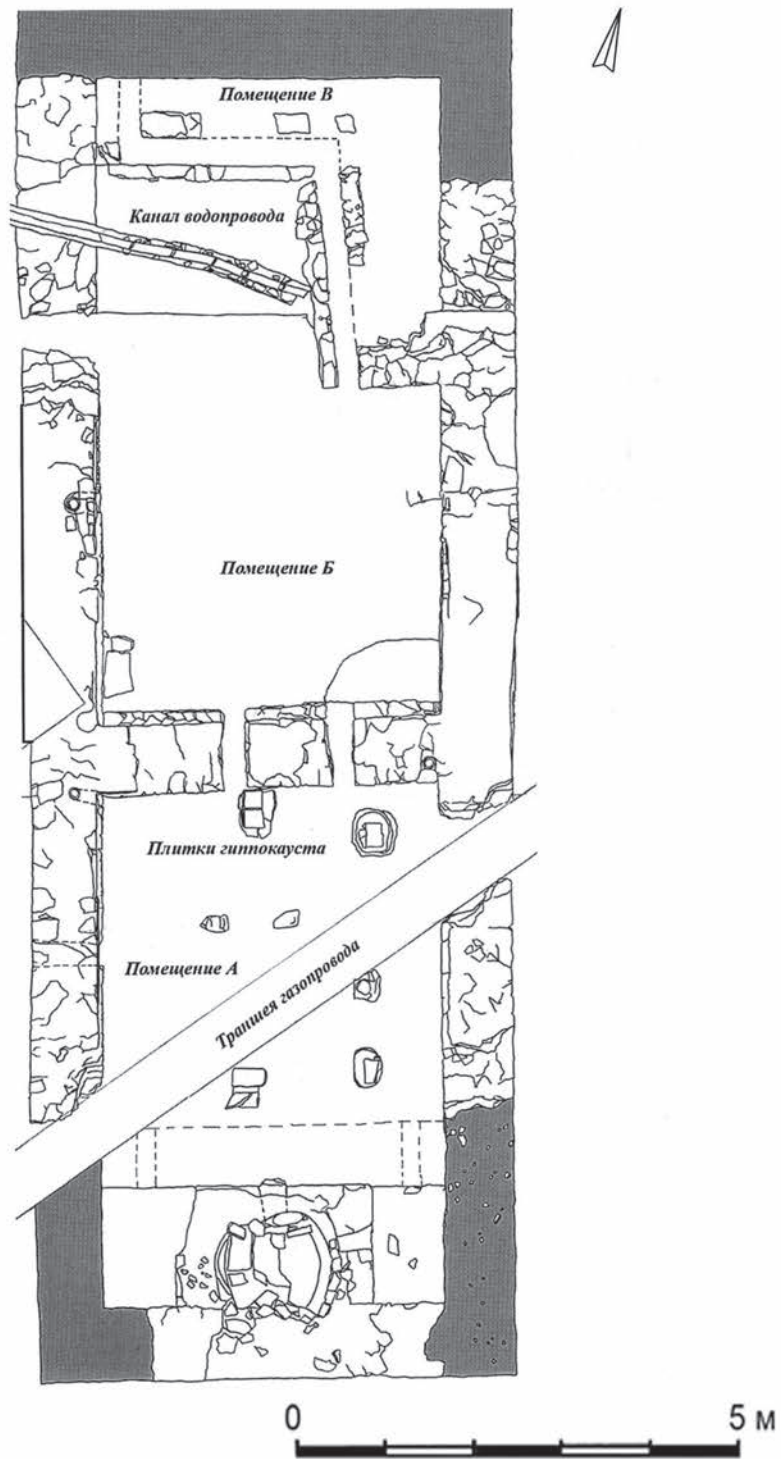

Рис. 87. Баня в Солхате (по А.В. Гаврилову и В.В. Майко).
Fig. 87. Bath in Solhat (according to A.V. Gavrilov and V.V. Maiko).

1

2

3

Рис. 88. Баня в Солхате: 1 – вид с юго-востока; 2 – вид с северо-востока;
3-4 – печь (по А.В. Гаврилову и В.В. Майко).
Fig. 88. Bath in Solkhat: 1 – a view from the south-east; 2 – view from the northeast;
3-4 – furnace (according to A.V. Gavrilov and V.V. Maiko).

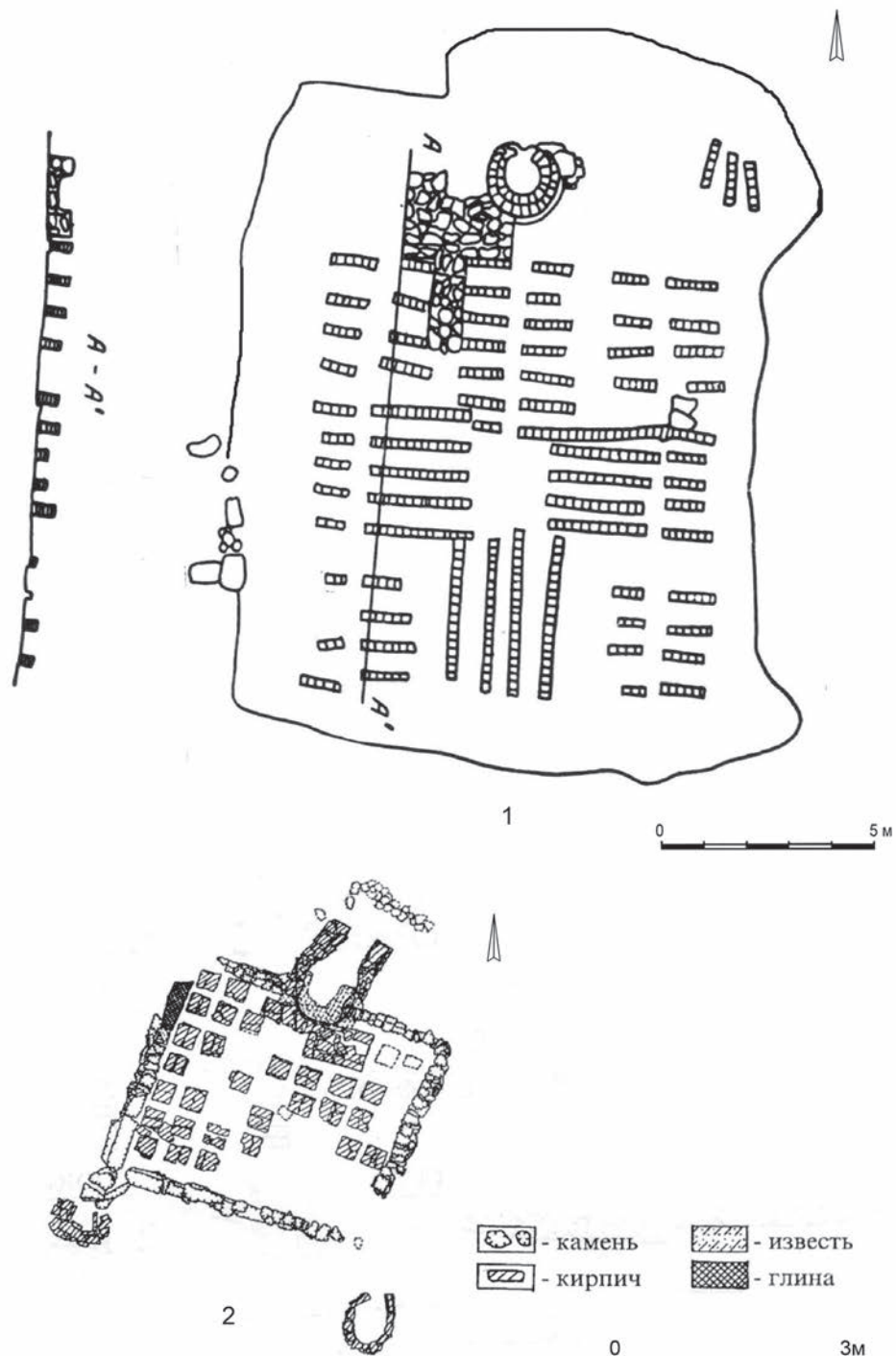

Рис. 89. Бани западных районов: 1 – общественная на Кучугурском городище;
 2 – частная в Азаке (по В.И. Довженку и В.И. Перевозчикову, А.Н. Масловскому).
 Fig. 89. Baths of the western regions: 1 – public on the Kuchugur settlement; 2 – private in
 Azak (according to V.Y. Dovzhenok and V.I. Perevozchikov, A.N. Maslovsky).

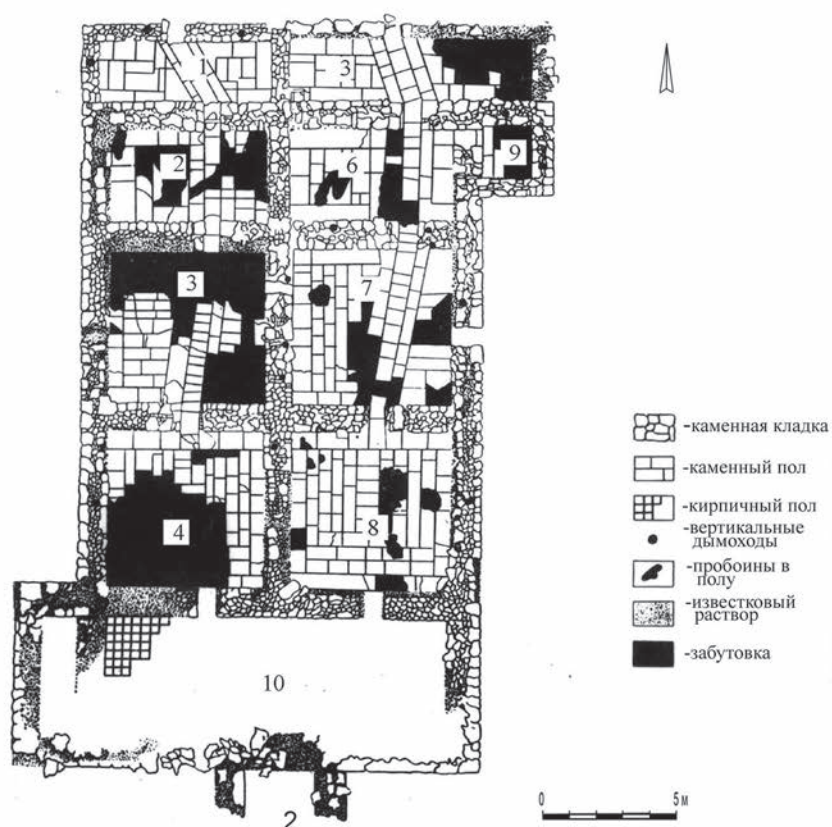
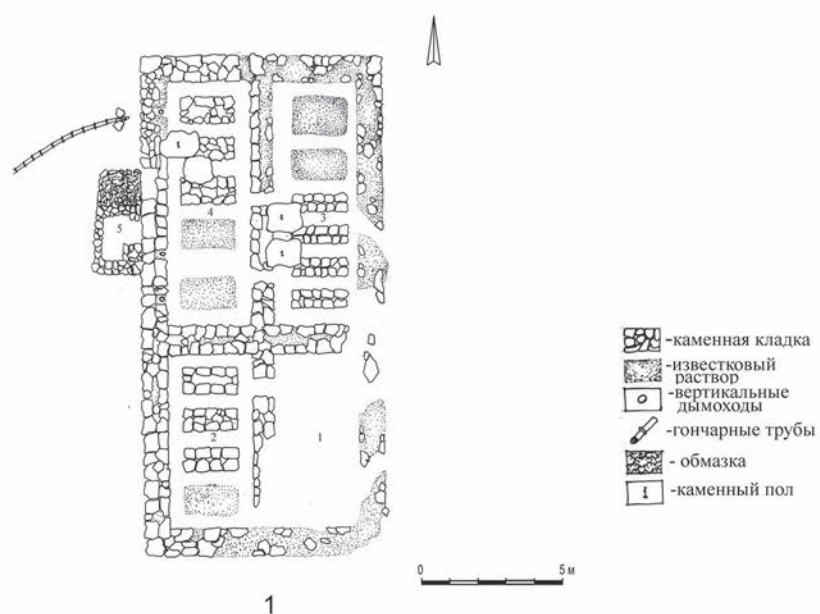
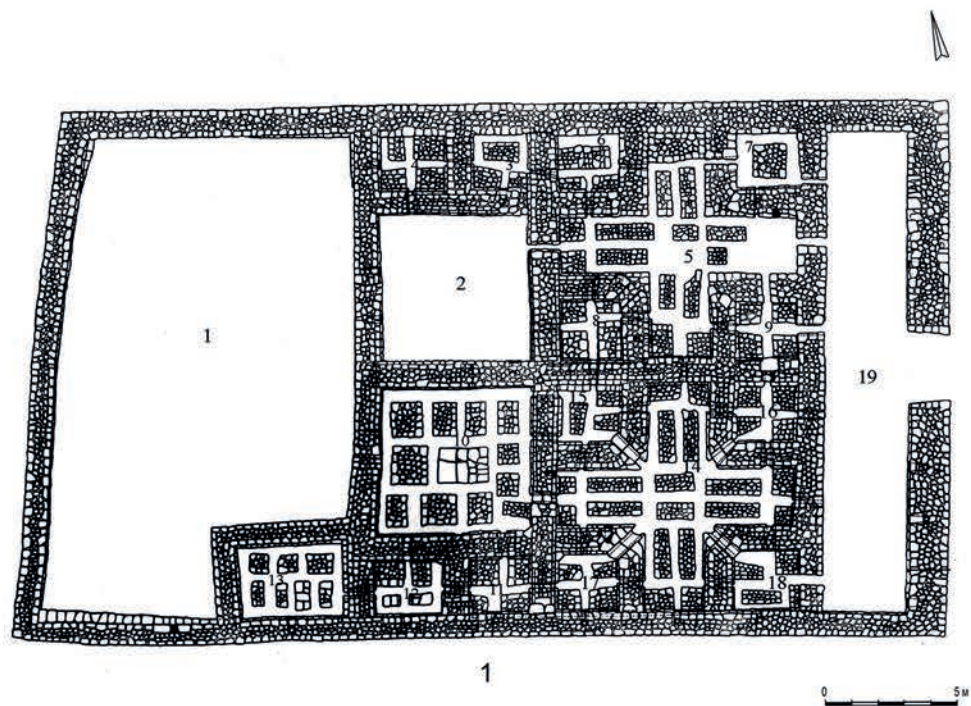

Рис. 90. Бани Старого Орхей: 1 – № 1; 2 – № 3 (по Г.Д. Смирнову).
 Fig. 90. Baths of the Old Orhei: 1 – No. 1; 2 – No. 3 (according to G.D. Smirnov).

2

Рис. 91. Баня № 2 в Старом Орхее: 1 – план; вид с востока.
Fig. 91. Bathhouse No. 2 in Old Orhei: 1 – plan; view from the east.

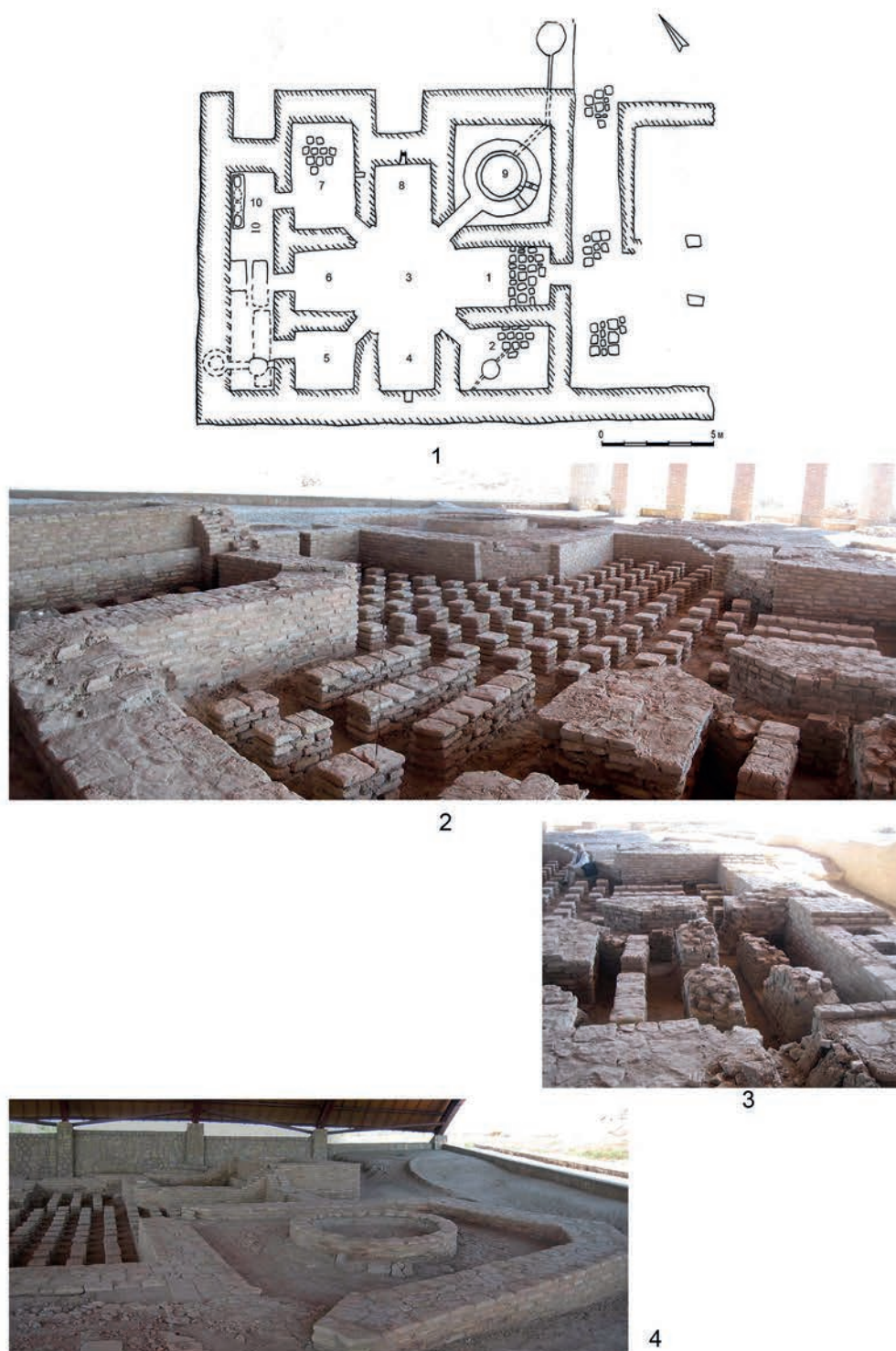

Рис. 92. Баня XIII- XV вв. в Отраге: 1 – план (по К.М. Байпакову); 2-4 – интерьер.
 Fig. 92. Bathhouse XIII-XV centuries. in Otrar: 1 – the plan (according to К.М. Ваураков);
 2-4 – interior.

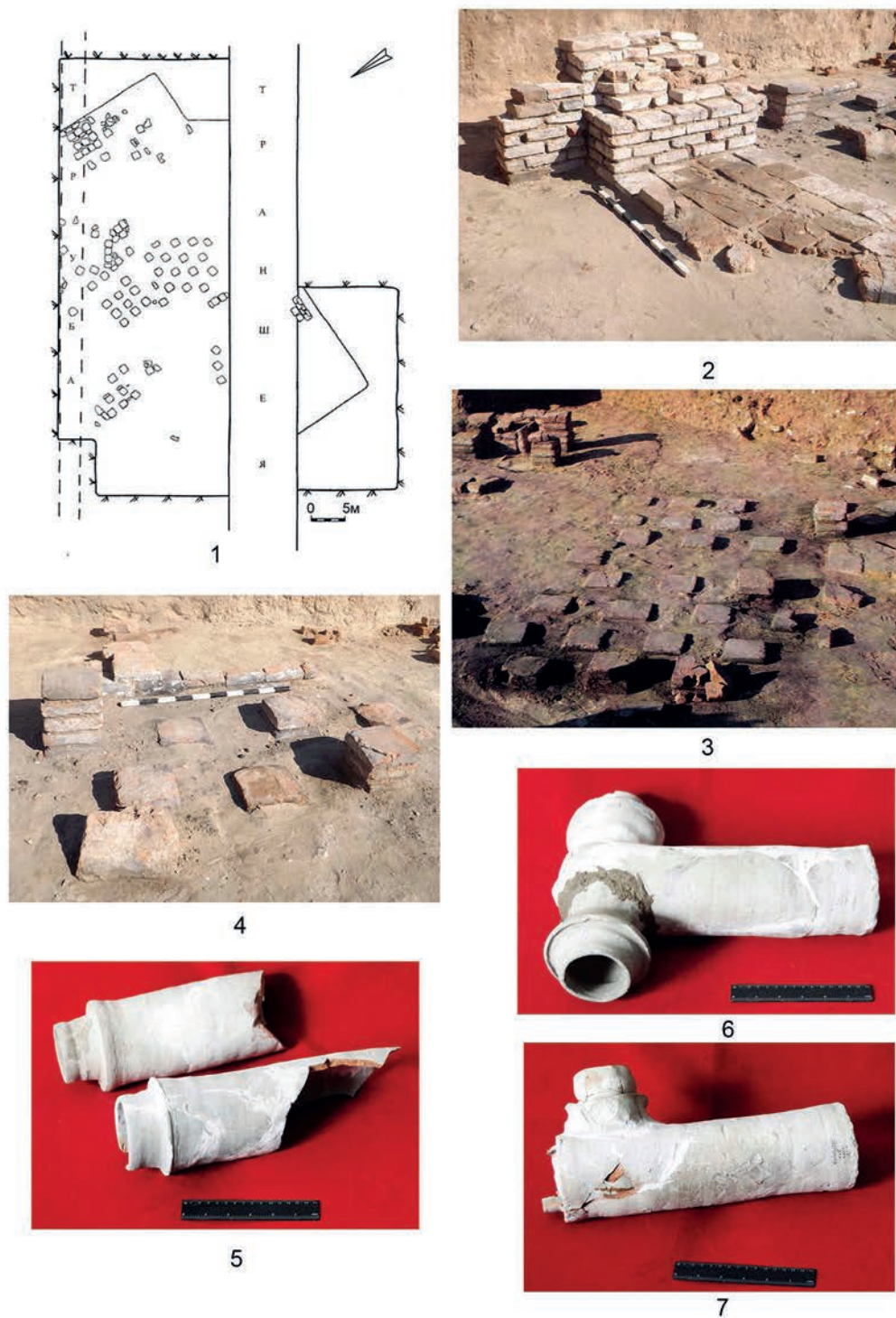

Рис. 93. Баня на городище Жайык: 1 – план (по М.Д. Калменову); 2 – остатки стен;
 3-4 – столбики подпольного отопления; 5-7 – водопроводные трубы.
 Fig. 93. Bath at the mound Zhaik: 1 – plan (according to M.D. Kalmenov); 2 – remains of
 walls; 3-4 – columns of underfloor heating; 5-7 - water pipes.

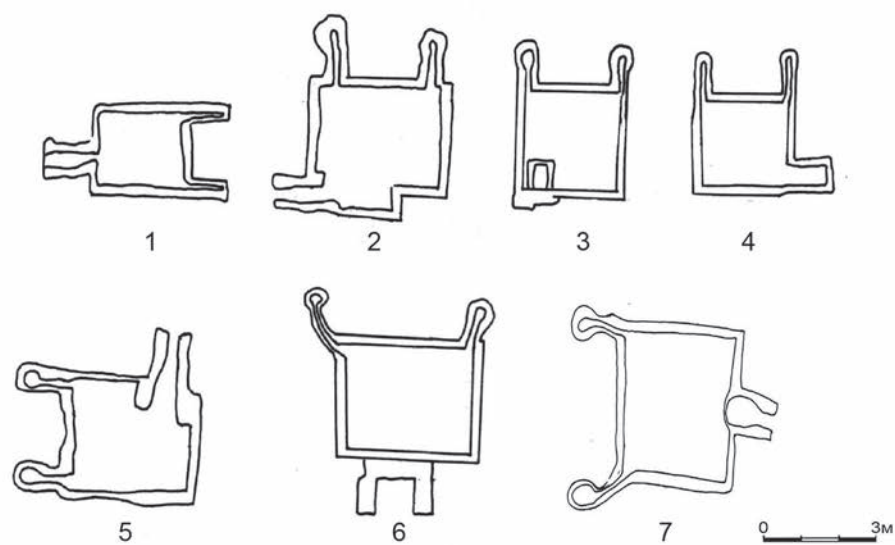

Рис. 94. Бани типа IA: 1-6 – в Мохше; 7 – в Азове.

Fig. 94. Type IA baths: 1-6 – in Mohsha; 7 – in Azov.

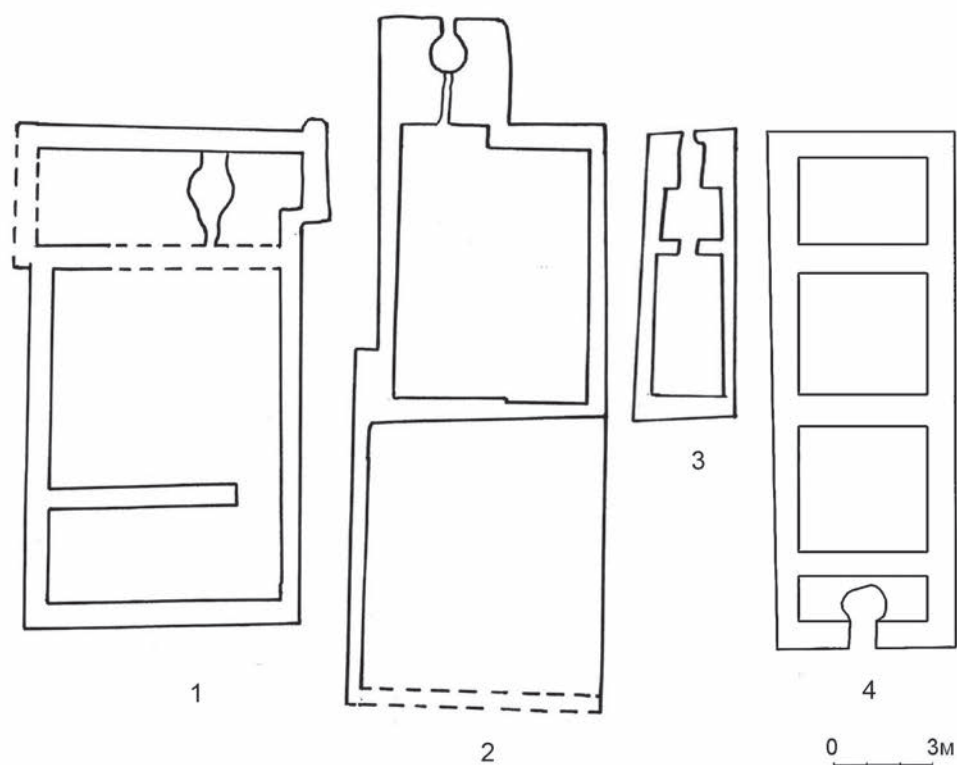

Рис. 95. Бани типа IB: 1 – № 1 в Болгаре; 2 – на Селитренном городище;

3 – в Большой Тоябе; 4 – в Солхате.

Fig. 95. Baths of type IB: 1 – № 1 in Bolgar; 2 – in the Selitrennoye ancient settlement;

3 – in the Big Toyaba; 4 – in Solhat.

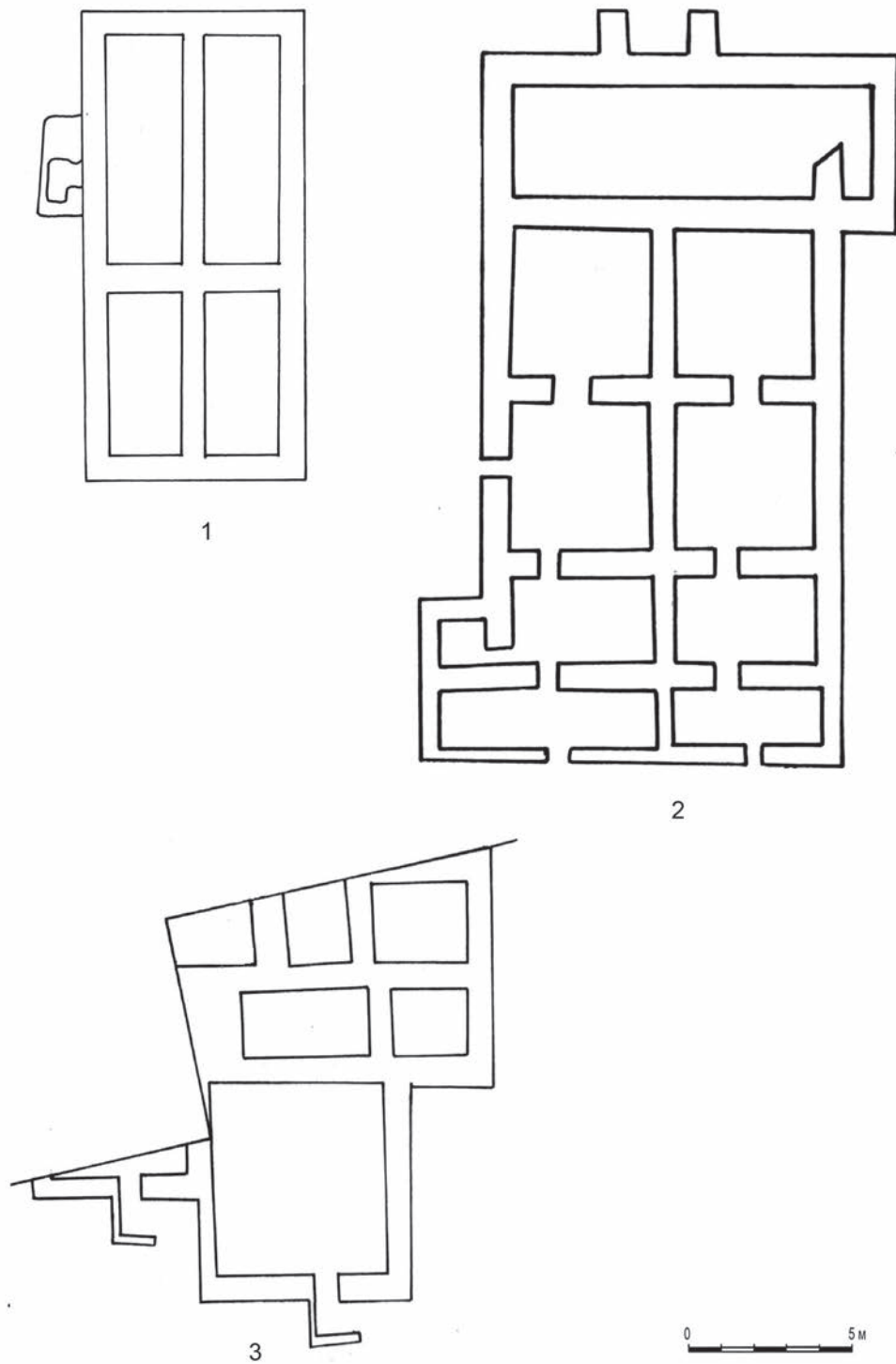

Рис. 96. Бани типа IIA (1-2) и IIB (3): 1 – № 1 в Старом Орхее; 2 – № 3 в Старом Орхее; 3 – на Водянском городище.

Fig. 96. Bath type IIA (1-2) and IIB (3): 1 – No.1 in the Old Orhei; 2 – No.3 in Old Orhei; 3 – on the Vodyanskoe settlement.

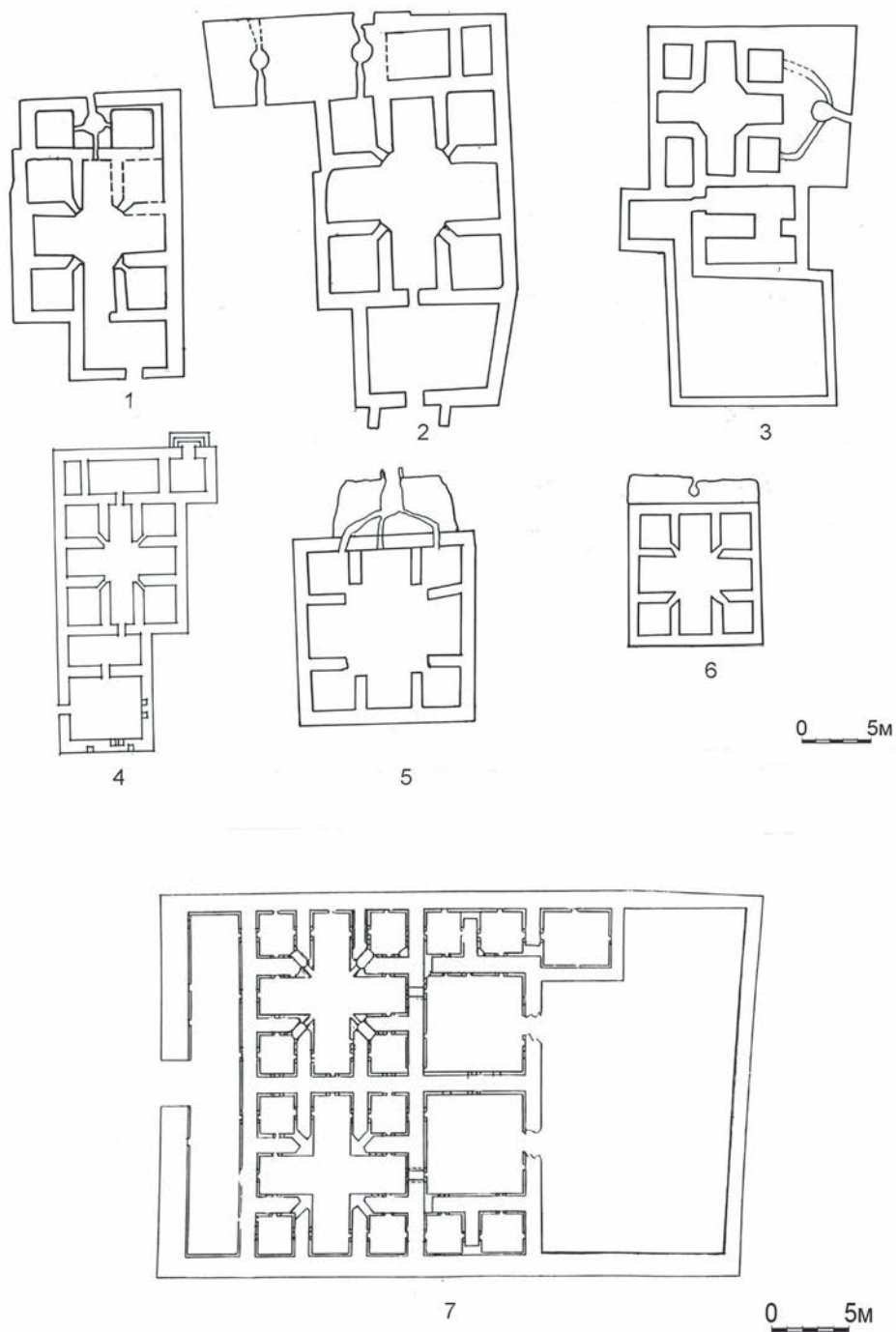

Рис. 97. Бани III типа (1-6) и IV типа (7): 1 – № 2 в Болгаре; 2 – Красная палата; 3 – Белая палата; 4 – в Мохше; 5 – на Селитренном городище; 6 – на Кучугурском городище; 7 – № 2 в Старом Орхее.
 Fig. 97. Bath type III (1-6) and IV type (7): 1 – No. 2 in Bolgar; 2 – The Red Chamber; 3 – White Chamber; 4 – in Mohsha; 5 – on the Selitrennoye settlement; 6 – on the Kuchugury settlement; 7 – No. 2 in the Old Orhei.

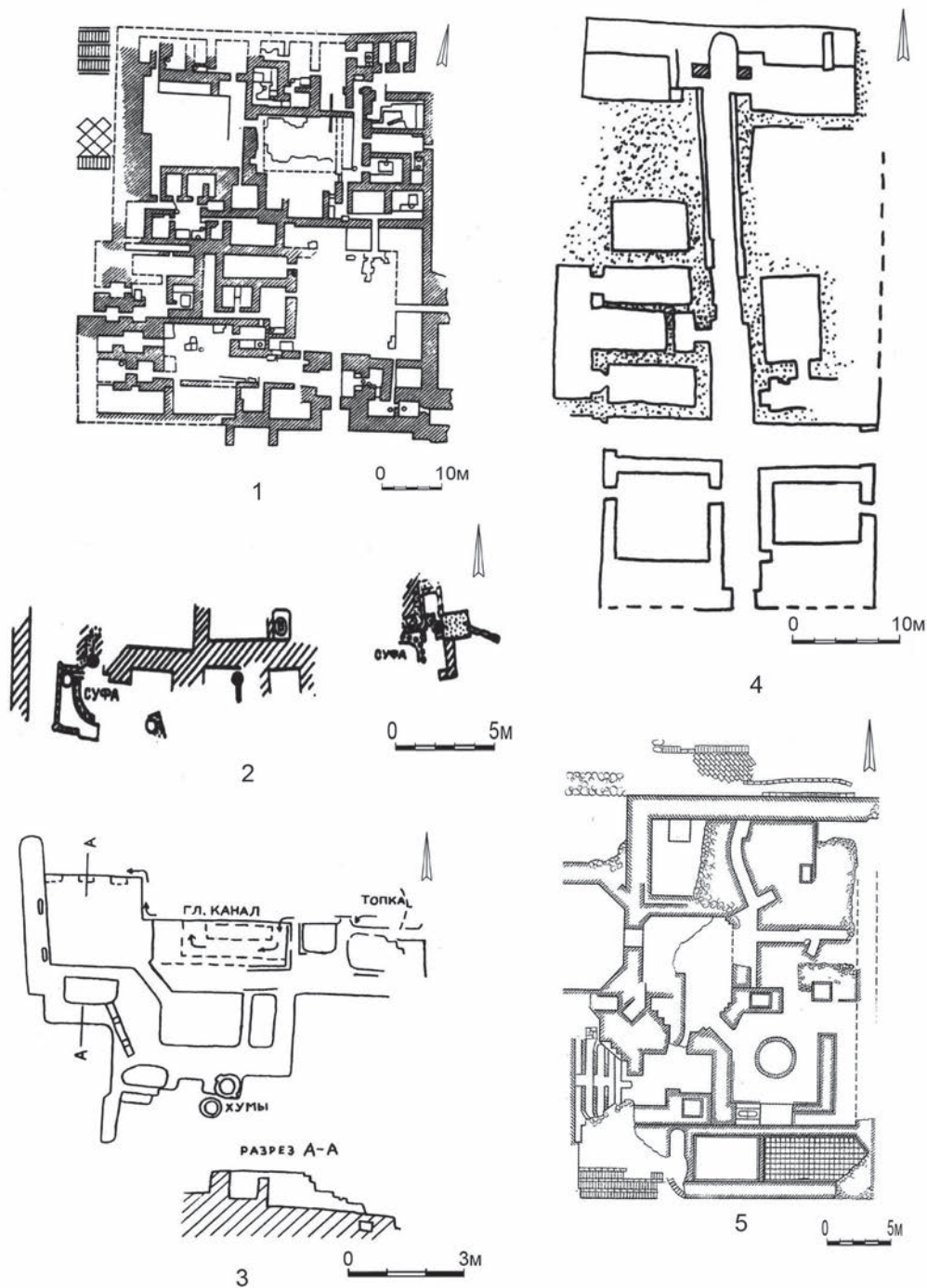

Рис. 98. Бани Средней Азии местной и античной традиций: 1 – Афрасиаб, IX в.; 2 – Афрасиаб X в.; 3 – Хульбук, XI в.; 4 – Ниса, XII-XIII в.; 5 – Ош, X-XII вв. (по Г.В. Шишкиной, Э. Гулямовой, Г.А. Пугаченковой, Б. Аманбаевой).

Fig. 98. Baths of Central Asia of local and ancient traditions: 1 – Afrasiab, IX century; 2 – Afrasiab of the X century; 3 – Hulbuk, XI century; 4 – Nisa, XII-XIII century; 5 – Osh, X-XII century (according to G.V. Shishkina, E. Gulyamova, G.A. Pugachenkova, B. Amanbaeva).

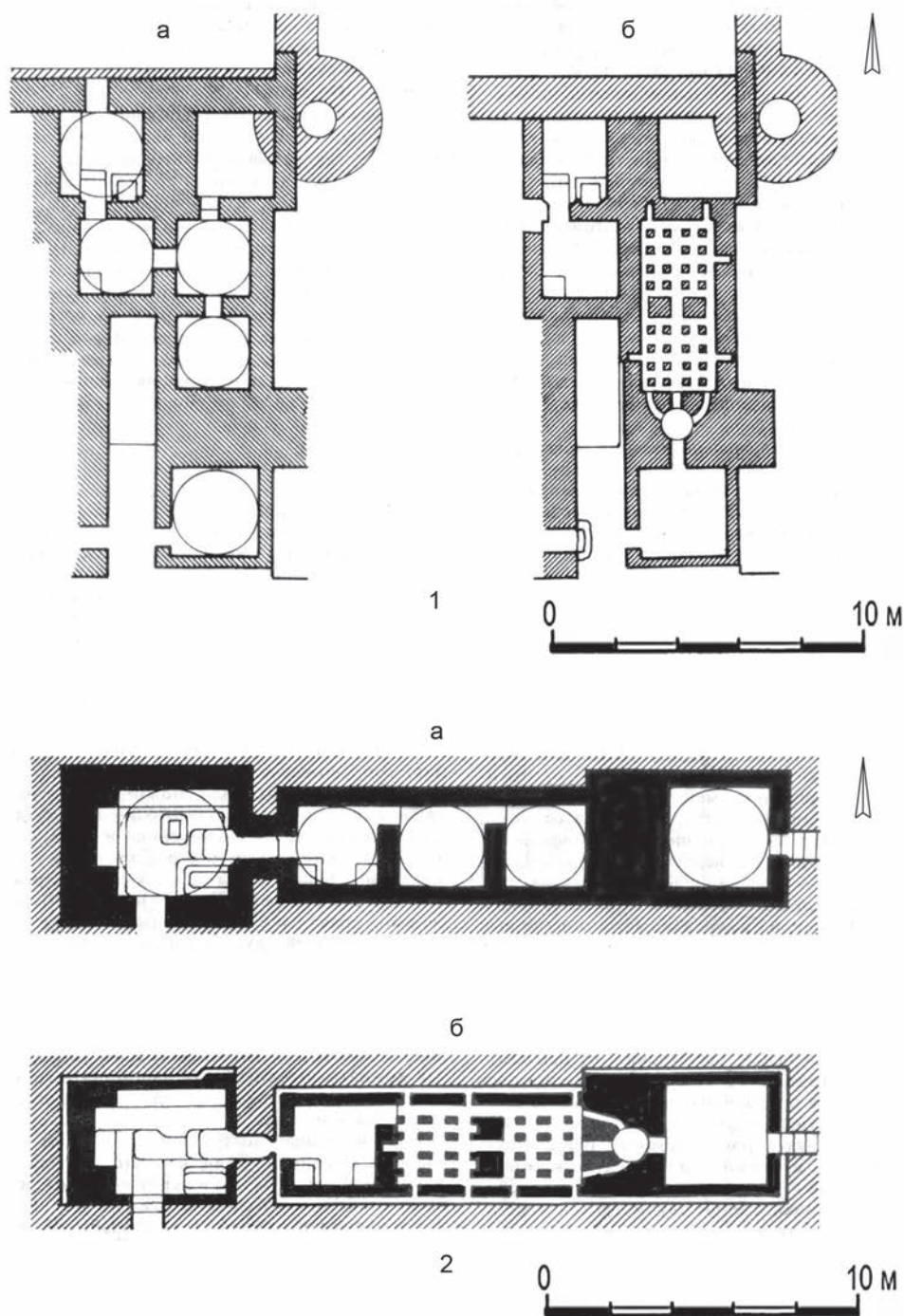

Рис. 99. Бани античной традиции: 1 – на городище Сайёд; 2 – на городище Манзара (а - верхний уровень; б - подпольный уровень) (по С.Г. Хмельницкому).
 Fig. 99. Baths of the ancient tradition: 1 – on the Sayod settlement; 2 – on the ancient settlement of Manzar (according to S.G. Khmel'nitsky).

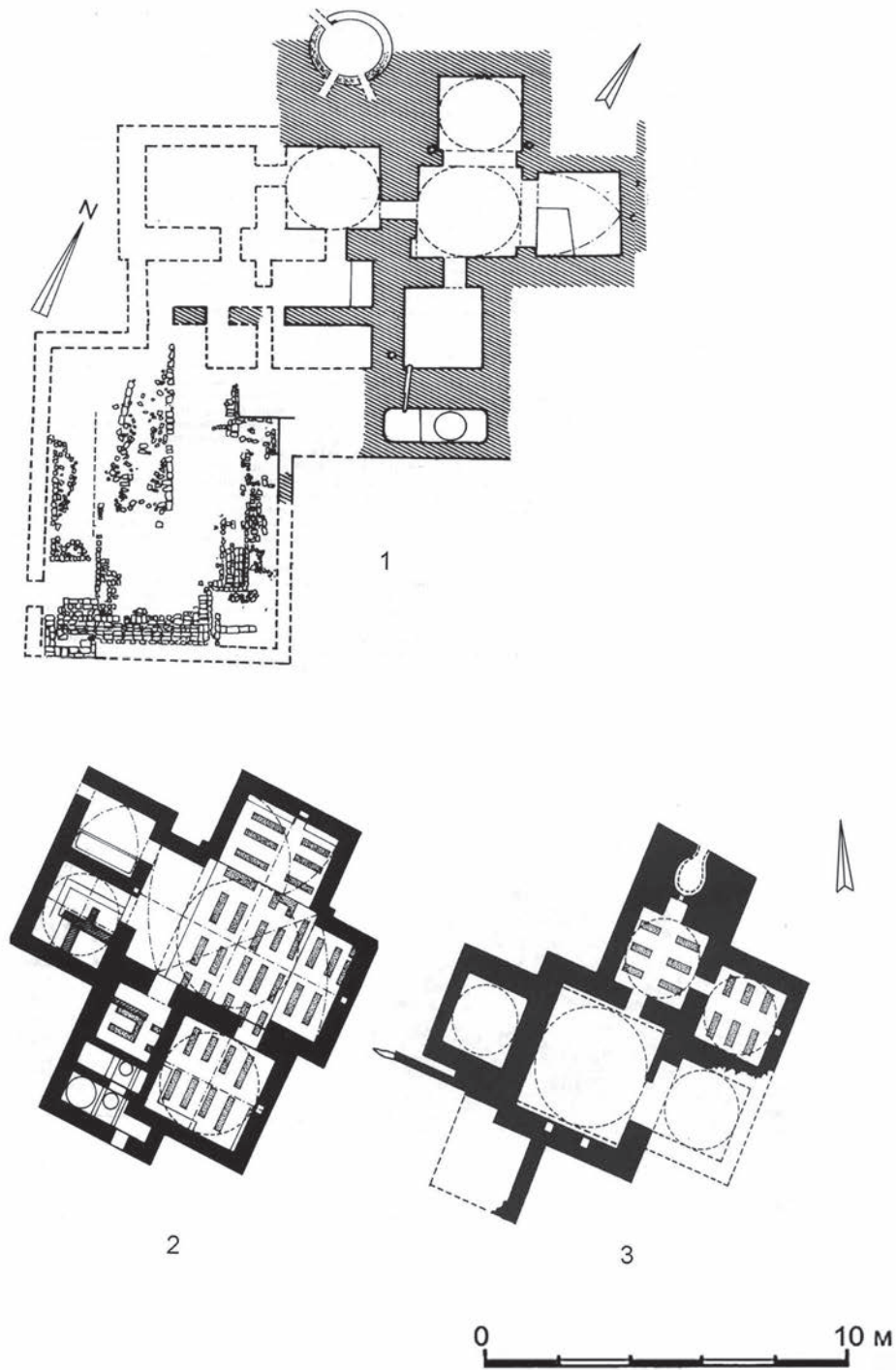

Рис. 100. Бани Средней Азии: 1 – Ахсикент; 2-3 – Шахджувар, №1, №2 (по С.Г. Хмельницкому).
 Fig. 100. Baths of Central Asia: 1 – Akhsikent; 2-3 – Shahjuvar, № 1, № 2 (according to S.G. Khmel'nitsky).

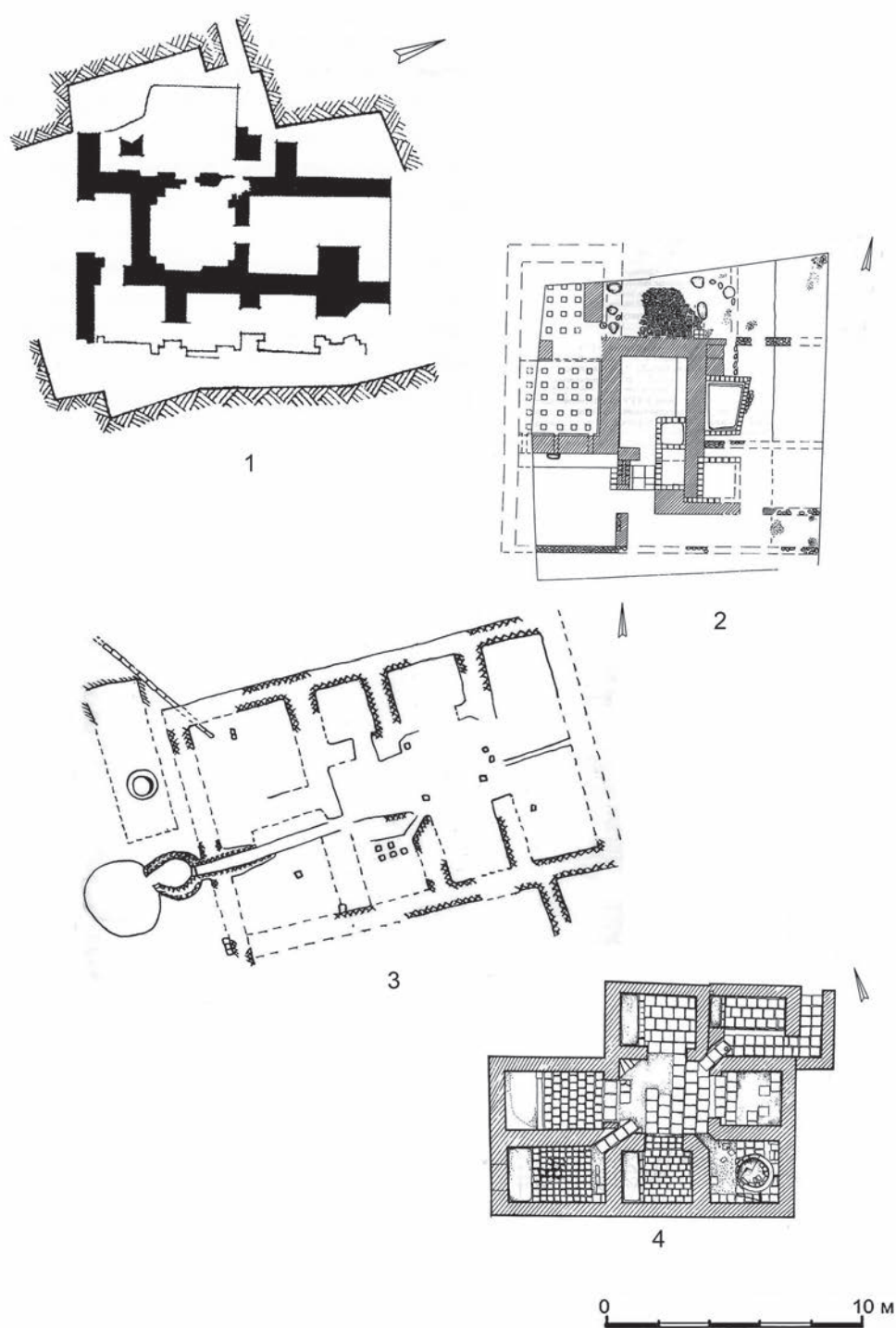

Рис. 101. Бани Южного Казахстана: Тараз XI-XII вв. 1 – в пос. Екпинды; 2 – на городище Оtrar XII в.; 3 – в Каялыке (по Т.Н. Сениговой, Б.А. Байтанаеву, Г.И. Богомолу, К.М. Байпакову, Д.А. Воякину).

Fig. 101. Baths of Southern Kazakhstan: Taraz XI-XII centuries. 1 – in the village Ekpindy; 2 – on the settlement Otrar XII century; 3 – in Kayalyk (according to T.N. Senigova, B.A. Baytanaev, G.I. Bogomolov, K.M. Baypakov, D.A. Voyakin).

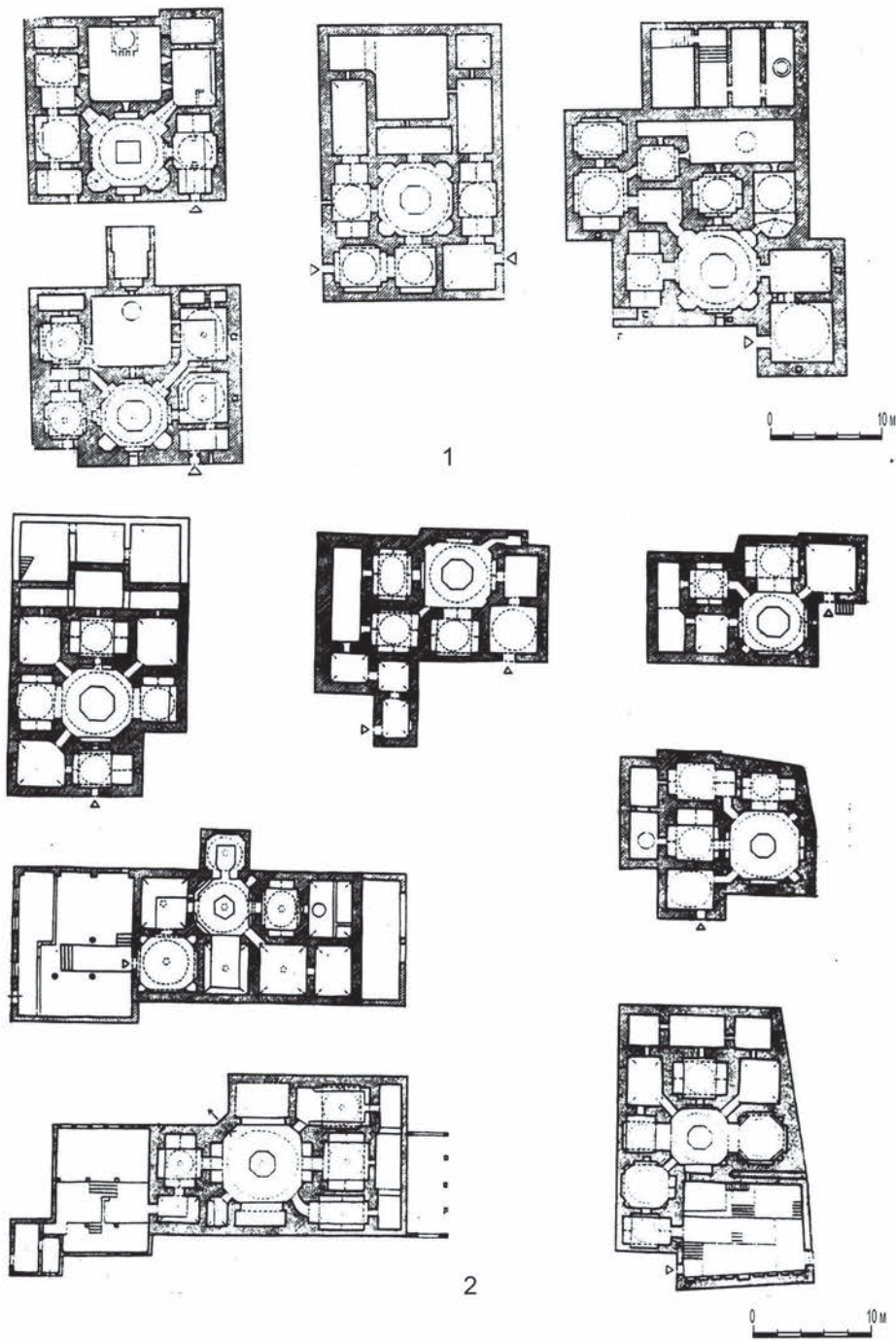

Рис. 102. Позднесредневековые бани Средней Азии I и II типов (по В.Л. Ворониной).
Fig. 102. Late medieval baths of Middle Asia, I and II types (according to V.L. Voronina).

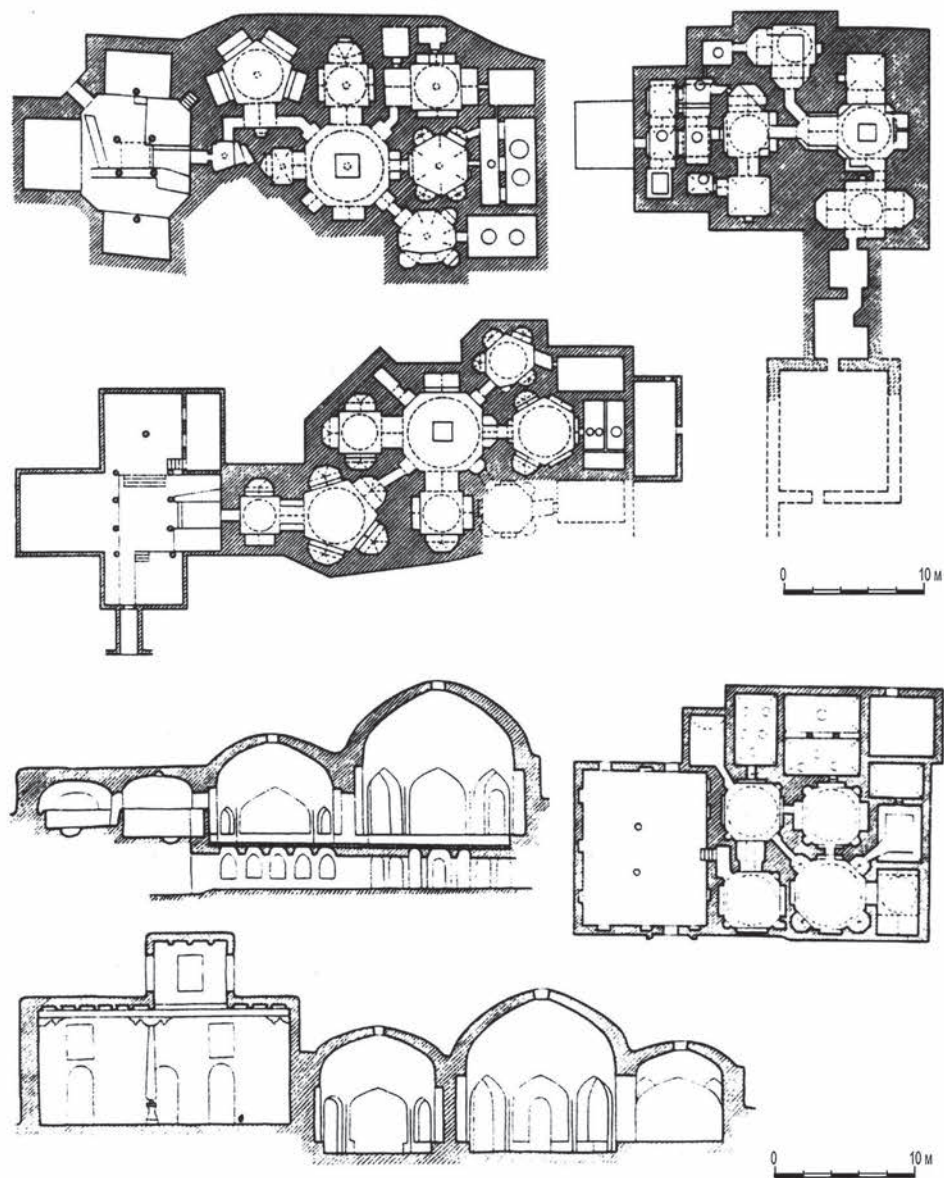
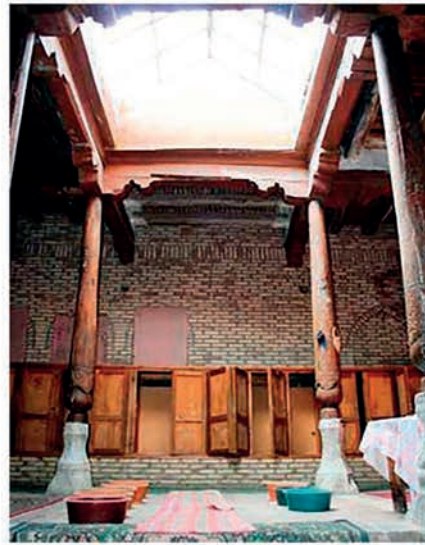

Рис. 103. Позднесредневековые бани Средней Азии III типа (по В.Л. Ворониной).
Fig. 103. Later medieval baths of Central Asia of the III type (according to V.L. Voronina).

1

2

3

4

Рис. 104. Баня Мисгаррон в Бухаре XVI в.: 1– вход; 2 – предбанник;
 3 – центральный зал с суфой; 4 – угловая мыльня.
 Fig. 104. Bath Misgararon in Bukhara XVI century: 1– entrance; 2 – dressing room;
 3 – central hall with a sufa; 4 – corner room for washing.

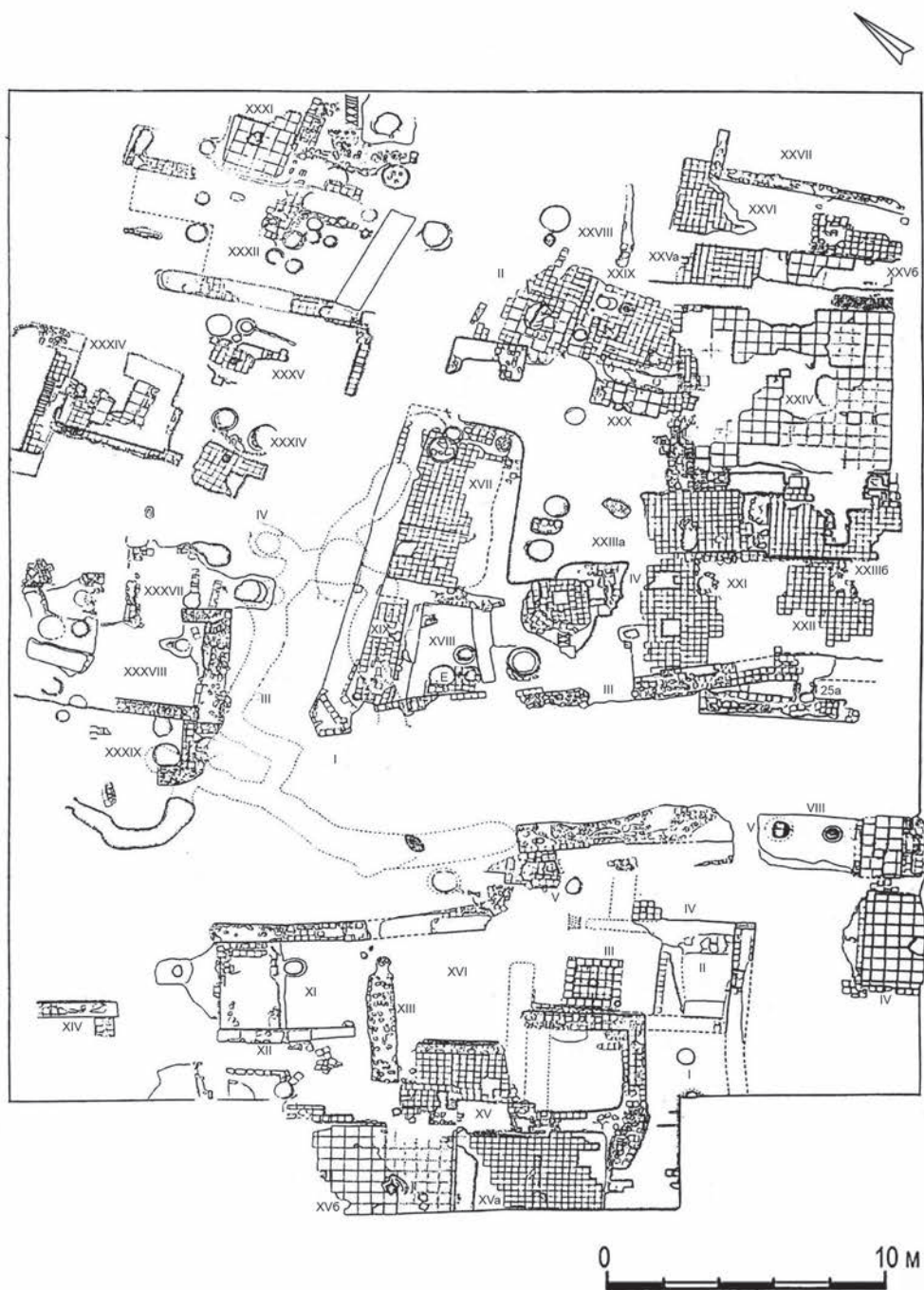

Рис. 105. Баня XI в. на городище Орен-Кала (по А.Л. Якобсону).
 Fig. 105. Bathhouse XI century on the Oren-Kala site (according to A.L. Yakobson).

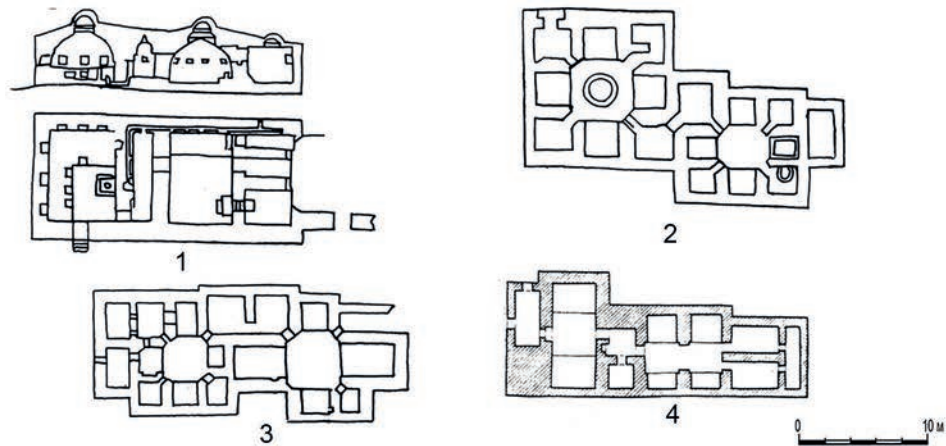

Рис. 106. Средневековые бани Азербайджана: 1 – Апшерон, с. Курдаханы, XIV в.;
2 – Апшерон, с. Балаханы, XIV в.; 3 – Апшерон, с.Маштан, XVII в.;
4 – Нардаран, 1388 г.

Fig. 106. Medieval baths of Azerbaijan: 1 – Absheron, village Kurdakhani, XIV century;
2 – Absheron, village Balakhany, the XIV century;
3 – Absheron, village Mashtan, XVII century; 4 – Nardaran, 1388.

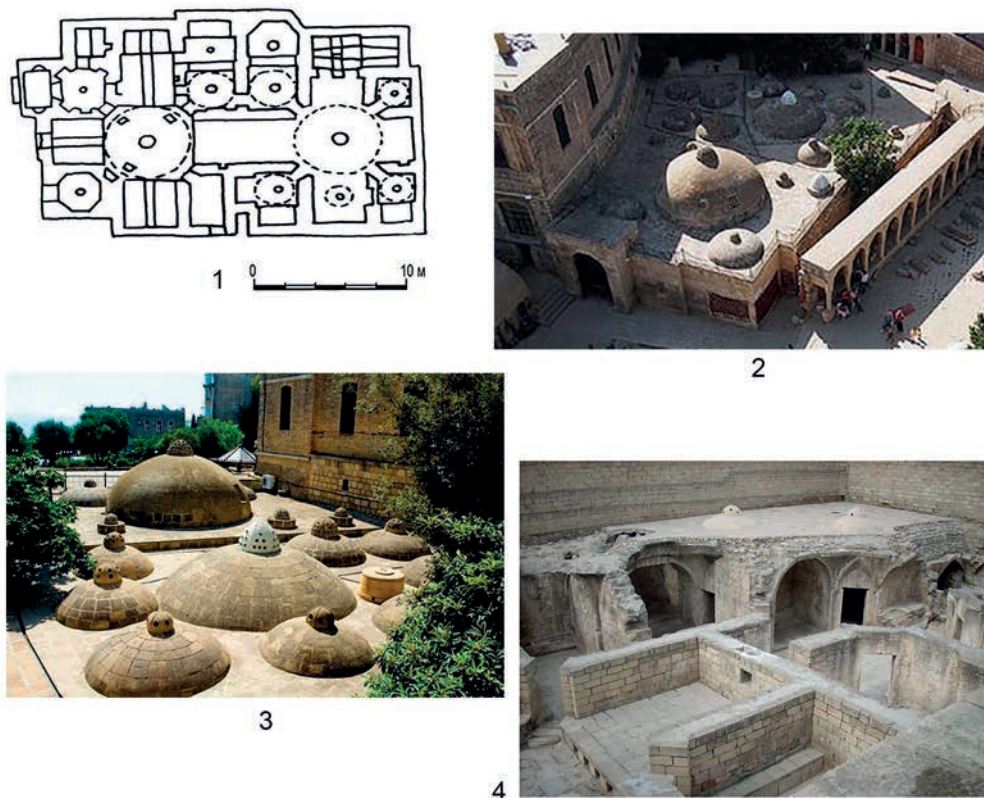

Рис. 107. Баку, баня Хаджи-хаммам, XIV-XV вв.: 1 – план (по М.А. Уссейнову);
2 – вид сверху; 3 – купола; 4 – интерьер.

Fig. 107. Baku, bath Hadji-hammam, XIV-XV centuries: 1 – the plan
(according to M. Usselinov); 2 – a plan view; 3 – domes; 4 – interior.

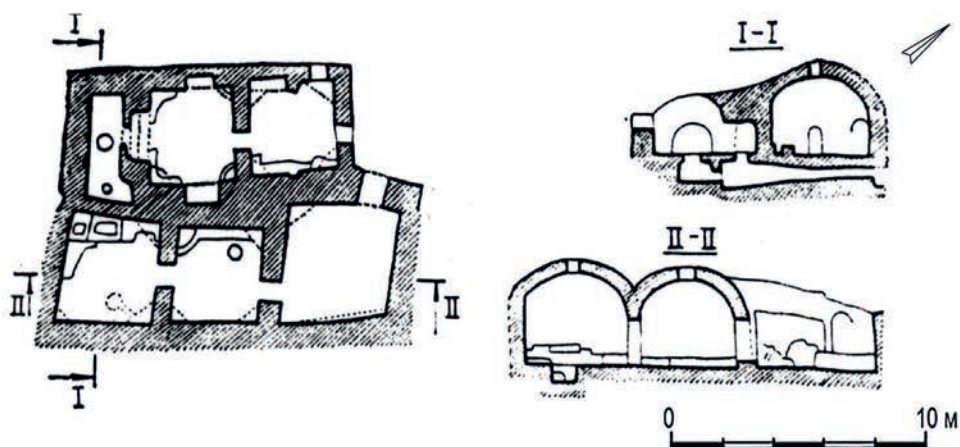
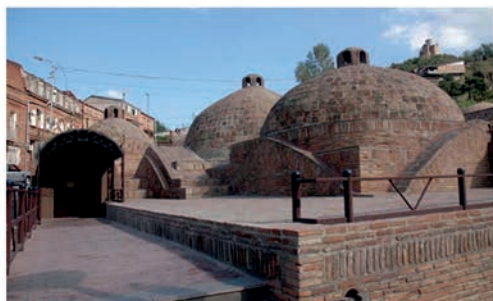

Рис. 108. Баня в Дманиси, XIII в. (по Л. Мухелишвили).
 Fig. 108. Bath in Dmanisi, XIII century (according to L. Muskhelishvili).

1

3

2

Рис. 109. Тбилисские серные бани XVI-XVII вв.: 1 – вид сверху; 2 – купола; 3 – вход.
 Fig. 109. Tbilisi sulfur baths of the XVI-XVII centuries:
 1 – top view; 2 – domes; 3 – entrance.

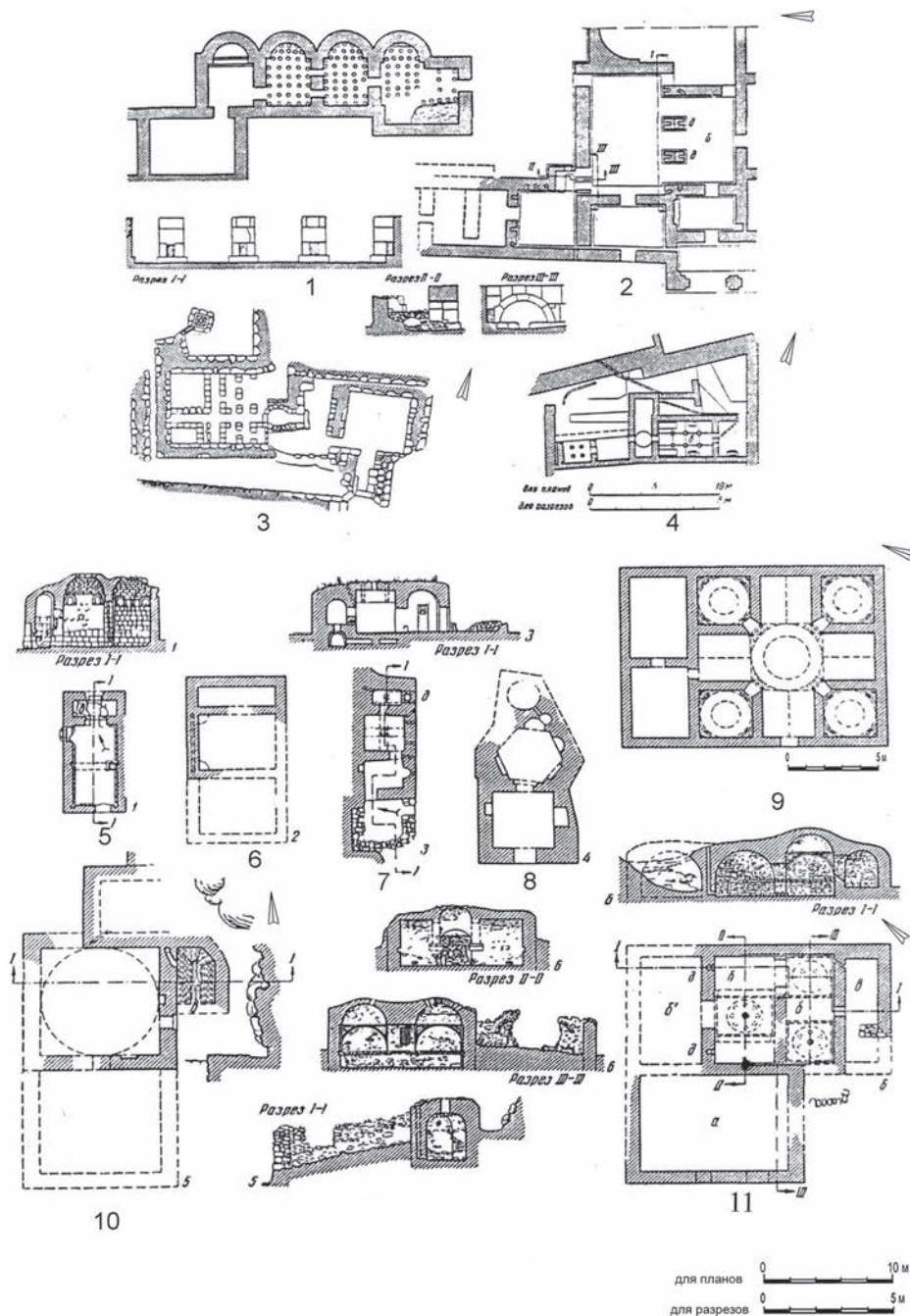

Рис. 110. Бани Армении: 1 – Гарни, II в.; 2 – Звартноц, VII в.; 3 – Двин, IV-VII вв.; 4 – Ани; 5 – Амберд, XI-XII вв.; 6 – Аракелоц, XII-XIII вв.; 7 – Татев, XVII в.; 8 – Иджеван, XIII в.; 9 – баня «рода Оненца» в Ани, XII-XIII вв.; 10 – Лори-берд, малая баня, XI-XII в.; 11 – Лори-берд, большая баня, XI-XII в. (по О.Х. Халпахчьяну).

Fig. 110. Baths of Armenia: 1 – Garni, II century; 2 – Zvartnots, VII century; 3 – Dvin, IV-VII centuries; 4 – Ani; 5 – Amberd, XI-XII centuries; 6 – Arakelots, XII-XIII centuries; 7 – Tatev, XVII century; 8 – Ijevan, XIII century; 9 – bath "of the genus Onenca" in Ani, XII-XIII centuries; 10 – Lori-berd, a small bath, XI-XII century; 11 – Lori-berd, a large bath, the XI-XII centuries (according to O. Khalpakhchyan).

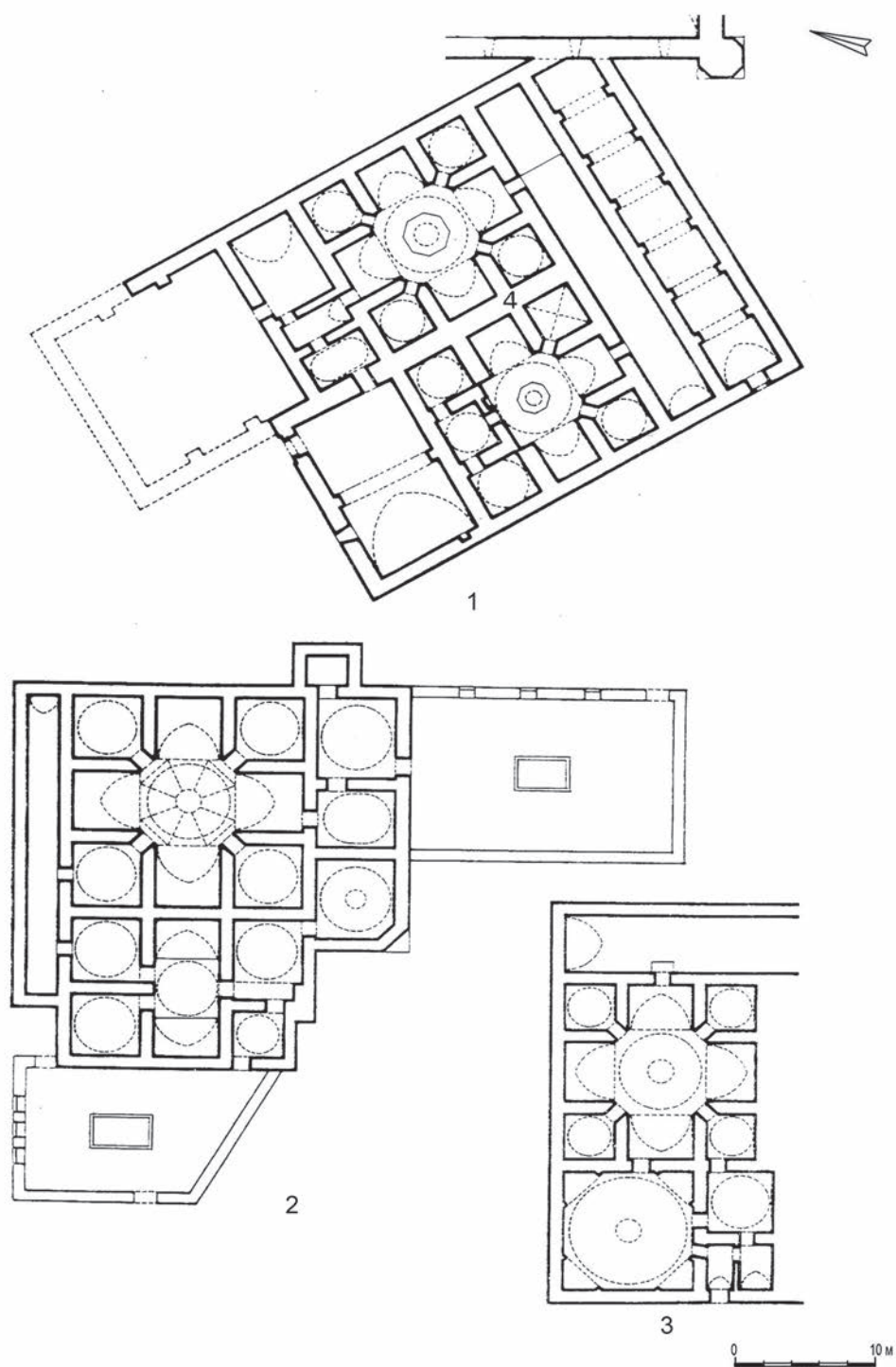

Рис. 111. Бани Малой Азии сельджукского периода: 1 – Хунат Хатун в Кайсери;
 2 – Первана в Токате ; 3 – Эшрефоглу в Бейшехире.
 Fig. 111. Baths of Asia Minor Seljuk period: 1 – Khunat Khatun in Kayseri;
 2 – Pervana in Tocat; 3 – Esrefoglu in Beyşehir.

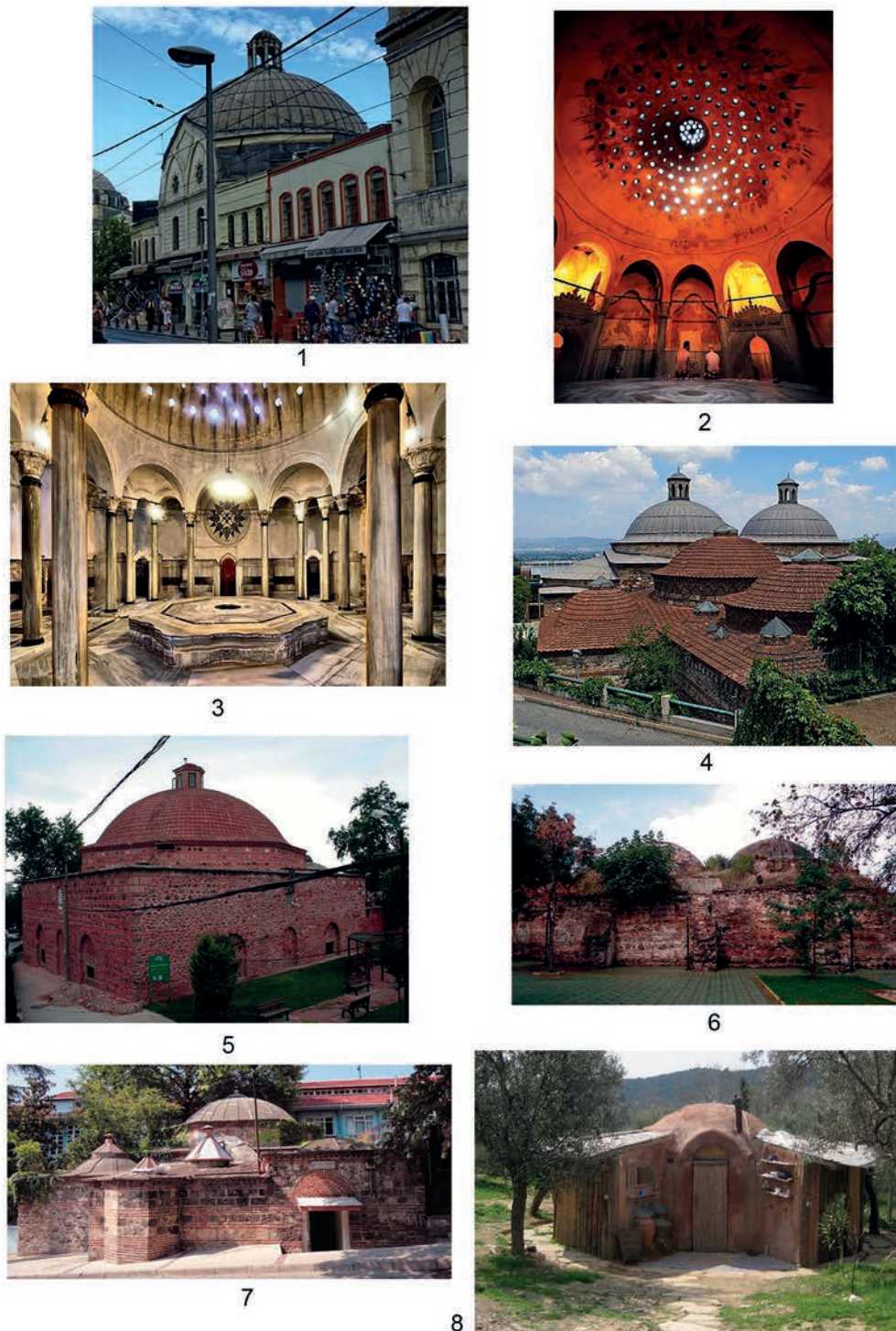

Рис. 112. Турецкие бани османского времени: 1-2 – Чемберлиташ в Стамбуле, XVI в.; 3 – интерьер хаммам Джагалоглу в Стамбуле, XVIII в.; 4 – Эски Каплыджа в Бурсе, XIV в.; 5 – Кельч Али Паша в Бурсе, XVI в.; 6 – Мидания в Бурсе, XIV в.; 7 – Чекирге в Бурсе, XIV в.; 8 – частная баня.

Fig. 112. Turkish baths of Ottoman times: 1-2 – Chamberlain in Istanbul, XVI century; 3 – the interior of the hammam Jagaloglu in Istanbul, the XVIII century; 4 – Eski Kaplydja in Bursa, XIV century; 5 – Kelych Ali Pasha in Bursa, XVI century; 6 – Meadows in Bursa, the XIV century; 7 – Chekirge in Bursa, XIV century; 8 – private bath.

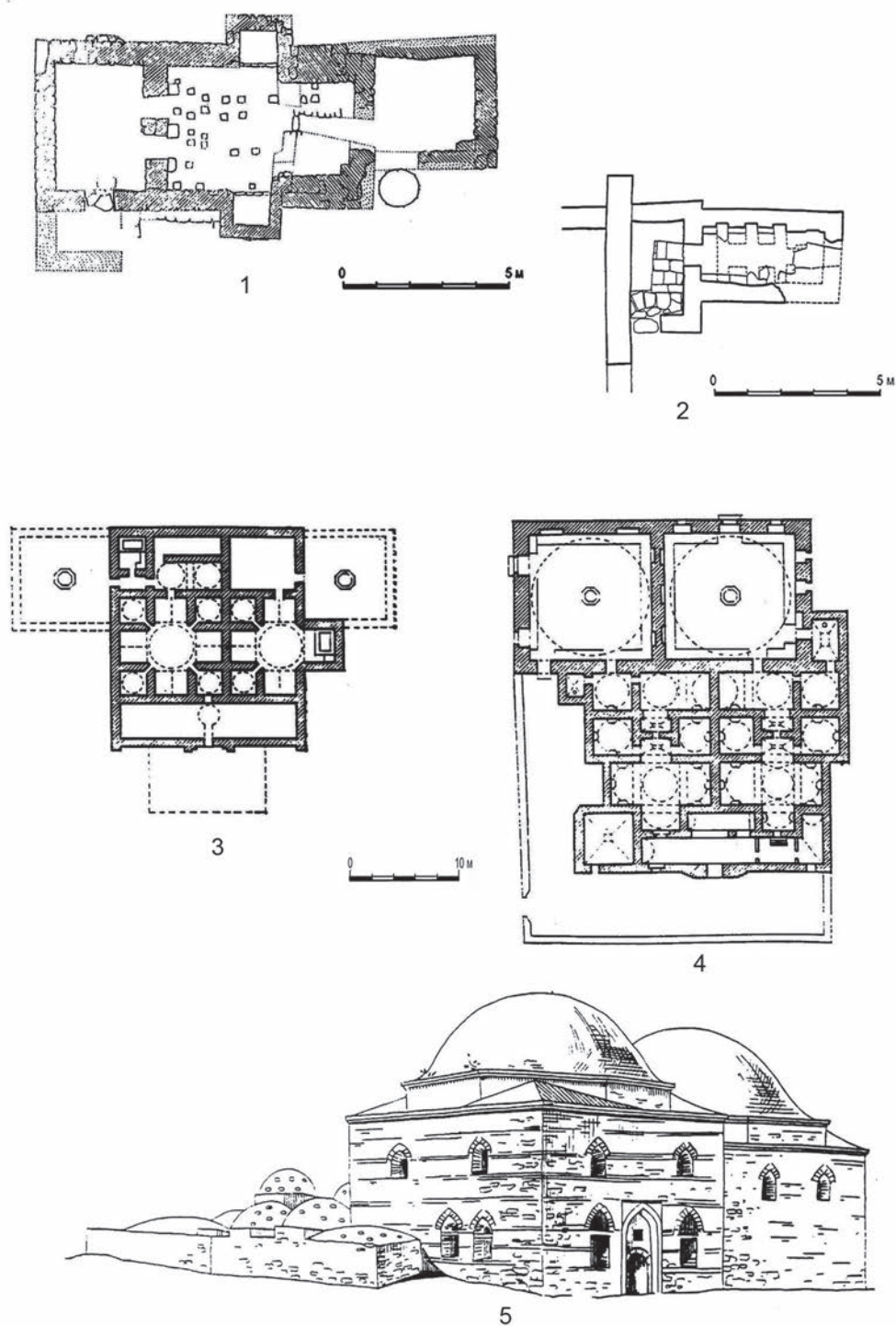

Рис. 113. Средневековые бани Крыма: 1 – общественная баня в Херсонесе, IX-X вв.;

2 – частная баня в Херсонесе, XIII в.; 3 – Бююк хаммам в Карасу-Базаре, XVI в.;

4-5 – в Феодосии (по А.Л. Якобсону, Б.Н. Засыпкину, Ешлиману).

Fig. 113. Medieval baths of Crimea: 1 – public bath in Chersonese, IX-X centuries; 2 - private bath in Chersonese, XIII century; 3 – Büyük Hammam in Karasu-Bazaar, the XVI century; 4-5 – in Feodosia (according to A.L. Yakobson, B.N. Zasypkina, Elishiman).

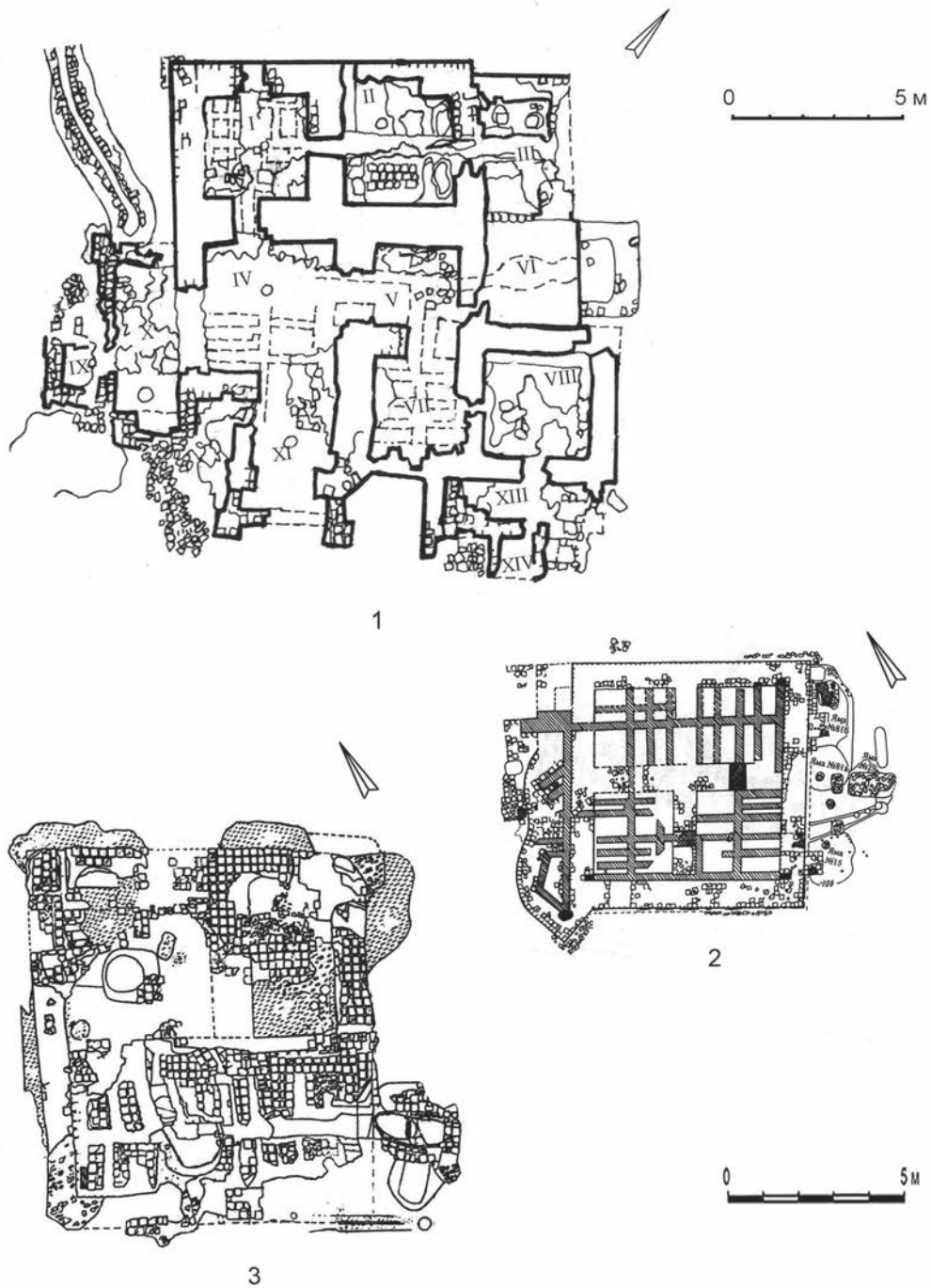

Рис. 114. Бани Биляра: 1 – так называемый караван-сарай; 2 – здание на XVII раскопе; 3 – баня в центральной части Биляра (по А.Х. Халикову и Р.Ф. Шарифуллину).

Fig. 114. Baths of Bilyar: 1 – the so-called caravanserai; 2 – building on the XVII excavation; 3 – bath in the central part of Bilyar (according to A.Kh Khalikov and R.F. Sharifullin).

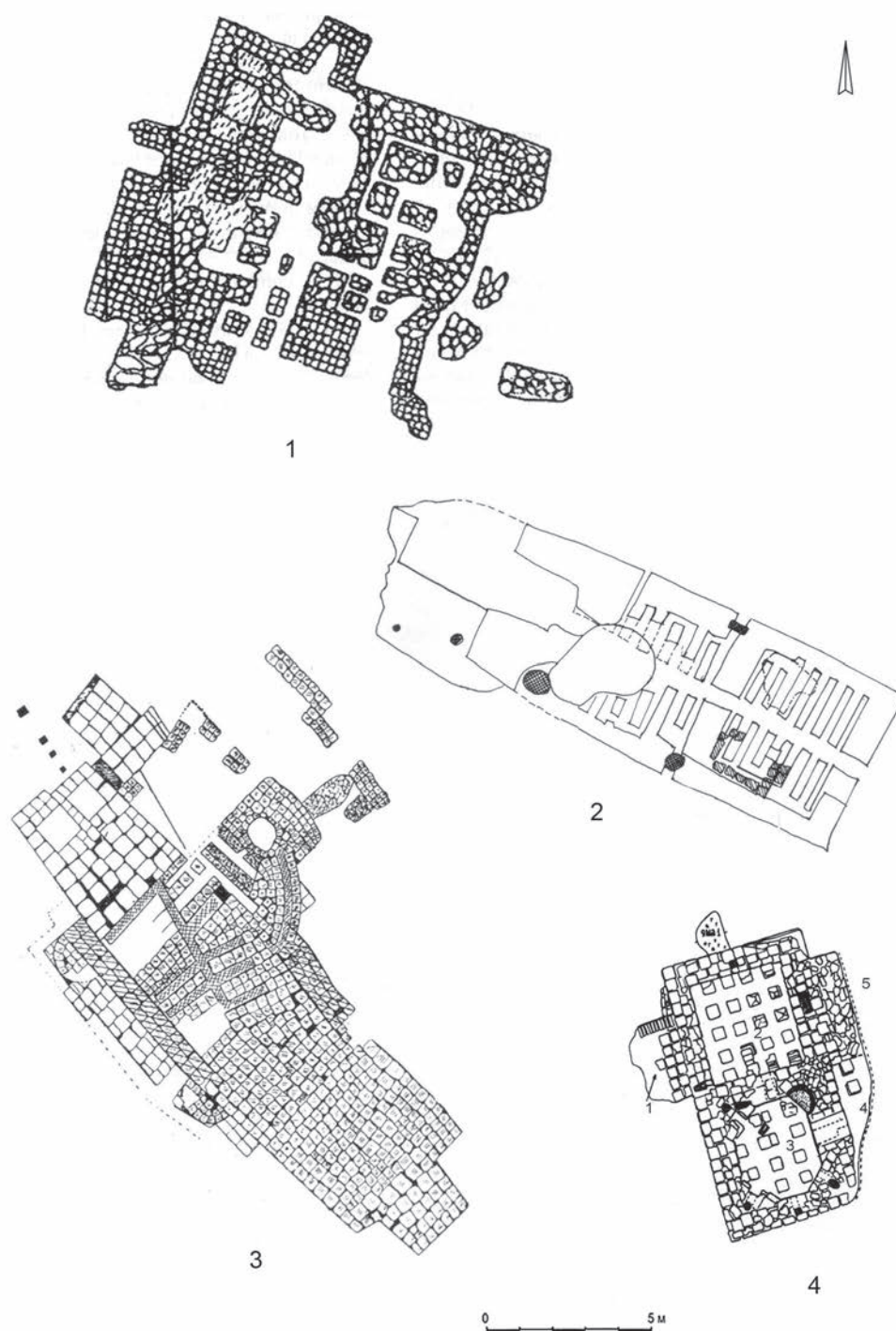

Рис. 115. Бани Волжской Болгарии домонгольского периода: 1 – баня в Муромском городке; 2 – в Хулаше; 3 – дом с подпольным отоплением в Суваре; 4 – на Красносюндюковском городище (по Р.Ф. Шарифуллину, И.Б. Васильеву и Г.И. Матвеевой, А.П. Смирнову и Ю.А. Семькину).

Fig. 115. Baths of the Volga Bulgaria of the pre-Mongol period: 1 – bath in the Murom town; 2 – in Hulash; 3 – house with underground heating in Suvar; 4 – at Krasnosyundyukovsky settlement (according to R.F. Sharifullin, I.B. Vasiliev and G.I. Matveeva, A.P. Smirnov and Yu.A. Semykin).

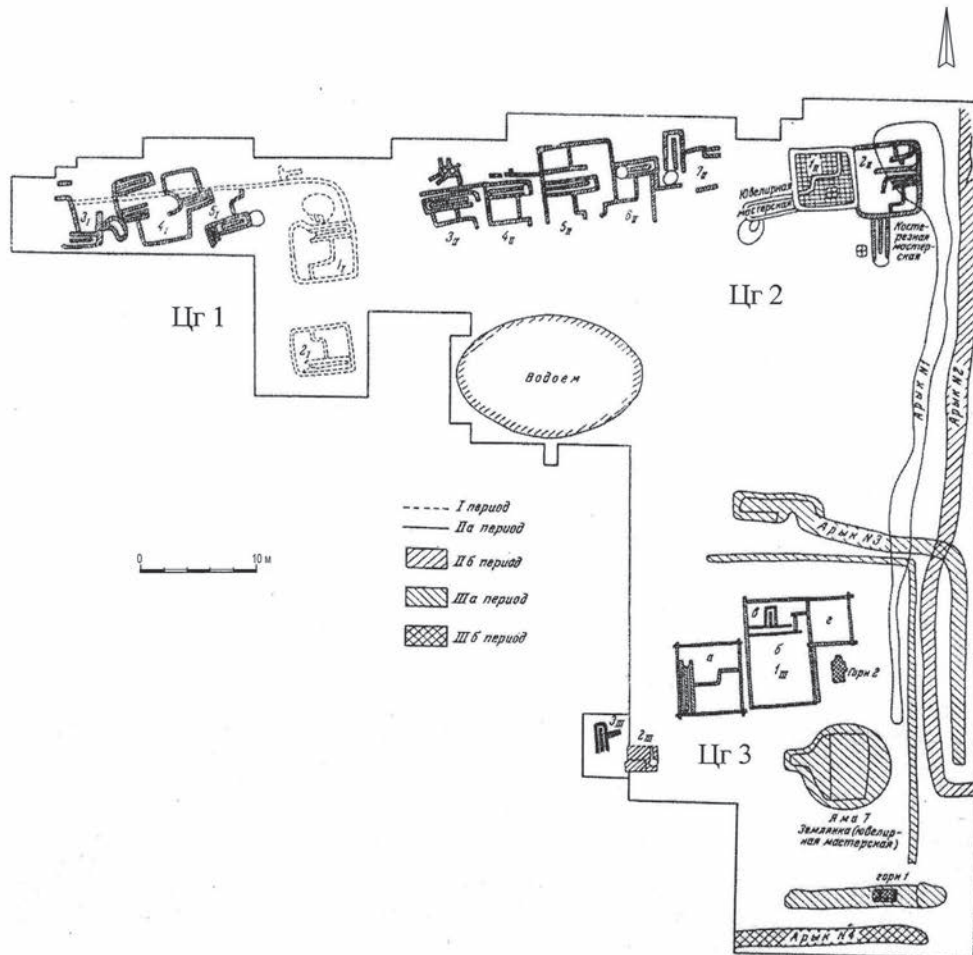

Рис. 116. Усадьбы Цг1, Цг2, Цг3 (по Г.А. Федорову-Давыдову).
 Fig. 116. Estate houses Tsr1, Ts2, Ts3 (according to G.A. Fedorov-Davydov).

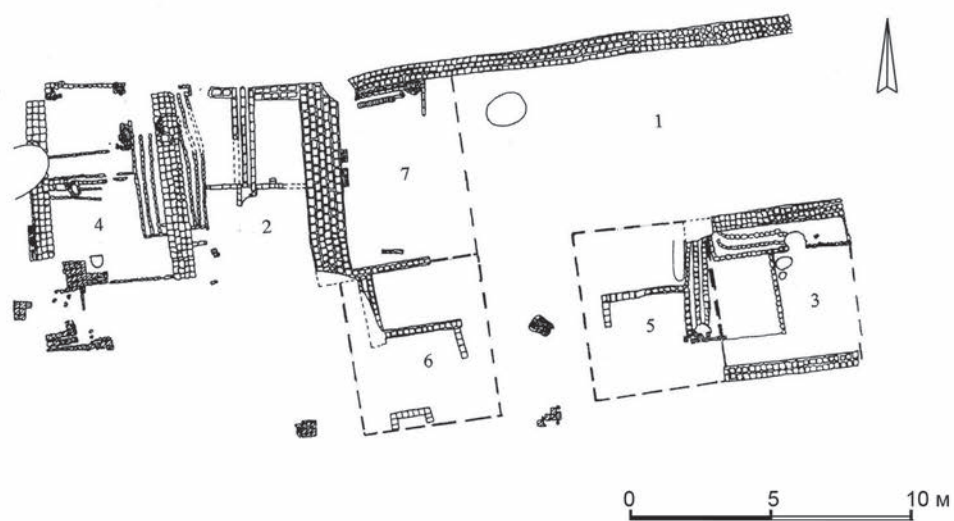

Рис. 117. Усадьба Цг4 (по Г.А. Федорову-Давыдову) с элементами реконструкции.
 Fig. 117. Estate house of Tsg4 (according to G.A. Fedorov-Davydov) with elements of reconstruction.

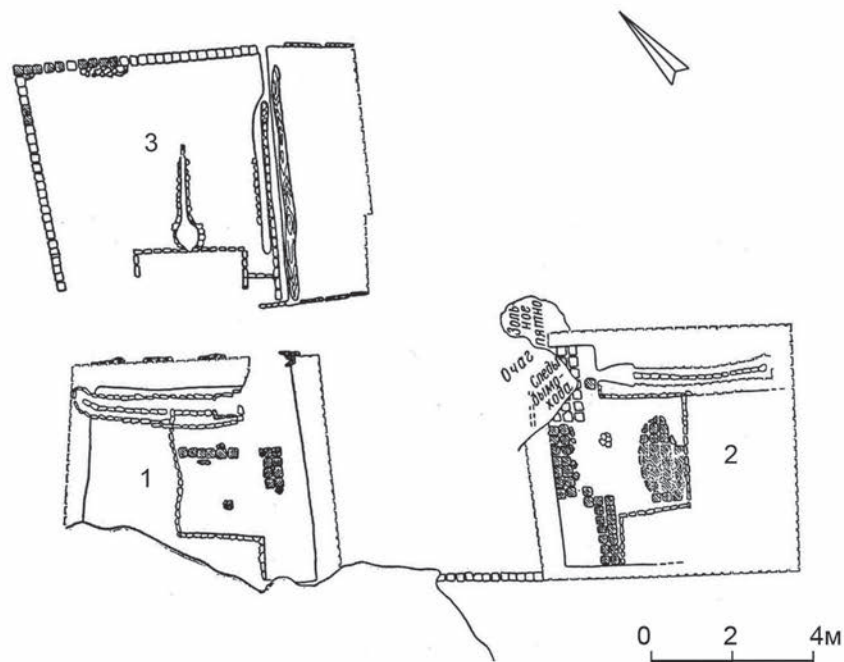

Рис. 118. Усадьба Цг5 (по Г.А. Федорову-Давыдову).
 Fig. 118. Estate house of Tsg5 (according to G.A. Fedorov-Davydov).

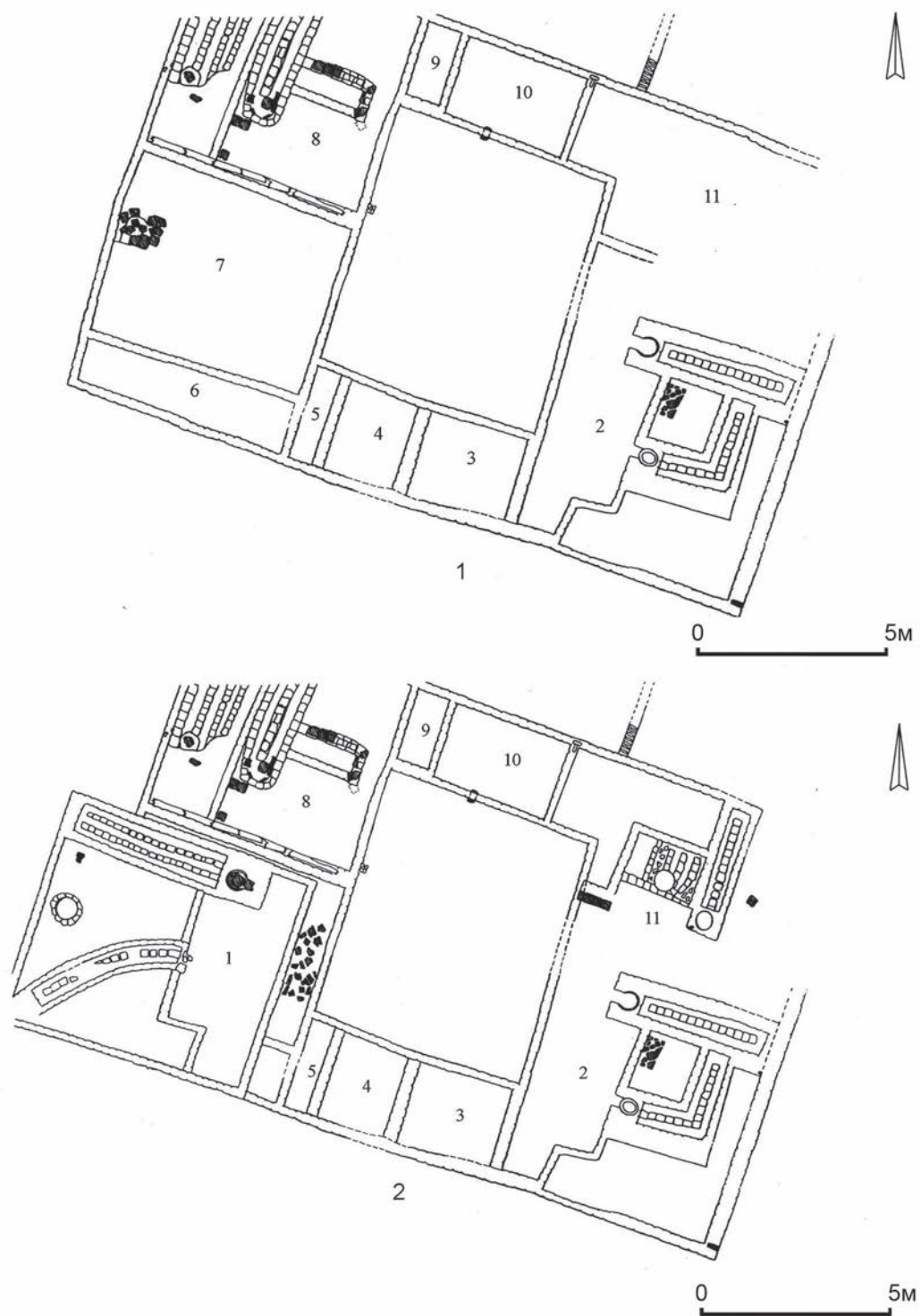

Рис. 119. Усадьба Цг6, центральное здание: 1 – I период;
2 – II период (по Г.А. Федорову-Давыдову).
Fig. 119. Estate house of Tsg6, central building: 1 – I period;
2 – II period (according to G.A. Fedorov-Davydov).

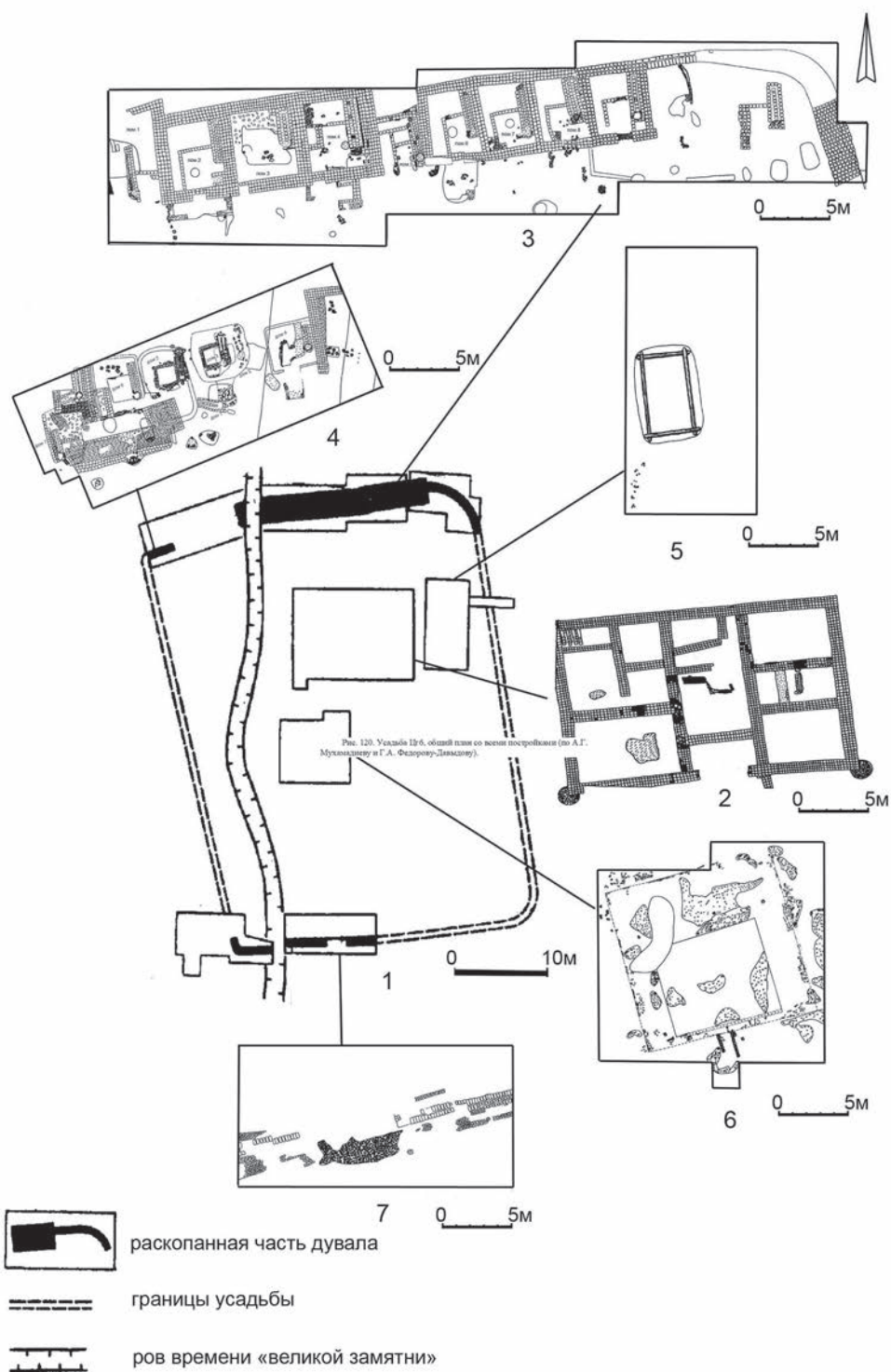

Рис. 120. Усадьба Цг7, общий план со всеми постройками (по А.Г. Мухамадиеву и Г.А. Федорову-Давыдову).

Fig. 120. Estate house of Tsg7, a general plan with all the buildings (according to A.G. Mukhamadiev and G.A. Fedorov-Davydov).

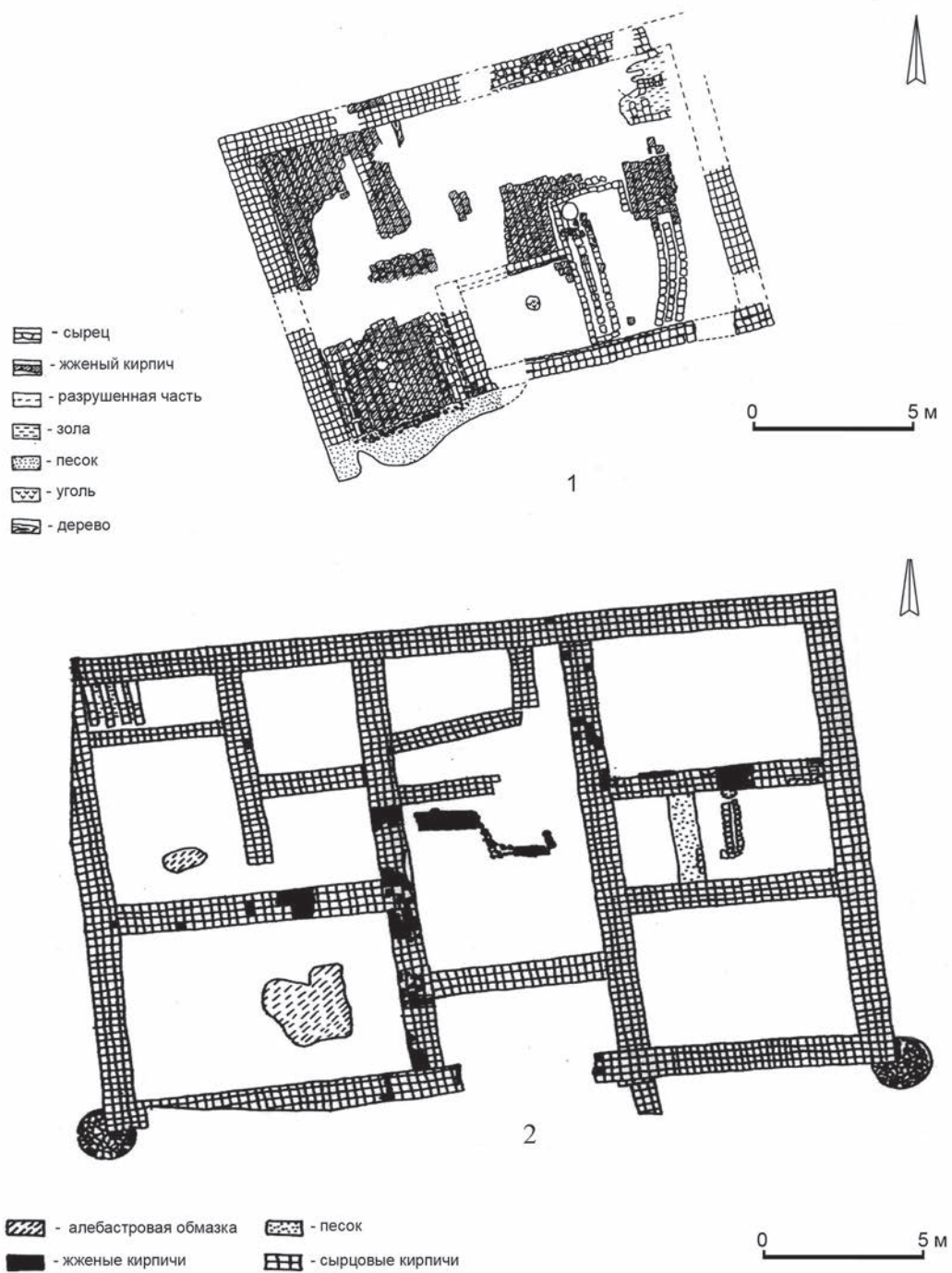
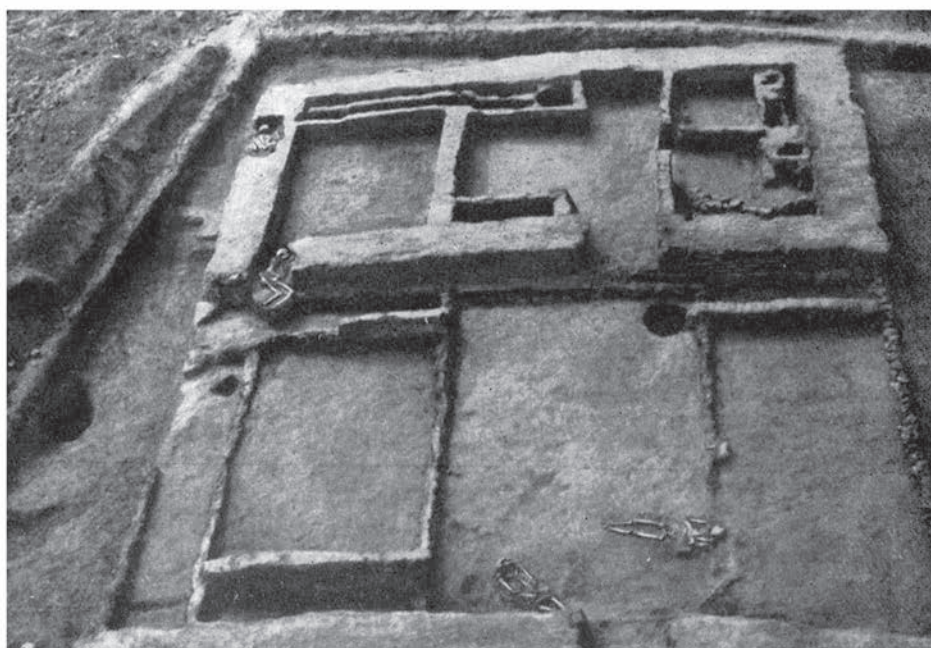
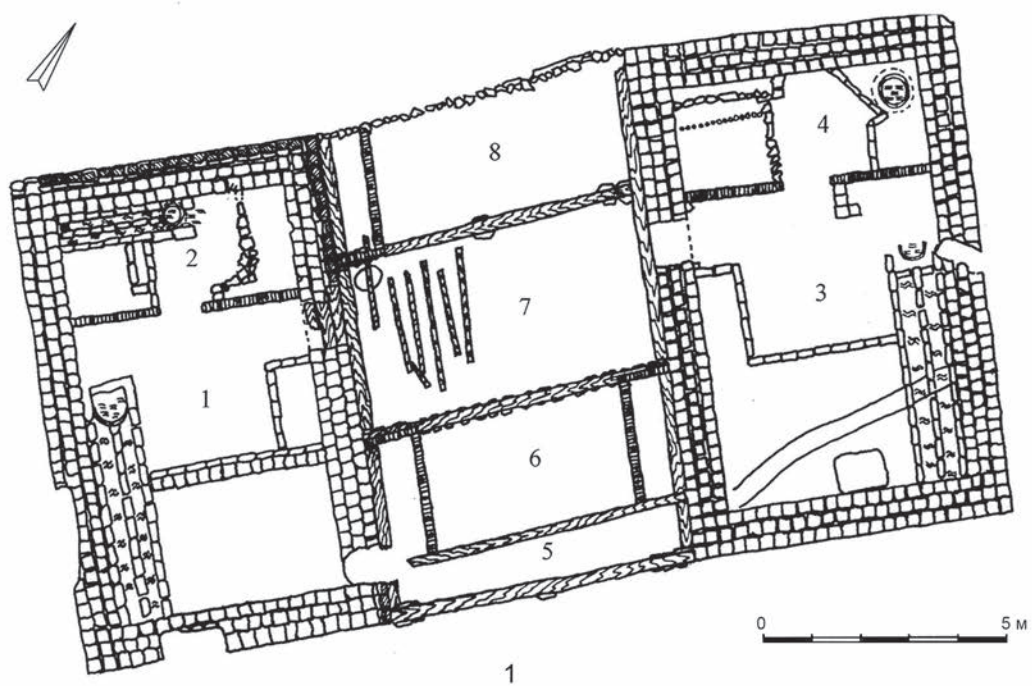

Рис. 121. Усадьба Цг7: 1 – I период; 2 – II период (по Г.А. Федорову-Давыдову).
 Fig. 121. Estate house of Tsg7: 1 – I period;
 2 – II period (according to G.A. Fedorov-Davydov).

2

Рис. 122. Усадьба Вг1 (по А.Г. Мухамадиеву).
Fig. 122. Estate house of Vg1 (according to A.G. Mukhamadiev).

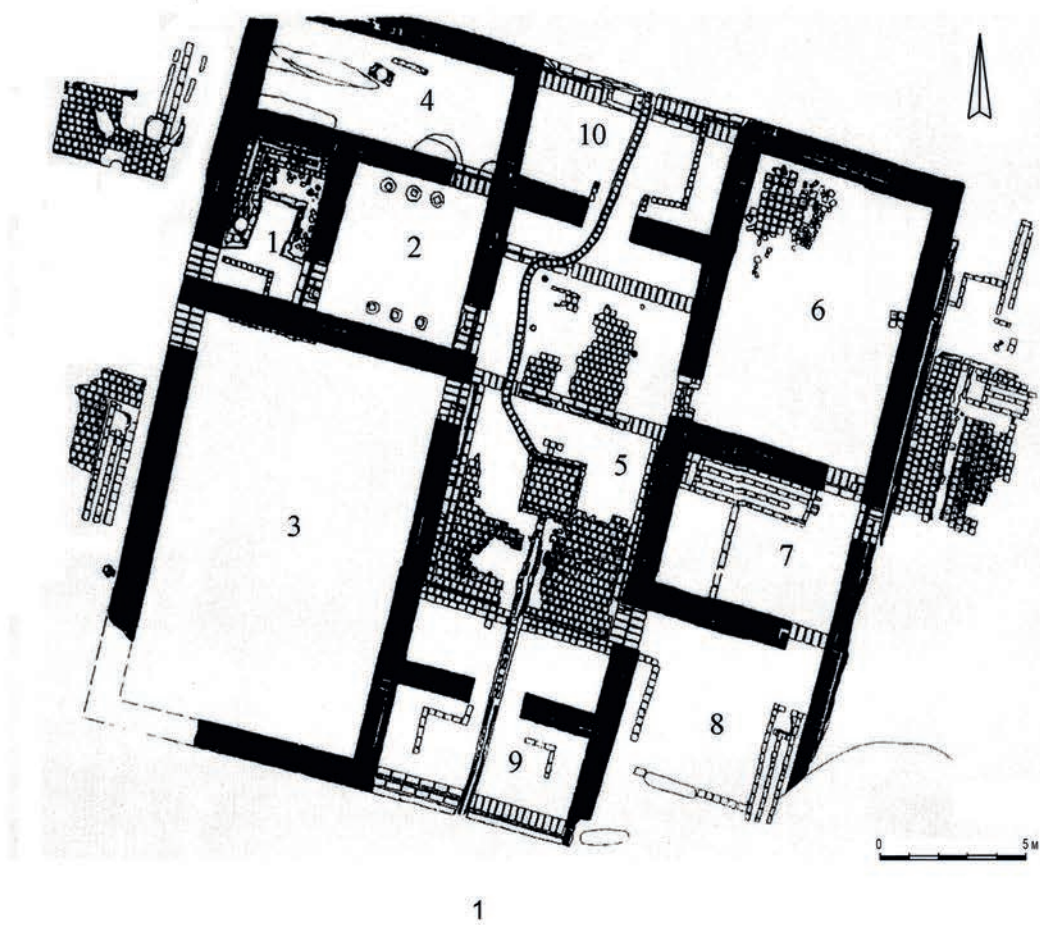

Рис. 123. Усадьба Сг1, I период (по Г.А. Федорову-Давыдову).
Fig. 123. Estate house Sg1, I period (according to G.A. Fedorov-Davydov).

Рис. 124. Перестройки в усадьбе Сг1: 1 – II период в помещениях 1, 2, 4; 2 – II, III периоды в пом. 3; 3 – II период в помещениях 6, 7, 8; 4 – III период в помещениях 6, 7, 8; 5 – IV период в помещениях 6,7,8 (по Г.А. Федорову-Давыдову).

Fig. 124. Reshaping in the estate house of Sg1: 1 – II period in rooms 1, 2, 4; 2 – II, III periods in the room. 3; 3 – II period in the premises 6, 7, 8; 4 – III period in the premises 6, 7, 8; 5 – IV period in the premises 6,7,8 (according to G.A. Fedorov-Davydov).

1

2

3

Рис. 125. Усадьба Сг1: 1 – подиум в северной части центрального зала (пом.5);
2 – бассейн в центральном зале (пом.5); 3 – помещение 2.
Fig. 125. Estate house Sg1: 1 – podium in the northern part of the central hall (room 5);
2 – pool in the central hall (room 5); 3 – room 2.

1

2

3

Рис. 126. Усадьба Сг1: 1 – общий вид с востока; 2 – помещение 7в; 3 – помещение 1.
Fig. 126. Estate house Sg1: 1 – general view from the east; 2 – room 7c; 3 – room 1.

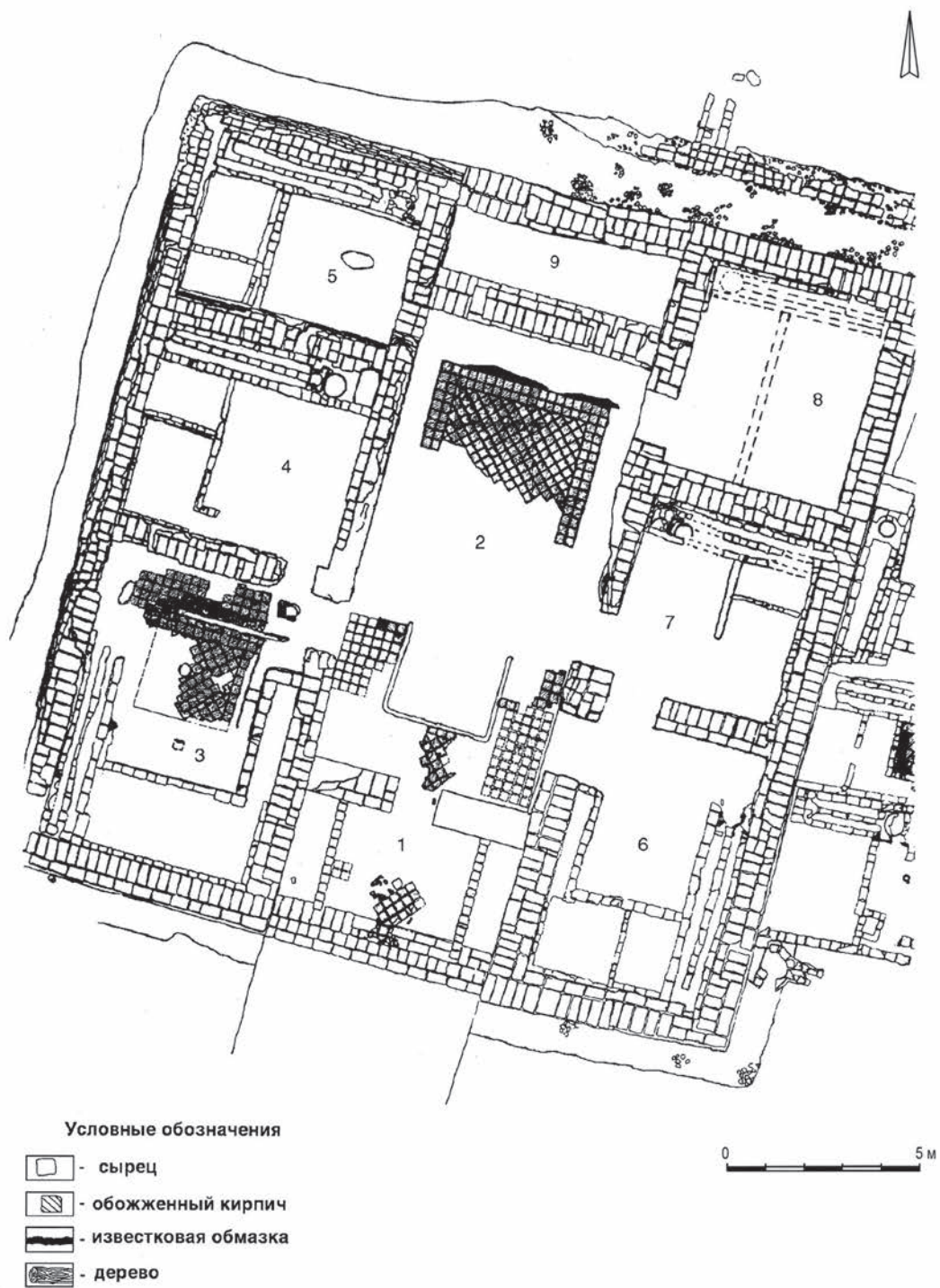

Рис. 127. Усадьба Сг2, I период.
Fig. 127. Estate house Sg2, I period.

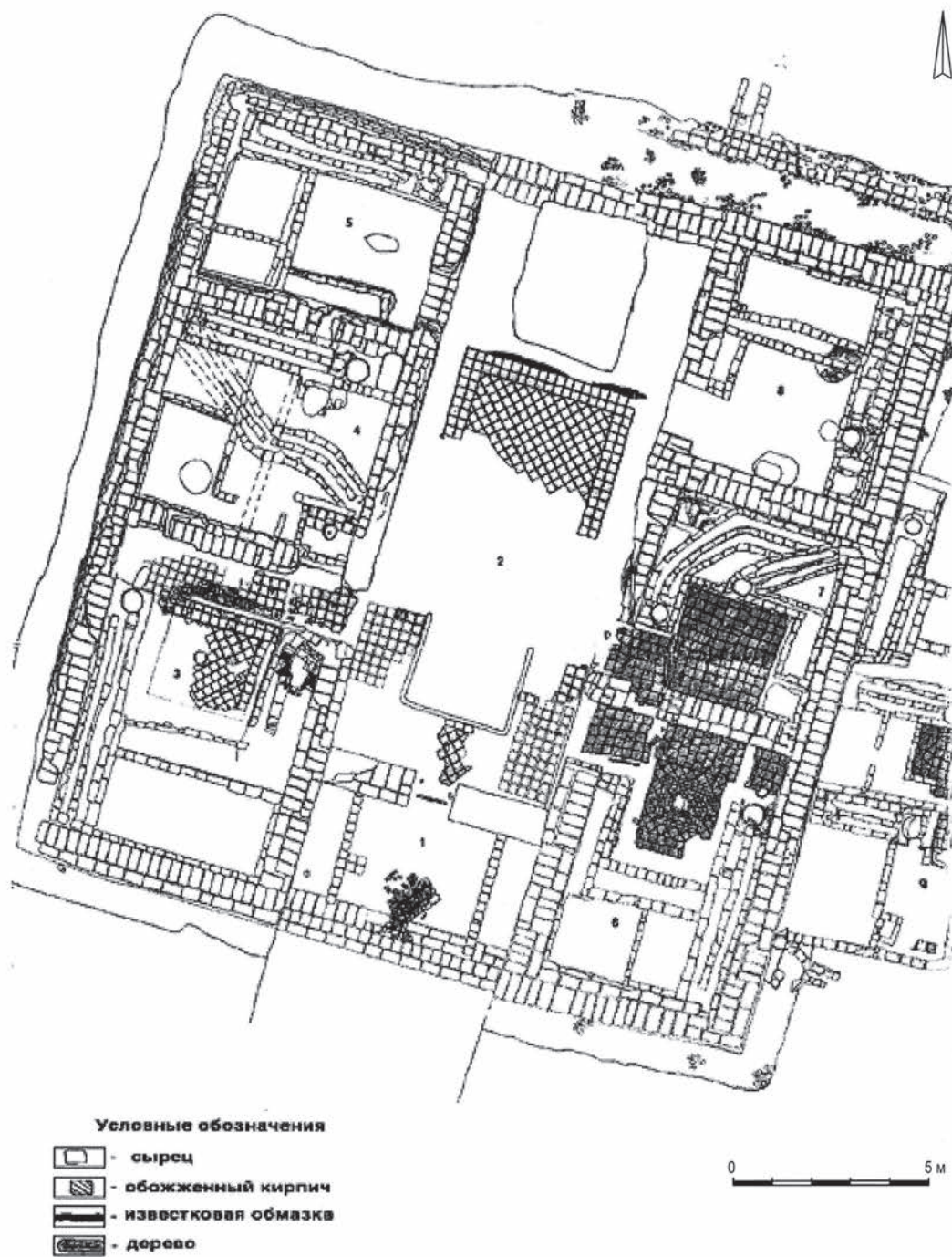
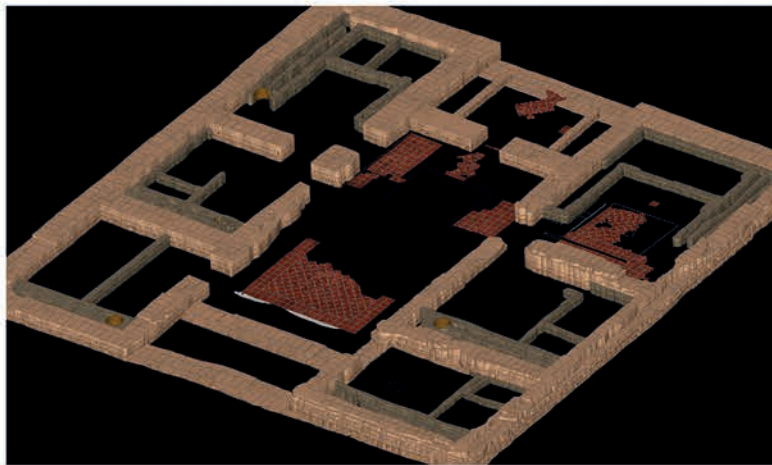
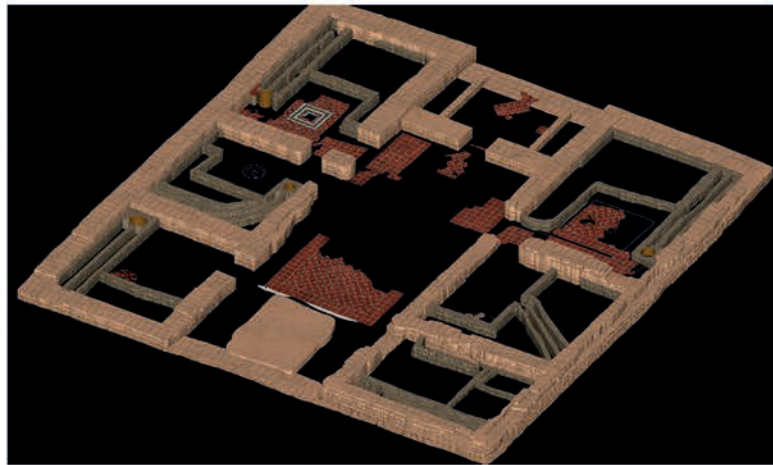

Рис. 128. Усадьба Сг2 с перестройками.
Fig. 128. Estate house Sg2, with reshaping.

1

2

3

Рис. 129. Усадьба Сг2, вид с севера, компьютерная модель: 1 – I период; 2 – II период;
3 – IV период.

Fig. 129. Estate house Sg2, computer model: 1 – I period; 2 – II period; 3 – IV period.

1

2

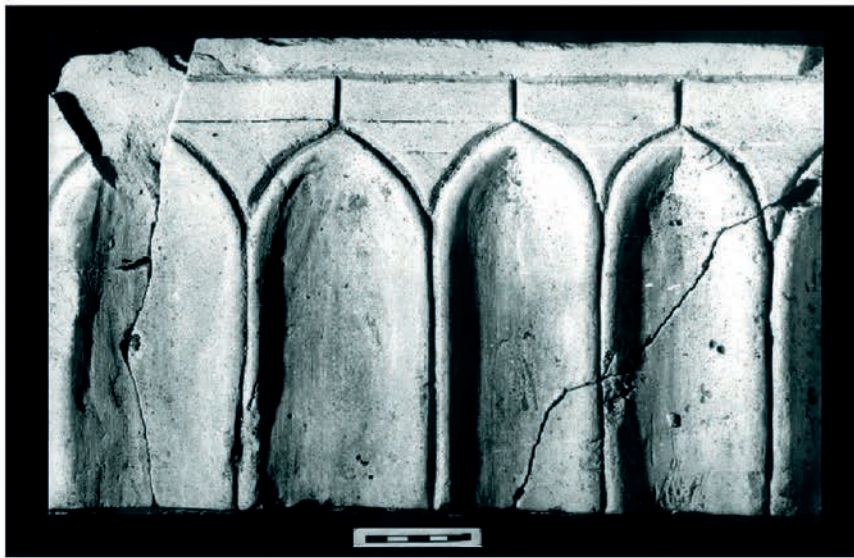
3

4

Рис. 130. Усадьба Сг2: 1 – общий вид с юга; 2 – помещение 4; 3 – помещение 6;
4 – помещение 7.

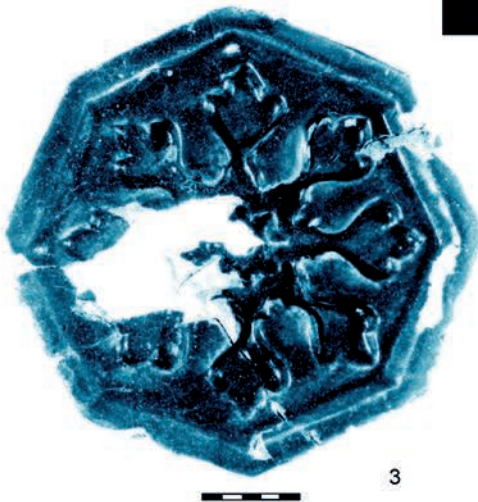
Fig. 130. Estate house Sg2: 1 – general view from the south; 2 – room 4; 3 – room 6;
4 – premise 7.

1

2

3

Рис. 131. Архитектурный декор в усадьбе Сг2: 1-2 – элементы из штампованного ганча;
3 – поливная керамическая плита, закрывавшая тошну.

Fig. 131. Architectural decoration in the manor Sg2: 1-2 – elements from the stamped ganch;
3 – glazed ceramic plate, which covered the washbasin.

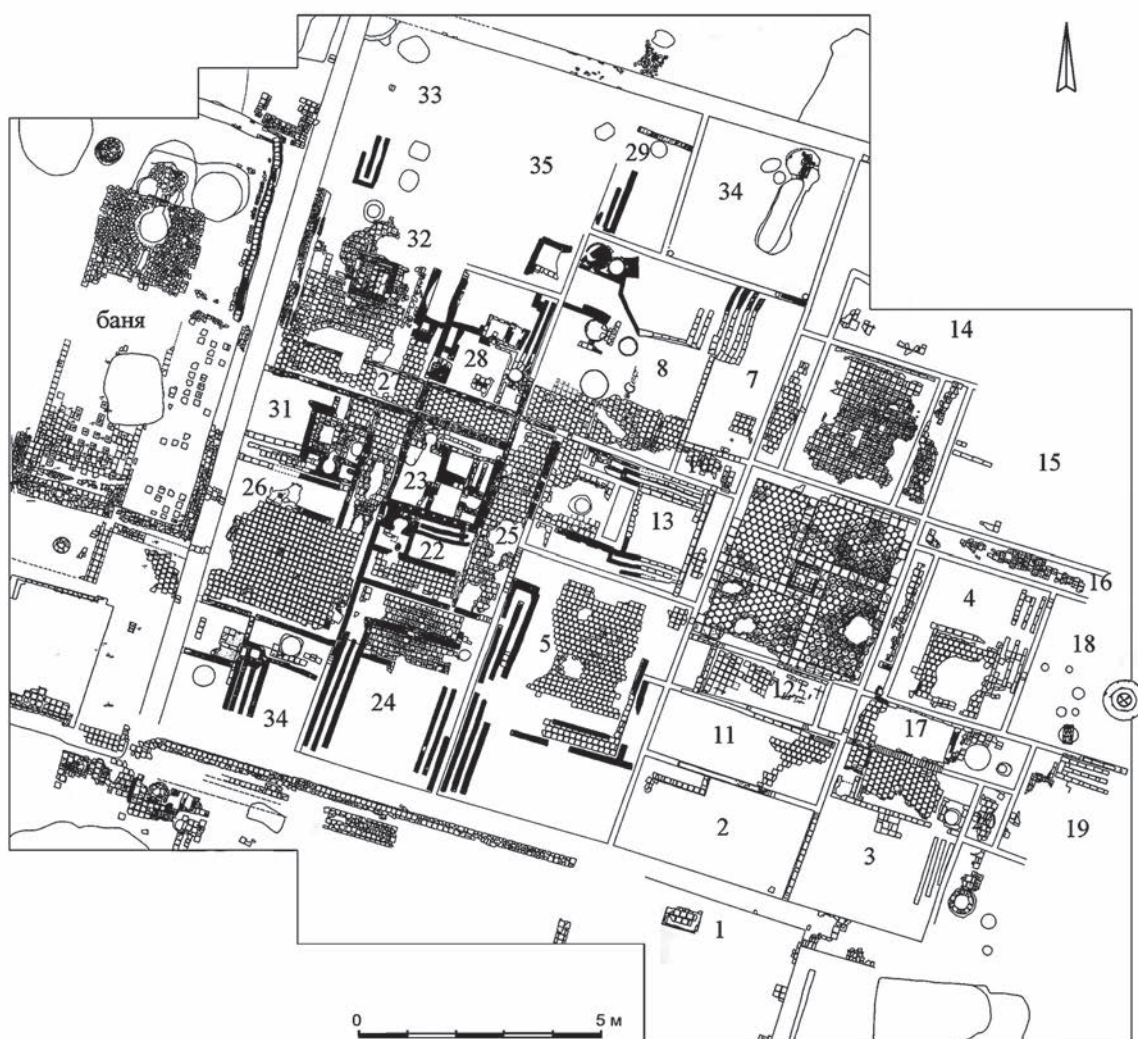

Рис. 132. План усадебного здания Сг3.
Fig. 132. The plan of the estate house Sg3.

Рис. 133. Схема плана усадебного здания Сг3.
 Fig. 133. Scheme of the plan of the estate house Sg3.

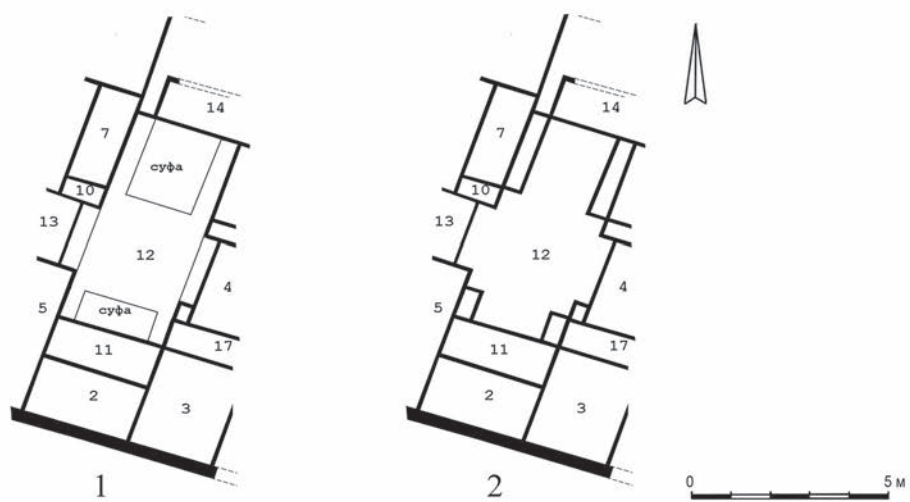

Рис. 134. Реконструкция центральной части здания усадьбы Сг3:
 1 – I вариант; 2 – II вариант.
 Fig. 134. Reconstruction of the central part of the estate house Sg3:
 1 – I variant; 2 – II variant.

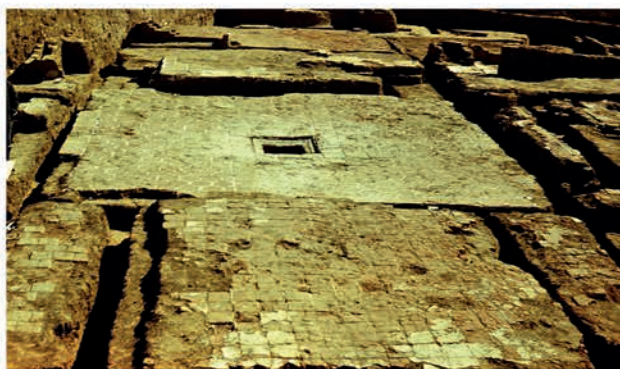

Рис. 135. Усадьбное здание Sg3, центральная часть, вид с севера.

Fig. 135. Estate house Sg3, central part, view from the north.

1

2

3

4

Рис. 136. Усадебное здание Сг3: 1 – западная часть; 2 – центральный зал;
 3 – западная стена (ложе); 4 – тошна в центральном зале.
 Fig. 136. Estate house Sg3: 1 – the western part; 2 – the central hall;
 3 – west wall (bed); 4 – washbasin in the central hall.

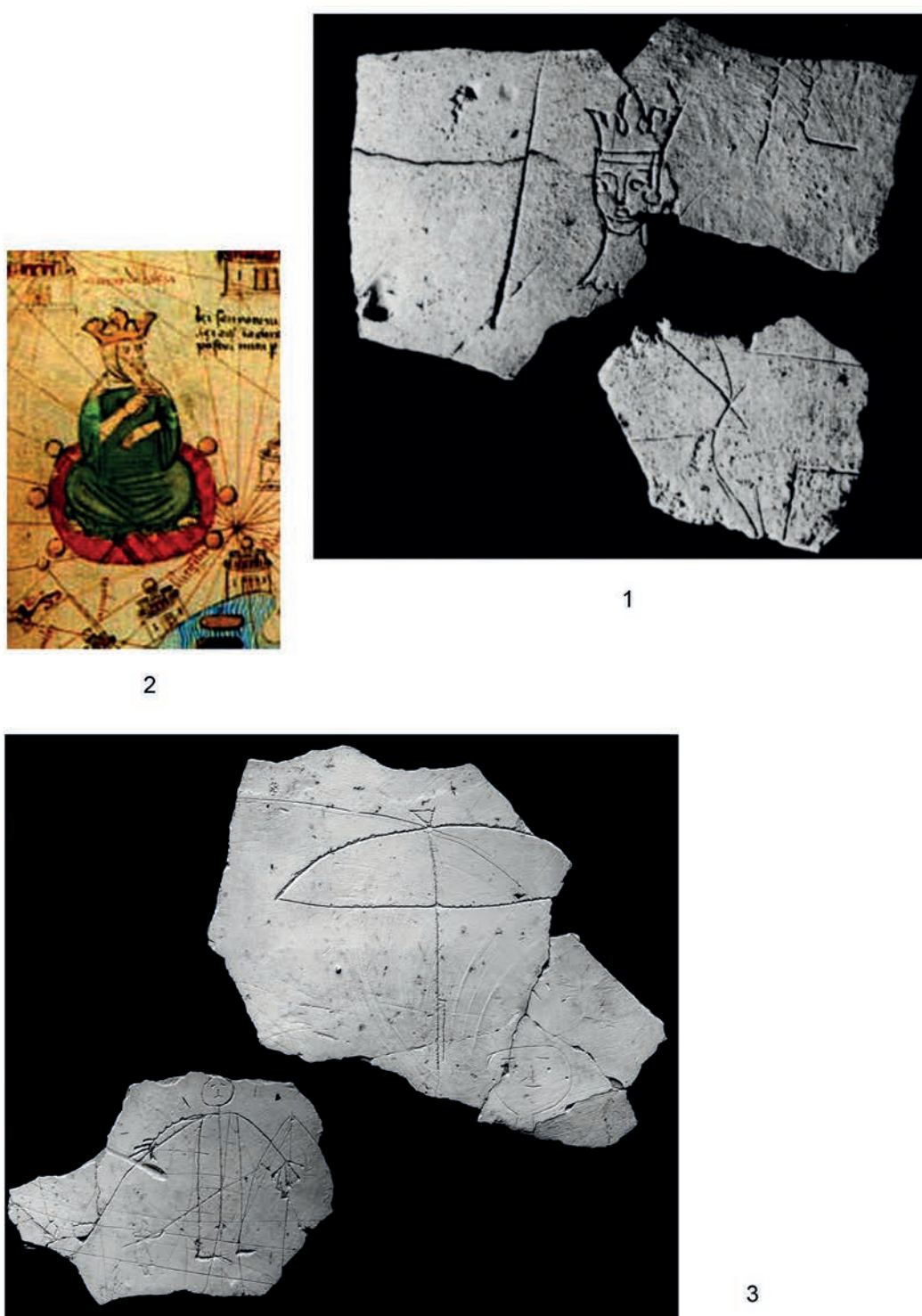

Рис. 137. Рисунки на штукатурке помещения 26 и их аналоги: 1 – человек в короне;
2 – правитель в короне из каталонского атласа; 3 – человек с зонтиком
(ГИМ 111007, оп. В 2677/1,4).

Fig. 137. Figures on plaster room 26 and their analogues: 1 – a man in the crown;
2 – ruler in the crown of the Catalan atlas; 3 – a man with an umbrella
(SHM 111007, op. В 2677/1,4).

Рис. 138. Изразцовые панно, украшавшие стены центрального зала усадьбы СтЗ (реконструкция, АГОАИМЗ).

Fig. 138. Tiled panels adorning the walls of the central hall in estate house Sg3.

Рис. 139. Изразцы из центрального зала усадьбы Сг3 (АГОАИМЗ).
Fig. 139. Tiles from the central hall in estate house Sg3.

Рис. 140. Ганчевый декор из усадьбы Сг3 (АГОАИМЗ).
Fig. 140. Decor of ganch in estate house Sg3.

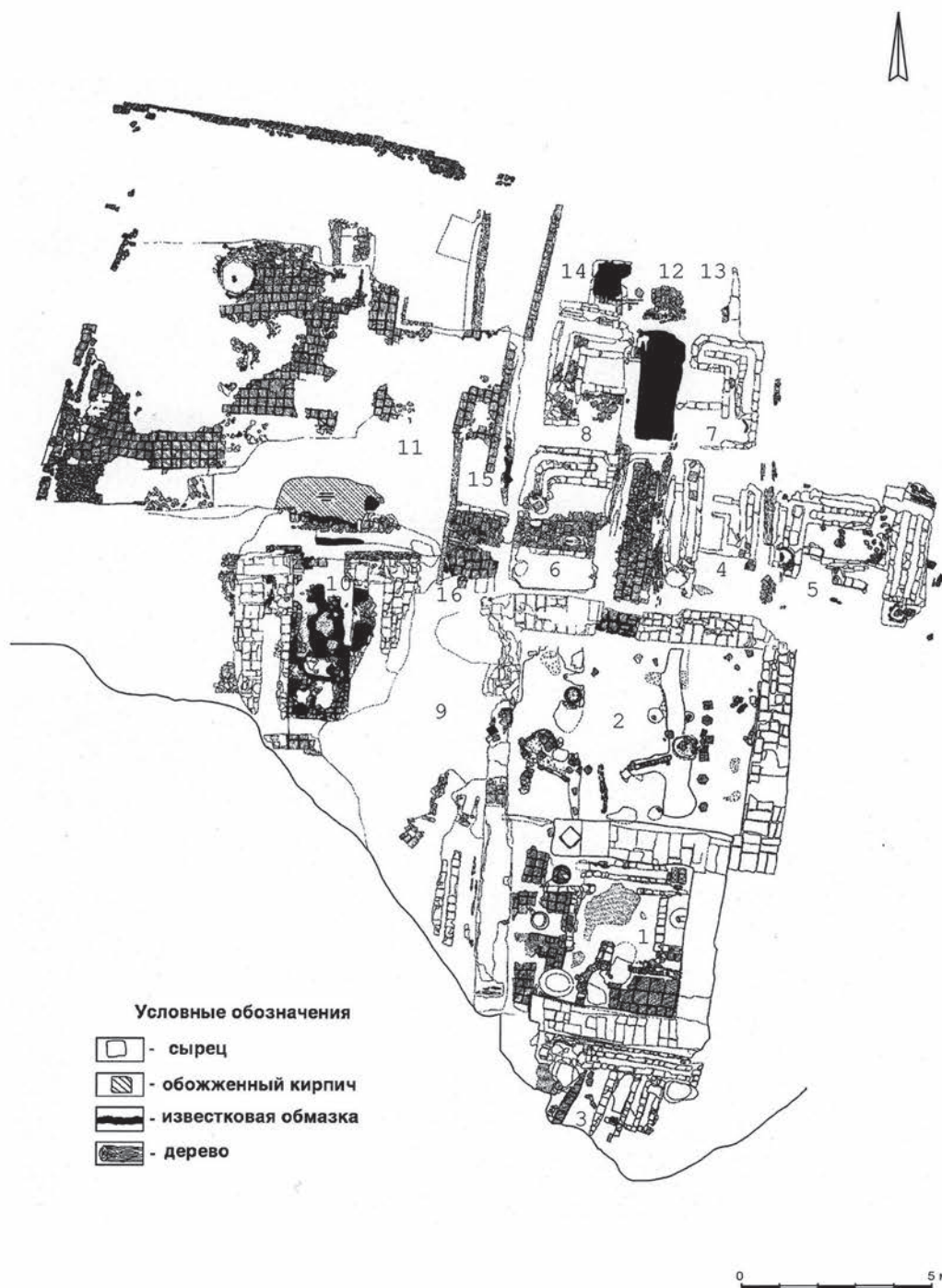

Рис. 141. Усадьба Сг4.
Fig. 141. Estate house Sg4.

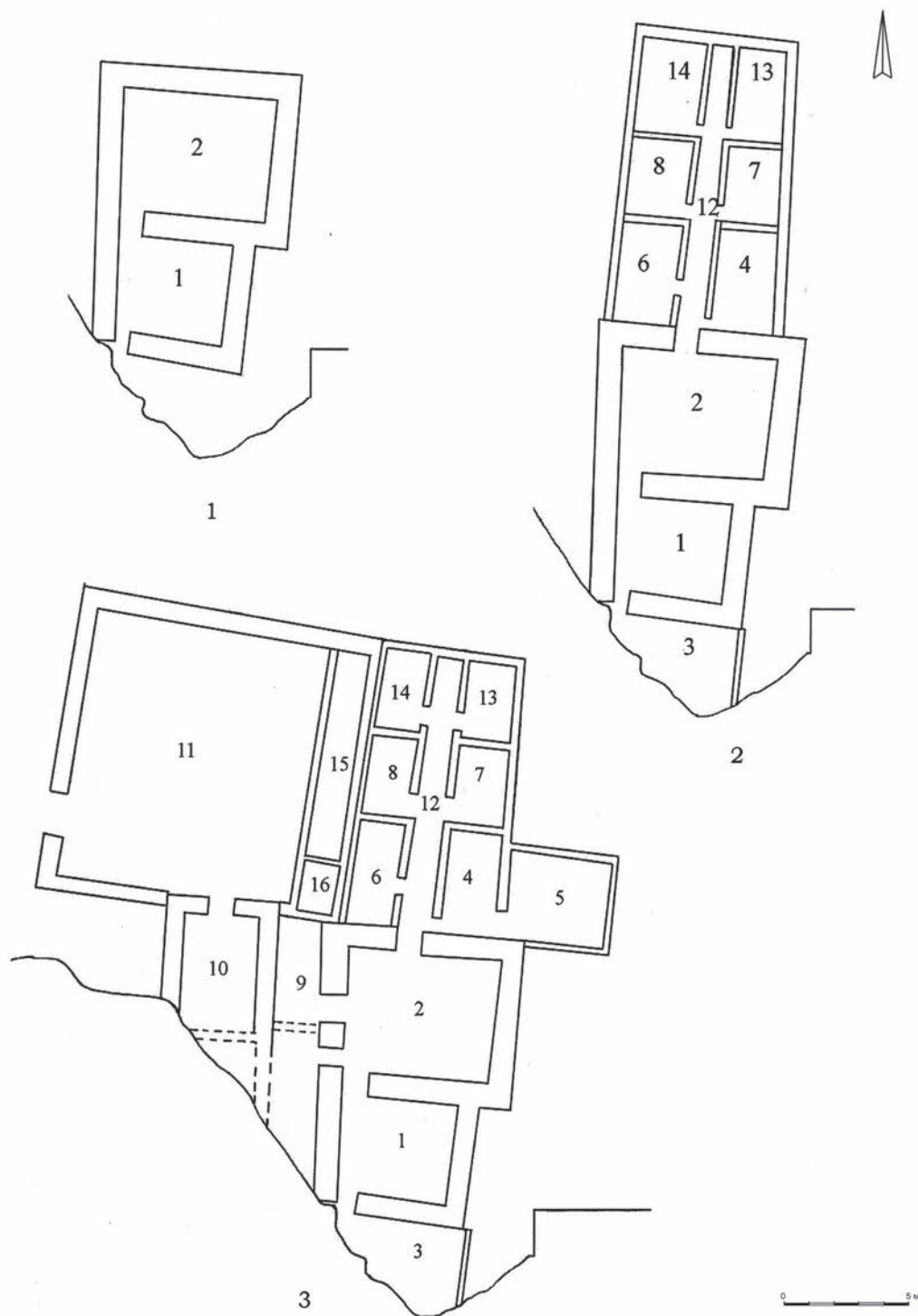

Рис. 142. Схема плана усадебного здания Сг4: 1 – I период; 2 – II период; 3 – III период.
 Fig. 142. Scheme of the plan of the estate house Sg4: 1 – I period; 2 – II period; 3 – III period.

Рис. 143. Усадьбное здание Sг4, общий вид с северо-запада.
Fig. 143. Estate house Sg4, general view from the north-west.

1

2

3

Рис. 144. Усадебное здание Сг4, помещение 1: 1 – вид с востока;
 2 – дымоходы в южной стене; 3 – трубопровод в суфе.
 Fig. 144. Estate house Sg4, room 1: 1 – view from the east;
 2 – chimneys in the south wall;
 3 – ceramic pipe in the sufa.

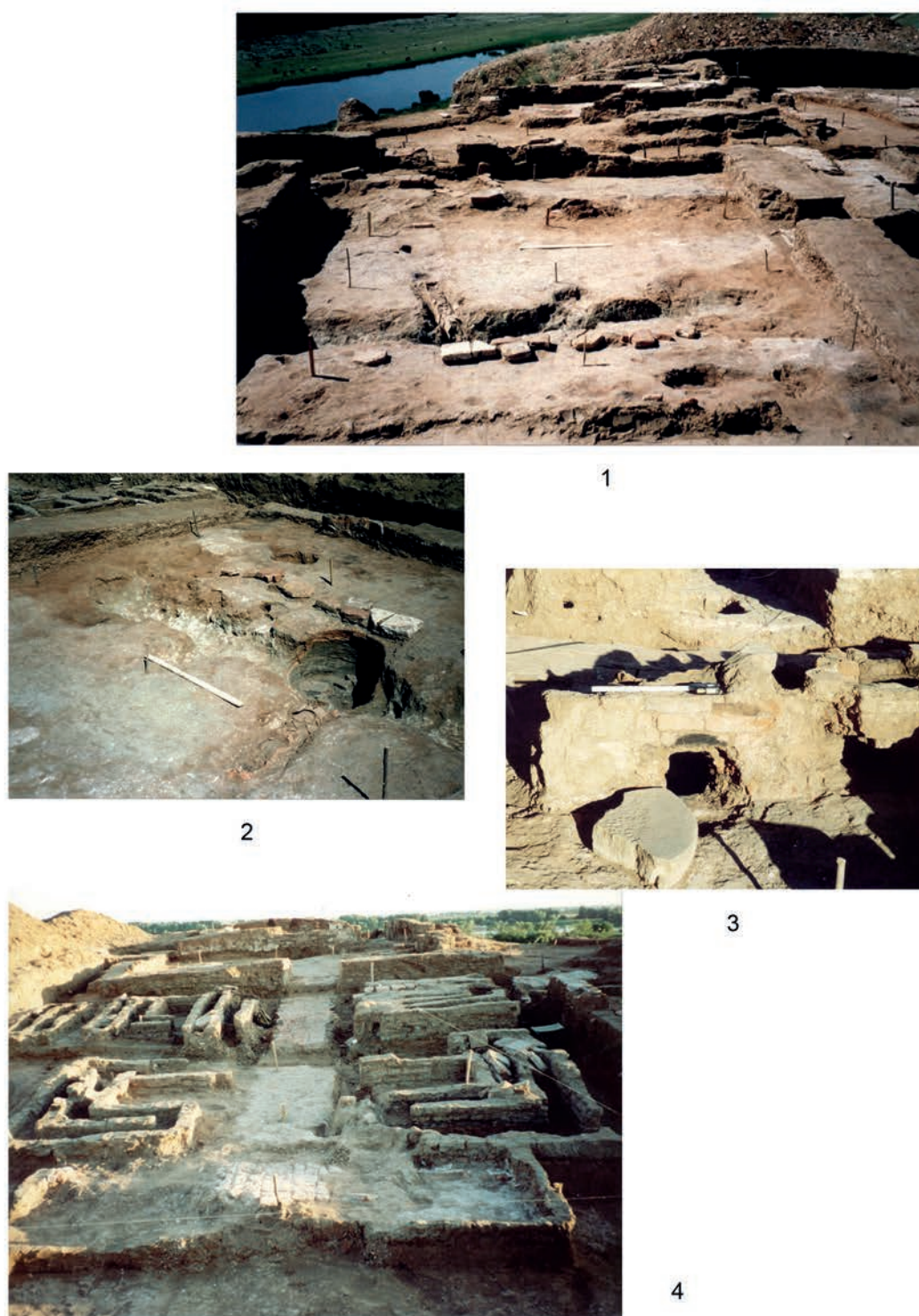

Рис. 145. Усадебное здание Сг4: 1 – помещение 2, вид с востока;
 2 – тандыр с кубуром в помещении 2.; 3 – печь в помещении 4;
 4 – жилой блок в северо-восточной части дома, вид с севера.

Fig. 145. Estate house Sg4: 1 – room 2, view from the east;
 2 – tandoor (oven) with ceramic pipe in room 2; 3 – oven in room 4;
 4 – residential block in the north-eastern part of the house, view from the north.

1

2

3

4

Рис. 146. Усадебное здание Сг4: 1 – помещение 10, вид с севера;
 2 – помещение 11 (парадный зал), вид с северо-запада; 3 – тошна в помещении 11;
 4 – изразцовый блок из помещения 11.

Fig. 146. Estate house Sg4: 1 – room 10, view from the north; 2 – room 11 (front hall), view from the north-west; 3 – washbasin in the room 11; 4 – tile block from room 11.

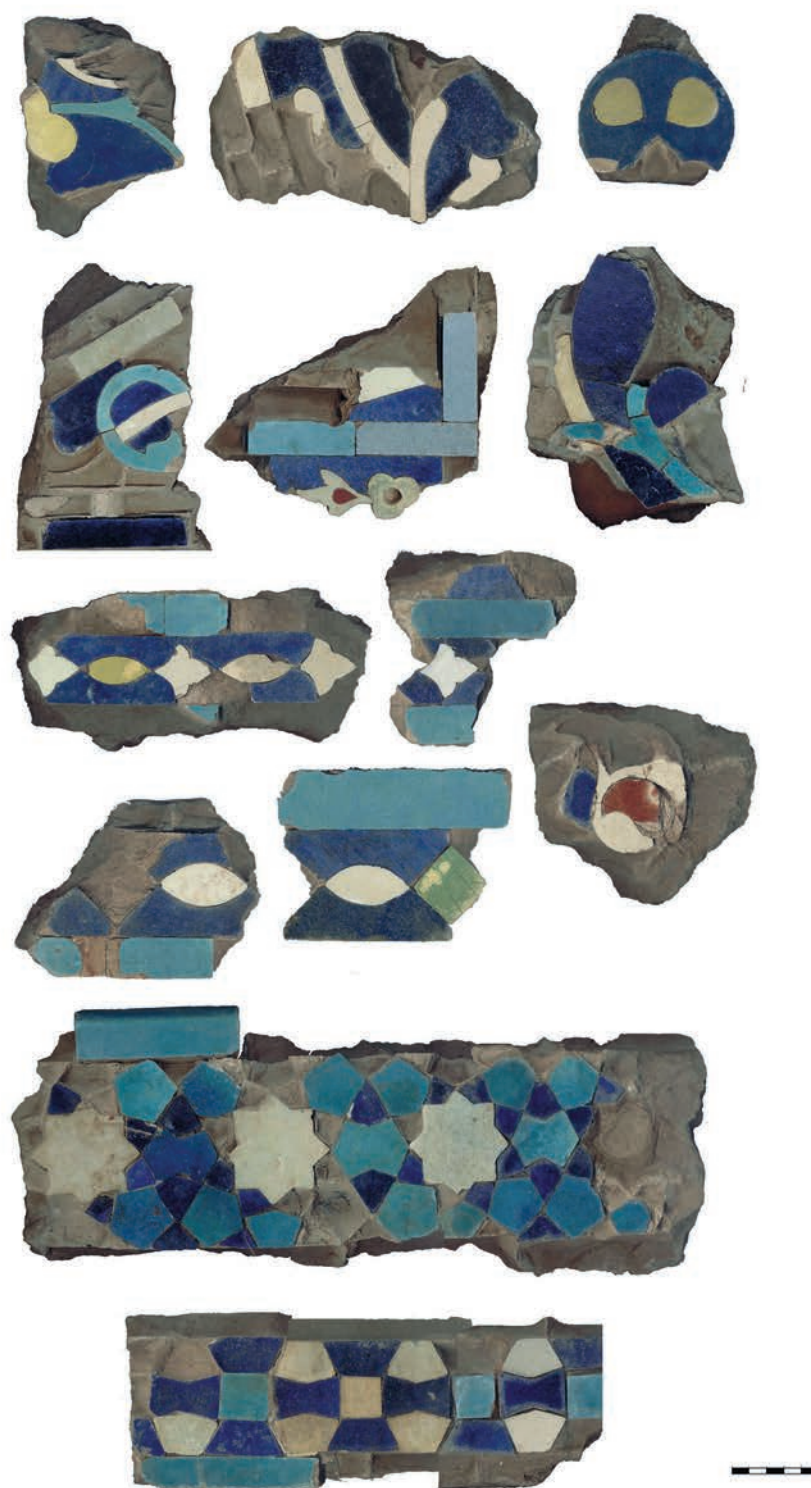

Рис. 147. Изразцы из помещения 11.
Fig. 147. Tiles from the room 11.

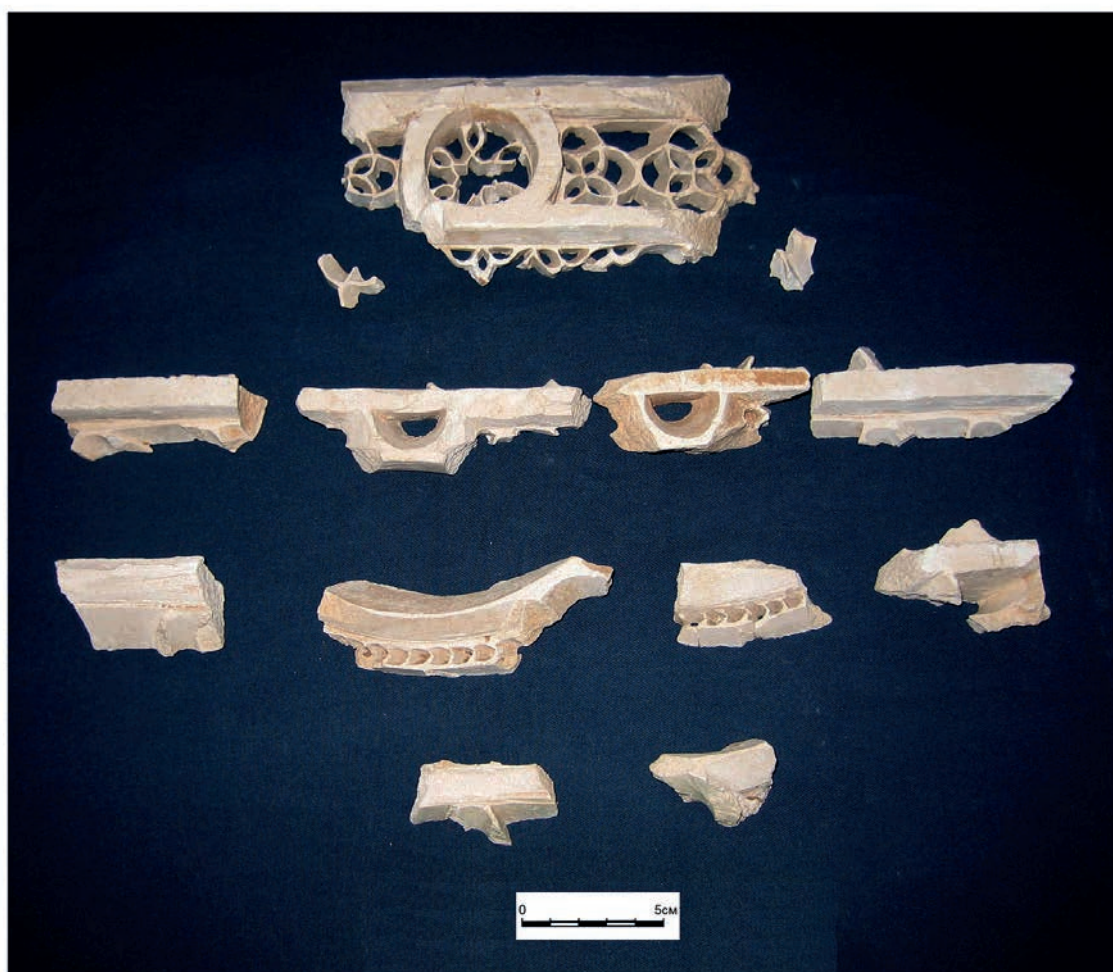

Рис. 148. Фрагменты ганчевой решетки-панджара из помещения 1.
Fig. 148. Fragments of the lattice of ganch from the room 1.

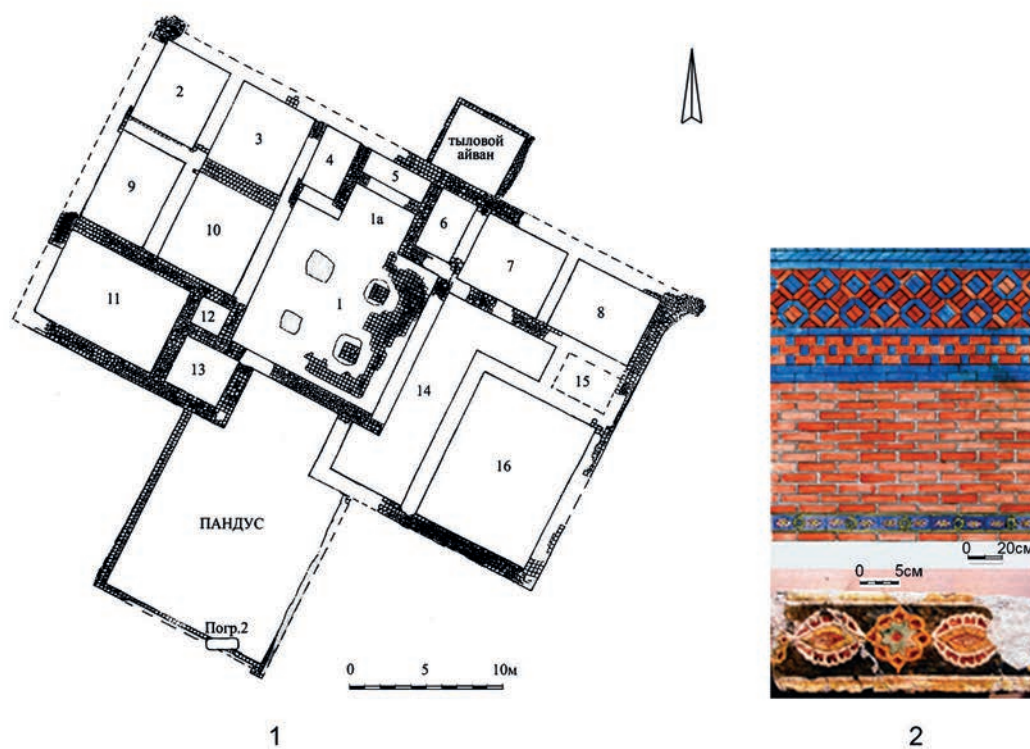

Рис. 149. Усадьба Ag1: 1 – общий план; 2 – фриз на стене здания (по В.В. Плахову).
 Fig. 149. Estate house Ag1: 1 – the general plan; 2 – frieze on the wall of the building (according to V.V. Plakhov).

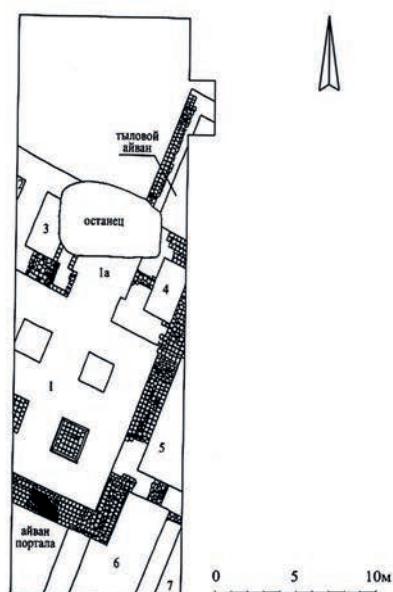

Рис. 150. Усадьба Ag2 (по В.В. Плахову).
 Fig. 150. Estate house Ag2 (according to V.V. Plakhov).

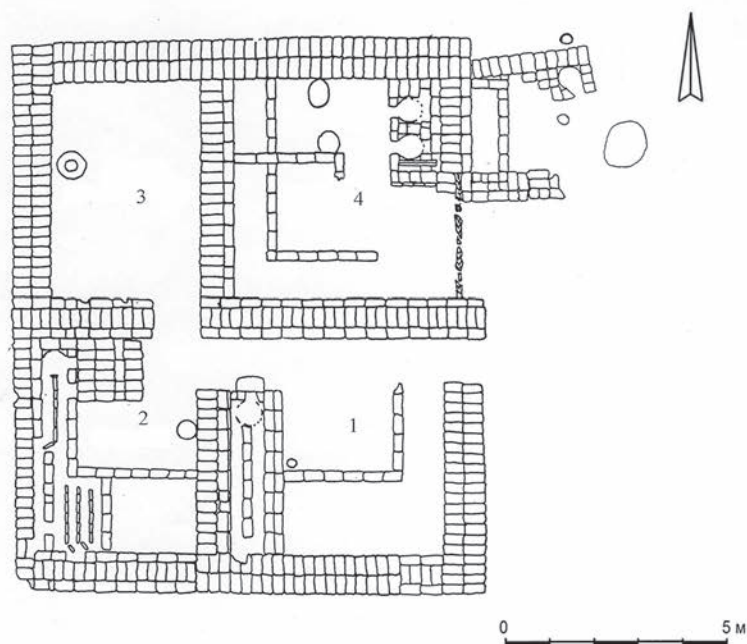

Рис. 151. Усадьба Хг1 (по В.В. Плахову).
Fig. 151. Estate house Khg1 (according to V.V. Plakhov).

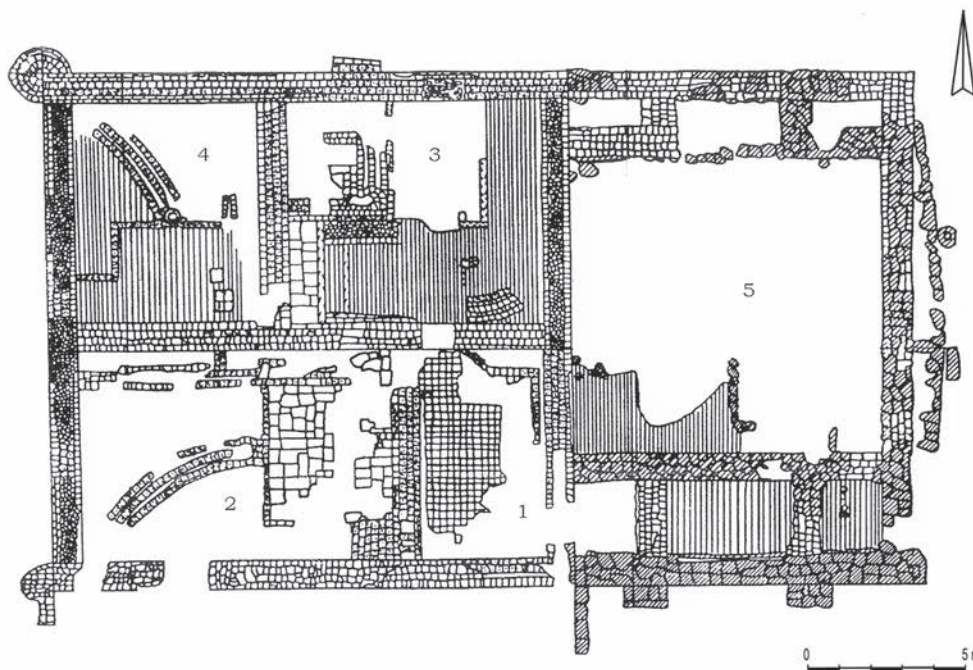

Рис. 152. Усадьба Кг1 (по В.Й. Довженку).
Fig. 152. Estate house Kg1 (according to V.Y. Dovzhenok).

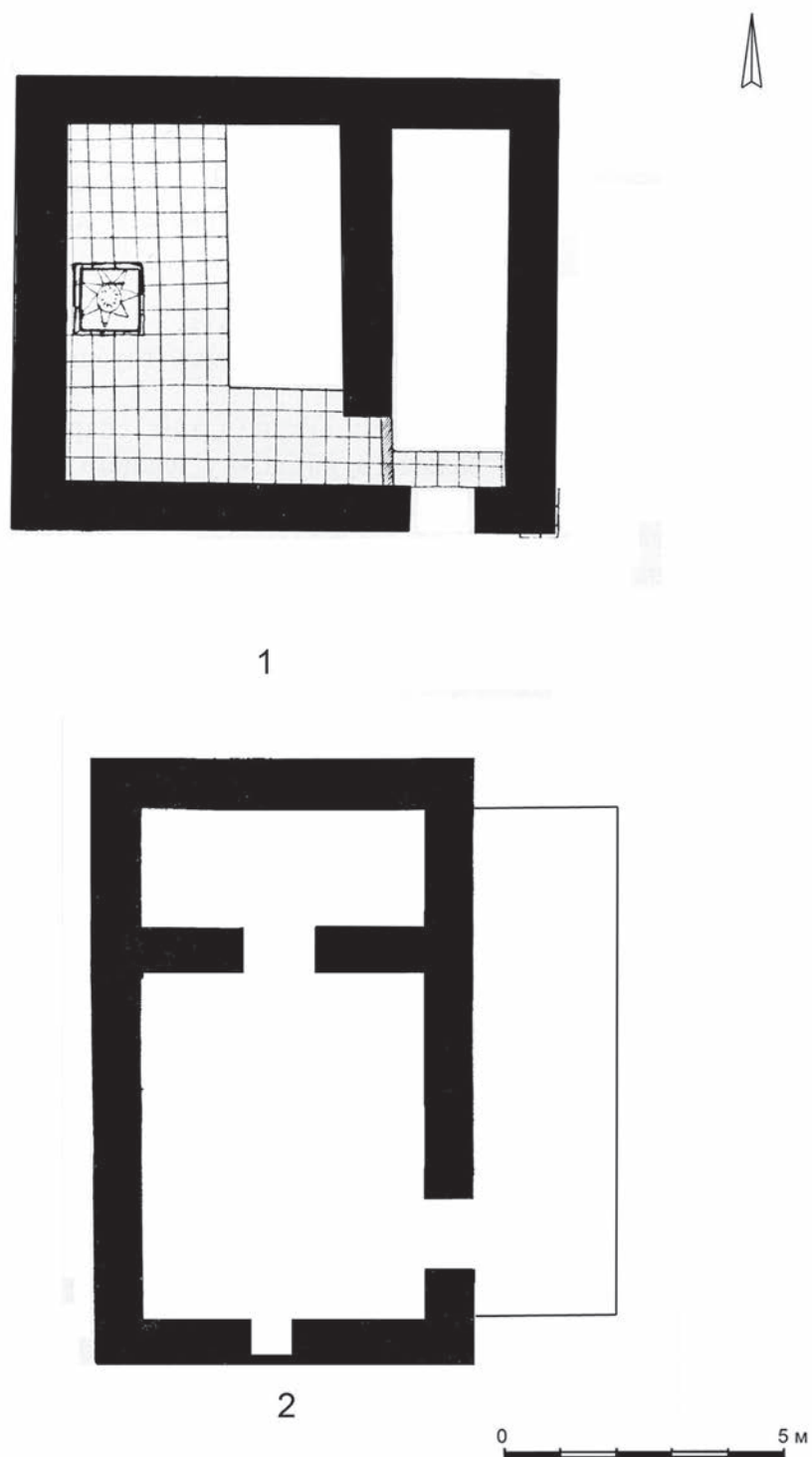

Рис. 153. Двухкомнатные дома Маджара: 1 – Мдж1; 2 – Мдж6 (по В.А. Городцову).
Fig. 153. Two-room houses of Madjar: 1 – Mj1; 2 – Mj6 (according to V.A. Gorodtsov).

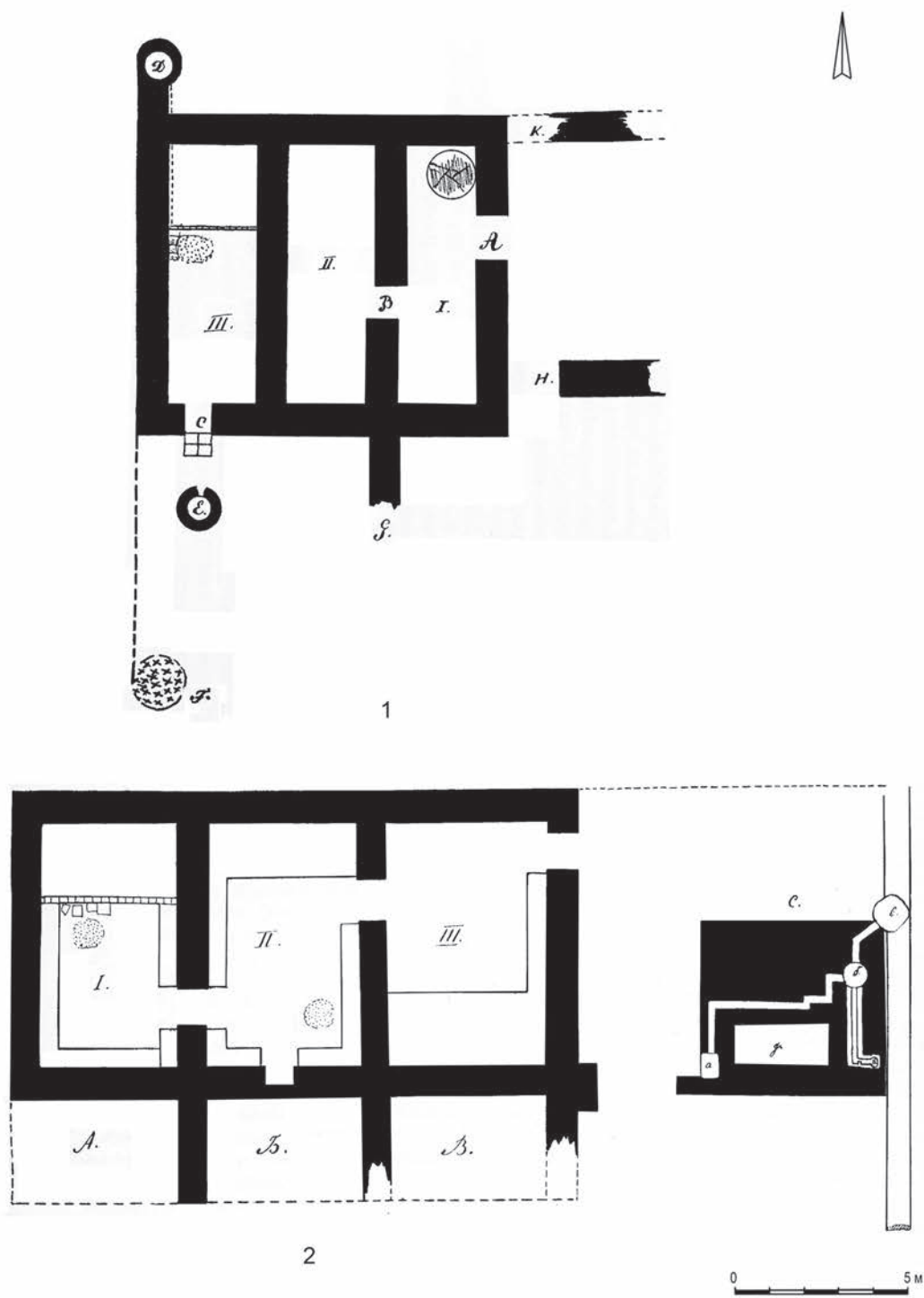

Рис. 154. Дома сложной планировки Маджара: 1 – Мдж2; 2 – Мдж7(по В.А. Городцову).
 Fig. 154. The houses of the complex planning of Madjar: 1 – Mj2;
 2 – Mj7 (according to V.A. Gorodtsov).

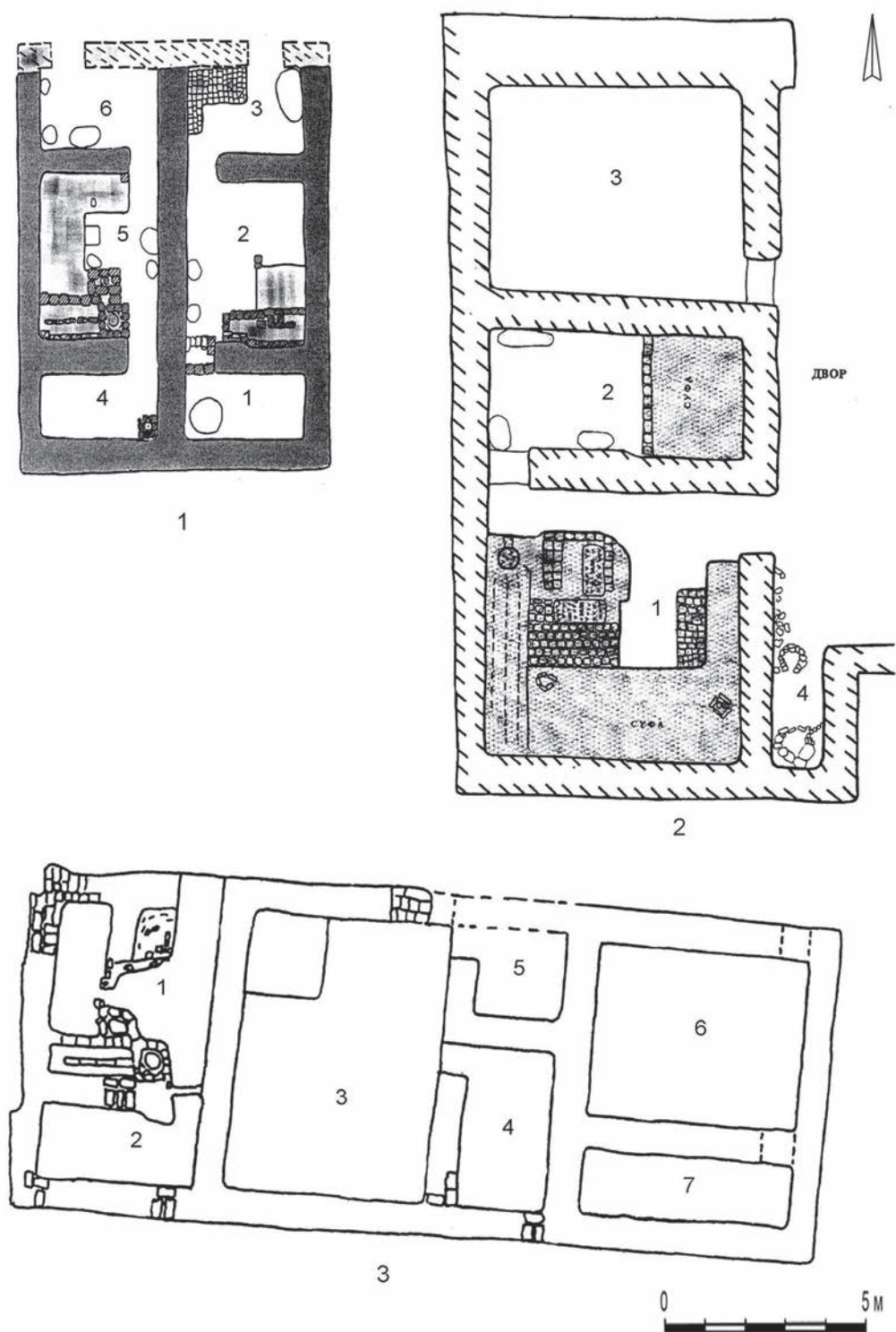

Рис. 155. Усадьбы Жайыка: 1 – Жг1; 2 – Жг2; 3 – Жг3

(по К.М. Байпакову, Е.А. Смагулову и Г.А. Ахатову).

Fig. 155. Estate houses of Zhaiyk: 1 – Zhg1; 2 – Zhg 2; 3 – Zhg3
(according to K.M. Baypakov, E.A. Smagulov and G.A. Akhatov).

1

2

3

Рис. 156. Усадьбы Жайыка: 1 – Жг1, общий вид с севера; 2 – Жг2, общий вид с юга;
3 – кан в одном из помещений.
Fig. 156. Estate houses of Zhaiyk: 1 – Zhg1, general view from the north; 2 – Zhg2, general
view from the south; 3 – horizontal chimney (kan) in one of the rooms.

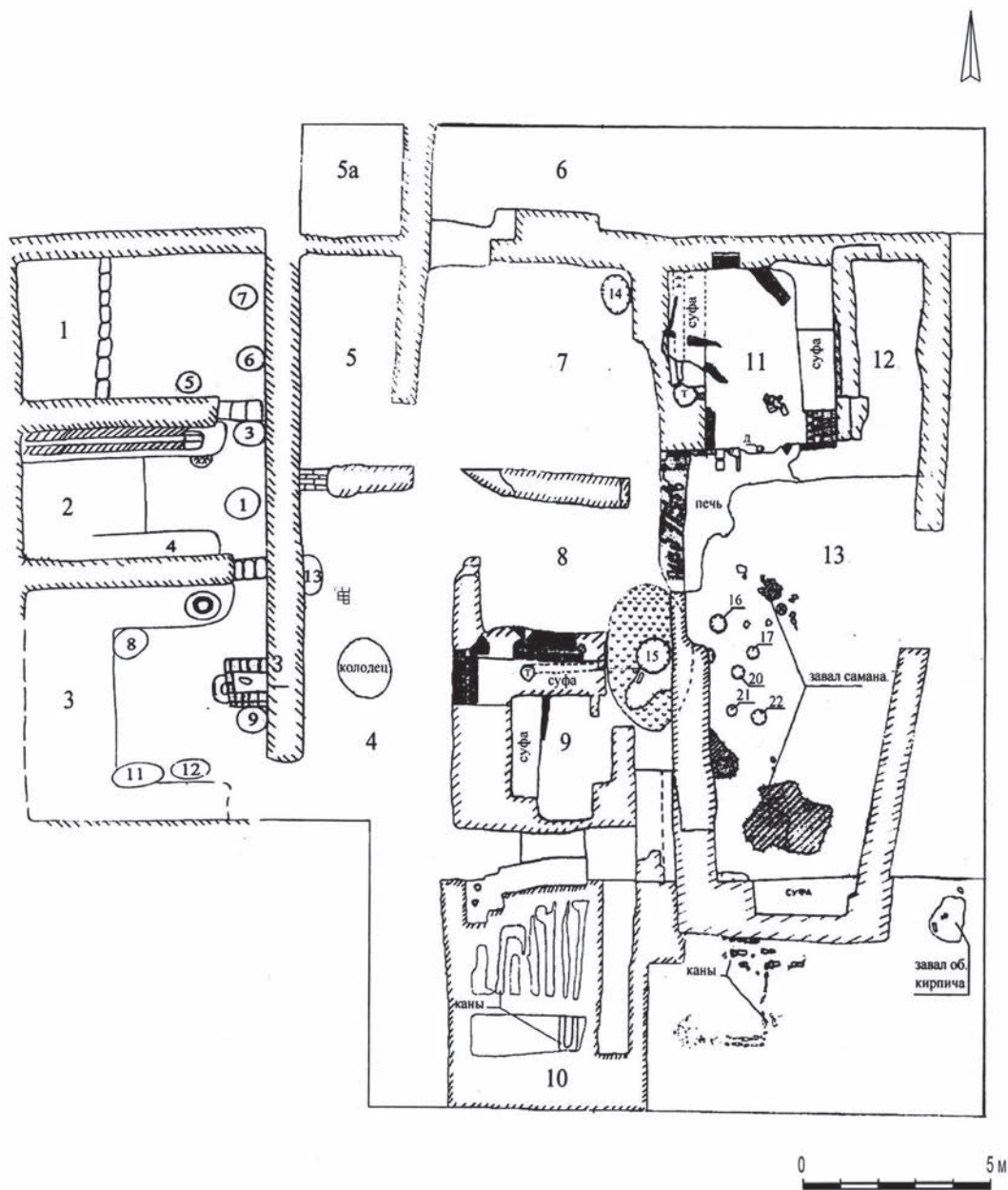

Рис. 157. Усадьба Жг4 (по К.М. Байпакову, Е.А. Смагулову и Г.А. Ахатову).
 Fig. 157. Estate house Zhg4 (according to K.M. Baypakov, E.A. Smagulov and G.A. Akhatov).

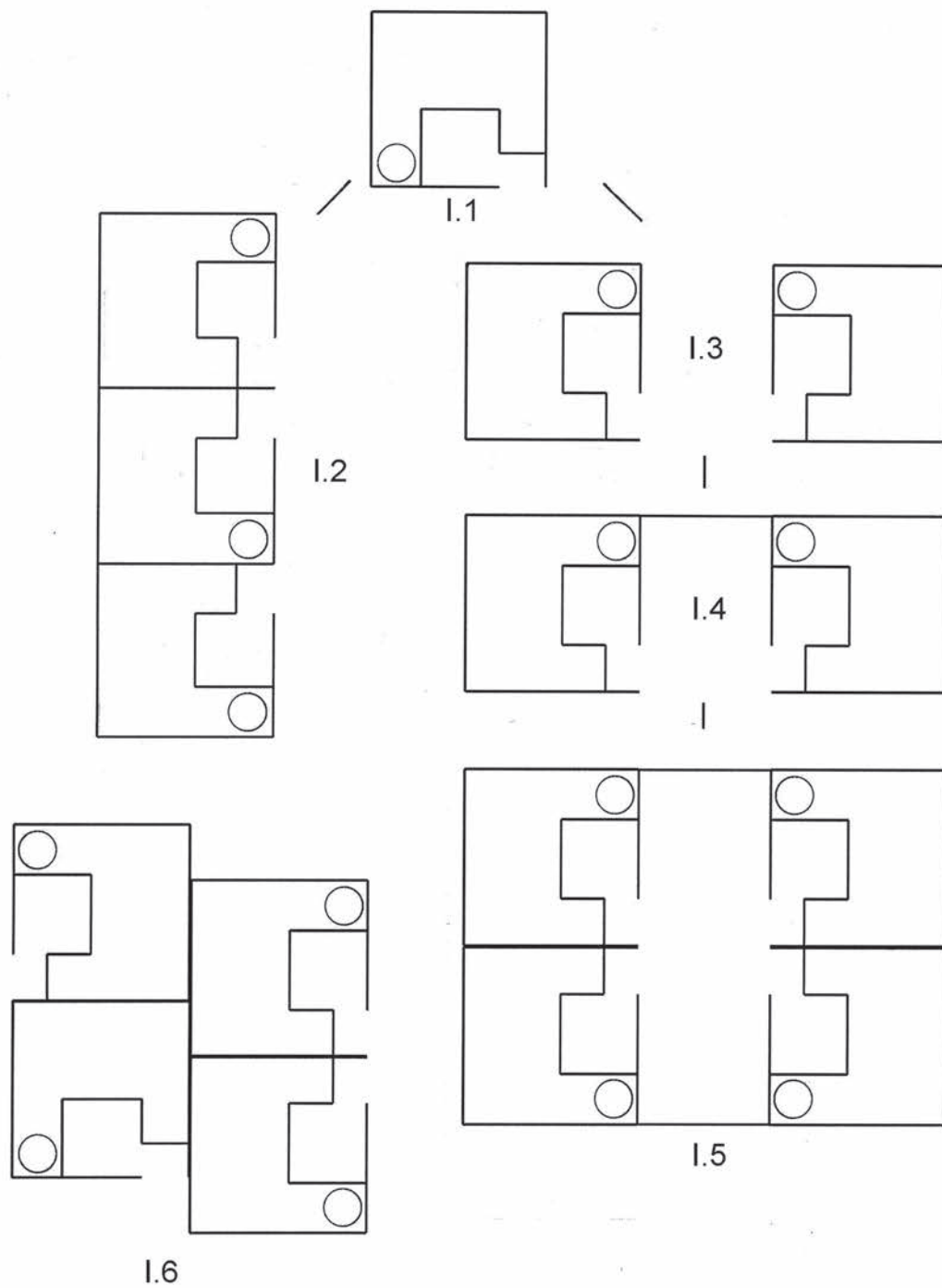

Рис. 158. Схема типов планов домов I группы.
Fig. 158. Scheme of types of plans for the houses of the I group.

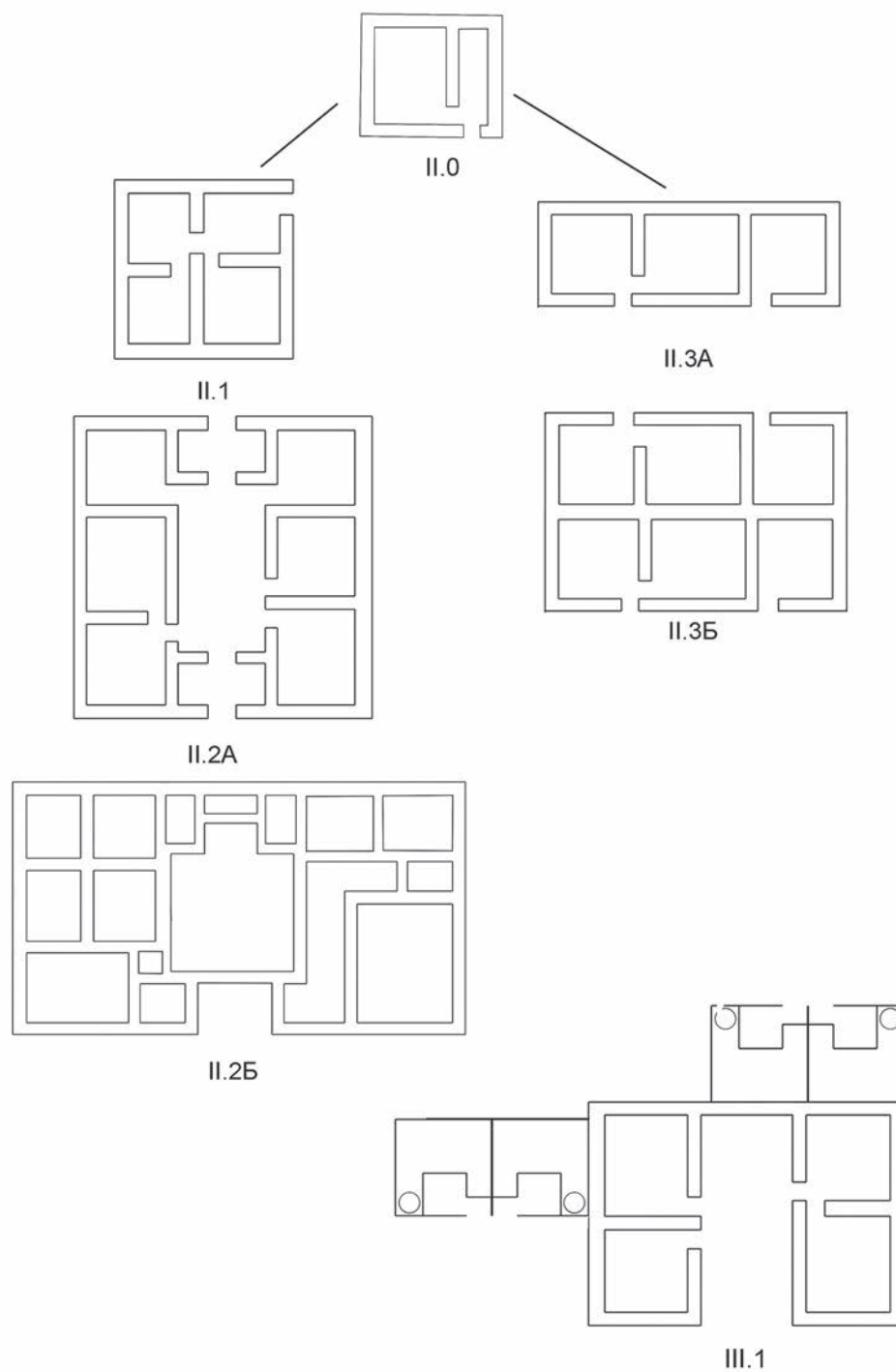

Рис. 159. Схема типов планов домов II и III групп.
Fig. 159. Scheme of types of plans for houses II and III groups.

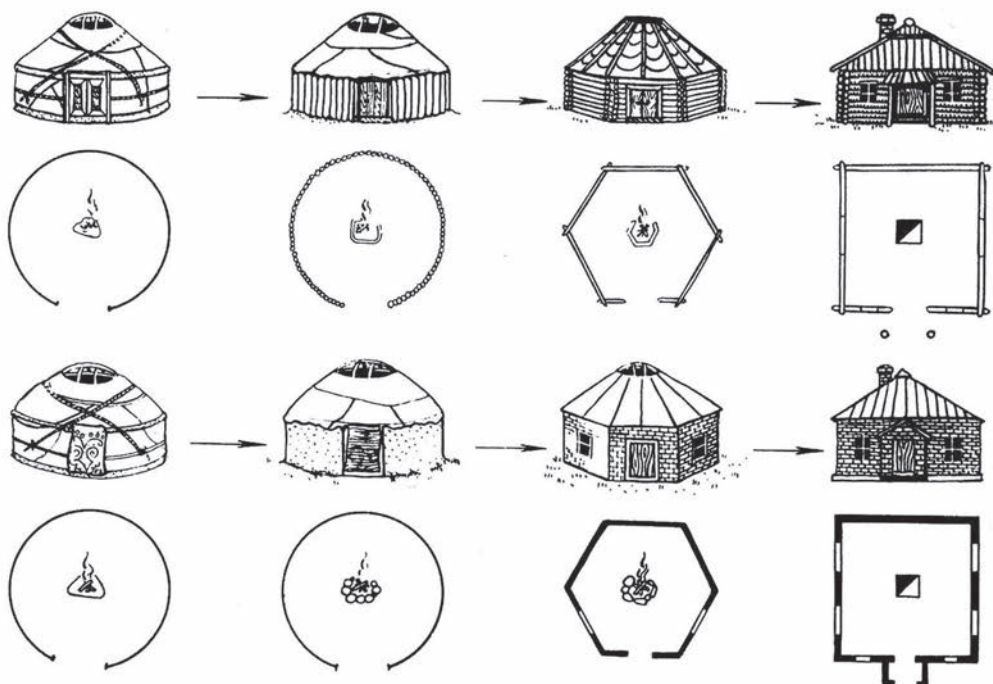

Рис. 160. Трансформация юрты в стационарное жилище (по Д. Майдару).
 Fig. 160. Transformation of the yurt into a stationary dwelling (according to D. Maydar).

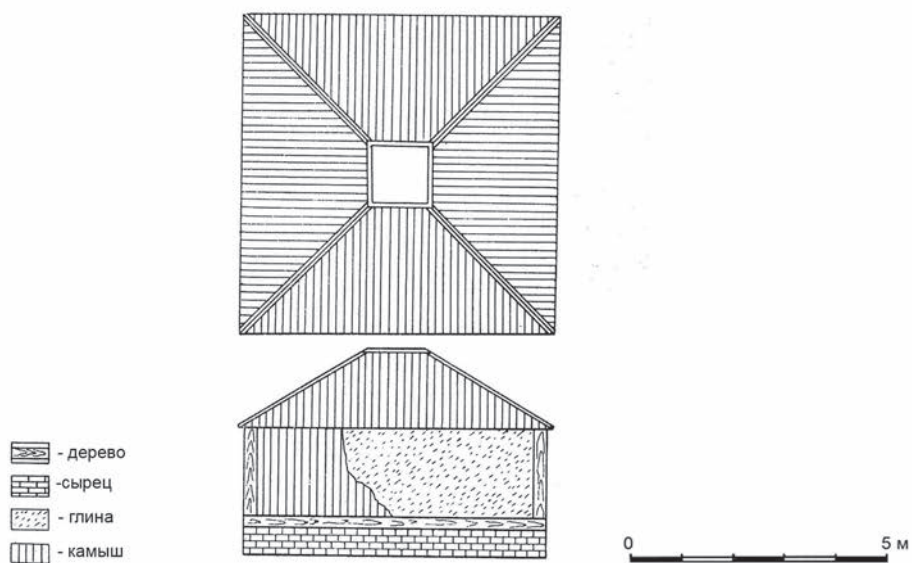

Рис. 161. Золотоордынский однокомнатный дом (по В.Л. Егорову).
 Fig. 161. Golden Horde one-room house (according to V.L. Egorov).

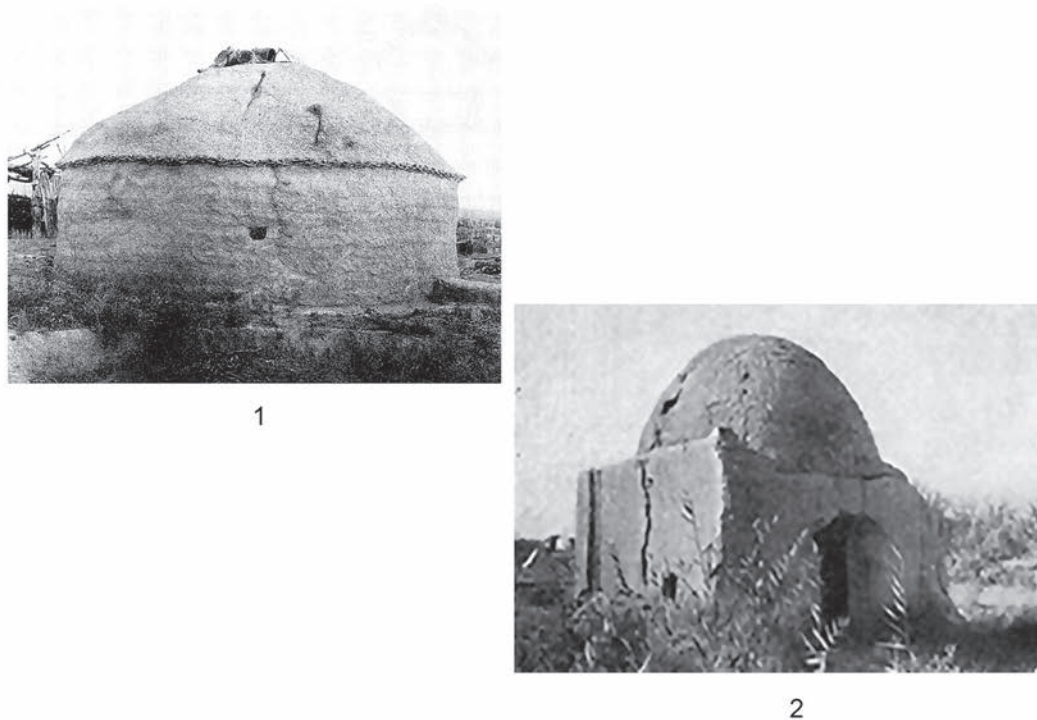

Рис. 162. Стационарные жилища, возникшие в результате трансформации юрты:
 1 – шoshала из саманного кирпича в Павлодарском уезде, 1927 г. (по О.Б. Наумовой);
 2 – жилой дом в Марыйской области (по Архитектура туркменского...).

Fig. 162. Stationary dwellings, that arose as a result of the transformation of the yurt:
 1 – shoshala from adobe brick in Pavlodar region, 1927 (according to O.B. Naumova);
 2 – an apartment house in the Mary Region (according to the Architecture of the Turkmen ...).

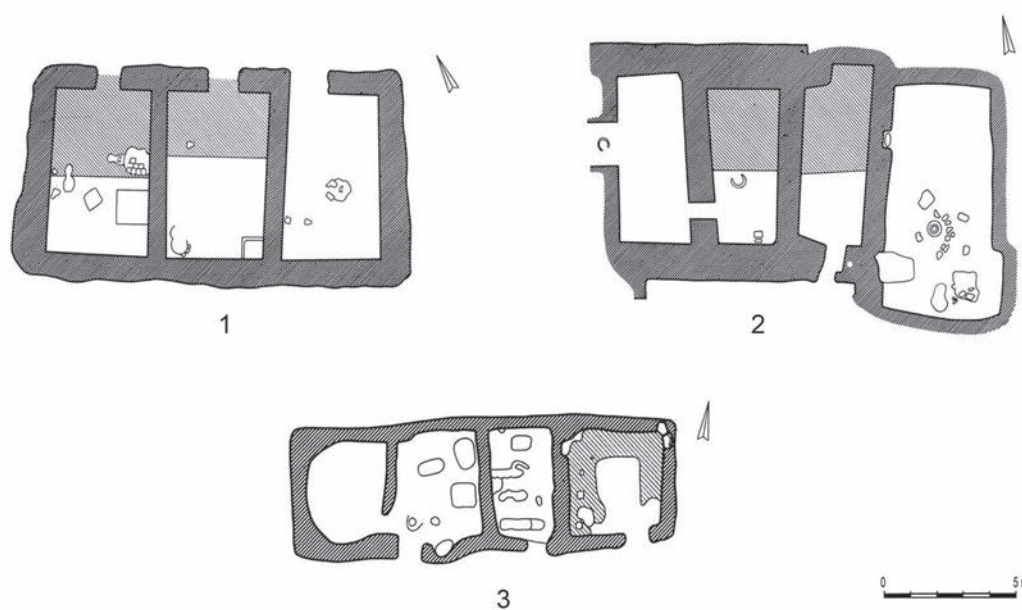

Рис. 163. Усадебные дома Хорезма линейной планировки: 1 – дом 1 близ Бутен-тау;
 2 – дом 41 близ Ак-калы; 3 – дом близ Дев-калы (по Е.Е. Неразик).

Fig. 163. Homesteads of Khorezm linear planning: 1 – house 1 near Buten-tau; 2 – house 41 near Ak-kala; 3 – house near Dev-kala (according to E.E. Nerazik).

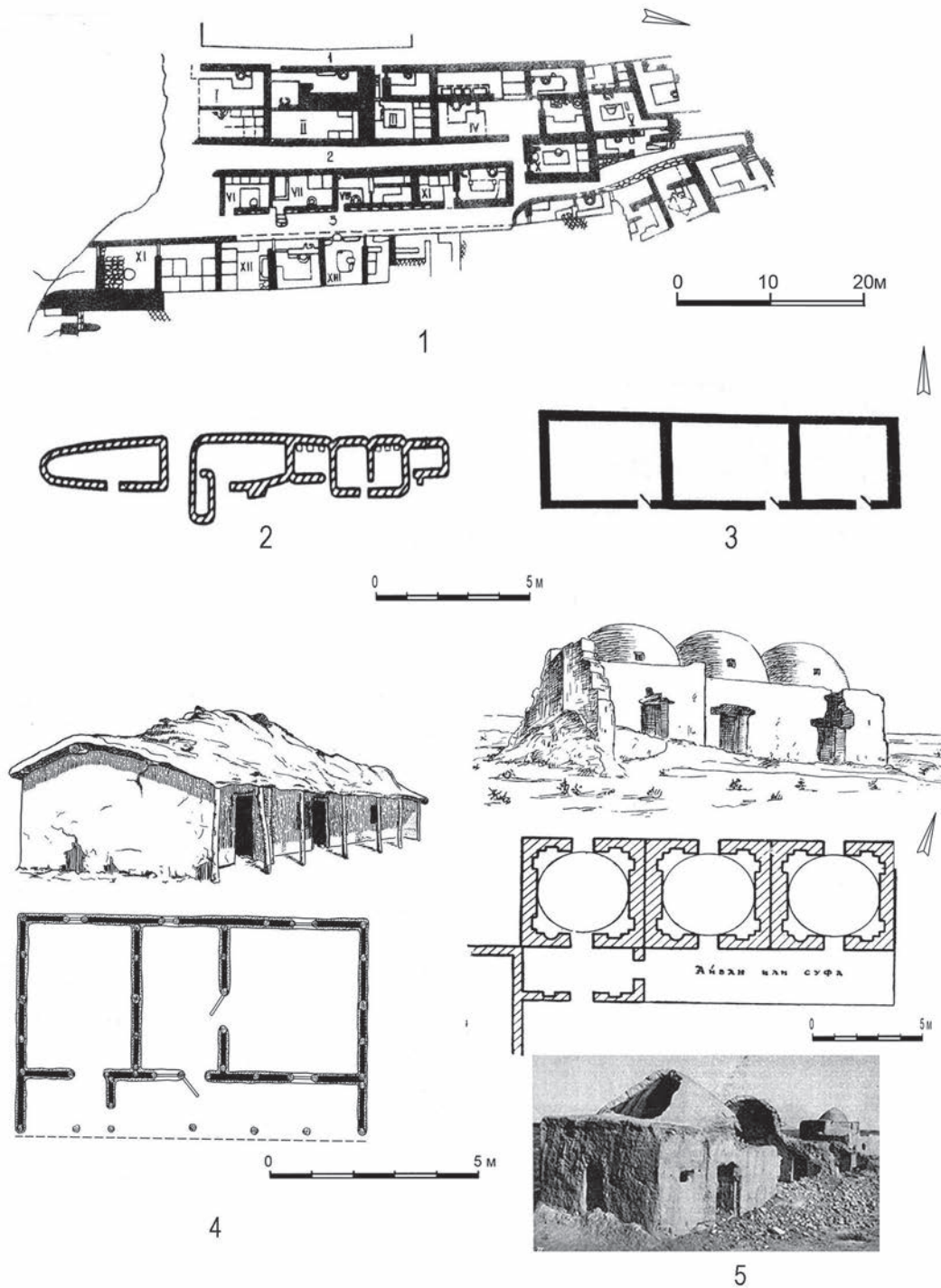

Рис. 164. Жилища линейной планировки: 1 – таджиков бассейна Зеравшана; 2 – туркменов левобережного Хорезма; 3 – Ташкентского оазиса; 4 – сельское жилище Туркмении; 5 – сельские дома Марыйской области (по С. Мамаджановой, Б.И. Вайнберг, А.Н. Жилиной, Г.П. Васильевой, Архитектура...).

Fig. 164. Dwellings of the linear planning: 1 – Tajiks of the Zeravshan basin; 2 – Turkmens of the left-bank Khorosm; 3 – the Tashkent oasis; 4 – rural dwelling of Turkmenistan; 5 – rural homes of Marw province (according to S. Mamadzhanova, B.I. Vainberg, A.N. Zhilina, G.P. Vasilieva, Architecture ...).

1

2

Рис. 165. Современные дома линейной планировки: 1 – аул Уркендеу в Кызылординской области; 2 – аул в Западном Казахстане.
Fig. 165. Modern houses of the linear planning: 1 – the Urkendeu village in the Kyzylorda region; 2 – village in Western Kazakhstan.

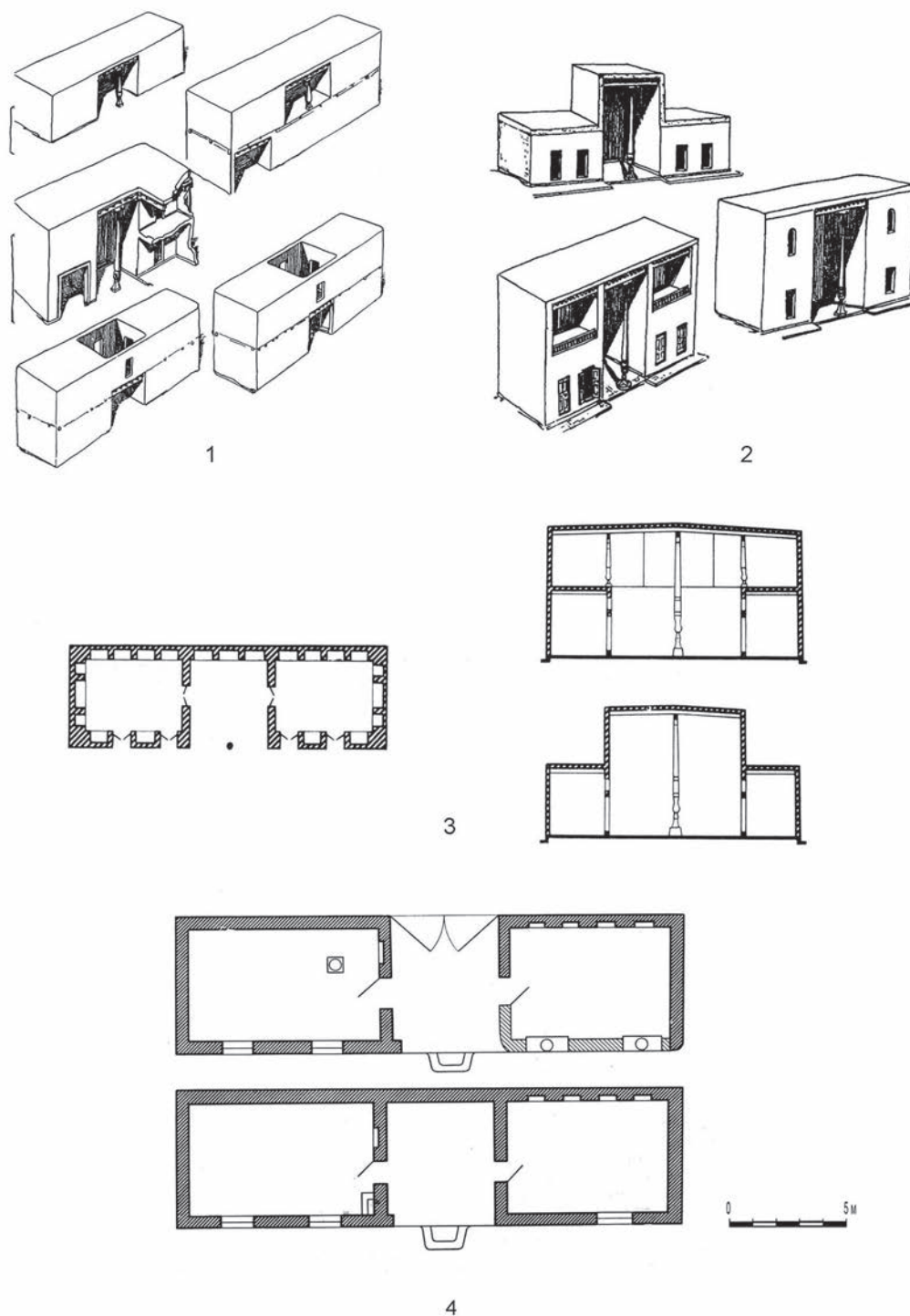

Рис. 166. Жилые дома Средней Азии с айваном: 1 – Самарканд; 2, 3 – Хива; 4 – Таджикистан (по Г.А. Пугаченковой, Л.И. Ремпелю, В.Л. Ворониной и И. Мухиддинову).
 Fig. 166. Residential buildings of Central Asia with aivan: 1 – Samarkand; 2, 3 – Khiva; 4 – Tajikistan (by G.A. Pugachenkova, L.I. Rempel, V.L. Voronina and I. Mukhiddinov).

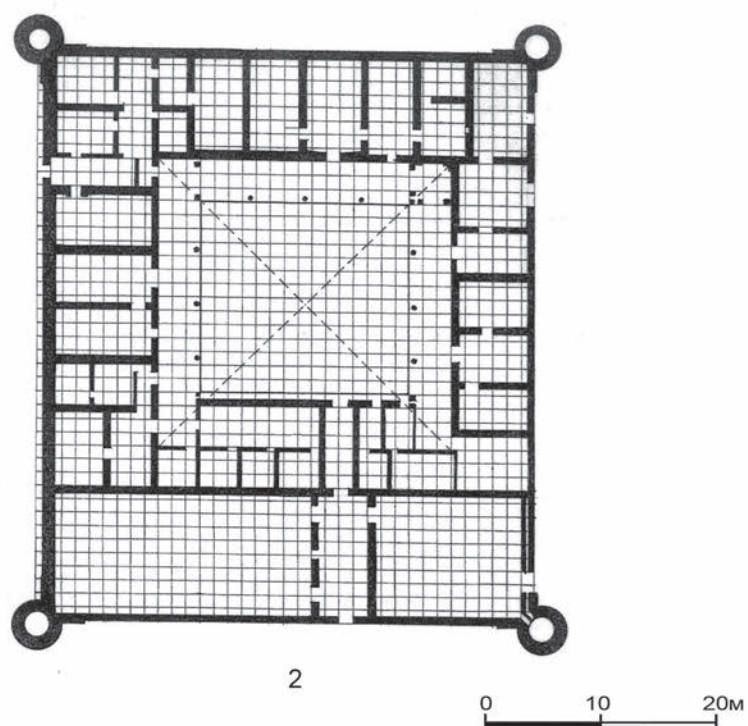
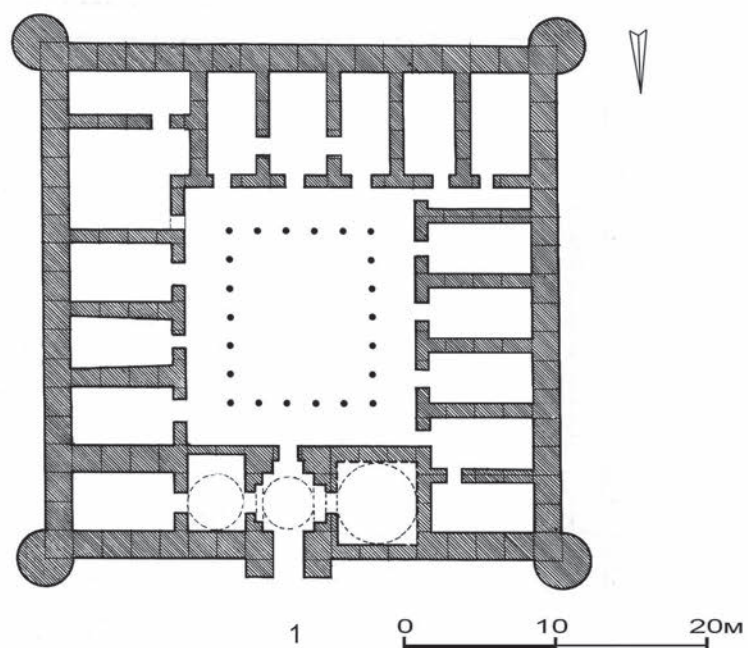

Рис. 167. Усадебные дома с внутренним двором: 1 – Хульбук, нижний дворец;
2 – Сайёд (по С. Хмельницкому).
Fig. 167. Manor houses with a courtyard: 1 – Hulbuk, lower palace;
2 – Sayod (according to S. Khmelnitsky).

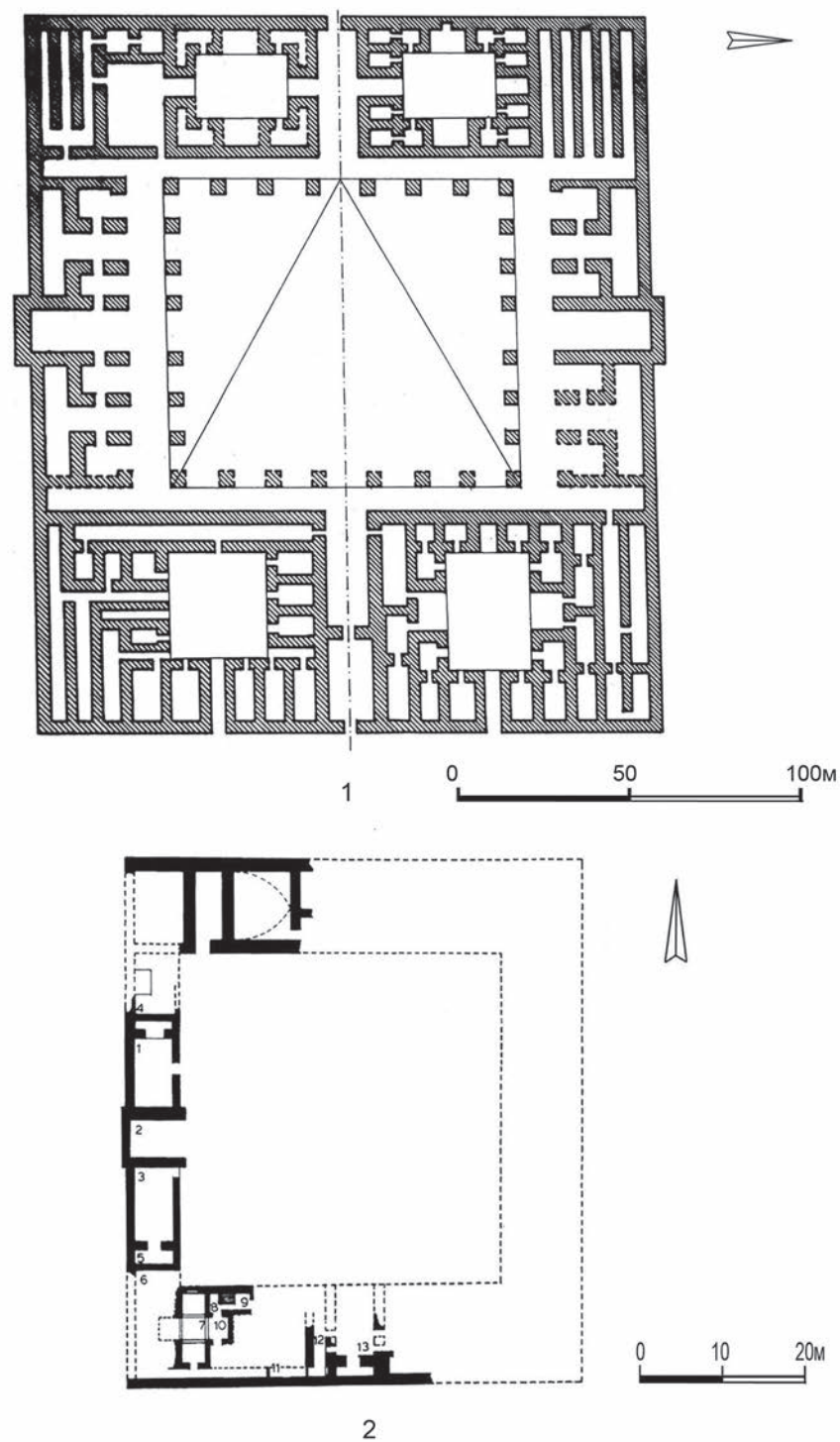

Рис. 168. Усадебные дома с внутренним двором: 1 – Акыр-таш; 2 – Султан-кала
(по С. Хмельницкому и С.Б. Луниной).

Fig. 168. Manor houses with a courtyard: 1 – Akyr-tash; 2 – Sultan-kala
(according to S. Khmelnitsky and S. Lunina).

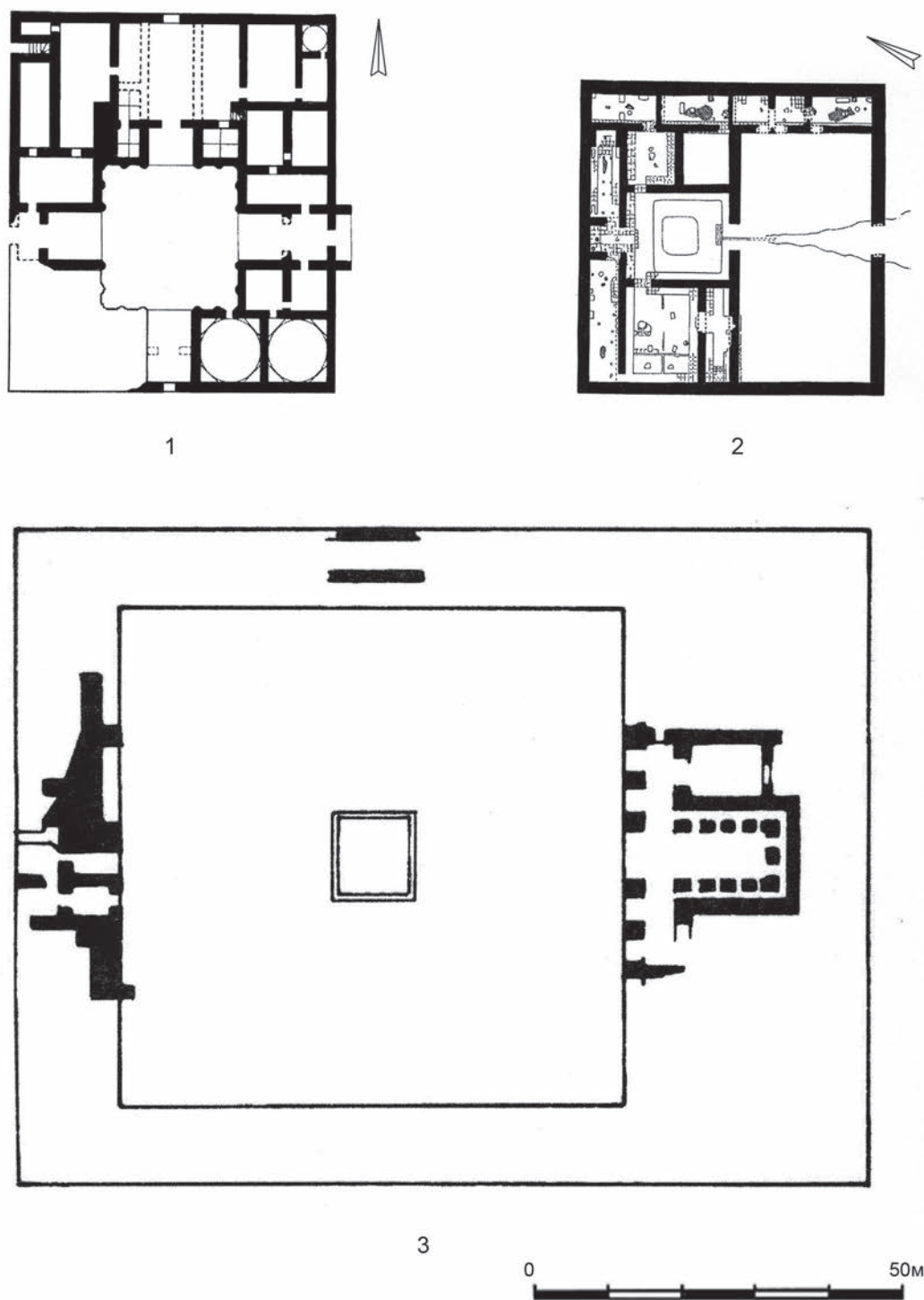

Рис. 169. Дворцовые комплексы дворово-айванной композиции: 1 – дворец в Шахриар-арке; 2 – усадьба А в Якке-Парсанском оазисе; 3 – дворец Термезшахов (по С.Г. Хмельницкому и Е.Е. Неразик).

Fig. 169. Palace complexes of the yard-aiwan composition: 1 – palace in Shahriar-arch; 2 – Manor A in the Yakka-Parsan oasis; 3 – the palace of Termezshah (according to S.G. Khmelnitsky and E.E. Nerazik).

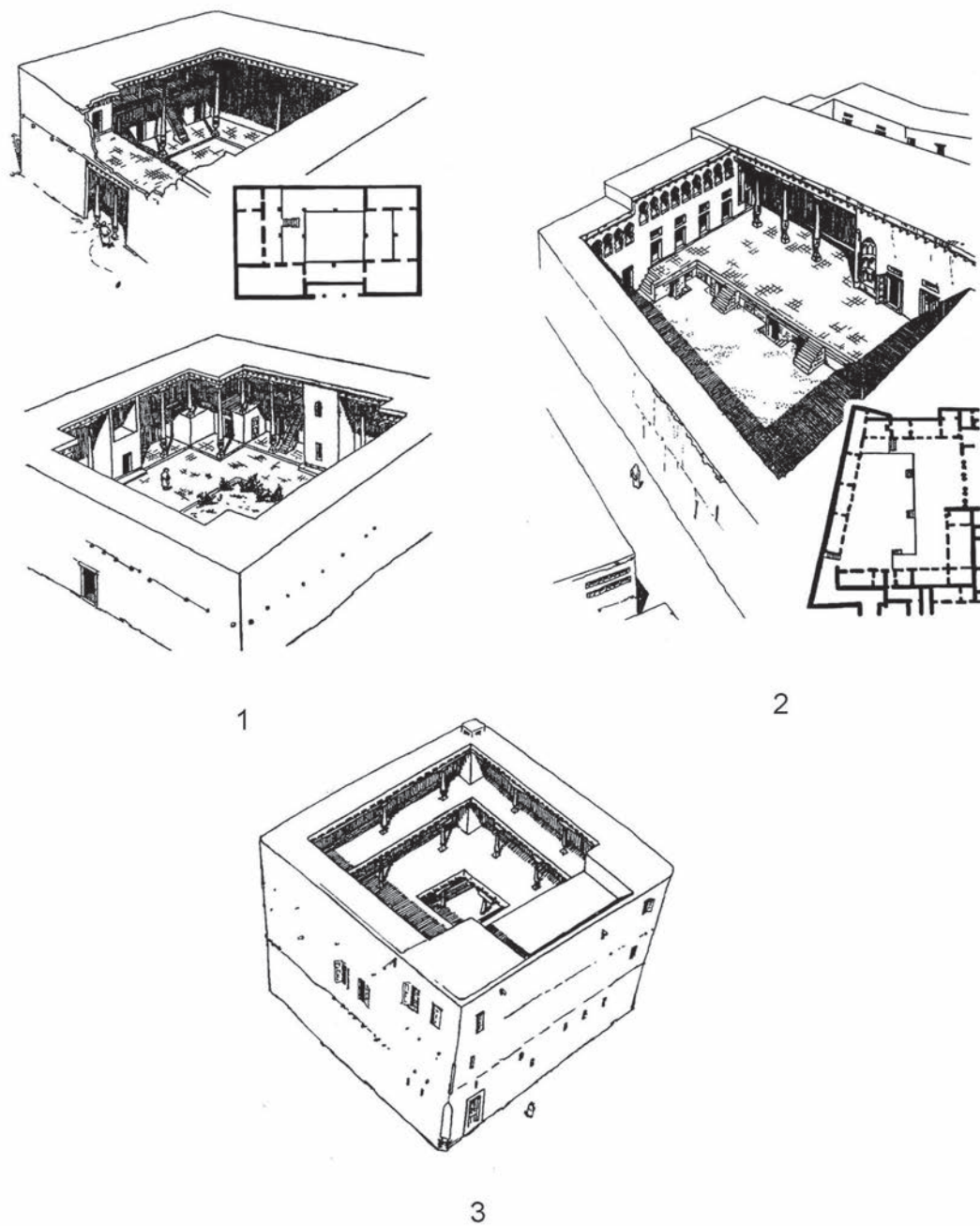

Рис. 170. Жилые дома Средней Азии с внутренним двором: 1 – Хива;
2, 3 – Бухара (по Г.А. Пугаченковой и Л.И. Ремпелю).
Fig. 170. Residential houses of Central Asia with a courtyard: 1 – Khiva;
2, 3 – Bukhara (according to G.A. Pugachenkova and L.I. Rempel).

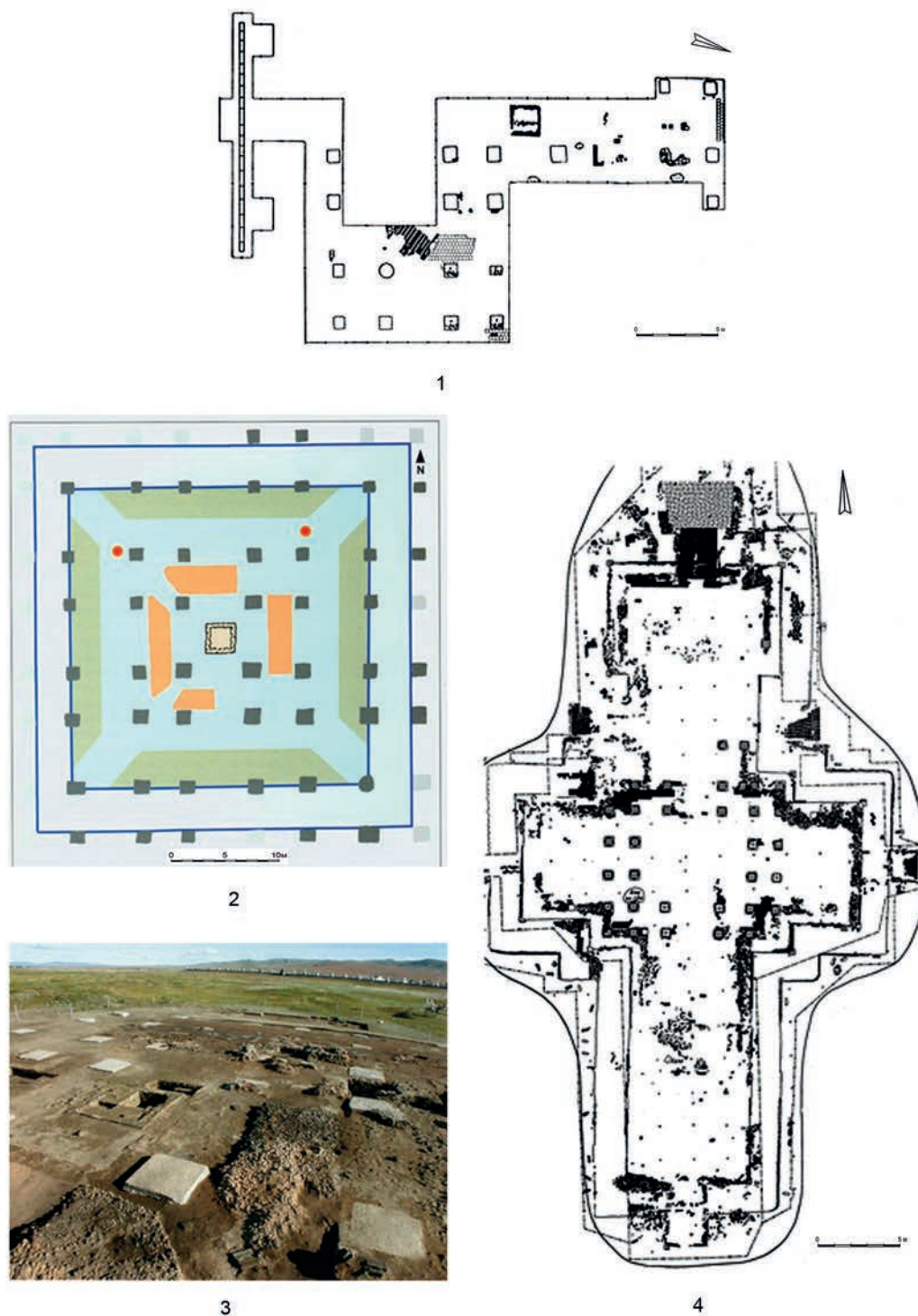

Рис. 171. Дворцовые здания Монголии XIII-XIV вв.: 1 – план части «дворца Угедея» (по С.В. Киселеву); 2 – план «дворца Угедея» (по Х.-Г. Хюттелю);

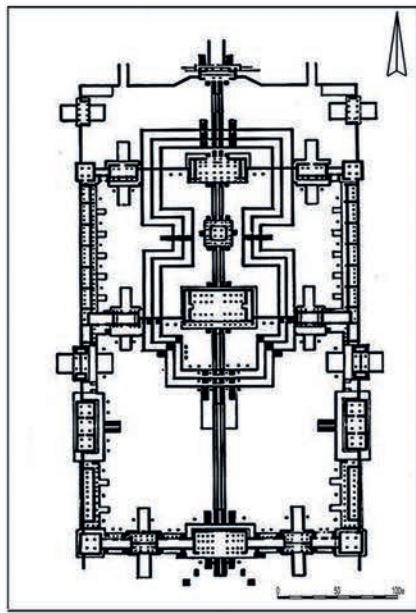
3 – общий вид раскопанного здания; 4 – дворец в Кондуге (по С.В. Киселеву).

Fig. 171. Palace buildings of Mongolia XIII-XIV centuries:

1 – the plan of the part of the "Palace of Ogedei" (according to S.V. Kiselev);

2 – the plan of the "palace of Ogedei" (according to H.G. Hyttel);

3 – general view of the excavated building; 4 - Palace in Kondue (according to S.V. Kiselev).

1

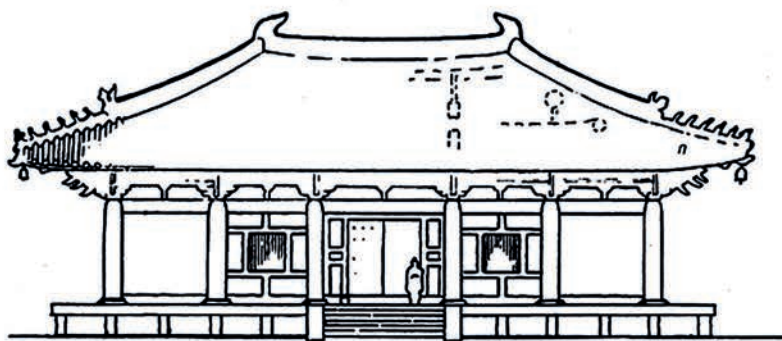

2

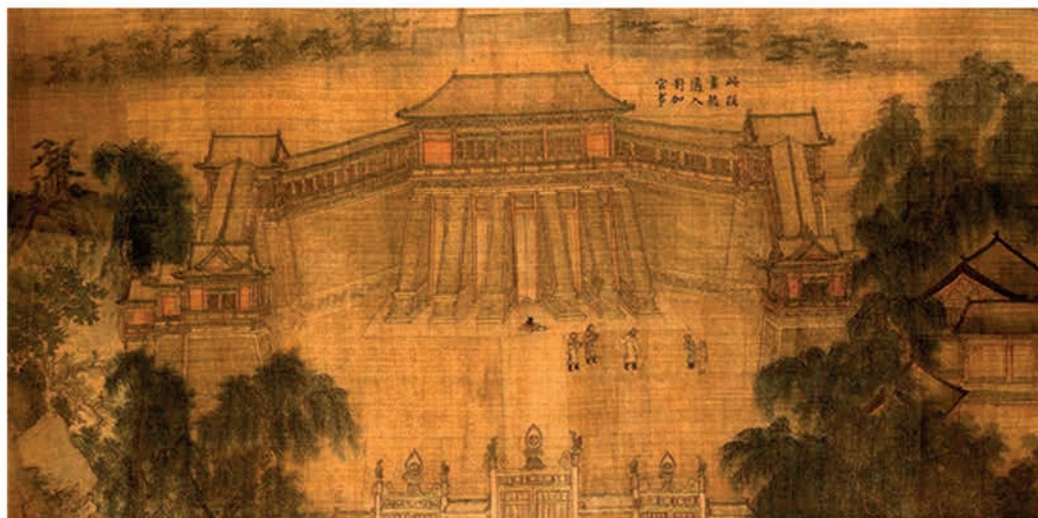

3

Рис. 172. Китайские дворцовые комплексы: 1 – схема плана (по Е.А. Ащепкову);
 2 – Запретный Город в Пекине, вид сверху; 3 – Запретный Город, общий вид.
 Fig. 172. Chinese palace complexes: 1 – scheme of the plan (according to E.A. Ashchepkov);
 2– Forbidden City in Beijing, top view; 3 – Forbidden City, general view.

1

2

3

Рис. 173. Китайская дворцовая архитектура: 1 – китайский дом; 2 – юаньский дворец (музей Нельсона-Аткинса в Канзасе, по the World of Khubilai Khan); 3 – дворец Угедея в Каракоруме, реконструкция (по Dschingis Khan und seine Erben).

Fig. 173. Chinese palace architecture: 1 – the Chinese house; 2 – the Yuan Palace (Nelson-Atkins Museum in Kansas, on the World of Khubilai Khan); 3 – the palace of Ogodei in Karakorum, reconstruction (according to Dschingis Khan und seine Erben).

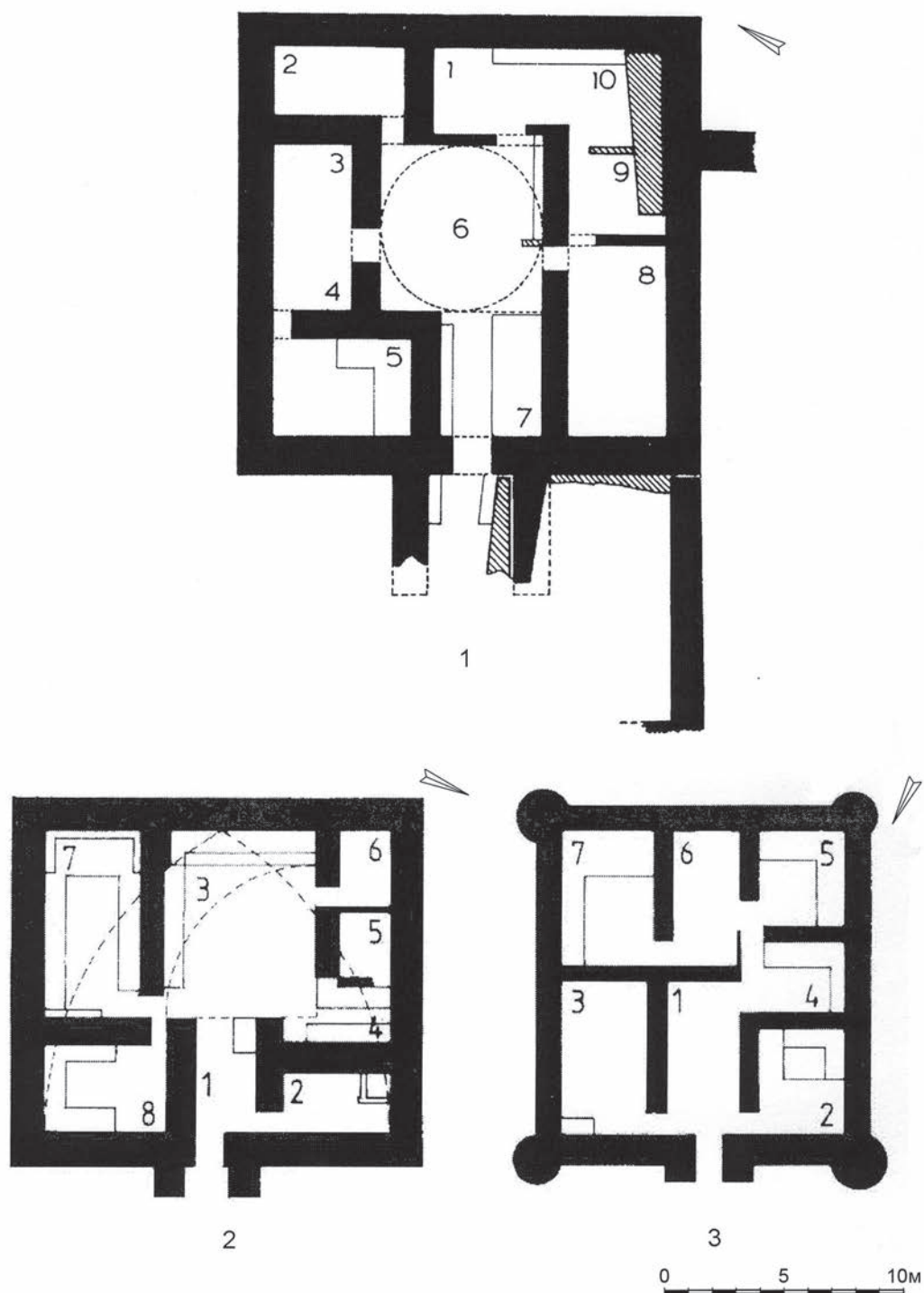

Рис. 174. Усадебные дома на Краснореченском городище: 1 – дом № 1; 2 – дом № 3; 3 – дом № 5 (по П.Н. Кожемяко и С.Г. Хмельницкому).

Fig. 174. Manor houses on the Krasnorechensky settlement: 1 – house number 1; 2 – house number 3; 3 – house number 5 (according to P.N. Kozhemyako and S.G. Khmel'nitsky).

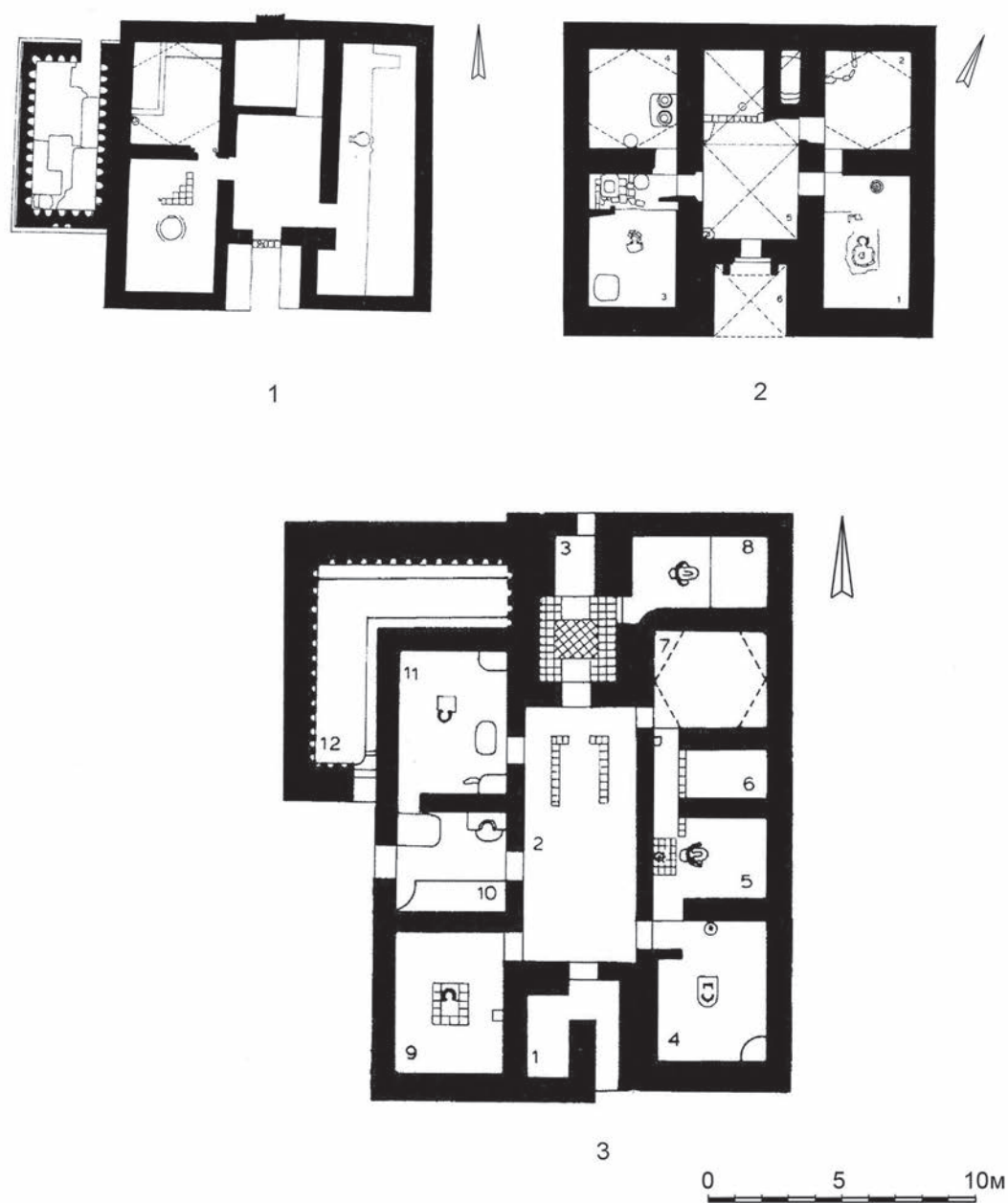

Рис. 175. Усадебные дома оазиса Кават-кала в Хорезме: 1 – № 1; 2 – № 60;
 3 – № 43 (по Е.Е. Неразик и С.Г. Хмельницкому).
 Fig. 175. Manor houses of the Kavat Kala Oasis in Khorezm: 1 – No. 1; 2 – No. 60;
 3 – No. 43 (according to E.E. Nerazik and S.G. Khmel'nitsky).

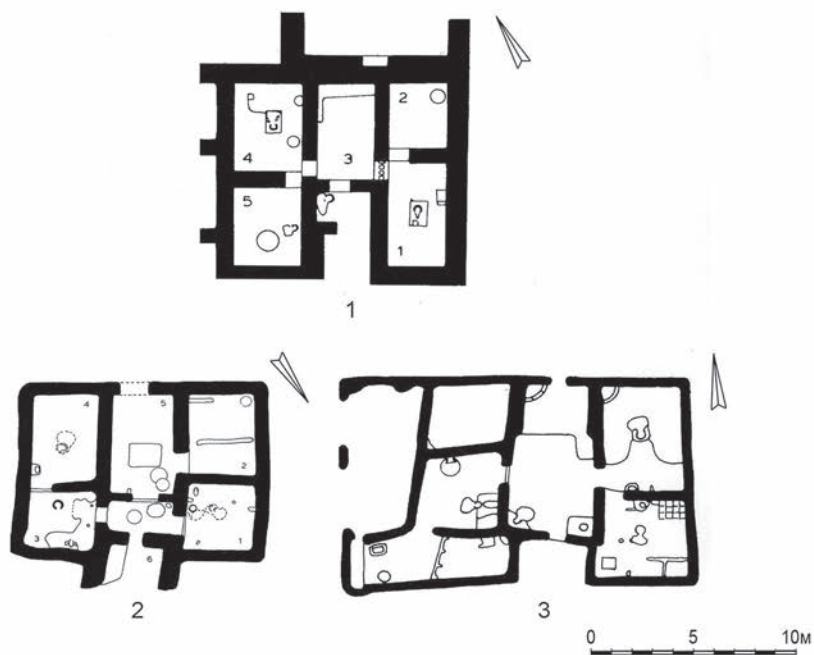

Рис. 176. Усадебные дома Хорезма: 1 – дом № 2 в урочище Дарьялык-куль;
2 – дом № 2 в урочище Айгельды; 3 – дом № 18 в поселении Акча-Гелин
(по Е.Е. Неразик и С.Г. Хмельницкому).

Fig. 176. Manor houses of Khorezm: 1 – house number 2 in the tract Daryalyk-kul; 2 – house number 2 in the tract of Aigeldy; 3 – house number 18 in the settlement of Akcha-Gelin (according to E.E. Nerazik and S.G. Khmel'nitsky).

Рис. 177. Усадьба на городище Акчий (по Е.З. Зауровой).

Fig. 177. Manor house in the ancient town of Akchiy (according to E.Z. Zaurova).

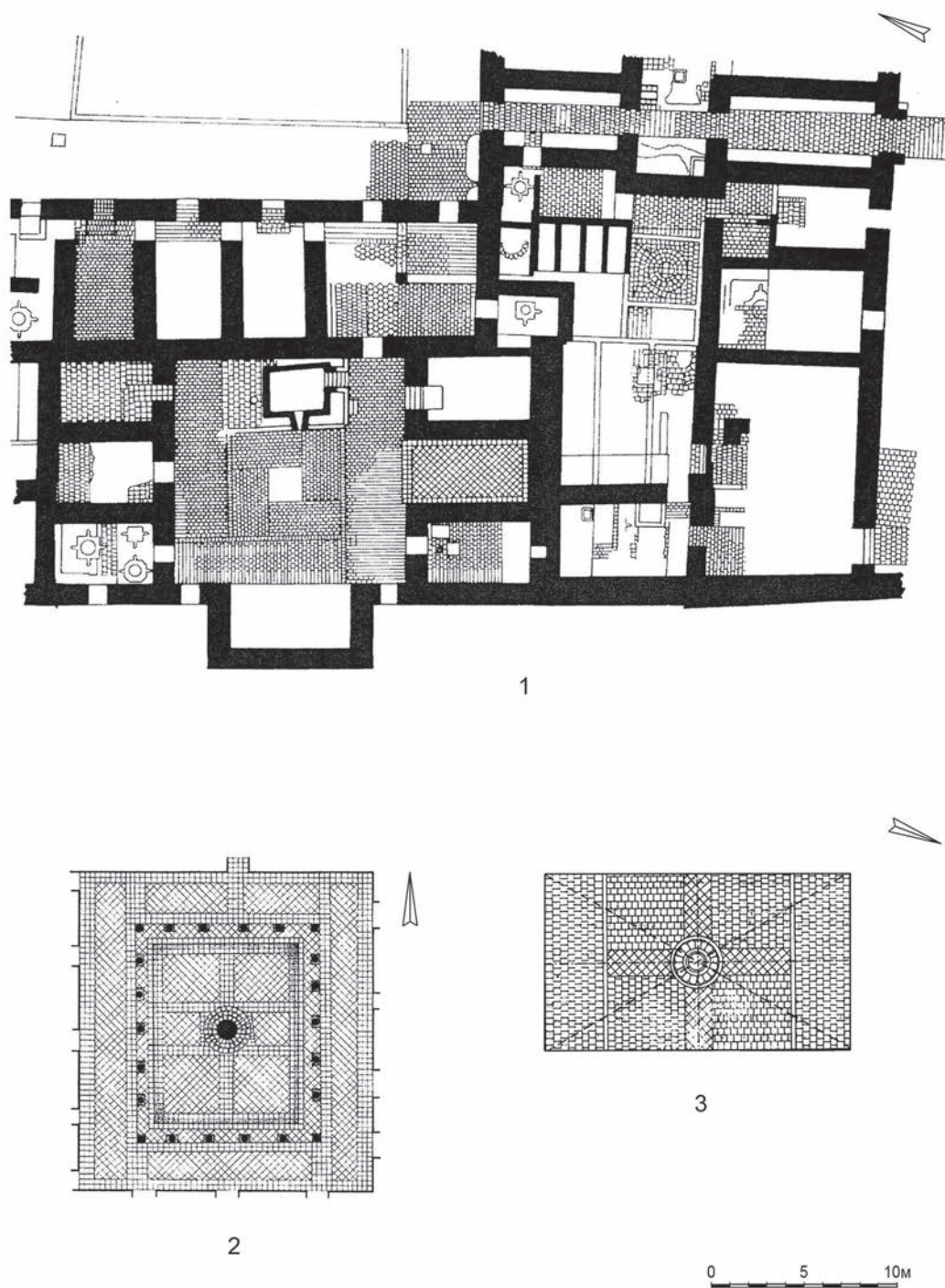

Рис. 178. Дворец в Хульбуке: 1 – северная группа «верхнего дворца»; 2 – внутренний двор «нижнего дворца»; 3 – здание на цитадели Варахши (по С.Г. Хмельницкому).
 Fig. 178. The palace in Hulbuk: 1 – the northern group of the "upper palace"; 2 – the inner court of the "lower palace"; 3 – building on the citadel of Varakhsha (according to S.G. Khmelnitsky).